

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 11 (77). № 4

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2025

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,
протокол № 9 от 28.10.2025 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., проф.	Лучинский Ю. В. – д. филол. н., проф.
(главный редактор)	Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.
Александрова И. В. – д. филол. н., доц.	Ненарокова М. Р. – д. филол. н., проф.
(заместитель главного редактора)	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц.	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
(заместитель главного редактора)	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
(заместитель главного редактора)	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Егорова Л. Г. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
(ответственный секретарь)	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., доц.	Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включены в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литературы) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки); с 21.02.2023 – по специальностям: 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 Литературы народов мира; 5.9.3 Теория литературы; 5.9.6 Языки народов зарубежных стран; 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; 5.9.9 Медиакommunikation и журналистика; с 19.12.2023 – по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Адрес редакции: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Подписано в печать 28.10.2025 г. Формат 70х100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 15,9. Распространяется бесплатно.

Дата выхода в свет

Адрес учредителя и издателя: 295007, Республика Крым, г. Симферополь,
 пр-т Академика Вернадского, д. 4. <http://sn-philol.cfuv.ru>

Отпечатано в Издательском доме

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2025 г.

1. К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

УДК 070+821.161.

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-3-27

КРЫМСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Мащенко А. П.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: amas69@mail.ru*

В статье анализируются государственная политика в области СМИ периода Великой Отечественной войны, деятельность ведущих региональных газет той эпохи («Красный Крым», «Маяк коммуны», «Керченский рабочий»), флотских, фронтовых, армейских, дивизионных изданий («Красный черноморец», «Боевой натиск», «Сын Отечества», «В атаку», «Знамя Родины» и др.), партизанских газет («Крымский партизан», «За Советский Крым»). Вторая часть статьи посвящена рассказу о творчестве ведущих репортеров центральных и региональных СМИ, которые вошли в историю крымской журналистики исследуемого периода. Среди них: Константин Симонов, Илья Сельвинский, Сергей Борзенко, Макс Альперт, Павел Трошкин, Евгений Халдей, Леонид Яблонский, Евгений Петров, Петр Павленко, Борис Лавренев, Евгений Степанов, Сергей Суковский, Михаил Сохань, Борис Серман, Лазарь Лагин, Александр Хамадан, Лев Иш, Борис Шейнин. По оценке автора, Великая Отечественная война шла как на полях сражений, так и на информационно-пропагандистском фронте, а среди важнейших источников Победы было не только оружие, но и мировоззрение – патриотизм, убежденность в справедливом характере войны, знание, с одной стороны, правды о героизме советских защитников Родины, а с другой – о зверствах фашистов на оккупированных территориях.

Ключевые слова: журналистика, Великая Отечественная война, газета, «Красный Крым», «Маяк коммуны», «Красный черноморец», Сергей Борзенко, Константин Симонов, Евгений Степанов.

ВВЕДЕНИЕ

Великая Отечественная война шла на всех мыслимых фронтах – не только на четырёх украинских, трёх белорусских или таком же количестве прибалтийских, но и на экономическом, дипломатическом, информационно-пропагандистском. Этих последних нет в официальном списке фронтов, которые приводятся в учебниках истории, но они, без сомнения, сыграли в Великой Отечественной войне важную, нет – важнейшую роль. Победа добывалась не только в рукопашных схватках и танковых прорывах, не только на фабриках и заводах, но и в редакциях ТАСС, «Совинформбюро», газет – центральных, таких как «Правда», «Красная звезда» или «Известия», региональных, как «Красный Крым», городских, как севастопольский «Маяк коммуны» или «Керченский рабочий», фронтовых, армейских, дивизионных. Добывалась и штыком, и пером, в соответствии с желанием, высказанным Владимиром Владимировичем... Маяковским в после- и одновременно довоенном 1925 году:

*«Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро,*

чтобы делал
доклады Сталин.
«Так, мол,
и так...
И до самых верхов
прошли
из рабочих нор мы:
в Союзе
Республик
пониманье стихов
выше
довоенной нормы...» [13, с. 344–345]

«Словом можно убить, словом можно спасти, / Словом можно полки за собой повести» [28, с. 111] – сформулировал уже в послевоенном 1956 году другой советский поэт, Вадим Шефнер.

Цель исследования – представить обзор истории крымской журналистики периода Великой Отечественной войны, описав, с одной стороны, деятельность отдельных средств массовой информации, а с другой – творчество ведущих репортёров эпохи.

Задачи: проанализировать советскую государственную политику в области СМИ в период Великой Отечественной войны; описать деятельность региональных газет той эпохи, таких как «Красный Крым», «Маяк коммуны», «Керченский рабочий», флотские, фронтовые, армейские, дивизионные издания – «Красный черноморец», «Боевой натиск», «Сын Отечества», «В атаку», «Знамя Родины» и другие, партизанские газеты «Крымский партизан» и «За Советский Крым»; рассказать о ведущих репортёрах центральных и региональных СМИ, которые вошли в историю крымской журналистики исследуемого периода; оценить роль журналистики вообще и крымской журналистики в частности в Великой Отечественной войне.

Материалом для исследования послужили постановления, приказы и другие документы ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР, Главного управления политической пропаганды Красной армии, определяющие государственную информационную политику, публикации газет «Красный Крым», «Маяк коммуны», «Красный черноморец» и других, художественные и журналистские произведения ведущих репортёров, работавших на полуострове.

Методы исследования – описательный, историко-генетический, биографический. Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней предпринимается едва ли не первая попытка представить общий обзор истории крымской журналистики периода Великой Отечественной войны, выделить основополагающие тенденции её развития в этот исторический период и назвать имена её главных героев.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Не случайно уже на второй день войны, 23 июня 1941 г., вышли директивы Главного управления политической пропаганды Красной армии «О содержании фронтовых, армейских и дивизионных газет» и «О содержании окружных, армейских и дивизионных газет», которые определяли, что главными задачами периодической печати в боевых условиях должны стать воспитание героизма, мужества, самоотверженного выполнения приказа командира, обеспечение всех нужд фронта, борьба за отличное качество боевой и политической учебы, быстрее освоение военного дела воинами, призванными из

запаса. Центральным лозунгом военной печати становилось требование выполнить приказ советского правительства, отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины.

На следующий день, 24 июня 1941 г., постановлением ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР было создано легендарное «Советское информационное бюро». На него возлагались задачи руководить освещением международных событий и внутренней жизни Советского Союза в печати и по радио, организовывать контрпропаганду против немецкой и другой вражеской пропаганды, освещать события и военные действия на фронтах, составлять и публиковать военные сводки по материалам Главного командования.

Кадры решают всё – эту универсальную, вне зависимости от сферы применения, максиму Иосиф Сталин сформулировал ещё в 1935 г., выступая в Кремлёвском дворце перед выпускниками Военной академии Рабоче-Крестьянской Красной армии. Поэтому на третий день войны, 24 июня 1941 г., одновременно с созданием «Совинформбюро», приказом Главного управления политической пропаганды РККА был призван из запаса сразу 31 член Союза советских писателей. Их перья были нужны родине не меньше штыков, пушек, танков и самолетов. Писатели получили назначения на должности литераторов фронтовых и армейских газет. Так, к примеру, Александр Твардовский отправился служить литератором в газету Киевского особого округа «Красная армия», Сергей Михалков в газету 20-й армии «За счастье Родины», Илья Френкель в газету Южного фронта «Героический штурм», Вадим Кожевников в газету Западного особого округа «Красноармейская правда». Михаил Шолохов стал военным корреспондентом «Красной звезды», а Аркадий Гайдар – «Комсомольской правды».

«Советское правительство и военное командование стремились помочь журналистам правильно сориентироваться в новых условиях, осознать, какие ответственные задачи они должны выполнять на фронте» [6]. Важными документами, в которых содержались основы организации деятельности журналистов на передовой и требования к их моральным и деловым качествам, стали директива Главного управления политической пропаганды РККА от 24 июля 1941 г. «Об оказании помощи в работе корреспондентам и фотокорреспондентам центральных газет» и постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1941 г. «О работе на фронте специальных корреспондентов», в котором говорилось, что создание разветвленной сети специальных корреспондентов позволило получать постоянную информацию о ходе боевых действий, подвигах бойцов и командиров Красной армии, укреплять связь фронта и тыла.

Однако вернемся в «Совинформбюро», которое возглавил один из руководителей СССР – секретарь ЦК ВКП(б) Александр Щербаков. Первую сводку «От Советского информбюро» Юрий Левитан зачитал в день создания организации, 24 июня 1941 г. Последнюю – через несколько дней после безоговорочной капитуляции фашистской Германии, 15 мая 1945 г., – о том, что «приём пленных немецких солдат на всех фронтах закончен». О значении, которое придавалось работе «Совинформбюро», свидетельствует тот факт, что все сводки просматривал лично Верховный главнокомандующий Иосиф Сталин.

В составе «Совинформбюро» была образована литературная группа, в которую вошли Вера Инбер, Валентин Катаев, Евгений Петров, Борис Полевой, Константин Симонов, Николай Тихонов, Алексей Толстой, Александр Фадеев, Константин Федин, Корней Чуковский, Михаил Шолохов, Илья Эренбург и другие советские писатели.

Мощнейшим информационным оружием отечественной журналистики стал... голос Юрия Левитана. Рассказывают, что когда у Сталина спрашивали, скоро ли победа, он шутливо отвечал: «Когда о победе объявит Левитан». Гитлер называл Левитана врагом Третьего рейха. За него была назначена крупная денежная награда. По разным источникам, она варьировалась от 100 до 250 тысяч марок.

*«Я помню грозный этот голос
В те исторические дни.
Он был подобьем правды голой
И дымной танковой брони»* [5, с. 110], –

писал поэт Александр Городницкий.

Наряду с «Совинформбюро» и центральными газетами, важную роль в информационной войне с гитлеровской Германией играла региональная советская пресса. Главная газета Крыма перед началом Великой Отечественной войны и на всём её протяжении – «Красный Крым» (ныне «Крымская правда») – официальный печатный орган обкома ВКП(б).

Для Крыма война началась раньше, чем для любого другого региона Советского Союза. Фашисты нанесли первый удар по Севастополю 22 июня 1941 г. в 3 часа 15 минут утра. Немецкие самолеты сбросили на Севастопольскую бухту донные неконтактные магнитные мины, чтобы заблокировать наши корабли во внутренней гавани. Одна из этих мин попала в жилые дома на улице Подгорной (ныне – Нефёдова). В результате взрыва погибли более двадцати человек, ещё полторы сотни были ранены. Таким образом, первая кровь Великой Отечественной войны пролилась именно в Крыму, в Севастополе. В ту же ночь в Симферопольской типографии на улице Карла Маркса печатали, как оказалось, последний мирный номер «Красного Крыма». В газете, датированной 22 июня, по естественным технологическим причинам о войне нет ни слова. Издание рассказывало о том, что в совхозе «Красный» (том самом, в котором фашисты после оккупации Симферополя создадут концлагерь) досрочно выполнили полугодовой план и собрали более девяти миллионов яиц, а главная боевая задача полуострова – провести уборку озимых. Историческое выступление Вячеслава Молотова и указ о введении военного положения были опубликованы уже в следующем номере газеты, 23 июня. Там же вышли материалы Леонида Дубнова о патриотическом митинге на заводе имени Серго Орджоникидзе в Севастополе, Льва Чудакова о добровольцах, которые пришли в симферопольский военкомат записываться на фронт, Михаила Соханя о рабочих ялтинского порта, которые были готовы ответить на неслыханное нападение фашистов на советский народ.

Захват Крыма был одной из стратегических задач Гитлера. Вермахт стремительно рвался к полуострову, в конце сентября 1941 года бои шли уже на Перекопе. В связи с этим обком ВКП (б) принял решение перенести издание «Красного Крыма» из Симферополя в Севастополь – подальше от линии фронта. Туда, где в 1918 г. под именем «Таврической правды» начиналась история этого издания.

Главный редактор «Красного Крыма» Евгений Степанов вспоминал:

«Когда положение Симферополя стало безнадежным, мы получили команду покинуть город. Большинство товарищей отходило в Керчь. Часть наших работников – Григорий Фартушный, Ефим Певзнер, Иван Сухиненко, Григорий Кокушинский ушли в лес в партизанские отряды. Человек десять направились в Севастополь, где по решению областного комитета партии должна была

издаваться областная газета, наборные машины и верстальный цех были перенесены в подвал дома на улице имени Фрунзе (ныне проспект Нахимова. – А. М.). В тревожную, поистине трагедийную ночь мы покинули Симферополь и обосновались в Севастополе» [21].

Первый севастопольский номер «Красного Крыма» вышел 2 ноября 1941 г., а к 16 ноября фашисты оккупировали весь полуостров за исключением города русской славы.

«Первый номер “Красного Крыма” вышел 2 ноября 1941 года, и до середины апреля 1942 года не было дня, чтобы читатели не получили своей газеты, выпускаемой в Севастополе... – рассказывал Степанов – Уставали люди. Плохо было с водой, её привозили в бутылках. Помню, раза два мне пришлось привезти огромную бочку с сухим вином и один раз - полный грузовик шампанского. Устанет человек, выпьет кружку вина – и опять за дело. Но газета продолжала выходить, освещая героическую борьбу ратников Севастополя и самоотверженный труд его защитников» [8].

К концу 1941 г. по решению обкома партии, который не хотел лишних жертв, в редакции «Красного Крыма» остались три сотрудника – главный редактор Евгений Степанов и корреспонденты Михаил Муцит и Абрам Райчук. Работы хватало: «Писали и правили оригиналы, и вычитывали гранки, и составляли макеты, и по очереди вели номер, занимались вёрсткой и вычиткой полос... Были, как в танке, взаимозаменяемы» [21], – вспоминал Степанов. При этом газета, под бомбами и снарядами, выходила семь дней в неделю. Когда кончилась типографская бумага, «Красный Крым» стал печататься на обёрточной бумаге из магазинов и на пергаментной бумаге, предназначенной для упаковки масла.

Евгений Степанов заслуживает того, чтобы сказать о нём ещё несколько слов отдельно. Во время обороны Севастополя он был ранен, эвакуировался в Сочи, затем, в августе 1943 г. Степанова вместе с художником Эммануилом Грабовецким и полиграфистом Всеволодом Лаганбашевым забросили самолётом в лес к крымским партизанам, где они наладили выпуск газеты «За Советский Крым» и листовок. При этом одновременно Степанов был комиссаром 1-й бригады Северного соединения партизан. После войны находился на партийной работе, в 1961 г. в Симферополе вышла его книга «Партизанскими тропами».

Фотокорреспонденты «Красного Крыма» Леонид Яблонский и Исай Блох ушли добровольцами в 51-ю армию, журналисты Григорий Фартушный, Ефим Певзнер, Иван Сухиненко, Георгий Кокушинский, Михаил Сохань – в партизаны.

Специальным военным корреспондентом «Красного Крыма» стал Михаил Муцит. «Непобедимые», «Неуловимые», «Месть народа», «Курсом на врага» – названия его материалов. «Каждый выигранный нами день – это шаг к победе. Нам нужно выстоять! Мы – выстоим!» [22], – писал репортер. Михаил Муцит погиб в боях за Севастополь в последние месяцы обороны города.

Командующий Приморской армией генерал Иван Петров, который и сам порой писал для «Красного Крыма», прикрепил к редакции военного журналиста Леонида Давыдова. Кроме того, газете помогали корреспонденты центральных изданий Сергей Галышев, Лев Иш, Алексей Степанов, писатели и поэты Леонид Соболев, Сергей Алымов и другие.

30 декабря 1941 г. Красная армия в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции освободила город Керчь. Вскоре туда перебрался из осажденного Севастополя

обком ВКП(б), а за ним, в начале апреля 1942 г., и «Красный Крым». По совету секретаря обкома партии Владимира Булатова редакция разместилась в Камыш-Бурунских каменоломнях. Так же, как и в Севастополе, газета, несмотря на все трудности, выходила семь дней в неделю.

После разгрома Крымского фронта и повторной оккупации Керчи фашистами 16 мая 1942 г. сотрудники газеты «Красный Крым» эвакуировались в Новороссийск – последним уходившим из города пароходом «Березина». Оттуда переехали в Краснодар. До падения этого города (оккупирован фашистами 12 августа 1942 г.) «Красный Крым» печатался в Краснодаре, а затем в Сочи, где расположился в эвакуации Крымский обком партии и штаб партизанского движения Крыма. Из Краснодара и Сочи газета писала о ситуации на оккупированном полуострове, о деятельности партизан, о работе эвакуированных крымских предприятий. В Крым газету доставляли самолетами – в партизанский лес, иногда просто разбрасывали над полуостровом. Вновь в Симферополь «Красный Крым» вернулся 13 апреля 1944 г. вместе с Красной армией. В этом смысле «Красный Крым» – единственная в Советском Союзе региональная газета, не прекращавшая выходить в годы фашистской оккупации родного края. В 1960 г. «Крымская правда» (так стал называться «Красный Крым» с 1952 г.) была награждена медалью «За оборону Севастополя».

Главной севастопольской газетой периода Великой Отечественной войны был «Маяк коммуны» – официальный печатный орган городского комитета ВКП(б) и городского совета. Редакция располагалась в здании на улице Ленина, 3. Первым главным редактором газеты военного времени был Николай Болтин, но уже 20 августа 1941 г. его сменил Сергей Суковский, сначала в роли временно исполняющего обязанности, а с 10 сентября – полноценного главного редактора.

«С началом войны преобразилось и лицо газеты. Она стала активным боевым помощником руководства города, выступила в роли пламенного пропагандиста и агитатора, энергичного организатора масс. Газета сообщала о митингах на предприятиях, боевых и трудовых подвигах, сводках Совинформбюро, мобилизовывала севастопольцев на отпор врагу. На её страницах в эти дни можно прочесть крупным шрифтом призывы: “Железная воля и организованность – залог победы!”, “Мужество. Спокойствие. Бесстрашие”, “Всё – для фронта!”» [8] – пишет краевед, председатель севастопольского Клуба любителей истории города и флота Олег Доскато.

30 октября 1941 г. «Маяк коммуны» по указанию обкома ВКП(б) передал свою полиграфическую базу переехавшей в Севастополь областной газете «Красный Крым». Было принято решение объединить обе редакции и выпускать одну газету вместо двух. Предпочтение отдали областному органу – «Красному Крыму», который со 2 ноября стал издаваться в Севастополе. При этом часть сотрудников «Маяка» стала работать в этой объединенной газете, а часть эвакуировалась на Большую землю.

Как мы уже знаем, в начале 1942 г. Крымский обком ВКП(б), а за ним и газета «Красный Крым» переехали из Севастополя в освобожденную Керчь. Силы фашистов были отвлечены на Керченский полуостров и Феодосию, соответственно, ситуация в Севастополе на некоторое время стала немного спокойнее. В этих условиях городской комитет обороны решил отозвать с Большой земли некоторых партийных работников и возобновить самостоятельный выход газеты «Маяк коммуны». 19 марта на крейсере «Красный Крым» вернулся из эвакуации редактор газеты Сергей Суковский. Редакция поместилась в подвале здания под типографией на улице Фрунзе, 30. «Маяк коммуны»

вновь вышел в свет 10 апреля 1942 г. на четырёх полосах тиражом 8000 экземпляров. В первом после возобновления выпуска номере газета обратилась к своим читателям с призывом: «Больше оружия, боеприпасов, снаряжения фронту!» Передовая статья заканчивалась словами:

«Все силы – на укрепление нашего любимого города! Пусть ещё ярче сияет слава героической защиты Севастополя!» [7].

Вместе с Суковским над выпуском газеты в это тяжелейшее, трагическое время работали журналисты Вера Лановлюк, Борис Луценко, Галина Изосимова и другие. Большими друзьями «Маяка» были репортёры центральных газет Сергей Галышев, Лев Иш, Александр Хамадан, Марк Туровский, Михаил Когут.

Увы, совсем скоро Крымский фронт Красной армии был разгромлен фашистами. 16 мая 1942 г. враг занял Керчь и после этого сосредоточил все свои силы на захвате Севастополя. В тот же день, 16 мая, в газете «Маяк коммуны» появилось стихотворение сотрудника редакции Бориса Луценко «За родимый город»:

*«Насторожен город
каждую минуту,
Каждый горожанин –
зоркий часовой.
И ожили снова древние
редуты.
И в горах клубится
дым пороховой» [7].*

В последние дни обороны Севастополя из-за постоянных бомбёжек редакция переселилась под землю, в маленькую комнатку, расположенную на эстраде подземного кинотеатра «Ударник».

«Поскольку редакция была теперь совсем рядом, – вспоминал первый секретарь Севастопольского горкома ВКП(б), председатель Городского комитета обороны Борис Борисов, – нам стало виднее, какая огромная работа легла на плечи маленького коллектива. Бомбёжки прервали связь со многими предприятиями. Тут уже не соберёшь материал по телефону. И наши газетчики, рискуя жизнью, уходили выполнять задания. Как они с этим справлялись – мы только диву давались. Не было в них в те дни ничего от щеголеватых, скорых на слово журналистов, каких почему-то любят выводить в книгах и фильмах средней руки. Наши труженики возвращались в редакцию вымотанные, запыленные, в копоти. Но всегда у них хватало сил и бодрости, чтобы ещё похвастать интересным материалом» [7].

А вот как описывал в своих воспоминаниях последнюю декаду июня 1942 г. Сергей Суковский:

«Даже тогда, когда немцы заняли Северную сторону и типография очутилась на передовой линии фронта, работа в ней не прекращалась ни на один день. Под сгоревшим трёхэтажным домом набиралась городская газета. У наборных касс встали руководители типографии тт. Танкилевич и Терентьев. Изрядно доставалось тогда сотрудникам редакции. Их осталось четверо. Мне, как редактору, приходилось удивляться, с каким упорством и бесстрашием действовали они. Среди них отличался бывший командир народного ополчения

Константин Воронов. С утра он обходил бомбоубежища, беседовал с жителями и приносил в редакцию горячие патриотические заметки. Случалось, что ему вместо сбора материалов для газеты приходилось тушить горевший дом или склад с продовольствием. Самоотверженно действовал бывший работник многотиражки Морзавода Борис Луценко. В эти дни газета выходила под лозунгами: "Больше мужества и стойкости! Сильнее отпор врагу!", "Все силы – на разгром врага! Севастопольцы не сдаются!" 21 июня в передовой статье газета писала: "Боевой дух севастопольцев никому не сломить. Севастополь был и будет боевой базой фронта!"» [7].

Последний номер «Маяка коммуны» (№ 72 (6511)) периода героической обороны Севастополя увидел свет 29 июня 1942 г. Ещё не зная о том, что этот номер будет последним, Суковский писал в передовице:

«Около месяца идёт упорная, героическая борьба, увенчавшая бессмертной славой наш Севастополь. Ценою огромных потерь достается озверевшей банде фашистских громил и убийц каждый метр советской земли... Враг ожидал капитуляции. Он просчитался. Севастопольцы, свято хранящие боевые традиции своего города, всего русского народа, никогда не сдадутся... Никакие трудности, никакие испытания не сломят нашей воли к победе, не ослабят нашего желания всеми силами помочь фронту в разгроме врага...» [7].

Однако, увы, Севастополь пришлось сдать. Официально оборона города завершилась 3 июля 1942 г., хотя ещё несколько недель после этого продолжались бои на мысе Херсонес. Среди сотрудников редакции «Маяка коммуны» и типографии, погибших в борьбе с фашизмом: Анатолий Бутома, Николай Кондратьев, Вячеслав Калашников, Александр Кохман, Ефим Люхман, Александр Музрахи, Леонид Поляков, Дадид Тевянский, Григорий Ткаченко.

Севастополь был освобождён 9 мая 1944 г., а уже на следующий день, 10 мая, увидел свет номер городской газеты, которая теперь получила новое, заслуженное в том числе и журналистами старого «Маяка» название – «Слава Севастополя». Её главным редактором стал Павел Сарин. В августе 1944 г. газета была награждена медалью «За оборону Севастополя».

Главная керченская газета периода Великой Отечественной войны – «Керченский рабочий», официальный печатный орган городского комитета ВКП(б) и городского совета. С первых дней войны издание публиковало материалы центральных, республиканских и городских органов власти, рассказывало о ситуации на фронте, героических подвигах керчан на полях сражений и их самоотверженным труде в тылу, формировании отрядов народного ополчения. Так, например, уже 23 июня 1941 г. «Керченский рабочий» сообщил о патриотических митингах на предприятиях, опубликовал приказ начальника Керченского гарнизона № 76 от 22.06.1941 г. о военном положении в городе и материал о том, как вести себя во время воздушной тревоги, рассказывает краевед, старший научный сотрудник Восточно-Крымского историко-культурного заповедника Светлана Литвинова. 29 июня газета писала о самоотверженной работе металлургов, портовиков, судоремонтников. Наши войска оставили Керчь 16 ноября 1941 г., чтобы освободить её чуть больше через месяц, 30 декабря 1941 г. в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции. Первый после освобождения номер газеты увидел свет 3 января 1942 г. Через два дня, 5 мая, «Керченский рабочий»

опубликовал приказ о награждении партизан Аджимушкайского и Старокарантинского отрядов. 12 января в газете появился репортаж спецкора ТАСС Израиля Анцеловича «Фашистские убийцы» о зверствах гитлеровцев в Багеровском рву:

«Вот на краю рва лежит истерзанная женщина. В её окоченевших руках аккуратно завернутый в белое кружевное одеяльце грудной младенец. Рядом с нею лежат простреленные в грудь разрывными пулями восьмилетняя девочка и лет пяти мальчуган. Ручки их в предсмертном страхе впились в юбку матери» [2].

«Кровь 7000 керчан, замученных и истерзанных немецкими шакалами, вызывает к мести. Мстить, беспощадно мстить, истребляя фашистскую нечисть!...» [2] – призывает репортер.

16 мая 1942 г. Керчь была оккупирована фашистами повторно. На этот раз ждать освобождения пришлось почти два года. Навсегда будущий город-герой был очищен от захватчиков 11 апреля 1944 г., а уже на следующий день увидел свет номер «Керченского рабочего». «Над городом и крепостью Керчь вновь реет наше знамя» [11], – констатировала газета. В этом историческом номере были опубликованы приказы Верховного главнокомандующего войскам 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии, освобождавшим Керчь. В них объявлялась благодарность воинам и сообщалось, что столица нашей Родины Москва салютовала солдатам-освободителям двадцатью артиллерийскими залпами. На второй полосе был помещён Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания «Герой Советского Союза» за форсирование Керченского пролива, захват плацдарма на Керченском полуострове и проявленные при этом отвагу и героизм 58 воинам (перечислены поименно). На третьей полосе были опубликованы заметки о героях боёв за Керчь, фотографии героев Советского Союза Дмитрия Тулинова и Василия Толстова – участников Эльтигенского десанта. Завершала полосу статья «Слава освободителям Керчи», в которой говорилось:

«Этот день войдёт в историю Керчи одной из самых ярких и замечательных дат» [11].

В битвах с фашистскими захватчиками пали смертью храбрых сотрудники «Керченского рабочего» Николай Толпин, Андрей Мухин, Николай Воробьёв, Александр Грейвас, Александр Финарский, Валентин Кравченко. В честь журналиста Николая Толпина, погибшего в 1941 г. при защите Крыма, названа одна из улиц Керчи, а в «Керченском рабочем» учреждена премия его имени.

Свои фронтовые, армейские, дивизионные издания имели участвовавшие в боях на Крымском полуострове соединения Красной армии – газета Крымского фронта «Боевой натиск», 51-й армии «Сын Отечества», 2-й гвардейской армии «В атаку», 18-й армии «Знамя Родины» и другие. Большой популярностью пользовалась газета Черноморского флота «Красный черноморец» (ныне – «Флаг Родины»), которая выходила в Севастополе ежедневно на протяжении всего периода обороны города. Вот, например, что писал «Красный черноморец» 12 февраля 1942 г.:

«Родина приветствует славных героев Отечественной войны! Миллионы трудящихся города и деревни с гордостью следят за подвигами воинов Красной армии, самоотверженно куют базу их победы на своих предприятиях, в колхозах, в совхозах, учреждениях и институтах. Вся наша страна помогает фронту громить врага. Вся наша великая земля, все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов» [1].

В «Красном черноморце» запечатлено спасение ценнейшего памятника истории – полотна Панорамы «Оборона Севастополя» кисти Франца Рубо. Ход спасательной операции отражён подробно, с упоминанием личностей её участников:

«Спасением Панорамы руководил бывший научный работник, ныне капитан тов. Леман и лейтенант тов. Черкасов. Благодаря героическим усилиям командиров и краснофлотцев, часть картины удалось спасти. Лейтенант Черкасов прибыл на место пожара, когда здание Панорамы было объято пламенем. Большая часть полотна была сорвана взрывами со стены и лежала на полу. Краснофлотцы тт. Волевач, Маметов и Каверин, младший сержант тов. Шек, красноармеец тов. Мецераков и другие самоотверженно спасли картину. Краснофлотцы сворачивали драгоценную, сухую как порох материю в трубку и выносили её из пылающего здания. В первую очередь был спасён кусок картины, изображавший иштурм Малахова кургана. Потолок начал с треском обваливаться. Все покинули здание. Но на стене ещё оставалась часть неубранной картины. Тогда младший сержант тов. Шек бросился в огонь и ценой огромных усилий спас ещё одну часть картины. Значительная часть картины была спасена» [1].

Корреспонденты «Красного черноморца» работали в Севастополе до последних дней обороны города. «Последний рубеж. Отступать некуда, но отступать никто и не думает. Краснофлотцы и красноармейцы умирали, но не отступали» [1], – писала газета.

«По приказу Верховного командования Красной армии 3 июля советские войска оставили Севастополь...» [1], – читаем в номере за 4 июля официальное сообщение Ставки верховного главнокомандования об окончании героической обороны города.

В годы войны погибли сотрудники газеты «Красный черноморец» Н. Земляниченко, Н. Варакин, А. Сергеев, В. Апошанский, А. Луначарский и другие. В 1945 г. газета была награждена орденом Красного знамени, а в 1960-м – медалью «За оборону Севастополя».

«Конечно, распространялись газеты, доставленные из Москвы и дающие масштабный обзор действий на всех фронтах войны. Но именно местная газета, корреспонденты которой находятся здесь же, в рядах защитников Севастополя, вызывает большее доверие, герои их сюжетов близки читателям как непосредственные участники событий. Одной из главных задач прессы воюющего города было формирование в обществе психологической установки на борьбу и на победу» [9], – отмечают исследователи Юрий Ершов и Татьяна Черепанова. По их оценке, «героический дискурс в севастопольских газетах периода 1941–1942 гг. возникает как профессиональный отклик журналистов на кризисную ситуацию осады Севастополя. Пресса всегда выполняет множество задач, но во времена кризисные многообразие задач СМИ сужается до одной – организационно-мобилизующей. Социальный институт периодической печати обладает механизмами тонкой самонастройки, которая позволяет журналистам в определённые моменты истории перепрограммировать функции, производя героику и консолидацию всех общественных сил. Военно-публицистический дискурс во многом сформировал тот героический дух, который сделал Севастополь городом-героем и символом стойкости» [9].

Отдельным феноменом в истории крымской журналистики стала партизанская печать. Ещё в октябре 1941 г. в период подготовительной работы по организации партизанского движения в Крыму вместе с оружием и продовольствием в лес была доставлена небольшая типография. Первая листовка была выпущена 17 ноября 1941 г. 31 декабря 1941 г. партизаны отпечатали листовку «К населению Бахчисарайского

района», где поздравляли жителей с новым 1942 годом. В ней говорилось об освобождении Красной армией Керчи и Феодосии, содержался призыв активно помогать советским войскам и партизанам, рассказывает крымский историк Валерий Васильев.

А 24 января 1942 г. вышел первый номер газеты «Крымский партизан», органа командования партизанским движением в Крыму. Газета выходила в четверть формата «Правды». Редактировали её Георгий Кокушинский и Ефим Певзнер, журналисты областной газеты «Красный Крым». На страницах газеты освещались события на фронтах Великой Отечественной войны, боевые дела и подвиги народных мстителей, ставились задачи партизанской борьбы в Крыму. Газету «Крымский партизан» читали во всех пяти партизанских районах, её знало население оккупированного Крыма. По поводу выхода первого номера этой газеты И. Г. Генов записал 29 января 1942 г. в своем дневнике:

«Сегодня получили первый номер газеты “Крымский партизан”. Какая радость для нас! В газете объявлено, что она издаётся в Карасубазаре, тираж 15000 экземпляров и что ответственный редактор Егор (Кокушинский). Сейчас у меня в руках небольшого размера газета, отпечатанная на тонкой курительной бумаге. В таком виде она удобна для переноски, хранения, а главное, для распространения среди населения» [4].

Выпуск газеты «Крымский партизан» проходил в очень трудных условиях, работники типографии проявляли подлинный героизм и самоотверженность. Непрерывные бои, недостаток питания, гибель членов редакции, частые переходы и невозможность переноса тяжелого типографского оборудования не позволили продолжать издание газеты. Выпуск её прекратился. Всего вышло 5 номеров газеты, последний номер датируется 21 июня 1942 г. [3]

В 1943 г. произошёл коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Красная Армия прочно захватила стратегическую инициативу и перешла в решительное наступление, близился час освобождения Крыма от гитлеровских захватчиков. В этих условиях 18–19 июля 1943 г. бюро Крымского обкома ВКП(б) обсудило и приняло постановление «Об издании пропагандистских материалов на территории Крыма». Областному подпольному партийному центру было поручено приступить с июля 1943 г. к изданию на территории Крыма газеты «За Советский Крым». Как мы уже упоминали, в лес самолётами были заброшены с материка наборщик Всеволод Лаганбашев с типографией, а затем редактор газеты «Красный Крым» Евгений Степанов и художник Эммануил Грабовецкий – после войны ставший художником «Красного Крыма».

22 августа 1943 г. вышел первый номер газеты «За Советский Крым». Под рубрикой «Слава наступающей Красной армии» газета заявила: «Летнее наступление советских войск даёт основание считать, что немцы проиграли войну. Они могут ещё сопротивляться идти на всякие провокации, но их песенка спета». «Не идите в РОА», «Не давайте хлеб немцам!» – призывала газета. В заметках «Взорван вражеский поезд» и «Враг отступил» сообщалось о боевых действиях крымских партизан [3]. Каждый номер газеты сообщал о победоносном наступлении Красной армии, содержал заметки о партизанских и подпольных действиях советских патриотов, призывал вступать в отряды народных мстителей.

К сожалению, областному подпольному партийному центру не удалось наладить постоянное издание газеты «За Советский Крым». В силу технических сложностей в условиях постоянных боев типография оказалась не в состоянии справиться с такой задачей, – вспоминал Евгений Степанов. – Прежде всего, не хватало шрифта. «Лесная

редакция» сумела с большим трудом выпустить только четыре номера газеты, тиражами по 700–800 экземпляров [3]. Последний номер газеты «За Советский Крым» вышел 17 октября 1943 г. После прекращения издания газеты редакция перешла полностью на выпуск листовок, что оказалось эффективнее. Руководитель подпольного партийного центра Пинхус (Павел) Ямпольский сообщал 22 октября 1943 г. секретарю обкома партии Владимиру Булатову: «Решил газету больше не издавать, а налечь на листовки. Это и для нас удобнее, и злободневней» [3].

На заключительном этапе борьбы народных мстителей Крыма с немецко-фашистскими захватчиками, с ноября 1943 по апрель 1944 года, в партизанском лесу непрерывно работали три типографии. 1) типография областного подпольного партийного центра, где, кроме четырех номеров газеты «За Советский Крым», было выпущено около 60 различных листовок тиражами от 500 до 1500 экземпляров; 2) типография пропагандистской группы Главного политуправления РККА, которой издано для распространения среди военнослужащих вражеской армии 26 листовок тиражами по 1–1,5 тысячи экземпляров каждая; 3) типография ялтинских подпольщиков, которые, придя в лес в ноябре 1943 г., издавали газету «Крымская правда» (не путать с «Красным Крымом», который был переименован в «Крымскую правду» в 1952 г.) под редакцией бывшего ялтинского собкора «Красного Крыма» Михаила Соханя, а также листовки вплоть до освобождения Крыма.

Последняя листовка была напечатана в партизанской типографии 11 апреля 1944 г. и содержала обращение к населению об оказании помощи и содействия партизанам в ходе решительных боев за освобождение Крыма. По данным Валерия Васильева, всего за период оккупации Крыма обкомом партии, партизанами и подпольщиками было издано 213 наименований газет и воззваний общим тиражом свыше 3 миллионов экземпляров.

Коллаборационистские фашистские газеты «Голос Крыма» и «Азат Кърым» («Свободный Крым») мы рассматривать здесь не будем, потому что они являются частью истории не крымской, а антикрымской журналистики. Нацистским пособникам – идейным или меркантильным – не место в рассказе об истории крымской журналистики в Великой Отечественной войне. Кстати, показательно, что газета с таким же точно названием «Голос Крыма» демонстративно – другого слова не подберу – выходила на полуострове в «независимый» украинский период как приложение к официальному печатному органу Верховной Рады Украины, газете «Голос Украины».

Неотъемлемой частью истории крымской журналистики периода Великой Отечественной войны является творчество выдающихся советских военных корреспондентов, работавших в центральных газетах, Совинформбюро, ТАСС, изданиях различных фронтов, армий, дивизий Рабоче-Крестьянской Красной армии.

Назовем здесь по крайней мере некоторых, самых известных из них, чьи имена навсегда вошли в Зал славы крымской журналистики, открытый в Институте медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Константин Симонов работал в Крыму в качестве военного корреспондента «Красной звезды» в тяжелейший период Великой Отечественной войны – в 1941 и 1942 годах. В свою первую фронтовую командировку на полуостров Симонов отправился в августе 1941 г. Эта поездка отразилась не только в газетных репортажах, но и в мемуарах «Разные дни войны» и в цикле повестей «Из записок Лопатина».

Одной из самых ярких фронтовых встреч Симонова стало знакомство с Пашей Анощенко – 19-летней девушкой из Сольпрома (современное Соляное) – села у самого основания Арабатской стрелки. Он сначала написал о ней очерк для «Красной звезды» «Девушка с соляного промысла», а затем вывел под именем Вали Анощенко в пьесе «Русские люди» и под именем Паши Горобец в «записках Лопатина».

Вторая и третья военные командировки Симонова в Крым состоялись в начале 1942 г. Главный редактор «Красной звезды» Давид Ортенберг направил его на полуостров сначала для того, чтобы рассказать о Керченско-Феодосийской десантной операции, а потом – о наступлении Крымского фронта, увы, завершившемся разгромом наших войск. Трагедия Крымского фронта вылилась у классика не только в журналистику и художественную прозу, но и в поэзию. О ней рассказывает стихотворение «Дожди»:

*«Есть в неудачном наступленьи
Несчастный час, когда оно
Уже остановилось, но
Войска приведены в движение.*

*Ещё не отменен приказ,
И он с жестоким постоянством
В непроходимое пространство,
Как маятник, толкает нас.*

*Но разве можно знать отсюда –
Вдруг эти наши три версты,
Две взятых кровью высоты
Нужны за двести вёрст, где чудо*

*Прорыва будет завтра в пять,
Где уж в ракетницах ракеты.
Москва запрошена. Ответа
Нет. Надо ждать и наступать»* [25, с. 191–192].

Место действия этого стихотворения-репортажа: акмонайская равнина, сёла Джантора и Корпечь. Джантора – сейчас Львово, названо так в честь погибшего в районе села командующего 51-й армией, генерал-лейтенанта Владимира Львова. Расположено в Ленинском районе, у основания Арабатской стрелки. Село Корпечь – позже Птичное – находилось неподалёку, исчезло в шестидесятых годах прошлого века.

Самые известные фронтовые очерки Симонова из этих командировок рассказывают о преступлениях фашистов в Багеровском рву и о героизме аджимушкайских партизан. Симонов улетел в Москву из Керчи 8 марта 1942 года. До разгрома Крымского фронта оставалось два месяца, но журналисту уже была очевидна его неизбежность:

«Катастрофа произошла через два месяца после того, как я уехал отсюда, из Керчи, после неё, задним числом, мне можно и не поверить, но тогда, когда я возвращался из армии сначала в Керчь, а потом в Москву после зрелища бездарно и бессмысленно напиханных вплотную к передовой войск и после связанной со всем этим беспорядочности, которую я видел во время нашего неудачного наступления, у меня возникло тяжёлое предчувствие, что здесь может случиться что-то очень плохое... Нет, я не лгу, говоря, что тяжёлые предчувствия у меня возникали в душе уже тогда, в феврале и марте» [27, с. 79–80].

Причины наших поражений в Крыму в 1941–1942 гг. – неопытность в сравнении с покорившей всю Европу гитлеровской армией и просчёты командования, полагал Симонов. Командировка на Крымский фронт в феврале-марте 1942 г. была последней военной поездкой Симонова на полуостров.

Один из крупнейших представителей русского поэтического авангарда, основатель и председатель Литературного центра конструктивистов **Илья Сельвинский** служил «писателем» – должность так и называлась по штатному расписанию – в газете «Сын отечества» 51-й Отдельной армии, защищавшей Крым. В феврале 1942 года его перевели в газету «Боевой натиск» только что сформированного Крымского фронта, затем он приравнял перо к штыку в газетах Северо-Кавказского фронта, Отдельной Приморской армии, Первой Ударной армии, Второго Прибалтийского фронта.

Пожалуй, самое знаменитое военное стихотворение Сельвинского «Я это видел» рассказывает о трагедии Багеровского рва, в котором фашисты расстреляли около семи тысяч жителей Керчи. Военкор «Сына отечества» увидел Багеровский ров через несколько дней после освобождения Керчи советскими войсками, 11 января 1942 г. По свидетельствам очевидцев, первые строчки поэт написал прямо на месте, а ночью полностью завершил стихотворение.

*«Можно не слушать народных сказаний,
Не верить газетным столбцам,
Но я это видел. Своими глазами.
Понимаете? Видел. Сам.*

*Вот тут дорога. А там вон – взгорье.
Меж нами
вот этак –
ров.*

*Из этого рва поднимается горе.
Горе без берегов.*

*Нет! Об этом нельзя словами...
Тут надо рычать! Рыдать!
Семь тысяч расстрелянных в мёрзлой яме,
Заржавленной, как руда.*

*Кто эти люди? Бойцы? Нисколько.
Может быть, партизаны? Нет.
Вот лежит лопухий Колька –
Ему одиннадцать лет.*

*Тут вся родня его. Хутор «Веселый».
Весь «Самострой» – сто двадцать дворов
Ближние станции, ближние села –
Все заложников выслали в ров.*

*Лежат, сидят, всползают на бруствер.
У каждого жест. Удивительно свой!
Зима в мертвеце заморозила чувство,*

*С которым смерть принимал живой,
И трупы бредят, грозят, ненавидят...
Как митинг, шумит эта мертвая тишь.
В каком бы их ни свалило виде –
Глазами, оскалом, шеей, плечами
Они пререкаются с палачами,
Они восклицают: «Не победишь!»... [24, с. 206–207].*

Впервые поэтический репортаж Сельвинского увидел свет 14 января в «Сыне отечества», а всесоюзную известность получил после публикации 27 февраля в главной военной газете страны – «Красной звезде». Стихотворение издали в виде листовок и разбрасывали с самолётов над боевыми позициями, исполняли на концертах и по радио. «Я это видел», наряду с «Убей его» Константина Симонова, стало едва ли не самым знаменитым стихотворением переломного 1942 г. Не будет преувеличением сказать, что Сельвинский с Симоновым своими стихами «убили» не одну тысячу гитлеровцев – такую ненависть к врагу вызывали их поэтические строчки. Потрясены были даже многие повидавшие солдаты и офицеры, стихи переписывали от руки и отсылали родным и близким. Военкор «Сына отечества» Борис Серман вспоминал, что на полевой почте лежали кипы приготовленных к отправке писем с этими стихами, и под одним стихотворением было написано: «Вот потому и воюем и уничтожаем фашистскую гадину».

Говорят, министр пропаганды гитлеровской Германии Йозеф Геббельс объявил Сельвинского своим личным врагом и сообщил, что уже приготовил для поэта верёвку. Сельвинский ответил ему стихами:

*«Геббельс! Откуда такое усердие?
Ужель обступила призраков давка?
Но там, где у всех полагается сердце,
У вас-то всего... бородавка» [24, с. 215].*

В итоге, как мы знаем, Геббельс в отчаянии отравился в осаждённом советскими войсками Берлине, а Сельвинский стал одним из самых знаменитых литераторов страны-победительницы.

Сергей Борзенко родился в Харькове. В Великую Отечественную – военкор газет 18-й армии «Знамя Родины» и 1-го Украинского фронта «За честь Родины». За героизм, проявленный при высадке на «огненную землю» Керченского полуострова Эльтигенского десанта, майору Борзенко присвоено звание Героя Советского Союза.

Вот сухие как порох строчки из наградного листа:

«Писатель армейской газеты “Знамя Родины” майор Борзенко С. А. высадился на берег Крыма в ночь на 1 ноября вместе с первым десантным отрядом 318-й Новороссийской стрелковой дивизии. Этот отряд состоял из полутора батальонов. Немногочисленный по своему составу, он с ходу вступил в бой с сильно укрепившимся противником. В силу сложившейся обстановки и большой утраты офицерского состава майору Борзенко вместе с майором Ковешниковым и майором Мовшовичем, как старшим по званию, пришлось лично участвовать в руководстве боем десантного отряда. Когда немцы бросили в контратаку танки, прорвавшиеся на сто метров к командному пункту отряда, Борзенко вместе с офицерским составом отбивал гранатами в передовой цепи подошедшие танки, лично

показывая пример и руководя бойцами. Всё время находясь в десанте, Борзенко лично участвовал в отражении непрерывных контратак противника, число которых в первые дни доходило до 17–19. Несмотря на тяжёлые условия десанта, Борзенко выполнял и свою непосредственную обязанность военного корреспондента армейской газеты “Знамя Родины”. Его корреспонденции, доставляемые живой связью и по радио, исчерпывающе информировали о положении в десанте» [14].

Школа № 9 города Керчи носит сегодня имя Героя Советского Союза Сергея Борзенко.

Макс Альперт родился в Симферополе. До войны фотокорреспондент «Правды» и «Рабочей газеты», запечатлевший великие советские стройки Магнитку и Турксиб. В Великую Отечественную фотокор ТАСС и Совинформбюро. Кавалер боевых орденов Красной Звезды и Отечественной войны II степени. Снимал освобождение Керчи. На одной из фотографий запечатлел, как советские бойцы срывают свастику с арки завода имени Войкова. Самая знаменитая работа Альперта – «Комбат», на ней изображён командир, поднимающий солдат в атаку с пистолетом в руке.

«Этот сдержанный и неразговорчивый человек, пожалуй, был единственным из всех фронтовых фотокорреспондентов, родившимся ещё в девятнадцатом веке, – писал об Альперте Константин Симонов. – Он воевал красноармейцем ещё в гражданскую войну, а на этой соединял в себе неизменную готовность к риску, если его требовало дело, с такой же неизменной осторожностью и трезвостью в тех случаях, когда рисковать для дела не требовалось. После бесшабашного и веселого Саши Капустянского, с которым меня чаще всего спаривала редакция в конце сорок третьего и в сорок четвертом году, я, по контрасту, не сразу притерся к характеру этого немолодого и невозмутимого человека, но потом, постепенно, по справедливости оценил его, как одного из самых надежных своих товарищей за все дни войны» [27, с.623].

Павел Трошкин родился в Симферополе. С 1936 г. – специальный фотокорреспондент газеты «Известия». Работал военкором на Халхин-Голе, во время Советско-Финской и Великой Отечественной войны. Снимал сражение за Москву, Сталинградскую битву, Курскую дугу, форсирование Днепра, освобождение Крыма и Западной Украины. Награждён медалями «За боевые заслуги», «За отвагу» и «За оборону Сталинграда», орденом Отечественной войны I степени.

«Трошкин П. А., находясь с первого дня Отечественной войны на фронте в качестве специального военного фотокорреспондента газеты «Известия», проявил себя смелым, отважным офицером Красной армии и блестящим корреспондентом. Почти всё время он работает на передовой линии: был один раз ранен. Целая серия фотоснимков, опубликованных майором Трошкиным в центральной печати в СССР и в печати союзных стран – в Англии, Америке ярко показывает героические эпизоды боёв, которые ведет Красная Армия против немецких захватчиков» [15], – читаем мы в наградном листе к ордену Отечественной войны. Именно Павел Трошкин стал прототипом Мишки-корреспондента – героя эпопеи Константина Симонова «Живые и мертвые». «Это был человек редкой душевной чистоты и мужества» [26, с. 195], – характеризовал его знаменитый писатель в своих дневниках.

Павел Трошкин погиб 19 октября 1944 г. в бою с бандеровцами под городом Станиславом (ныне Ивано-Франковск). Его похоронили на холме Славы во Львове.

В советские годы имя Трошкина носили пионерские отряды во Львове и Ивано-Франковске. В 2025 г. власти неонацистского бандеровского Львова уничтожили мемориал на холме Славы.

Корреспондент ТАСС **Евгений Халдей** – пожалуй, самый известный фотолетописец Великой Отечественной – прошел «с лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом» по дорогам войны от первого до последнего дня. Многие его снимки стали настоящими символами эпохи – достаточно вспомнить «Знамя Победы над Рейхстагом». В Крыму Халдей работал в 1942, 1943 и 1944 годах. Снимал освобождение Керчи в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции, именно тогда, в январе 1942 г. сделано фото «Знамя над Митридатом». Камера мастера запечатлела преступления фашистов в Багеровском рву. Его багеровский цикл стал иллюстрацией к стихам Ильи Сельвинского и десятками тысяч копий разошёлся по всем фронтам.

Осенью и зимой 1943 г. Халдей снимал высадку советских войск и боевые действия на Керченском плацдарме. Знаменитое фото – боец Красной армии сбивает немецкую свастику с ворот Металлургического завода. На других снимках маршал Советского Союза, представитель Ставки при Отдельной Приморской армии Климент Ворошилов, командующий Отдельной Приморской армией генерал Иван Петров, «медсестра Катя Михайлова из морской пехоты», пленные гитлеровцы.

В наградном листе к ордену Красной Звезды читаем:

«Участвуя в боевых походах кораблей Военно-Морского флота, ст. лейтенант Е. А. Халдей в качестве военного фотокорреспондента ТАСС сумел заснять ряд значительных боевых эпизодов. Его снимки широко публикуются в газетах и журналах Советского Союза, а также в печати дружественных нам стран. Проявляя мужество и отвагу, т. Халдей всю свою работу проводит в непосредственной боевой обстановке. В настоящее время находится в расположении наших десантных частей на Керченском полуострове, обеспечивая оперативную доставку материала в редакцию» [16].

Весной 1944 г. Халдей запечатлел окончательное освобождение полуострова от фашистов. Вот жители Симферополя прощаются с артистами городского театра – членами подпольной группы «Сокол», расстрелянными гитлеровцами, вот партизанский отряд во время построения на улице Гоголя в Симферополе, а вот партизан встречают бахчисарайцы, бойцы Красной армии на Приморском и Историческом бульварах в Севастополе, горы фашистских касок на мысе Херсонес 12 мая 1944 г.

Фотокорреспондент «Красного Крыма» **Леонид Яблонский** после начала войны ушёл добровольцем на фронт и стал фотокорреспондентом газеты 51-й армии «Сын отечества», вместе с которой сражался с фашистами в Крыму, на Кубани, в Ростове, Сталинграде, Мелитополе, на Донбассе, снова в Крыму. Пожалуй, самые известные крымские снимки Леонида Яблонского – «Подготовка 51-й армии к форсированию Сиваша», «Штурм Перекопского вала», встреча «большой тройки» Иосифа Сталина, Уинстона Черчилля, Франклина Рузвельта в Ялте в 1944 г.

Яблонский награжден медалью «За оборону Сталинграда», орденами Красной Звезды, Отечественной войны.

«Капитан административной службы Леонид Яблонский более двух лет работает фотокорреспондентом редакции газеты «Сын Отечества». Отлично выполняет все поручения редакции, проявляя при этом мужество, инициативу и оперативность. За время работы в редакции на поле боя заснял сотни героев и

отличников боёв, героических эпизодов во время борьбы за Сталинград, Ростов, Донбасс. Его снимки публиковались в центральной печати и даже за границей, что способствовало прославлению воинов-сталинградцев. Им создана и сохранена картотека героев 51-й армии, представляющая историческую ценность. Во время боёв за Мелитополь под огнём противника вёл съёмку уличных боёв» [17], –

это из представления к медали «За отвагу», а решением военсовета армии в октябре 1943-го его наградили орденом Красной Звезды. В память о Леониде Яблонском в Симферополе открыта мемориальная доска.

Именно Леонид Яблонский первым сделал фоторепортаж о героях Аджимушкских каменоломен. Дочь композитора Алемдара Караманова вспоминала, что Леонид Исаакович вдохновил ее отца на создание оратории «Аджимушкой».

Евгений Петров известен прежде всего как соавтор, вместе с Ильёй Ильфом, двух романов об Остапе Бендере – «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». А между тем Петров – ещё и военный корреспондент эпохи Великой Отечественной войны. В грозном 1943 г. поэт Константин Симонов и композитор Матвей Блантер написали знаменитую «Песенку военных корреспондентов», известную также как «Корреспондентская застольная». «Помянуть нам в пору мертвых репортеров. Стал могилой Киев им и Крым. Хоть они порою были и герои, не поставят памятника им», – поётся в ней.

Эти строчки имеют прямое отношение к Евгению Петрову. В войну он работал корреспондентом «Совинформбюро», публиковал фронтовые репортажи и очерки в «Правде», «Красной звезде», «Огоньке». Летом 1942 г. Е. Петров отправился в осаждённый Севастополь. По свидетельству другого знаменитого советского военкора, Ильи Эренбурга, в той командировке Петров мог погибнуть неоднократно: во время бомбёжки; при возвращении на Кавказ на едва не затонувшем, получившем во время рейда множество пробоин лидере «Ташкент»; в машине, угодившей в аварию по дороге из Новороссийска в Краснодар. А погиб в самолёте. Второго июля 1942 г. пассажирский «Дуглас», на котором Петров вылетел из Краснодара в Москву, врезался в холм.

В полевой сумке Петрова остался черновик начатого репортажа о Севастополе. Последние строки, которые он успел написать, были такими: «Возможно, что город всё-таки удержится. Я уже привык верить в чудеса...» Город, увы, не удержался. Через несколько дней советские войска оставили Севастополь. Военные статьи, зарисовки и репортажи Евгения Петрова составили его последнюю книгу – «Фронтовой дневник», собранную и изданную уже после его гибели.

«С первого дня войны он знал одну страсть: победить врага! Он не отошёл в сторону, не стал обдумывать и гадать. Он был всюду, где был наш народ. Его видали защитники Москвы в лихие дни ноября. Он был в освобождённом Волоколамске. Как-то зимой он поехал к Юхнову, вернулся контуженный, но, как всегда бодрый, говорил: “Юхнов возьмем...”». Недавно он побывал на далеком севере, у Мурманска. Я был с ним, когда его спросили: “Хотите в Севастополь?” Он весь засиял: “Конечно”. Это было две недели тому назад. Петров знал, что дни Севастополя сочтены, но он хотел донести до нашего народа, да и до всего мира рассказ о беспримерном мужестве севастопольцев...» [29], – писал Илья Эренбург.

По его словам, героическая оборона Севастополя не случайно стала последней главой в жизни Петрова. «Огонь краснофлотцев как бы кидает свой отблеск на чёрную ночь, куда ушел от нас Петров. Свое имя он связал с Севастополем – для нас и для истории» [29], – писал Эренбург.

Член Президиума Союза советских писателей, кавалер ордена Красной Звезды за участие в советско-финской войне **Пётр Павленко** в годы Великой Отечественной – специальный корреспондент «Правды» и «Красной звезды». Чтобы было понятнее, кто это такой, скажем, что именно Петр Павленко был автором сценария знаменитого художественного фильма режиссёра Сергея Эйзенштейна «Александр Невский». И именно ему принадлежит легендарная фраза: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет! На том стояла и стоит русская земля!» Павленко работал на уже не раз упоминавшемся нами здесь Крымском фронте. Весной 1942 г. писал оттуда:

«Помпея выглядит, безусловно, уютнее деревни Семь колодезей. В Помпее сохранились следы улиц и остовы домов, а в Семи колодезях – ничего, кроме воронок и щелей для укрытия» [12].

И позже, после завершения Сталинградской битвы, резюмировал:

«Опустошённый Сталинград не потряс моё воображение, ибо до него я уже видел Керчь» [12].

Во время эвакуации Крымского фронта в мае 1942 г. Павленко чудом остался жив, переплыв Керченский пролив на автомобильной камере. В 1943 г. награждён орденом Красного Знамени. Кроме сотен военных корреспонденций и очерков, в годы войны написал «Русскую повесть», книгу рассказов «Пути отваги», текст к документальному фильму «Разгром немецких войск под Москвой», сценарий фильма «Клятва», который в 1947 г. получил Сталинскую премию I степени. С 1945 г. и до конца жизни по состоянию здоровья жил в Крыму, в Ялте, ныне это улица Павленко, 10. Умер 16 июня 1951 г. В Симферополе, на улице Павленко, 9 установлена мемориальная доска с текстом: «Эта улица названа в честь известного советского писателя и общественного деятеля, одного из руководителей крымской писательской организации».

Борис Лавренев – военный корреспондент ВМФ. Многие из его статей посвящены морякам – черноморцам: «Подарок старшины», «Чайная роза», «Маяк» и другие. Во время 250-дневной героической обороны Севастополя находился в городе. В 1943 г. по горячим следам написал героическую драму «Песнь о черноморцах». Эта тема получила развитие в дальнейшем творчестве писателя, в 1945 г. увидела свет его драма «За тех, кто в море», за которую он получил Сталинскую премию. В 1979 г. имя Бориса Лавренева было присвоено Русскому драматическому театру Черноморского флота в Севастополе.

Михаил Сохань до войны – корреспондент газеты «Красный Крым». В Великую Отечественную – подпольщик, один из создателей и корреспондентов издававшейся в Ялте в 1943 г. подпольной газеты «Крымская правда». Затем – партизан, комиссар 10-го отряда 7-й бригады Южного партизанского соединения. После освобождения полуострова, с 1944 по 1947 год – главный редактор ялтинской газеты «Сталинское знамя» (ныне «Крымская газета»). Именно Сохань через 10 дней после изгнания из Ялты гитлеровцев подписал первый номер возобновившего свой выпуск «Сталинского знамени». Именем Соханя названа одна из улиц в Ялте.

Борис Серман родился в Минске, но с юных лет жил в Крыму. Работал на радио и в газете «Красный Крым». В Великую Отечественную – военкор дивизионных газет и армейской газеты «Сын отечества». Участник обороны Севастополя. Кавалер медалей «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За оборону Севастополя», «За взятие Будапешта». После войны – корреспондент «Крымской правды». Четверть века занимался изучением и увековечиванием подвига защитников Аджимушкай. Поэт и писатель. Автор книг «В катакомбах Аджимушкай», «Однополчане юности моей», «Сквозь годы» и других.

Писатель, автор популярнейшей детской книги «Старик Хоттабыч», **Лазарь Лагин** (Гинзбург) приехал в Севастополь в июле 1941 г. Служил в Политуправлении Черноморского флота, но часто публиковался в газете «Красный черноморец». Редактировал юмористический отдел «Рында» – кто сказал, что нужно бросить шутки на войне? Опубликовал во флотской газете десятки басен, фельетонов, сатирических «сказок», вселявших в сердца защитников Севастополя веру в победу. Так, например, один из его популярных фельетонов назывался «Санаторно-курортная справка». В нём писатель рекомендовал фашистам целый ряд «лечебных процедур»: «уколы (штыковые), горячие припарки (артиллерийские), свинцовые примочки из первоклассных пуль, массаж прикладом» [10]. В наиболее трагические дни обороны в июне 1942 г. афоризм Лапина «С миру по нитке – Гитлеру петля» аршинными буквами был выведен на главной башне Генуэзской крепости в Балаклаве. В середине июня 1942 г. Лагин вместе с редакцией «Красного черноморца» эвакуировался на Кавказ. Закончил войну в Румынии в звании майора. В 1946 г. увидела свет его книга «Броненосец Анята», которая рассказывает о последних днях севастопольской обороны.

Александр Хамадан (Файнгорн) неоднократно бывал в Севастополе в качестве специального военного корреспондента ТАСС. Его первая командировка в Крым длилась с января по апрель 1942 г., а во вторую он отправился в июне 1942 г. Очерки и репортажи Хамадана, напечатанные в центральных газетах, составили книгу, вышедшую в 1942 г. под названием «Севастопольцы. Записки военного корреспондента».

«“Севастопольцы” не охватывают и не могут охватить всей полноты суровой, эпической, величавой картины обороны Севастополя. Книжка и не претендует на это. “Севастопольцы” – фрагменты большой, капитальной повести о делах, днях и героях Севастополя. Но от “Севастопольцев” пахнет пылью окопов и дымом боевых костров. Книжка пропитана грохотом снарядов и рвущихся авиабомб, в книжке чувствуется дыхание боя и напряжённая суровая обстановка боев. Кратко и бегло очерченные фигуры героев Севастополя – гвардии полковника Богданова, полковника Гроссмана, подполковников Курганова, Рубцова, полковника Гузь, Афанасия Пичугина, Володи Чепурнова, Нины Ониловой и десятков других скромных и простых, но честных и храбрых людей – встают, как живые, простые и понятные в том виде, как оно и было в жизни. В книжке нет делений на высших и низших чинов. С одинаковой душевной теплотой взяты и генералы, и полковники, и рядовые армии и флота, и простые работницы из Инкерманских штолен и Балаклавы, и великолепные севастопольские “пацаны”. Все эти советские люди нашли свое место в боях с ненавистным врагом, такое же место им дано и в “Севастопольцах”» [18], – писал в предисловии к этой книге командующий Приморской армией генерал-майор Иван Петров.

Генерал надеялся, что Хамадан в составе большой группы друзей ушел к партизанам в Крымские горы: «Будем ждать, думать и надеяться, что т. Хамадан вернётся к нам и допишет свою книгу о делах, днях и людях Севастополя, оставшихся верными своему долгу и показавших примеры беспримерной доблести и мужества» [18]. Но, увы, как выяснилось, журналист до последнего дня обороны Севастополя сражался с фашистами на 35-й береговой батарее, тяжело контуженным попал в плен и был расстрелян фашистами 29 мая 1943 г.

Лев Иш был специальным корреспондентом «Красной звезды» в Севастополе. Его первая статья об обороне Севастополя увидела свет 12 ноября 1941 г., а последняя – 2 июля 1942 г., когда шли завершающие бои за город. «Теперь, наверное уже не уйти

отсюда... Я даже рад, что выполняю свой долг с чистой совестью! Только вот жалко, если это не дойдет до людей!» [20] – написал Иш. Дошло. Журналист погиб, но память о нём осталась жива. В 1943 г. командующий Приморской армией генерал Иван Петров, вспоминая Иша, который часто бывал у него на командном пункте и не раз сопровождал в поездках по войскам, сказал главному редактору «Красной звезды» Давиду Ортенбергу:

«Хорошо Иш писал о героях Приморской армии, и сам стоил любого из них. Честная солдатская душа, благороднейший человек» [20].

Борис Шейнин вырос в Севастополе. В 1932 г. начал работу художником в газете «Красный черноморец»; в 1936-м был призван на военную службу краснофлотцем. В 1937-м переведён в военно-морскую газету «Красный флот» (Москва), где проходил дальнейшую службу как фоторепортёр. Всю войну прошел фотокорреспондентом газеты «Красный флот» по Севастополю, Одессе, Крыму, Кавказу. Участвовал в обороне Одессы, Севастополя, в Керченско-Феодосийской десантной операции, в освобождении Крыма в 1944 году. В 1945 году был одним из фоторепортёров, освещавших Ялтинскую конференцию. Кавалер двух орденов Красного Знамени, орденов Отечественной войны I и II степеней, ордена Красной Звезды, медалей «За боевые заслуги» и «За оборону Севастополя».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как уже говорилось вначале, Великая Победа добывалась не только в рукопашных схватках и танковых прорывах, не только на фабриках и заводах, но и в радиоэфире, в материалах информационных телеграфных агентств и бюро, в редакциях газет – центральных, таких как «Правда», «Красная звезда» или «Известия», региональных, как «Красный Крым», городских, как севастопольский «Маяк коммуны» или «Керченский рабочий», фронтовых, армейских, дивизионных.

Среди важнейших источников Победы – не только оружие, но и мировоззрение – патриотизм, убеждённость в справедливом характере Отечественной войны, знание, с одной стороны, правды о героизме советских защитников Родины, а с другой – о зверствах фашистов на оккупированных территориях.

О вкладе крымской журналистики в Победу можно судить, в том числе, по ее боевым наградам – как коллективным, так и индивидуальным. Коллективные – это орден Красного Знамени газеты «Красный черноморец» (ныне «Флаг Родины»), медали «За оборону Севастополя» газет «Слава Севастополя», «Крымская правда» и того же «Красного черноморца». Индивидуальные – не сосчитать. Золотая звезда героя Советского Союза Сергея Борзенко, ордена Красного Знамени Константина Симонова, Петра Павленко и Бориса Шейнина, Отечественной войны I степени тех же Симонова и Шейнина, Сельвинского, Трошкина, Яблонского, Отечественной войны II степени Суковского, Альперта, Халдея, Лагина, Красной Звезды – Степанова, Суковского, Сельвинского, Альперта, Халдея, Яблонского, Павленко, Сермана и т.д., и т.п.

Ну и в заключение. Крымская журналистика периода Великой Отечественной войны – это не просто героические страницы истории давно минувших дней. Это источник того самого патриотизма, который является одним из факторов будущей победы в идущей сегодня Специальной военной операции на Украине. Евгений Поддубный, Александр Сладков, Александр Коц, Дмитрий Штеин и их коллеги продолжают сегодня дело Константина Симонова, Ильи Сельвинского, Евгения Петрова, Евгения Халдея и других героев Великой Отечественной войны.

Крымская журналистика периода Великой Отечественной войны – это эталон настоящей, а не выдуманной квазиэкспертами журналистской этики, коротко и ёмко сформулированной Константином Симоновым в 1943 г. в его «Корреспондентской застольной»: «Жив ты или помер, главное, чтоб в номер матерьял успел ты передать...», пример отношения к делу – многие книги, статьи, фотографии крымских репортеров вошли в историю как образцы настоящего журналистского искусства. По ним и сегодня можно (и нужно) учиться искусству репортажа или очерка, умению увидеть (построить) кадр, пониманию того, что настоящий военный журналист должен владеть не только пером, но и штыком, не только лейкой и блокнотом, но и пулеметом, знать военное дело в теории и на практике.

Список литературы

1. *Аганин А. Р.* Газета «Красный черноморец» как источник по истории второй героической обороны Севастополя // Потемкинские чтения: сб. материалов VII Всероссийской науч. конференции с международным участием: В 2-х т., Севастополь, 26–28 октября 2023 г. – Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2023. – С. 239–241.
2. *Анцелович И.* Фашистские убийцы // Керченский рабочий. – 12.01.1942.
3. *Васильев В. В.* Советская печать в партизанских формированиях Крыма в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторические чтения. К 75-летию Великой Победы : Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Керчь, 26–29 февраля 2020 г. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2020. – С. 108–113.
4. *Генов И. Г.* Дневник партизана // Симферополь: Крымиздат, 1963. – 280 с.
5. *Городницкий А. М.* Юрий Левитан // Избранное: стихи, песни, поэмы. – М.: Яуза, 2021. – 350 с.
6. *Гужва Д. Г., Рахимова И. О.* Работа советских военных корреспондентов в первые месяцы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. – 06.08.2019. – Режим доступа: <https://history.milportal.ru/rabota-sovetskix-voennykh-korrespondentov-v-pervye-mesyacy-velikoj-otechestvennoj-vojny/> – (Дата обращения: 06.09.2025).
7. *Доскато О. Г.* Газета «Маяк коммуны» в период обороны Севастополя // Слава Севастополя. – 14.12.2017. – Режим доступа: <https://slavasev.ru/2017/12/14/gazeta-mayak-kommunyi-v-period-oboronyi-sevastopolya/> – (Дата обращения: 06.09.2025).
8. *Доскато О. Г.* О тех, кто к штыку приравнял перо... // Слава Севастополя. – 13.12.2017. – Режим доступа: <https://slavasev.ru/2017/12/13/o-teh-kto-k-shtyiku-priravnjal-pero/> – (Дата обращения: 06.09.2025).
9. *Еришов Ю. М., Черепанова Т. В.* Военно-публицистический дискурс газет в период обороны Севастополя 1941–1942 годов // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – Т. 10. – № 1. – С. 63–77.
10. *Иванова В. А., Михайлюк С. В.* Военные корреспонденты в обороне Севастополя. Лазарь Лагин и Александр Хамадан // Причерноморье. История, политика, культура. – 2011. – № 6. – С. 108–111.
11. «Керченский рабочий» № 1 от 12 апреля 1944 года / Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. – Режим доступа: <https://kerchmuseum.ru/ru/news/kerchenskij-rabochij-1-ot-12-aprelya-1944-goda-.html?ysclid=mf9gy4e5nk755665494> – (Дата обращения: 06.09.2025).
12. *Коваленко И. М.* Редакция в каменоломнях, эвакуация личного состава в Керченском проливе: военкор Петр Павленко в Крыму // «Крымская газета». – 05.09.2024. – Режим доступа: <https://gazetacrimea.ru/news/redaktsiya-v-kamenolomnyakh-evakuatsii-lichnogo-sostava-v-kerchenskom-prolive-voenkor-petra-pavlenko/> – (Дата обращения: 06.09.2025).
13. *Маяковский В. В.* Домой // Сочинения в двух томах. – Т. 1. – М.: Правда, 1987. – 768 с.
14. Наградной лист: представление Борзенко С. А. к званию героя Советского Союза // Подвиг народа. – 11.11.1943. – Режим доступа: <https://podvignaroda.ru/?id=150003390&tab=navDetailDocument> – (Дата обращения: 06.09.2025).
15. Наградной лист: представление Трошкина П. А. к ордену Отечественной войны I степени // Подвиг народа. – 22.09.1944. – Режим доступа: <https://podvignaroda.ru/?id=150003390&tab=navDetailDocument> – (Дата обращения: 06.09.2025).

16. Наградной лист: представление Халдея Е. А. к ордену Красной Звезды // Подвиг народа. – 25.12.1943. – Режим доступа: <https://podvignaroda.ru/?id=150003390&tab=navDetailDocument> – (Дата обращения: 06.09.2025).
17. Наградной лист: представление Яблонского Л. И. к медали «За отвагу» // Подвиг народа. – 24.10.1943. – Режим доступа: <https://podvignaroda.ru/?id=150003390&tab=navDetailDocument> – (Дата обращения: 06.09.2025).
18. Петров И. Е. Всегда в пути // Литературное наследство. – 1966. – Т. 78. – № 2. – С. 648–654.
19. Приезжева С. Г. Газета «Красный флот» в героической обороне Севастополя (1941–1942 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2024. – Т. 10. – № 2. – С. 156–168.
20. Приезжева С. Г. Корреспондент газеты «Красная звезда» Лев Романович Иш в Севастополе в период героической обороны города 1941–1942 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2024. – Т. 10. – № 3. – С. 127–140.
21. Пупкова Н. Военная жизнь газеты // Крымская правда. – 17.10.2017. – Режим доступа: <https://cpravda.ru/news/2017-10-17/voennaya-zhizn-gazety>. – (Дата обращения: 06.09.2025).
22. Пупкова Н. Военная жизнь газеты // Крымская правда. – 24.10.2017. – Режим доступа: <https://cpravda.ru/news/2017-10-24/voennaya-zhizn-gazety-1>. – (Дата обращения: 06.09.2025).
23. Пупкова Н. Военная жизнь газеты // Крымская правда. – 14.11.2017. – Режим доступа: <https://cpravda.ru/news/2017-11-14/voennaya-zhizn-gazety-3>. – (Дата обращения: 06.09.2025).
24. Сельвинский И. Л. Я это видел! // И. Л. Сельвинский. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1972. – 960 с.
25. Симонов К. М. Дожди // Симонов К. М. Собр. соч. в десяти томах. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1979. – 670 с.
26. Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1 // Симонов К. М. Собр. соч. в десяти томах. – Т. 8. – М.: Художественная литература, 1979. – 479 с.
27. Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 2 // Симонов К. М. Собр. соч. в десяти томах. – Т. 9. – М.: Художественная литература, 1979. – 688 с.
28. Шефнер В. С. Слова // Сочинения в 4-х т. – Т. 1. – Л.: Худож. лит., 1991. – 416 с.
29. Эренбург И. Г. Писатель-боец // Красная звезда. – № 156. – 05.07.1942.

References

1. Aganin A. R. *Gazeta «Krasnyj chernomorec» kak istochnik po istorii vtoroj geroicheskoj oborony Sevastopolya* [The newspaper «Krasnyi Chernomorets» as a source on the history of the second heroic defense of Sevastopol]. *Potemkinskie chteniya : sbornik materialov VII Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem: v 2 t.*, Sevastopol, 26–28.10.2023. Sevastopol, Sevastopol'skij gosudarstvennyj universitet Publ., 2023, pp. 239–241.
2. Ancelovich I. *Fashistskie ubijcy* [Fascist killers]. *Kerchenskij rabochij*, 12.01.1942.
3. Vasil'ev V. V. *Sovetskaya pechat' v partizanskij formirovaniyah Kryma v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet press in the partisan formations of Crimea during the Great Patriotic War]. *Voenno-istoricheskie chteniya. K 75-letiju Velikoj Pobedy : Materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Kerch'*, 26–29.02.2020. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2020, pp. 108–113.
4. Genov I. G. *Dnevnik partizana* [Partisan's diary]. Simferopol, Krymizdat Publ., 1963. 280 p.
5. Gorodnickij A. M. *Yurij Levitan* [Yuriy Levitan]. *Izbrannoe: stihi, pesni, poemy*. Mosocow, Yauza Publ., 2021. 350 p.
6. Guzhva D. G., Rahimova I. O. *Rabota sovetskij voennykh korrespondentov v pervye mesyacy Velikoj Otechestvennoj vojny* [The work of Soviet military correspondents in the first months of World War II]. *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 06.08.2019. Available from: <https://history.milportal.ru/rabota-sovetskix-voennyx-korrespondentov-v-pervye-mesyacy-velikoj-otechestvennoj-vojny/> (accessed: 06 September 2025).
7. Doskato O. G. *Gazeta «Mayak kommuny» v period oborony Sevastopolya* [Newspaper «Mayak Commune» during the defense of Sevastopol]. *Slava Sevastopolya*, 14.12.2017. Available from: <https://slavasev.ru/2017/12/14/gazeta-mayak-kommuni-v-period-oborony-sevastopolya> (accessed: 06 September 2025).

8. Doshko O. G. *O tekh, kto k shtyku priravnyal pero...* [About those who equated the pen to the bayonet...]. *Slava Sevastopolya*, 13.12.2017. Available from: <https://slavasev.ru/2017/12/13/o-teh-kto-k-shtyiku-priravnyal-pero> (accessed: 06 September 2025).
9. Ershov Yu. M., Cherepanova T. V. *Voенно-publicisticheskij diskurs gazet v period oborony Sevastopolya 1941-1942 godov* [Military-public discourse of newspapers during the defense of Sevastopol 1941-1942]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2021, vol. 10, no 1, pp. 63–77.
10. Ivanova V. A., Mihailiuk S. V. *Voennye korrespondenty v oborone Sevastopolya. Lazar' Lagin i Aleksandr Hamadan* [Military correspondents in the defense of Sevastopol. Lazar Lagin and Alexander Hamadan]. *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura*, 2011, no 6, pp. 108-111.
11. *«Kerchenskij rabochij» № 1 ot 12 aprelya 1944 goda* [«Kerchenskij rabochij» no 1 dated April 12, 1944]. *Vostochno-Krymskij istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik*. Available from: <https://kerchmuseum.ru/ru/news/kerchenskij-rabochij-1-ot-12-aprelya-1944-goda-.html?ysclid=mf9gy4e5nk755665494> (accessed: 06 September 2025).
12. Kovalenko I. M. *Redakciya v kamenolomnyah, evakuaciya lichnogo sostava v Kerchenskom prolive: voenkor Petr Pavlenko v Krymu* [The editorial office in quarries, the evacuation of personnel in the Kerch Strait: militarycover Petr Pavlenko in Crimea]. *Krymskaya gazeta*, 05.09.2024. Available from: <https://gazetacrimea.ru/news/redaktsiya-v-kamenolomnyakh-evakuatsii-lichnogo-sostava-v-kerchenskom-prolive-voenkor-petra-pavlenko/> (accessed: 06 September 2025).
13. Mayakovskij V. V. *Domoj* [Home]. *Sochineniya v dvuh tomah*. Vol.1. Moscow, Pravda Publ., 1987. 768 p.
14. *Nagradnoj list: predstavlenie Borzenko S. A. k zvaniyu geroya Sovetskogo Soyuz* [Award sheet: presentation of Borzenko S. A. to the title of Hero of the Soviet Union]. *Podvig naroda*, 11.11.1943. Available from: <https://podvignaroda.ru/?#id=150003390&tab=navDetailDocument> (accessed: 06 September 2025).
15. *Nagradnoj list: predstavlenie Troshkina P. A. k ordenu Otechestvennoj vojny I stepeni* [Award sheet: presentation of Troshkin P. A. to the Order of the Patriotic War of the 1st degree]. *Podvig naroda*, 22.09.1944. Available from: <https://podvignaroda.ru/?#id=150003390&tab=navDetailDocument> (accessed: 06 September 2025).
16. *Nagradnoj list: predstavlenie Haldeya E. A. k ordenu Krasnoj Zvezdy* [Award sheet: presentation of Khaldey E. A. to the Order of the Red Star]. *Podvig naroda*, 25.12.1943. Available from: <https://podvignaroda.ru/?#id=150003390&tab=navDetailDocument> (accessed: 06 September 2025).
17. *Nagradnoj list: predstavlenie Yablonskogo L. I. k medali «Za otvagu»* [Award sheet: presentation of Yablonsky L.I. to the medal "For Courage"]. *Podvig naroda*, 24.10.1943. Available from: <https://podvignaroda.ru/?#id=150003390&tab=navDetailDocument> (accessed: 06.09.2025).
18. Petrov I. E. *Vsegda v puti* [Always on the way]. *Literaturnoe nasledstvo*, 1966, vol. 78, no 2, pp. 648–654.
19. Priezzheva S. G. *Gazeta «Krasnyj flot» v geroicheskoj oborone Sevastopolya (1941-1942 gg.)* [The Red Fleet newspaper in the heroic defense of Sevastopol (1941–1942)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*, 2024, vol. 10, no 2, pp. 156–168.
20. Priezzheva S. G. *Korrespondent gazety «Krasnaya zvezda» Lev Romanovich Ish v Sevastopole v period geroicheskoj oborony goroda 1941–1942 gg* [Correspondent of the newspaper «Krasnaya Zvezda» Lev Romanovich Ish in Sevastopol during the heroic defense of the city of 1941–1942]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*, 2024, vol. 10, no 3, pp. 127–140.
21. Pupkova N. *Voennaya zhizn' gazety* [The military life of the newspaper]. *Krymskaya Pravda*, 17.10.2017. Available from: <https://c-pravda.ru/news/2017-10-17/voennaya-zhizn-gazety>. (accessed: 06 September 2025).
22. Pupkova N. *Voennaya zhizn' gazety* [The military life of the newspaper]. *Krymskaya Pravda*, 24.10.2017. Available from: <https://c-pravda.ru/news/2017-10-24/voennaya-zhizn-gazety-1>. (accessed: 06 September 2025).
23. Pupkova N. *Voennaya zhizn' gazety* [The military life of the newspaper]. *Krymskaya Pravda*, 14.11.2017. Available from: <https://c-pravda.ru/news/2017-11-14/voennaya-zhizn-gazety-3>. (accessed: 06 September 2025).
24. Sel'vinskij I. L. *Ya eto videl!* [I saw it]. *Izbrannye proizvedeniya*. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1972. 960 p.

25. Simonov K. M. *Dozhdi* [The Rains]. *Sobranie sochinenij v 10 t.* Vol. 1. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1979. 670 p.
26. Simonov K. M. *Raznye dni vojny. Dnevnik pisatelya. Tom 1* [Different days of war. The diary of the writer. Volume 1]. *Sobranie sochinenij v 10 t. T. 8.* Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1979. 479 p.
27. Simonov K. M. *Raznye dni vojny. Dnevnik pisatelya. Tom 2* [Different days of war. The diary of the writer. Volume 1]. *Sobranie sochinenij v 10 t. T. 9.* Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1979. 688 p.
28. Shefner V. S. *Slova* [The Words]. *Sochineniya v 4-h t.* Vol. 1. Leningrad, Hudozhestvennaya literature Publ., 1991. 416 p.
29. Erenburg I. G. *Pisatel'-boec* [Writer-fighter]. *Krasnaya Zvezda*, no 156, 05.07.1942.

CRIMEAN JOURNALISM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Mashchenko A. P.

This article explores Crimean journalism during the Great Patriotic War. The author analyzes state media policy, leading regional newspapers of that era, such as «Krasnyj Krym», «Mayak kommuny» and «Kerchenskij rabochij»; naval, frontline, army and divisional editions, such as «Krasnyj chernomorec», «Boevoy natisk», «Syn Otechestva», «V ataku», «Znamya Rodiny» and others; and the partisan newspapers «Krymskij partizan» i «Za Sovetskij Krym». The second part of the article explored the work of leading reporters from central and regional media who have made history in Crimean journalism in the ongoing period. Among them were Konstantin Simonov, Ilya Selvinsky, Sergei Borzenko, Max Alpert, Pavel Troshkin, Evgeny Khaldey, Leonid Yablonsky, Evgeny Petrov, Petr Pavlenko, Boris Lavrenev, Evgeny Stepanov, Sergei Sukovsky, Mikhail Sokhan, Boris Serman, Lazar Lagin, Aleksandr Hamadan, Lev Ish and Boris Sheinin. According to the author, the Great Patriotic War was fought both on the battlefield and on the information and propaganda front, and the main sources of Victory were not only weapons but also a worldview – patriotism, a conviction in the just nature of the war, and knowledge of the truth about the heroism of the Soviet defenders of the Motherland, on the one hand, and about the atrocities of the Nazis in the occupied territories, on the other. The contribution of Crimean journalism to the Victory can be judged, among other things, by its military awards – both collective and individual. Collective awards include the Order of the Red Banner awarded to the newspaper «Krasny Chernomorets» (now «Flag Rodiny»), the medal «For the Defense of Sevastopol» awarded to the newspapers «Slava Sevastopolya», «Krymskaya Pravda» and the same «Krasny Chernomorets». Individual awards include the Gold Star of Hero of the Soviet Union awarded to Sergei Borzenko, the Order of the Red Banner awarded to Konstantin Simonov, Petr Pavlenko, and Boris Sheinin and the Order of the Patriotic War 1st Class awarded to Simonov and Sheinin, Selvinsky, Troshkin, Yablonsky and others.

Keywords: journalism, Great Patriotic War, newspaper, «Krasnyj Krym», «Mayak kommuny», «Krasnyj chernomorec», Sergei Borzenko, Konstantin Simonov, Evgeny Stepanov.

УДК 070

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-28-43

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИТЕРАТУРНОГО РАЗДЕЛА ЖУРНАЛА «РАБОТНИЦА» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Смеюха В. В., Смеюха М. А.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Южный федеральный университет,
Симферополь, Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: smeyha@yandex.ru, melanyasmeuha@gmail.com*

Пресса и художественная литература Великой Отечественной войны представляют собой источники по изучению восприятия военных событий через материалы прессы и литературные произведения, взаимодействия с населением через средства массовых коммуникаций. В период войны система советской периодической печати трансформировалась, центральные женские журналы продолжили свою деятельность в 1941–1945 гг., что свидетельствует о важности данного типа изданий в условиях военной ситуации. Целью статьи является рассмотрение литературного раздела журнала «Работница» в указанный исторический период, выявление его функциональных, тематических, типологических характеристик, его связи с общей типологической концепцией модели журнала. Используются следующие методы исследования: исторический, типологический, филологический. Были получены следующие выводы: литературный раздел журнала «Работница» дополнял модель издания, реализовывал информационную, пропагандистскую, воспитательную функции. Авторами литературных произведений являлись как сотрудники журнала «Работница», так и известные писатели, поэты, журналисты, участвовавшие в военных действиях; боевой опыт авторов способствовал воссозданию реалистичности в описании военных событий, изображению исторических действий через истории, чувства отдельных людей. Литературный раздел отображал связь издания с официальной информационной политикой государства в военное время, аудиторией журнала: в нем публиковались произведения, затрагивавшие темы патриотизма, героизма, семьи, любви, верности; авторы поэтических и прозаических произведений использовали приемы пропаганды, что способствовало формированию патриотических настроений и моделей поведения аудитории.

Ключевые слова: литература военного периода, женский журнал, журнал «Работница», Великая Отечественная война, литературный раздел, тематика, модель издания, методы пропаганды.

ВСТУПЛЕНИЕ

Изменение социально-политических характеристик социума, трансформация международных отношений, развитие политики, направленной на сохранение исторической памяти и борьбу с искажением истории, фальсификацией историческими источниками, событиями, усилили внимание к информационной, военной пропаганде (см., например, С. Ван, С. В. Виватенко, Т. Е. Сиволап [6], В. В. Орехов [21]), роли СМИ, медиакommunikаций в информационных войнах (Э. Б. Уртаева [33], Б. Аль-Шалан [37]), а также актуализировали изучение опыта периодической печати периода Великой Отечественной войны (см.: И. Б. Суслова [30], А. И. Тетуев [32], И. Ф. Богданова, Н. Ф. Богданова [38], А. Халилов [39], М. Озтюрк, М. М. Вагабов, А. А. Газиева [40] и др.). Анализ научных работ, посвященных периодике 1941–1945 гг., показывает, что интерес к ней проявляют как отечественные, так и зарубежные ученые, что не является случайным – пресса является важнейшим элементом социально-коммуникативной системы военного времени, ее изучение способствует рассмотрению официальной информационной политики советского государства, практики восприятия населением военной действительности через призму СМИ, взаимодействия читателей с редакциями

газет и журналов (через письма, публикацию собственных материалов), методов формирования настроений и моделей поведения аудитории, а также специфики творческой деятельности журналистов, писателей, поэтов, представлявших интерпретацию военных событий и жизни тыла в информационном, аналитическом, художественно-публицистическом и литературном направлениях.

Пресса и литература являются значимыми просветительскими, образовательными ресурсами, а в период войн, военных конфликтов и угроз выполняют функции пропаганды, мобилизации, патриотического, идеологического воспитания (см., например, Ю. А. Головин, О. Е. Коханая [8], А. Я. Лившин [13], Е. А. Лобовикова [14], Л. П. Лунова [15] и др.). Советская пресса и литература сыграли значительную роль в период Великой Отечественной войны (см.: А. Г. Аринов [1], А. Р. Бормотова [5], С. В. Карпий [10], О. В. Рябов [25], М. С. Руденко [23], О. А. Скубач [26], А. В. Танцеева [31], И. И. Широкопад [34], Н. В. Яблоновская, К. А. Кутовая [35] и др.). После начала войны в системе советской периодики произошли изменения: открылись военные издания, в целях экономической эффективности сократилась численность массовых газет и журналов; у Совинформбюро, ТАСС, Всесоюзного радиокомитета, изданий «Красная звезда», «Известия», «Правда», «Комсомольская правда», «Красный флот» и других появились собственные корреспонденты. С периодическими изданиями сотрудничали поэты и писатели: К. Симонов, И. Эренбург, А. Твардовский и др. (на современном этапе исследование творчества писателей и поэтов Великой Отечественной войны занимаются следующие ученые: А. Н. Безруков [2], Н. В. Беляева, О. В. Пигорева [3], О. Н. Катионов, А. О. Катионова, Б. О. Майер [11], А. Н. Колобов, А. А. Ефимов, И. А. Анохина [12], А. П. Машенко [16], А. С. Столетова [29] и др.); на страницах прессы публиковались работы художников И. Тоидзе, В. Иванова, Кукрыниксов и др.; укрепление периодической печати профессиональными кадрами способствовало повышению качества работы СМИ, усилению публицистической, художественной значимости периодики. Необходимо отметить, что большое внимание в советской прессе уделялось художественной литературе, газеты и журналы на протяжении военного периода публиковали военную прозу, поэзию. Литературные разделы, рубрики, действовавшие в структуре массовых периодических, являются источником, позволяющим проводить изучение духовной атмосферы эпохи, восприятие военных событий массовой аудиторией в художественном контексте; выявлять связь журналистики и литературы в экстремальных исторических условиях, ориентированной на реализацию единых идеологических задач.

Несмотря на сокращение численности периодических изданий в военный период, продолжилась деятельность центральных советских женских журналов, что свидетельствует о важности данного типа СМИ, обеспечивавшего информационно-коммуникативное взаимодействие с женской аудиторией. Отметим, что массовая пресса, пропаганда выделяли интересы женской читательской аудитории и широко освещали участие женщин в боевых действиях, жизни тыла (см., например, Н. М. Галимуллина [7], Р. М. Сохибназарбекова [28] и др.), однако типологическая структура женских журналов, сформированная в довоенный период, обеспечивала информирование аудитории с учетом ее интересов, характеристик, публиковала официальные, журналистские и литературные материалы.

Целью статьи является выявление функциональных, тематических, типологических аспектов литературного раздела женского журнала «Работница» в период Великой Отечественной войны, определение его связи с типологической моделью издания.

Эмпирическая база исследования: номера журнала «Работница» военного времени (с № 19 за 1941 г. по № 5 за 1945 г.; были использованы издания в формате pdf, расположенные на сайте Национальной электронной библиотеки). Методы исследования: исторический, типологический, филологический.

Советская женская периодика является объектом исследований ряда авторов (см.: В. В. Боннер-Смеюха [4], О. Д. Минаева [17], Н. В. Яблоновская, Л. Ш. Джелилова [36], М. А. Смеюха [24] и др.), однако к теме её функционирования в военный период исследователи обращаются нечасто (например, Е. Г. Москвина, А. А. Поздняков [27]), вследствие чего столь значимый для советской системы СМИ тип журнала остается недостаточно изученным, что определяет исследовательский интерес к его анализу в период 1941–1945 гг.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Система советской женской прессы была сформирована после Октябрьской революции. Выходившие ранее частные женские издания постепенно прекратили свою деятельность по экономическим либо политическим причинам. Новый тип периодики был адресован женской рабочей, крестьянской аудитории, а также женщинам, принимавшим активное участие в политической и общественной работе. Женские журналы являлись политическими, классифицировались по региональному критерию на центральные и местные (выходили в крупных городах и столицах союзных республик). Центральными женскими журналами стали «Работница» и «Крестьянка».

«Работница» была открыта в 1914 г., «Журнал “Работница” ... будет выяснять малосознательным работницам их интересы. Будет указывать на то, что интересы у них общие со всеми рабочими», – писала редакция в первом номере (С. 1), в котором, помимо политического, международного, социального и экономического разделов, был представлен и литературно-художественный, в нем были опубликованы: рассказ П. Ф. Кудриной «Наташины сны» (под псевдонимом Кудрина писала деятель революционного движения П. Ф. Кудели (1859–1944), ее считают одной из основательниц данного издания), стихотворения Н. Е. Додаева «Труженице» (псевдоним поэта и журналиста Ф. Т. Коновалова (1896–1938)), М. Артамонова «Женщинам-работницам» (М. Д. Артамонов (1888–1958) – поэт, журналист и издатель). Регулярная деятельность общественно-политического и литературно-художественного издания «Работница» была налажена в начале 1920-х гг. Литературной работе редакция уделяла значительное внимание, что обуславливалось значением и ролью художественной литературы в социалистическом обществе, рассматривавшейся коммунистической партией «как орудие организации масс и коммунистического просвещения, повышения их культурного уровня» [9, с. 380]. «Работница» не только организовывала деятельность рабочих и крестьянских корреспондентов – письма рабкорок и селкорок размещались на страницах издания, но и занималась обучением литературному мастерству: при редакции действовал литературный кружок, участники которого публиковались в журнале.

В довоенный период в издании вышли стихотворения, поэмы В. Маяковского, М. Исаковского, Д. Джабаева, В. Лебедева-Кумача, Вл. Замятина и др., рассказы и пьесы В. Сухаревича, Н. Погодина, Вл. Лидина и др. Редакция периодически размещала материалы под названием «Что почитать». Обратим внимание на то, что «Работница» была адресована широкой аудитории, не дифференцировавшейся по возрастному критерию, вследствие чего издание размещало литературно-художественные материалы, адресованные не только взрослой публике, но и детям: выходили публикации «Что почитать детям» и «Детские странички».

№ 19 (июль) 1941 г. стал первым военным номером «Работницы», его открывали «Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова», указы о мобилизации, об объявлении военного положения, сообщения работниц А. Аш-ной «На защиту родных рубежей», В. Зимин «За честь и свободу» и медицинских сестер Ушаковой, Кондратьевой и других «Родина зовет», С. Голубчик «Выполним священный долг». Остальные публикации номера были подготовлены еще до начала войны и были посвящены производственной, медицинской тематике, воспитанию детей, детскому отдыху и т.д. Но, примечательно, что в данном номере журнала уже было опубликовано стихотворение на актуальную тему – о начале войны – «Присягнем победой» поэта и журналиста А. Суркова (А. А. Сурков (1899–1983) – поэт, журналист, в годы Великой Отечественной войны работал военным корреспондентом газеты «Красноармейская правда» и специальным корреспондентом «Красной звезды», «Боевого натиска», лауреат двух Сталинских премий). «Сталин знамя победы / Вручает бойцам молодым / Мы под знаменем этим / Пройдем сквозь разрывы и дым», – писал поэт (С. 15), стихотворение характеризуется патриотической и идеологической направленностью, содержит призыв к объединению нации. Данное произведение А. Суркова также вышло в газете «Правда» (1941. № 172 (8580). 23 июня. С. 2), в сборнике стихов советских поэтов «За родину!» (Москва, Ленинград: Наркомпрос РСФСР, Государственное издательство Детской литературы, 1941. 34 с.).

№ 20–21 (июль) открывали указы «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», и сразу за ними, на этой же странице, опубликовано стихотворение Е. Валиной «Уничтожить злого врага» (Е. Д. Филиппова (Валина) (1906–1976) – советский поэт и журналист):

*«Над советскою границей,
Возле наших городов
Появились злые птицы –
Стая черная врагов.
Пограничники их ждали,
Подготовили прием!
Из зениток повстречали
Сокрушительным огнем!».*

В тексте стихотворения использовался пропагандистский прием убеждения аудитории в ближайшей победе, благодаря чему происходила популяризация идеи, что страна была готова к началу войны и сможет в кратчайшие сроки победить врага. В реальности же, как известно, СССР нес значительные потери (см.: Л. Л. Рыбаковский [24]). В выступлении В. М. Молотова (см. выше) отмечалось, что «без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек» (№ 19. С. 2) (обратим внимание на количество погибших и раненых – «более двухсот человек», на сегодня не представлено точных данных о потерях Советского Союза в первые дни войны, однако, согласно статистике, опубликованной в книге «Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил» [22], только за третий квартал 1941 г. численность убитых и

пропавших без вести из числа личного состава армии и флота превысила 2 млн человек); далее в официальном заявлении указывалось, что начало войны – это «неслыханное нападение», при этом акцентировалось внимание на том, что советское правительство выражает «непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполняют долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору» (Там же). Таким образом, основные тематические направления издания и его литературно-художественной составляющей формировались в соответствии с официальными постановлениями правительства и отображались в пропагандистском контексте, что было логичным и оправданным с точки зрения использования информационных коммуникаций (пресса, литература) в качестве ресурса, мобилизовавшего гражданскую активность населения, создававшего единую идеологическую основу мировоззрения аудитории.

Приведем примеры, когда на страницах «Работницы» размещались актуальные постановления правительства, и данный тематический аспект дополнялся литературно-художественными произведениями, в частности, поэтическими: № 29 за 1941 г. открывали постановление Государственного комитета обороны «О введении в Москве осадного положения», передовая статья «Все на защиту Москвы» и стихотворение А. Пришелеца «Москва»: «Стой, Москва! / Как стоишь века! / Обождется вражья нога / О твою накаленную землю!» (С. 2) (А. Пришелец – А. И. Ходаков, поэт и журналист (1893–1972)); № 21–22 за 1942 г. – доклад И. В. Сталина «XXV годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями Москвы 6 ноября 1942 г. и стихотворение Е. Валиной, А. Земной «В тот час ...»: «Пришел грядущему навстречу, / Лучами звездными горя, / Торжественный и мудрый вечер / Великой даты Октября» (С. 7); № 5 за 1945 г. – «Обращение тов. И. В. Сталина к народу» (9 мая 1945 г.), приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту от 9 мая 1945 года «О поздравлении с Днём Победы» и стихотворение А. Пришелеца «Победная весна».

В период войны авторы «Работницы» писали о героях фронта: Г. Манернов «Сестра» (1941. № 26), М. Анчарова «Железнодорожница на боевом посту», Е. Филиппова «В госпитале» (1941. № 27), Е. Воробьев «Старший лейтенант Салбиева» (1941. № 28), В. Коробков «Партизанка Катя Елина», В. Некрасов «Женщина-пилот», К. Голицынский «Фронтная бригада» (1942. № 8), капитан Ф. Костиков «Девушка-офицер», «Отважная комсомолка Белоруссии» (1944. № 1) и др. Практически все произведения литературного раздела связаны с темами войны, патриотизма, героизма: стихотворения А. Кузнецовой «Трое» (о школьных друзьях; в журнале указано, что автор – домашняя хозяйка) (1941. № 23), А. Евсеева «Подвиг обходчицы» (1941. № 24), работницы завода имени Ильича Н. П. Гороховой-Семиловой «Дорогому защитнику родины» (1941. № 26), В. Лебедева-Кумача «Фашистским женщинам» (1941. № 29) (В. И. Лебедев-Кумач (1898–1949) – советский поэт, в годы войны был политработником ВМФ, сотрудником издания «Красный флот»), Н. Асеева «Наша юность» (стихи к песне) (1943. № 10) (Н. А. Асеев (1889–1963) – поэт, переводчик, лауреат Сталинской премии), А. Твардовского «Ленин и печник» (1944. № 1) (А. Т. Твардовский (1910–1971) – писатель, поэт и журналист, был военным корреспондентом изданий «Красная Армия», «Красноармейская правда»), С. Михалкова и Эль-Регистана «Гимн Советского Союза» (1944. № 1) (С. М. Михалков

(1913–2009) – поэт и писатель, лауреат Сталинской премии, в годы войны был военным корреспондентом изданий «Во славу Родины», «Сталинский сокол»; Эль-Регистан – Г. А. Уреклянц (1899–1945) – писатель и журналист, военный корреспондент «Сталинского сокола» и др.; рассказы Д. Крептюкова (1888–1957) «Минер Морошкин» (1941. № 25), П. Замойского «Дружинница» (1941. № 32) (П. Замойский – П. И. Зевалкин (1896–1958), в годы войны был руководителем парторганизации, военным руководителем всеобуча), Б. Лавринёва «Старуха» (1943. № 2) (Б. А. Лавренёв (1891–1959) – поэт, писатель, журналист, лауреат двух Сталинских премий, в годы войны – корреспондент ВМФ), Ю. Яновского «Четырнадцатый сержант» (1943. № 6–7) (Ю. И. Яновский (1902–1954) – писатель, редактор, лауреат Сталинской премии) и др.

Отличительная особенность литературно-художественных произведений, опубликованных в прессе военного периода, – их идеологическая составляющая, которая формировалась за счет описания исторического прошлого страны – Октябрьской революции, деятельности В. И. Ленина, героев революции; и героических свершений современного периода, достигнутых советским народом под руководством партии и И. В. Сталина. «Что Ленин, как солнце, планету живит, / Что в Сталине ленинский гений горит. / Я самый счастливый певец на земле – / Я Сталина видел в московском Кремле. / Я рядом с вождем всех народов стоял / И крепко могучую руку пожал», – так описал образы двух вождей казахский поэт Джамбул в стихотворении «Ленин и Сталин», опубликованном в номере «Работницы», посвященном восемнадцатилетней годовщине смерти В. И. Ленина (1942. № 2. С. 2) (Джамбул – Джамбул Джабаев (1846–1945), лауреат Сталинской премии). В 1943 г. в № 1 журнала «Работница» вышло его стихотворение «Песня о Ленине»; примечательно, что на момент публикации в прессе данных поэтических произведений Джамбулу было около ста лет. Идеи героизации прошлого отображены в поэтических произведениях Е. Валиной:

*«Бесстрашные, идут в сражение рядом
Сыны и дочери разгневанной страны.
Их ленинская партия растила
Под сталинским отеческим крылом»*

(Валина Е. Дочери Родины // Работница. 1943. № 3. С. 8).

Формирование образов героев и врагов – следующий прием, широко, использовавшийся советской прессой и художественной литературой в период Великой Отечественной войны. Отметим, что указанный метод эффективно применялся в советской журналистике, литературе, искусстве довоенного времени: «Кино должно в высоких образцах искусства отобразить героическую борьбу за социализм и героев этой социалистической борьбы», – делалось заключение в партийном постановлении «О советской кинематографии» [19, с. 371]. Уже в первых военных номерах «Работницы» размещены стихотворения, рассматривавшие тему героизации: поэты представляли обобщенный образ героев, который связывали с патриотизмом, могуществом и величием страны, ее историческим прошлым: «Велика и сильна наша родина мать, / И бесстрашны герои бойцы» (Модзалевский И. Первый наш долг // Работница. 1941. № 22. С. 2); «Ты вернешься, я знаю, героем, / Ты ведь родину любишь как мать!» (Пришелец А. Рябина // Там же); «Когда ты в бой идешь, боец, / Запомни свято: за тобой / Родная мать, родной отец / Твой милый край, твой дом родной (Алигер М. Когда ты в бой идешь, боец // Работница. 1941. № 32. С. 2) (М. И. Алигер (1915–1992) – поэтесса и журналистка, была военным корреспондентом «Сталинского сокола», удостоена Сталинской премии за

поэму «Зоя», посвященную З. Космодемьянской). Уже вскоре в прессе стали выходить литературно-художественные публикации о подвигах героев с указанием их имен, подробностей героических поступков: стихотворения В. Дмитриева «Памяти героя» (памяти советского летчика Н. Гастелло) (1941. № 22), А. Твардовского «Отец и сын» (об отце и сыне Трутневых) (1941. № 24), Е. Авдиенко «Партизанка» (посвящено орденоносцу В. Герасимовой) (1941. № 28), Вл. Мусикова «О партизанке (Памяти Зои Космодемьянской)» (1942. № 10) (В. П. Мусиков (1914–1960) – советский поэт и писатель, фронтовик, в годы войны сотрудничал с периодическими изданиями), Е. Валиной «Дочери Родины» (о З. Космодемьянской, Л. Чайкиной и др.) (1943. № 3). В одном и том же номере «Работницы» могли размещаться и журналистские материалы, и стихи об одном и том же герое (героях): очерк старшего политрука А. Карбовского о медсестре З. Богдановой «Боевой друг» и стихотворение Б. Лихарева «Зина Богданова» (1941. № 27) (Б. М. Лихарев (1906–1962) – поэт и писатель, военный корреспондент издания «На страже Родины»), «Советские полководцы» и стихотворение Т. Евтеевой-Жуковской «Генерал» (1943. № 2).

Тема героизма в художественных произведениях часто перекликалась с темой смерти – юноши и девушки бесстрашно совершали подвиги и погибали в бою, в окружении, в плену:

*«Свищет пуля вражья,
Жизнь твою губя,
Очи помутились,
Стынет кровь твою»*

(Лихарев Б. Зоя Богданова // 1941. № 27. С. 9).

Сражавшиеся на фронте должны были быть героями, страх, малодушие были для них не приемлемы. «Мальчик мой, вернись героем, / Иль умри, как умер брат», – говорит мать сыну в стихотворении Л. Стефанович «Наказ матери» (1941. № 20–21. С. 16). Писатель и журналист И. Меньшиков в рассказе «Бессмертие» описал подвиг девушки, подорвавшей себя вместе с немцами гранатой: «“Я же не умру”», – почему-то вспомнила девушка ... Взрыва она не услышала» (1941. № 30. С. 16); в рассказе «Тоня Лескай» автор продолжил тему подвига, на этот раз он описал гибель молодой партизанки: «Трусись, – сказала девушка. Потом выпрямившись, она спокойно добавила: Стреляйте!» (1942. № 4. С. 19). И. Меньшиков был военным корреспондентом «Комсомольской правды», в 1943 г. он погиб в авиакатастрофе в возрасте двадцати восьми лет.

В образах героев представляли не только военные, медсестры, партизаны, но и труженики тыла. Так как «Работница» – журнал, адресованный женской аудитории, то в военный период в нем публиковались произведения, посвященные женщинам-труженицам: выходили статьи, очерки, письма о работницах, совершивших производственные подвиги, – они выполняли и перевыполняли трудовой план, при этом воспитывали детей, участвовали в обороне и восстановлении сел и городов, помогали фронту: В. Соловьев «На удар – тройным ударом» (об изменении деятельности на заводах) (1941. № 20–21), «Теплые вещи бойцам», «Героизм советской женщины», Е. Вишнякова «Помогаем фронту», Е. Валина «Дружинницы города К.» (1941. № 27), С. Голубчик «Освоили мужские профессии» (1941. № 36), «Больше машин фронту» (1942. № 12), председатель Смоленского обкома РОКК А. Куропаткова «Восстановим Смоленщину!» (1943. № 12) и др. Тема героизма женщин тыла отражена и в поэтических произведениях «Работницы», были опубликованы стихотворения Н. Титова «Девушка на

крыше» (1941. № 26), А. Пришелеца «Жена танкиста» (1941. № 28), А. Стоврацкого «Откатчицы» (1943. № 1) и др. «Она везде: / На фабрике, / В совете. / И на любом / Ответственном посту. / Единственная женщина / На свете, / Вошедшая / На эту высоту», – писал советский поэт и журналист П. Кудрявцев в стихотворении «Женщина СССР», опубликованном в № 31 за 1941 г. (С. 14).

Формирование образов врагов в прессе военного времени строилось за счет описания их злодеяний, жестокости, разрушенных территорий. В «Работнице» тема захватнических действий фашистской армии освещалась в статьях, очерках, письмах, выступлениях: «Режим фашистских мракобесов» (1941. № 20–21), Е. П. Кучерова-Зосимова «Немецкие грабители убегают» (1941. № 36), С. Гопнер «Что несет фашизм женщине» (1942. № 8) и др. В литературе описание фашизма и его действий отличалось повышенной эмоциональностью и художественной выразительностью: «На местности же не осталось ничего, кроме скошенного, поваленного, раздробленного леса вокруг, глубоких воронок», – писал Б. Лавренёв в рассказе «Старуха» (1943. № 2. С. 13). В основе сюжета произведения – встреча радистов-моряков с женщиной, которую они называли старуха, развязка истории производит эмоциональное воздействие на читателя:

«Господи! – вскрикнула старуха, отскочив от старшины и закрывая лицо, – Господи, доколе ж такая мука? Что ж это? Да знаете ли вы, сколько мне лет? Вот все мамашей да бабусей меня называете, а мне двадцать восьмой год только. Вот что немцы со мной сделали!» (С. 15).

В процессе создания образа врага часто использовалось противопоставление: «Наталя дожидалась сумерок. Она сидела у окна и сурово смотрела на безлюдную улицу. ... В конце улицы, из-за кирпичного сарая, стремительно, на полной скорости вылетел танк», «К вечеру, на лавках появились ... свежие, исходящие паром караваи. ... У немцев началось настоящее пиршество. Солдаты с жадностью глотали содержимое консервных банок, запихивая в рот огромные куски хлеба», – в рассказе «Мечь» (1941. № 27) писатель В. Некрасов противопоставил не только образы участников описанных событий (фашисты – партизаны); действия (мужчины ушли в партизанский отряд, женщин и детей эвакуировали, а главная героиня осталась, чтобы быть ближе к мужу и помогать партизанам), но и описание окружающей действительности (тишину нарушил грохот танка; деревня была многочисленной, теперь здесь – «пустота и безжизненность»); символы (хлеб, который является символом жизни, противопоставлен немецкому «пиршеству», и писатель преднамеренно использовал лексику, способствовавшую созданию образа жадного зверя: «... было слышно ... чавканье и глухое сопенье»); на контрасте событий строятся начало и финал рассказа: в первых строках читатель видит главную героиню в доме, в котором она прожила долгую жизнь с мужем, а в заключительных – она поджигает свой дом вместе с немцами, таким образом, простая женщина совершает подвиг (С. 16–17) (В. П. Некрасов (1911–1987) – писатель журналист, участник войны, лауреат Сталинской премии).

Отметим роль лексики в описании образов врагов: использование слов, несущих в себе отрицательную оценку, применение сарказма обеспечивали создание негативного отношения аудитории к противнику: «Получайте, собаки, за все, получайте, окаянные! – прошептала она, зажигая дрожащими пальцами спичку» (Некрасов В. Мечь. 1941. № 27. С. 17), «Гибель врага кровожадного ждет / В грозном, последнем бою» (Кузнецова А. Трое. 1941. № 23. С. 14), «Гневной, сокрушительной лавиной / Всюду своры хищников разят. / Сбить металлом их фашистский норов, / Выжигать воинственную прыть!» (Филатов А. Наш Октябрь отпраздновать делами. 1941. № 30. С. 2) и др.

Литературные произведения военного времени отличались глубоким психологизмом. Обратим внимание на то, что значительная часть авторов, публиковавших в «Работнице» прозу и поэзию, – военные корреспонденты. Согласно положению «О работе военных корреспондентов на фронте», военные журналисты зачислялись в ряды армии и флота, и их основной задачей являлось изображение людей фронта [19]. Следовательно, в рассказах и стихотворениях военного времени могли описываться не только реальные герои, случаи, ситуации, но эмоции их авторов – очевидцев военных событий. Отметим психологический аспект выбора главных персонажей литературных произведений – в публикациях «Работницы» в центре повествования часто оказывались женщины, девушки, дети. С одной стороны, это можно объяснить тем, что журнал, адресован женской аудитории, и, закономерно, что в нем описывались истории женщин, семей, но с другой стороны – именно изображение женщины, ребенка оказывало наиболее сильное эмоциональное воздействие на читателей. Ведь женщина – это мать, жена, она – хранительница семейных устоев, а дети – продолжатели рода, истории, будущее страны, в связи с чем рассказы об их тяжелом труде, страданиях, потерях, боли вызывали как сопереживание, сострадание аудитории, так и гнев, желание отомстить. В произведениях популярен образ матери: «Любимый сын красноармеец! Не знаю вашего имени и фамилии, дорогой мой. А сыном называю потому, что моего рожденного сына в живых нет, я осталась без сына несколько дней тому назад», – писала мать, потерявшая сына, незнакомому солдату в рассказе Ю. Яновского «Сын» (1941. № 28. С. 17), «Не расстроюсь. Гордости полна, / Что мой сын на фронте добровольно, / Где сражается его страна», – сообщала героиня стихотворения Т. Дунаевской «Сыну» (1941. № 36. С. 2). В прозе и поэзии представал как определенный образ матери – это женщина, она проводила на фронт сына или сыновей, так и ассоциативный – героиня делится теплом, заботится о бойцах, раненых как о родных детях, и обобщенный – в этом образе символически объединяются представления о всех матерях. Например, обобщенный образ матери использован в стихотворении «Санитарка» Р. Романа: «Пускай запомнят все враги лихие, / Что наших матерей вовек им не сломить, / Страну, в которой матери такие, / Никто и никогда не сможет победить!» (1941. № 33. С. 14), ассоциативный – в рассказе Е. Королевой «Марковна» (1942. № 2. С. 14–15). Кроме того, в «Работнице» были опубликованы стихотворения, посвященные жене, сестре, дочери: А. Палей «Наша женщина» (1942. № 13) (А. Р. Палей (1893–1995) – поэт, писатель, участник войны), матери летчика М. Чашигиной «Письмо к сыну» (1942. № 15), Я. Быланина «Сестра моя» (1943. № 3), А. Филатова «Письмо дочурке» (1943. № 4–5) (А. Ф. Филатов (1913–1985) – поэт, участник войны).

Авторы затрагивали тему любви и верности: К. Паустовский «Салют под дождем» (1944. № 12) (К. Г. Паустовский (1892–1968) – советский писатель, журналист, в начале войны – военный корреспондент Южного фронта), С. Могилевская «Бисерный кисет» (1945. № 4) (С. А. Могилевская (1903–1981) – советская писательница). Например, в рассказе С. Гальперн «Любовь и дружба» описана история встречи молодой супружеской пары в госпитале: они поженились накануне войны, Володя ушел на фронт, где был ранен, лишился ноги и решил не «быть обузой», предложил жене расстаться, о чем сообщил в письме. Светлана нашла его в госпитале: «... я люблю тебя еще крепче, еще нежнее. Ты потерял ногу... Ведь это за меня, за родину, за жизнь и счастье миллионов таких, как я ...», – эмоциональное признание молодой женщины можно расценивать как символическое обращение к тем, кто воевал на фронте, – их ждали дома, надеялись на встречу, ценили их героизм (1942. № 12. С. 15).

Литературно-художественное разнообразие «Работницы» военного периода представлено не только героическими, патриотическими произведениями, но и сатирическими. В № 31 за 1941 г. опубликовано сатирическое стихотворение Р. Романа «В эти дни», в котором автор показал пародийные образы тех, кто не разделял патриотических настроений, заботился о сохранении своего имущества, распространял слухи: «Богатой “домовладелькой” / Скромная бабка когда-то слыла! / Немцы так немцы! Хоть бог или черти! / Лишь бы вернуть свой богатый уют» (С. 15). Вышли в журнале и другие публикации сатирического и юмористического характера: стихотворение Р. Романа «Маскарад» (1941. № 29), «Фашистское гадание» (1942. № 1), частушки К. Быковой «Били немцев мы не раз» (1943. № 2), А. Стоврацкого «Шахтерские частушки» (1943. № 3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Советский женский журнал «Работница» являлся центральным изданием, его деятельность в период Великой Отечественной войны, в условиях, когда функционирование ряда СМИ было приостановлено, свидетельствует об особом внимании партийного аппарата к женской аудитории и роли издания в годы войны – оно информировало о героизме женщин в тылу, подвигах военнослужащих, выполняло функции мобилизации, патриотического, антифашистского воспитания. Проведенный анализ модели издания и литературного раздела позволяет сделать следующие выводы:

1. Тип советского женского общественно-политического и литературно-художественного журнала был сформирован в первые годы советской власти. Введение литературного раздела в его модель первоначально мотивировалось традициями отечественной периодики – литературные разделы были востребованы в массовой периодической печати, реализовывали не только образовательные и просветительские функции, но и пропагандистские. В советский период литература, наряду с журналистикой, выполняла культурно-просветительские, идеологические и агитационно-пропагандистские задачи, вследствие чего функционирование литературного раздела в структуре массового политического периодического издания являлось обоснованным.

2. Модель массового общественно-политического и литературно-художественного женского журнала утвердилась в системе советской периодики, наличие политических женских журналов свидетельствовало об актуальности специальной информационной политики, направленной на женскую, семейную аудиторию. Присутствие женской прессы в системе СМИ периода Великой Отечественной войны можно оценивать как развитие и поддержание специального информационно-коммуникативного ресурса, ориентированного на женскую аудиторию (женское население), которая была задействована в реализации важнейших задач: производственных, оборонительных, оказании помощи фронту, сохранении и воспитании подрастающего поколения.

3. Деятельность журнала «Работница» в период 1941–1945 гг. регулировалась специальными постановлениями руководства страны, что отображалось на его функциональной направленности, типологической модели, тематике. Литературный раздел гармонично дополнял общее содержание издания, публиковавшиеся поэтические и прозаические произведения соотносились с его тематикой, были посвящены героизму, патриотизму, описывали участие женщин в военных действиях и работе тыла.

4. Авторы значительной части литературно-художественных произведений «Работницы» – писатели и поэты, являвшиеся военными корреспондентами; их личный опыт способствовал не только отображению в рассказах и стихах историй реальных героев, но и выражению собственного восприятия описанных событий, что обуславливало реалистичность и эмоциональность их прозы и поэзии.

5. Периодика и литература Великой Отечественной войны являлись эффективным инструментом пропаганды. В литературных произведениях использовались следующие приемы пропаганды: отбор фактов, выражение официальной точки зрения на события, зафиксированной в постановлениях партии, идеологизация, отсылка к историческому прошлому страны, формирование образов вождей, формирование образов героев и врагов, эмоционализация, использование личных историй героев фронта и тыла, описание трагедии через рассказ о женщинах (матерях, женах), детях, семьях и т. д.

6. Изучение опыта функционирования прессы и литературы в период войны способствует выявлению эффективных форм их деятельности, тематических, жанровых, эмоционально-чувственных и художественных характеристик произведений.

Список литературы

1. *Аринов А. Г.* Участие женщин в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны в советской военной периодической печати // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 4. – С. 136–148.
2. *Безруков А. Н.* Недетская поэзия Сергея Михалкова: от строгой формальности к смысловому ригоризму // Нижневартковский филологический вестник. – 2023. – № 2. – С. 6–18.
3. *Беляева Н. В., Пигорева О. В.* Война как духовно-нравственное испытание и фронт в жизни и творчестве писателя-фронтовика Е. И. Носова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. – № 9. – С. 3049–3055.
4. *Боннер-Смеюха В. В.* Отечественные женские журналы. Историко-типологическое исследование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2001. – 26 с.
5. *Бормотова А. Р.* Основные особенности развития печати в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Курской области) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2010. – № 1(72). – С. 183–190.
6. *Ван С., Виватенко С. В., Сиволап Т. Е.* Очерки из истории пропаганды и контрпропаганды в СМИ и культуре на Западном фронте в годы Второй мировой войны. – СПб.: ЛЕМА, 2024. – 116 с.
7. *Галимуллина Н. М.* Женские образы в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны // Вестник Социально-педагогического института. – 2014. – № 1(9). – С. 37–40.
8. *Головин Ю. А., Коханая О. Е.* Журналистика как инструмент межкультурной коммуникации в эпоху информационных войн // Региональная журналистика в фокусе времени: Материалы II Всероссийской науч.-практич. конференции с междунар. участием, посвященной 120-летию удмуртской национальной печати. – Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2024. – С. 18–27.
9. Из постановления ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1928 г. «Об обслуживании книгой массового читателя» // О партийной и советской печати. Сборник документов. – М.: Издательство «Правда», 1954. – С. 380–382.
10. *Карпий С. В.* Воздействие системы печати Донбасса на языковые процессы в период ВОВ (1941–1945 гг.) // Восточнославянская филология. Языкознание. – 2021. – № 12(38). – С. 113–124.
11. *Катионов О. Н., Катионова А. О., Майер Б. О.* Литературные произведения писателей-фронтовиков в воспитании современной молодежи // Science for Education Today. – 2019. – Т. 9. – № 6. – С. 107–120.
12. *Колобов А. Н., Ефимов А. А., Анохина И. А.* «Снайпер пера». Публицистика И. Г. Эренбурга в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. – 2024. – № 1. – С. 4–13.
13. *Лившин А. Я.* Советская пропаганда периода Великой Отечественной войны: образ врага и образ союзника // Человеческий капитал. – 2019. – № 12(132). – С. 22–29.

14. Лобовикова Е. А. Конструирование образов героев в социальной рекламе // Военная журналистика в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции. – СПб.: ООО «Медиапайр», 2023. – С. 84–88.
15. Лунева Л. П. Русский язык как средство формирования гражданских и патриотических ценностей личности // Обучение и воспитание на уроках русского языка: к юбилею научной школы «Аксиологическая лингвометодика: мировоззренческие и ценностные аспекты в школьном и вузовском преподавании русского языка»: Сборник материалов международной научно-практической конференции. – М.: МПГУ, 2024. – С. 202–208.
16. Мащенко А. П. Крым в жизни и творчестве Константина Симонова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9. – № 3. – С. 88–103.
17. Минаева О. Д. Формирование и развитие системы периодических изданий для советских женщин в 1917–1941 гг.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. – М.: МГУ, 2016. – 22 с.
18. Москвина Е. Г., Поздняков А. А. Жанрово-тематическое своеобразие журнала «Работница» в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: уроки истории: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Великая Отечественная война: уроки истории», посвященной 80-летию со дня Великой Победы. – Курган: Курганский государственный университет, 2025. – С. 143–146.
19. О работе военных корреспондентов (Из положения, утвержденного в 1942 году Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главным политическим управлением Красной Армии) // О партий и советской печати. Сборник документов. – М.: Правда, 1954. – С. 499–500.
20. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд-е девятое, дополненное и исправленное. – Т. 5. М.: Изд-во политич. лит-ры, 1984. – С. 370–374.
21. Орехов В. В. Военная журналистика в эпоху СВО: от фиксации фактов к обобщениям // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10. – № 3. – С. 49–61.
22. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистические исследования [Г. Ф. Кривошеев и др.]. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 607 с.
23. Руденко М. С. Образ Великой Отечественной войны в публицистике 1941–1945 гг // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2015. – № 3. – С. 45–57.
24. Рыбаковский Л. Л. Людские потери СССР и России в 1941–1945 гг. // Народонаселение. – 2011. – № 1(51). – С. 008–024.
25. Рябов О. В. Женщины нацистской Германии в зеркале советской карикатуры (на материале журнала «Крокодил») // Уральский исторический вестник. – 2019. – № 3(64). – С. 84–92.
26. Скубач О. А. Механизмы формирования идеологии советского подвига в литературе и культуре 1920–1940-х гг. // Иден и идеалы. – 2014. Т. 1, № 1(19). – С. 127–134.
27. Смеюха М. А. Интеграция немецкого модного журнала «Burda Moden» в систему советской женской прессы // Медиакommunikации в поликультурном обществе: Сборник студенческих научных работ региональной научной конференции. – Симферополь: Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова, 2025. – С. 75–81.
28. Сохибназарбекова Р. М. Трансформация социального статуса женщин в период ВОВ и её освещение в периодической печати // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2022. – № 6. – С. 267–274.
29. Столетова А. С. Советский писатель на фронте: военная дорога А. Я. Яшина // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2021. – № 4(23). – С. 35–39.
30. Сулова И. Б. Военная летопись Сочи в материалах документальных фотографий: воспитательный аспект // Вестник Университета Российского инновационного образования. – 2025. – № 1. – С. 86–111.
31. Танцевова А. В. Фотоочерки журнала «Огонек» 1941–1945 гг. Как исторический источник по истории Великой Отечественной войны // Духовно-нравственная культура в высшей школе. Битва за победу: 75 лет спустя: тезисы, доклады и сообщения. – Москва: РУДН, 2020. С. 138–143.
32. Тетуев А. И. Деятельность советских писателей в формировании патриотизма в годы Великой Отечественной войны (на примере Кабардино-Балкарии) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2024. – № 2(65). – С. 55–61.

33. Уртаева Э. Б. Геополитические аспекты информационных войн и их влияние на политические процессы // Вопросы политологии. – 2024. – Т. 14. – № 3(103). – С. 1140–1151.
34. Широкопад И. И. Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – М.: МГУП имени И. Федорова, 2001. – 330 с.
35. Яблоновская Н. В., Кутюкова К. А. Визуальная пропаганда в газете «Красный Крым» периода Великой Отечественной войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9. – № 4. – С. 97–115.
36. Яблоновская Н. В., Джелилова Л. Ш. Крымскотатарский женский журнал «Совет кьадынлыгъы» («Советская женщина»): историко-типологические и тематические характеристики // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2023. – Т. 48. – № 6. – С. 211–231.
37. Al-Shalan B. The power of framing: Western media and misrepresentation of the East // Presidential Orient, 2025, no. 1, pp. 37–45.
38. Bogdanova I. F., Bogdanova N. F. The Belarusian Periodical Press During the Great Patriotic War // Bibliography and Bibliology, 2025. May. URL: https://www.researchgate.net/publication/394756081_The_Belarusian_Periodical_Press_During_the_Great_Patriotic_War?_sg=NAxWxKjZLdv0soZpMw_
39. Halilov A. The press of Kyrgyzstan during the great patriotic war (1941–1945) // Alatau Academic Studies, 2022, no. 22(4), pp. 385–390.
40. Öztürk M., Vagabov M. M., Gazieva A. A. Battle of Stalingrad: Reflection of Events and Evaluation in Turkish Press during Period of World War II // Nauchnyi dialog, 2024, no. 13(5), pp. 456–474.

References

1. Arinov A. G. *Uchastie zhenshchin v boevykh dejstviyakh na frontakh Velikoj Otechestvennoj vojny v sovetskoj voennoj periodicheskoj pechati* [The participation of women in combat operations on the fronts of the Great Patriotic War in the Soviet military periodical press]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, 2021, no. 4, pp. 136–148.
2. Bezrukov A. N. *Nedetskaya poehziya Sergeya Mikhalkova: ot strogoj formal'nosti k smyslovomu rigorizmu* [Sergei Mikhalkov's Non-Childish Poetry: from Strict Formality to Semantic Rigorism]. *Nizhneartovskij filologicheskij vestnik*, 2023, no. 2, pp. 6–18.
3. Belyaeva N. V., Pigoreva O. V. *Vojna kak dukhovno-nravstvennoe ispytanie i frontir v zhizni i tvorchestve pisatelya-frontovika E. I. Nosova* [War as a spiritual and moral test and frontier in the life and work of veteran writer E. I. Nosov]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2024, vol. 17, no. 9, pp. 3049–3055.
4. Bonner-Smeyukha V. V. *Otechestvennye zhenskie zhurnaly. Istoriko-tipologicheskoe issledovanie: Avtoref dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.10* [Domestic women's magazines. Historical and typological research. Abstract of Thesis]. Rostov-on-Don, 2001. 26 p.
5. Bormotova A. R. *Osnovnye osobennosti razvitiya pechati v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. (po materialam Kurskoj oblasti)* [The main features of the development of the press during the Great Patriotic War of 1941–1945 (based on materials from the Kursk region)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*, 2010, no. 1(72), pp. 183–190.
6. Van S., Vivatenko S. V., Sivolap T. E. *Ocherki iz istorii propagandy i kontrpropagandy v SMI i kul'ture na Zapadnom fronte v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Essays from the history of propaganda and counter-propaganda in the media and culture on the Western Front during the Second World War]. Saint-Petersburg, 2024. 116 p.
7. Galimullina N. M. *Zhenskie obrazy v sovetskoj propagande perioda Velikoj Otechestvennoj vojny* [Female images in Soviet propaganda during the Great Patriotic War]. *Vestnik Social'no-pedagogicheskogo instituta*, 2014, no. 1(9), pp. 37–40.
8. Golovin Yu. A., Kokhanaya O. E. *Zhurnalistika kak instrument mezhkul'turnoj kommunikacii v ehpokhu informacionnykh vojn* [Journalism as a tool of intercultural communication in the era of information wars]. *Regional'naya zhurnalistika v fokuse vremeni: Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 120-letiyu udmurtskoj nacional'noj pechati*. Izhevsk, 2024, pp. 18–27.
9. *Iz postanovleniya CK VKP(b) ot 28 dekabrya 1928 g. "Ob obsluzhivanii knigoj massovogo chitatel'ya"* [From the resolution of the Central Committee of the CPSU(b) dated December 28, 1928 "On the provision

- of books to the general reader”]. O partijnoj i sovetskoj pechati. Sbornik dokumentov. M.: Izdatel'stvo “Pravda”, 1954, pp. 380–382.
10. Karpij S. V. *Vozdejstvie sistemy pechati Donbassa na yazykovye processy v period VOV (1941–1945 gg.)* [The impact of the Donbass printing system on language processes during the Second World War (1941–1945)]. *Vostochnoslavjanskaya filologiya. Yazykoznanie*, 2021, no. 12(38), pp. 113–124.
 11. Kationov O. N., Kationova A. O., Majer B. O. *Literaturnye proizvedeniya pisatelej-frontovikov v vospitanii sovremennoj molodezhi* [Literary works of front-line writers in the education of modern youth]. *Science for Education Today*, 2019, vol. 9, no. 6, pp. 107–120.
 12. Kolobov A. N., Efimov A. A., Anokhina I. A. “*Snajper pera*”. *Publicistika I. G. Ehrenburga v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [“Sniper of the pen”. I. G. Ehrenburg's journalism during the Great Patriotic War]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 2024, no. 1, pp. 4–13.
 13. Livshin A. Ya. *Sovetskaya propaganda perioda Velikoj Otechestvennoj vojny: obraz vruga i obraz soyuznika* [Soviet propaganda of the Great Patriotic War period: the image of the enemy and the image of the ally]. *Chelovecheskij capital*, 2019, no. 12(132), pp. 22–29.
 14. Lobovikova E. A. *Konstruirovaniye obrazov geroev v social'noj reklame* [Constructing images of heroes in social advertising]. *Voennaya zhurnalistika v sovremennom mire: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Saint-Petersburg, 2023, pp. 84–88.
 15. Luneva L. P. *Russkij yazyk kak sredstvo formirovaniya grazhdanskikh i patrioticheskikh cennostej lichnosti* [The Russian language as a means of forming civic and patriotic values of the individual]. *Obuchenie i vospitanie na urokakh russkogo yazyka: k yubileyu nauchnoj shkoly “Aksiologicheskaya lingvometodika: mirovozzrencheskie i cennostnye aspekty v shkol'nom i vuzovskom prepodavanii russkogo yazyka”*. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moscow, 2024, pp. 202–208.
 16. Mashchenko A. P. *Krym v zhizni i tvorchestve Konstantina Simonova* [Crimea in the life and work of Konstantin Simonov]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 88–103.
 17. Minaeva O. D. *Formirovaniye i razvitie sistemy periodicheskikh izdanij dlya sovetskikh zhenshchin v 1917–1941 gg.* Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.10 [Formation and development of a system of periodicals for Soviet women in 1917–1941. Abstract of Thesis]. Moscow, 2016. 22 p.
 18. Moskvina E. G., Pozdnyakov A. A. *Zhanrovo-tematicheskoe svoeobrazie zhurnala “Rabotnica” v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Genre and thematic originality of the magazine “Rabotnica” during the Great Patriotic War] // *Velikaya Otechestvennaya vojna: uroki istorii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii “Velikaya Otechestvennaya vojna: uroki istorii”*, posvyashchennoj 80-letiyu so dnya Velikoj Pobedy. Kurgan, 2025, pp. 143–146.
 19. *O rabote voennykh korrespondentov (Iz polozheniya, utverzhennogo v 1942 godu Upravleniem propagandy i agitacii CK VKP(b) i Glavnym politicheskim upravleniem Krasnoj Armii)* [On the work of war correspondents (From the regulations approved in 1942 by the Department of Propaganda and Agitation of the Central Committee of the CPSU (b) and the Main Political Directorate of the Red Army)]. O partij i sovetskoj pechati. Sbornik dokumentov. M.: Izdatel'stvo “Pravda”, 1954, pp. 499–500.
 20. *O sovetskoj kinematografii* [On Soviet cinematography]. KPSS v rezolyuciyakh i resheniyakh s'ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1986). Izd-e devyatoe, dopolnennoe i ispravlennoe. T. 5. M.: Izd-vo politich. lit-ry, 1984, pp. 370–374.
 21. Orekhov V. V. *Voennaya zhurnalistika v ehpokhu SVO: ot fiksacii faktov k obobshcheniyam* [Military journalism in the era of the SVO: from fixing facts to generalizations. Military journalism in the era of the SMO: from fixing facts to generalizations]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 49–61.
 22. *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil: Statisticheskie issledovaniya* [Russia and the USSR in the wars of the XX century. Losses of the armed forces: Statistical research][G. F. Krivosheev i dr.]. Moscow, 2001. 607 p.
 23. Rudenko M. S. *Obraz Velikoj Otechestvennoj vojny v publicistike 1941–1945 gg* [The image of the Great Patriotic War in journalism 1941–1945]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2015, no. 3, pp. 45–57.
 24. Rybakovskij L. L. *Lyudskie poteri SSSR i Rossii v 1941–1945 gg.* [Human losses of the USSR and Russia in 1941–1945]. *Narodonaselenie*, 2011, no. 1(51), pp. 008–024.

25. Ryabov O. V. *Zhenshchiny nacistской Germanii v zerkale sovetskoj karikatury (na materiale zhurnala "Krokodil")* [Women of Nazi Germany in the mirror of Soviet caricature (based on the material of the magazine "Krokodil Krokodil")]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2019, no. 3(64), pp. 84–92.
26. Skubach O. A. *Mekhanizmy formirovaniya ideologii sovetskogo podviga v literature i kul'ture 1920–1940-kh gg.* [Mechanisms of formation of the ideology of the Soviet feat in literature and culture of the 1920s–1940s]. *Idei i ideal'y*, 2014, vol. 1, no. 1(19), pp. 127–134.
27. Smeyukha M. A. *Integraciya nemeckogo modnogo zhurnala "Burda Moden" v sistemu sovetskoj zhenskoj pressy* [Integration of the German fashion magazine "Burda Moden" into the Soviet women's press system]. *Mediakommunikacii v polikul'turnom obshchestve: Sbornik studencheskikh nauchnykh rabot regional'noj nauchnoj konferencii*. Simferopol, 2025, pp. 75–81.
28. Sokhibnazarbekova R. M. *Transformaciya social'nogo statusa zhenshchin v period VOV i eyo osveshchenie v periodicheskoy pechati* [The transformation of the social status of women during the GPW and its coverage in the periodical press]. *Vestnik Tadzhikskogo nacional'nogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk*, 2022, no. 6, pp. 267–274.
29. Stoletova A. S. *Sovetskij pisatel' na fronte: voennaya doroga A. Ya. Yashina* [Soviet writer at the front: the military road by A. Ya. Yashin]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki*, 2021, no. 4(23), pp. 35–39.
30. Suslova I. B. *Voennaya letopis' Sochi v materialakh dokumental'nykh fotografij: vospitatel'nyj aspekt* [The military chronicle of Sochi in the materials of documentary photographs: the educational aspect]. *Vestnik Universiteta Rossijskogo innovacionnogo obrazovaniya*, 2025, no. 1, pp. 86–111.
31. Tancevova A. V. *Fotocherki zhurnala "Ogonek" 1941–1945 gg. Kak istoricheskij istochnik po istorii Velikoj Otechestvennoj vojny* [Photo essays of the Ogonyok magazine 1941–1945. As a historical source on the history of the Great Patriotic War]. *Dukhovno-nravstvennaya kul'tura v vysshej shkole. Bitva za pobedu: 75 let spustya: tezisy, doklady i soobshcheniya*. Moscow, 2020, pp. 138–143.
32. Tetuev A. I. *Deyatel'nost' sovetskikh pisatelej v formirovanii patriotizma v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere Kabardino-Balkarii)* [The activity of Soviet writers in the formation of patriotism during the Great Patriotic War (on the example of Kabardino-Balkaria)]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki*, 2024, no. 2(65), pp. 55–61.
33. Urtaeva E. B. *Geopoliticheskie aspekty informacionnykh vojn i ikh vliyanie na politicheskie processy* [The geopolitical aspects of information wars and their impact on political processes]. *Voprosy politologii*, 2024, vol. 14, no. 3(103), pp. 1140–1151.
34. Shirokorad I. I. *Central'naya periodicheskaya pechat' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)* [The Central Periodical Press during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow, 2001. 330 p.
35. Yablonovskaya N. V., Kutovaya K. A. *Vizual'naya propaganda v gazete "Krasnyj Krym" perioda Velikoj Otechestvennoj vojny* [Visual propaganda in the newspaper "Krasnyj Krym" during the Great Patriotic War]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 97–115.
36. Yablonovskaya N. V., Dzhelilova L. Sh. *Krymskotatarskij zhenskij zhurnal "Sovet kadyňlygy" ("Sovetskaya zhenshchina")*: istoriko-tipologicheskie i tematicheskie kharakteristiki [Crimean Tatar women's magazine "Sovet kadyňlygy" ("Sovetskaya zhenshchina"): historical, typological and thematic characteristics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 2023, vol. 48, no. 6, pp. 211–231.
37. Al-Shalan B. *The power of framing: Western media and misrepresentation of the East*. *Presidential Orient*, 2025, no. 1, pp. 37–45.
38. Bogdanova I. F., Bogdanova N. F. *The Belarusian Periodical Press During the Great Patriotic War. Bibliography and Bibliology*, 2025. May. URL: https://www.researchgate.net/publication/394756081_The_Belarusian_Periodical_Press_During_the_Great_Patriotic_War?_sg=NAxWxKjZLdv0soZpMw_
39. Halilov A. *The press of Kyrgyzstan during the great patriotic war (1941–1945)*. *Alatoo Academic Studies*, 2022, no. 22(4), pp. 385–390.
40. Öztürk M., Vagabov M. M., Gazieva A. A. *Battle of Stalingrad: Reflection of Events and Evaluation in Turkish Press during Period of World War II*. *Nauchnyi dialog*, 2024, no. 13(5), pp. 456–474.

**THE IDEOLOGICAL AND ARTISTIC POTENTIAL OF THE LITERARY SECTION OF
THE MAGAZINE “RABOTNICA” DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Smeyukha V. V., Smeyukha M. A.

The press and fiction of the Great Patriotic War are sources for studying the perception of military events through press materials and literary works, and interaction with the media through mass communications. During the war, the Soviet periodical press system was transformed, and the central women's magazines continued their activities in 1941–1945, which indicates the importance of the type of publications in a military situation. The purpose of the article is to examine the literary section of the magazine “Rabotnica” in the specified historical period, to identify its functional, thematic, typological characteristics, its connection with the general typological concept of the magazine model. The following research methods are used: historical, typological, and philological. The following conclusions were reached: the literary section of the magazine “Rabotnica” complemented the publication model, implemented informational, propaganda, and educational functions. The authors of literary works were both the authors of the magazine “Rabotnica”, as well as famous writers, poets, and journalists who participated in military operations; the combat experience of the authors contributed to recreating realism in describing military events, depicting historical actions through stories, and the feelings of individuals. The literary section reflected the publication's connection with the official information policy of the state at the time, and the magazine's audience: it published works that touched on the themes of patriotism, heroism, family, love, and loyalty.; The authors of poetic and prose works used propaganda techniques, which contributed to the formation of patriotic sentiments and behavioral patterns of the audience.

Keywords: literature of the war period, women's magazine, magazine “Rabotnica”, Great Patriotic War, literary section, subject matter, publication model, propaganda methods.

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.512.144+81.116

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-44-60

‘ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ’ КАК МОТИВАЦИОННЫЙ ПРИЗНАК БОТАНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ДИАЛЕКТАХ И ГОВОРАХ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА (ОСМЫСЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭЛЕКТРОННОЙ ОБРАБОТКИ)

Абдуллабекова У. Б.

*Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
Махачкала, Российская Федерация
E-mail: irma-uma@mail.ru*

Статья является осмыслением результатов электронной обработки номинаций ботанической терминологии в диалектах и говорах кумыкского языка, опубликованных на открытой лингвистической платформе LingvoDoc. Целью исследования является анализ ‘цветообозначения’ как мотивационного признака в ботанических терминах-диалектизмах. В статье ставятся следующие задачи: выделить фитонимы-диалектизмы с внутренней формой ‘цветообозначение’, провести анализ электронной обработки материалов и электронных карт. В статье анализируются хроматические и ахроматические цвета как мотивационные признаки. В кумыкском языке широко употребляются хроматические цвета в качестве мотивационного признака. Ахроматические цвета – в меньшей степени, притом что в терминах с *къара* «чёрный» не цвет является мотивационным признаком, а качество по функции: злостный сорняк, сильно пахнет, имеет противопоставления. ‘Цветообозначение’ как мотивационный признак широко употребляется в южных диалектах, особенно в кайтагском, связывая этот факт со средой обитания и деятельностью носителей диалекта. Центральный предгорный фиторесурсный район характеризуется разнообразной растительностью и широким распространением диких плодовых, что нашло отражение в языке. Широкое использование цветообозначений объясняется развитием ковертчества у кумыков.

Ключевые слова: ботаническая терминология, кумыкский язык, фитонимы тюркских языков, мотивационный признак, цветообозначение, среда обитания и язык, ковертчество и язык.

ВВЕДЕНИЕ

Современный кумыкский язык относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. По переписи населения 2021 г. [11], в Российской Федерации проживает 565830 кумыков, из которых владеют кумыкским языком 376528 человек. Из общего количества населения кумыков в Республике Дагестан насчитывается 496455 кумыков, которые составляют 15,83% населения республики, из них владеют кумыкским языком 349084 человек. Также кумыки компактно проживают в с. Виноградное Грозненского района и в с. Брагуны Гудермесского района Чеченской Республики, в с. Кизляр Республики Северная Осетия-Алания. В Северной Осетии-Алании проживают 18054 кумыка, которые составляют 2,79% населения республики, 15621 человек владеет кумыкским языком. В Чеченской Республике проживают 12184 кумыка, которые составляют 0,8% населения Чеченской республики, 11830 владеют кумыкским языком. Ареал распространения кумыкского языка отражён на электронной карте (Рисунок 1), созданной на открытой лингвистической платформе LingvoDoc [31]:

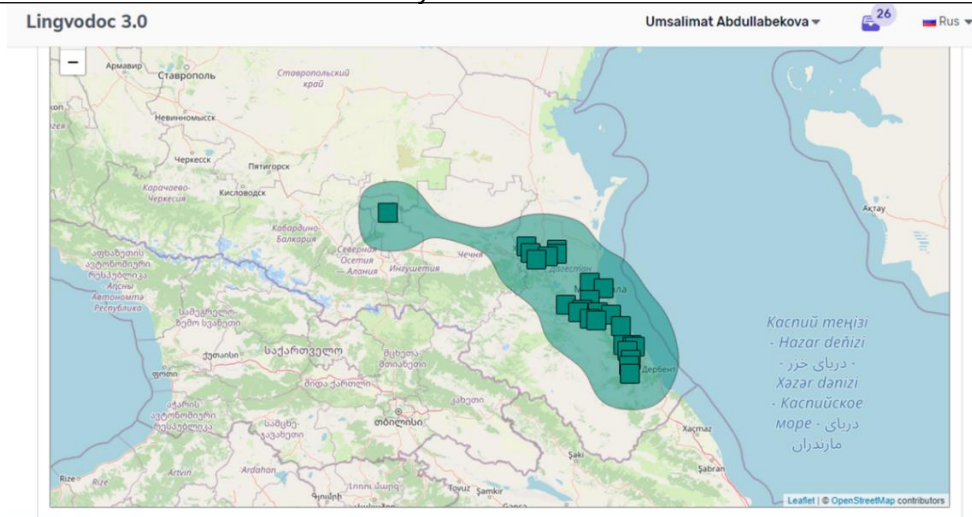

Рисунок 1. Ареал распространения кумыкского языка

Диалекты кумыкского языка

Изучение 'цветообозначения' в ботанической терминологии как мотивационного признака потребовало обращения к диалектам и говорам, а не к литературному языку. Выбор обусловлен тем, что именно диалекты как живые носители культурного наследия наиболее полно отражают исторически сложившиеся представления о растениях и их свойствах в конкретном регионе.

Под диалектом понимается «разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной общностью», в то время как говор определяется как «наименьшая территориальная разновидность языка, используемая в качестве средства общения жителями одного или нескольких соседних, обычно сельских, населённых пунктов, не имеющих территориально выраженных языковых различий».

В кумыкском языке выделяются 5 диалектов: хасавюртовский, буйнакский, подгорный, кайтагский и терский. В основе формирования кумыкского литературного языка лежат буйнакский и хасавюртовский диалекты. Известно, что, как правило, за основу литературного языка брался диалект, носители которого проживали в экономических и культурных центрах народности и по численности превосходили носителей других диалектов.

Д. М. Хангишиев выделяет в кумыкском языке два наречия: южное и северное. К южному наречию относятся кайтагский и подгорный диалекты, тогда как к северному – буйнакский, хасавюртовский и терский диалекты [35, с. 2]. Вместе с тем Н. Х. Ольмесов предлагает более детальную классификацию, выделяя три наречия: южное, северное и среднее. По его мнению, южное наречие включает кайтагский и подгорный диалекты, северное – хасавюртовский и терский, а среднее – буйнакский диалект [29, с. 17]. При этом следует отметить, что южные диалекты (кайтагский и подгорный) значительно отличаются от северных (буйнакского, хасавюртовского и терского).

Диалектный материал, отражённый в словарях, опубликованных на открытой лингвистической платформе LingvoDoc, собран Таймасхановой Татув Гаджиевной, младшим научным сотрудником Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского филиала РАН, с 1981 по 1989 гг. [28].

Ботаническая терминология

Язык может выступать как знание, как инструмент, как окно наблюдения. Издревле подмечено: одно и то же можно сказать совсем по-разному. Значения слов реализуются разнообразными средствами.

Именно диалектная ботаническая терминология и фитонимия, на наш взгляд, являются наиболее интересным материалом для исследования, более того, кажется очевидным, что многие ботанические термины и фитонимы имеют «народное происхождение». Сезонный календарь, погодные явления, ландшафты, животные и растения являются частью ежедневного бытия, а значит, объектами внимательного изучения и осмысления в рамках наивной картины мира.

В кумыкском языке нет социального заказа в достаточной степени на развитие терминологии (например, по естественнонаучным дисциплинам), так как нет научного познания на кумыкском языке (научное познание происходит на русском языке). В связи с этим растения имеют только народные названия, которые превратились в некоторой степени в научные (используются в газетах, журналах, учебниках), и поэтому, мы можем их назвать народной «ботанической терминологией». Это естественно сложившиеся имена, возникшие стихийно и закрепившиеся в языке в результате речевой практики в отличие от искусственно созданных научных названий, которые являются результатом целенаправленного номинативного акта.

Анализ показывает, что с конца XX в. наблюдается устойчивый рост исследовательского интереса к ботанической терминологии в мотивационном аспекте как русского литературного языка и его диалектов в работах В. Г. Арьяновой [23; 24; 4; 5; 6; 7], О. И. Блиновой [23; 24; 25; 26; 8], Р. Д. Сетарова [33], В. Б. Колосовой [20], И. В. Лукьяновой [22] и др., так и тюркских языков и диалектов в работах Д. Б. Мирзахановой [27], А. Б. Семеновой [32], Ю. Н. Исаева [17], Л. В. Хаппаевой [36], Ж. М. Омашевой [30] и др. Ботаническая терминология кумыкского языка и диалектов проанализирована в работах У. А. Абдуллаевой [1], А. Б. Крымхановой, Н. Э. Гаджихмедова [21], А. Х. Исмаиловой, Э. Н. Гаджиева [19], А. Х. Исмаиловой [18], Н. Э. Гаджихмедова, А. А. Абдуллаевой, М. А. Айбатыровой [12], Н. Э. Гаджихмедова, М. А. Айбатыровой [14], Н. Э. Гаджихмедова, М. А. Айбатыровой, А. Н. Гаджихмедовой [13], М. А. Айбатыровой, Н. Э. Гаджихмедова [2] и др.

Терминология мотивологии была разработана Н. Д. Голевым [15], О. И. Блиновой [9; 10], представителями Томской лингвистической школы и др. Работы томской школы диалектологов, и в частности работы О. И. Блиновой, раскрывают понятия ключевых терминов мотивологии: мотивированность слова, мотивационные отношения, внутренняя форма слова, мотиватор, структурный мотиватор, мотивационное значение, мотивационный признак и др.

В статье мы анализируем мотивированные ботанические термины диалектов кумыкского языка, характеризующиеся отношением лексической мотивированности, не рассматривая структурную мотивированность. Лексическая мотивированность характеризуется процессом осознания в слове мотивировочного признака обозначаемого предмета [23, с. 7]. При анализе внутренней формы ботанической терминологии диалектов и говоров кумыкского языка было выявлено, что среди мотивационных моделей наименований фитонимов в диалектах кумыкского языка, опубликованных и картографированных на платформе LingvoDoc, обнаруживаются следующие

мотивационные признаки: «цветообозначение», «зооним», «ландшафт», «соматоним», «пища», «термин родства». Одним из самых активных признаков, лежащих в основе мотивации растений, является 'цветообозначение'. Разные части растений могут обладать разными цветовыми признаками, которые ложатся в основу номинации [12, с. 105].

Материалы и методы

Открытая лингвистическая платформа LingvoDoc [31] предлагает широкий выбор полевых и архивных электронных словарей, по которым можно легко переходить, выполнять поиск и анализ, используя инструменты для лингвистического анализа данных. В разделе «Словари» по кумыкскому языку ранее были опубликованы два словаря: 1. «Словарь хасавюртовского наречия кумыкского языка», включающий подраздел «Лексические входы» (состоит из лексемы, значения, у некоторых лексем присутствует звуковая разметка; опубликовано 477 лексем) и подраздел «Парадигмы» (не заполнен); 2. «Кумыкские цветообозначения» (16 слов с переводом, этимологией и комментариями). В то время как по другим тюркским языкам России представлено значительное количество словарей (под словарём в данном случае имеется в виду «электронный словарь на платформе LingvoDoc», количество единиц в словарях может разниться от 3 до 1000 и более): башкирский – 72 словарей, крымскотатарский – 8 словарей, татарский – 75, тувинский – 48, удмуртский – 44, хакасский – 61, чувашский – 21, якутский – 1609. В разделе «Корпуса» отсутствуют данные по кумыкскому языку.

В результате прохождения курса «Использование возможностей платформы LingvoDoc в работе лингвистов» (ИСП РАН, руководитель курсов Ю. В. Норманская, с 26 ноября по 1 декабря 2024 г.) на платформе опубликованы словари ботанической терминологии по 5 диалектам и 21 говору кумыкского языка (литературное слово, диалектное слово, значение и внутренняя форма), суммарное количество словарей составляет 26 единиц (количество единиц в словарях разнится от 10 до 150). Диалектный материал для данных словарей на платформе LingvoDoc взят из «Словаря отраслевой лексики кумыкского языка» [34].

Публикация материалов по диалектам и говорам кумыкского языка на платформе LingvoDoc дала возможность анализировать особенности языков, используя программные продукты и инструменты («Карта языков и диалектов», «Поиск и построение карт», «Библиотека лингвистических карт» и др.). Благодаря публикации диалектного материала стал возможным анализ лингвистических данных по кумыкскому языку в сопоставительных и компаративистских исследованиях по тюркским языкам.

В статье проводится анализ мотивационного признака «цветообозначение», так как в ботанической терминологии, имеющей внутреннюю форму, это самый часто используемый мотивационный признак в тюркских, в том числе в кумыкском языке. Приведём примеры: *къизилгул* «сорт груши» (букв. красный + цветок) (алх.); *къараот* «пырей ползучий» (букв. чёрный + трава) (кайт.), лит. *акътамур* (букв. белый + корень), *шайтанбудай* (букв. чёрт + пшеница); *гёкайгыр* (хасав.) «мордовник шароголовый» (букв. макросиний + жеребец), лит. *аткъычы* (букв. лошадь + сурепка (от гл. чесаться).

При анализе цвета как мотивационного признака в ботанической терминологии диалектов и говоров кумыкского и якутского языков приводятся электронные карты, созданные при помощи инструмента «Поиск и построение карт», на которых отражены точки распространения мотивационного признака «цветообозначение». Электронные карты помогают осмыслить и сопоставить информацию.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цвета делятся на хроматические (красный, жёлтый, зелёный, синий) и ахроматические (чёрный, белый, серый).

Хроматические цвета как мотивационный признак

Гёк «макросиний (синий, зелёный, серый)»

Во всех этих случаях идет речь именно о макроцвете в приложении к природному объекту – растениям (т. е. это же слово приложимо к природному объекту – чистому небу); если в языке имеется, кроме того, рефлекс слова *jāhil, то он имеет статус названия оттенка цвета [37, с. 291].

Мотивационный признак *гёк* в фитонимах кумыкских диалектов и говоров имеет 5 точек на карте (Рисунок 2) и 5 словоупотреблений: *гёк емиш* (каая.) «несозревшая ягода» (букв. макросиний фрукт, ягода), лит. *бишмеген емиш* (букв. незрелая ягода); *гок согъанко* «лук порей» (букв. макросиний лук) (каая.), лит. *яшыл согъанко* (букв. жёлтый лук); *гёкчечек* (букв. макросиний + цветок) 1) «живокость» (башл.), 2) «бораго, огуречная трава» (буйн.); *гёкайгъыр* «мордовник шароголовый» (букв. макросиний + жеребец) (хасав.), лит. *аткъычы* (букв. лошадь + сурепка (от гл. чесаться); *гок емиш* «дикий местный сорт груши» (букв. макросиний фрукт) (алх.).

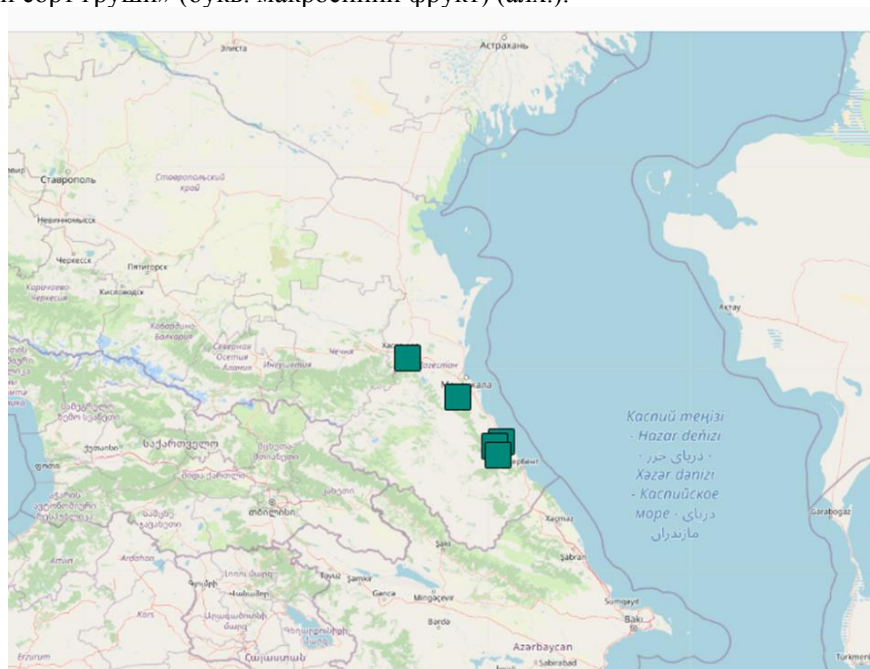

Рисунок 2. Ареал использования макросинего цвета в качестве мотивационного признака в ботанической терминологии диалектов и говоров кумыкского языка

При анализе макроцвета в качестве мотивационного признака в ботанической терминологии диалектов и говоров кумыкского языка лексема *гёк* употребляется 5 раз, 5 точек на карте (хасавюртовский диалект, буйнакский диалект, каякентский, башлыкентский и алхаджакентский говоры кайтагского диалекта). Это названия лука-порея, мордовника шароголового, живокости, бораго, дикого местного сорта груши.

Мордовник шароголовый, живокость, бораго имеют голубые цветы, а листья лук-порей зелёные. В кумыкских диалектах и говорах оттенок макроцвета «синий» интерпретируется как цвет, а оттенок макроцвета «зелёный» актуален для незрелых ягод и зелени.

Лексема *яшыл* «зелёный» в названиях фитонимов в кумыкских диалектах и говорах не употребляется.

Къызыл «красный»

Лексический мотиватор *къызыл* в фитонимах кумыкских диалектов и говоров имеет 6 точек на карте (кайтагский диалект, каякентский и алхаджакентский говоры кайтагского диалекта, чонтаульский и боташюртовский говоры хасавюртовского диалекта, буйнакский диалект) (Рисунок 3) и 6 словоупотреблений: *къызарыш* «дикий клевер» (букв. от гл. краснеть) (боташ.), лит. *къараот* (букв. чёрный + трава), *атот* (лошадь + трава); *къызамукъ* «облепиха» (букв. от гл. краснеть) (чонт.), лит. *сариябушгъан* (букв. жёлтый + прич. от гл. прилипаться); *къизилдже* (букв. красный), *таъли къизилдже* «болгарский перец» (букв. сладкий красный) (каяк., кайт.), лит. *таъли бурч* (букв. сладкий перец); *къизил баъли* «вишня» (букв. красная черешня) (каяк., алх.), лит. *жие* (вишня); *къизилгул* «сорт груши» (букв. красный + цветок) (алх.); *къызыл гъизан* «разновидность сорняковой травы, идущей на корм животным» (букв. красный гъизан) (буйн.).

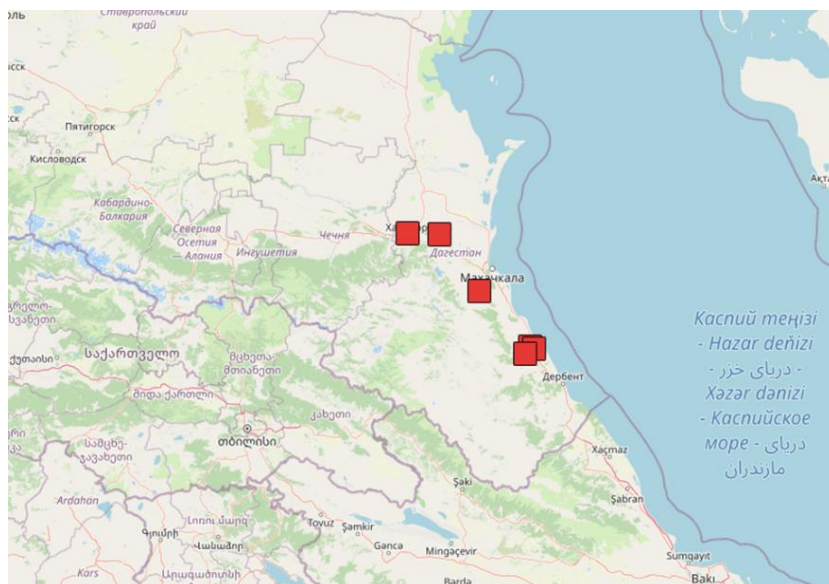

Рисунок 3. Зона распространения красного цвета в качестве мотивационного признака в ботанической терминологии диалектов и говоров кумыкского языка

Интересно, что в кумыкском языке лексема, передающая значение ‘облепиха’, в качестве мотивационного признака имеет цвет, в литературном языке — жёлтый *сариябушгъан*, в чонтаульском говоре хасавюртовского диалекта красный — *къызамукъ*.

В кумыкских диалектах и говорах растения, обнаруживающие мотиватор *къызыл*, имеют красный или розовый цвет.

Сари «жёлтый»

Мотиватор *сари* в фитонимах кумыкских диалектов и говоров имеет 5 точек на карте (хасавюртовский диалект, кайтагский диалект, каякентский, алхаджакентский и янгикентский говоры кайтагского диалекта) (Рисунок 4) и 5 словоупотреблений: *сари баъли* «белая черешня» (букв. жёлтая черешня) (каяк.), лит. *акъ баъли* (букв. белая черешня); *саричечек* 1) «сурепка» (букв. жёлтый + цветок) (хасав.), лит. *къычы* (букв. от гл. чесаться), *иткъычы* (букв. собака + обр. от гл. чесаться); 2) «зверобой» (хасав.), лит. *къансияла* (букв. кровь + от гл. мочиться); 3) «пастушья сумка» (кайт.), лит. *балтасап* (букв. топор + рукоятка); *сари емиш* «сорт груши» (букв. жёлтый фрукт) (янг.); *сарисинап* «сорт яблок» (букв. жёлтый + керосин) (алх.); *саритуш* «сорт яблок» (букв. жёлтый + обр. от гл. падать) (алх.).

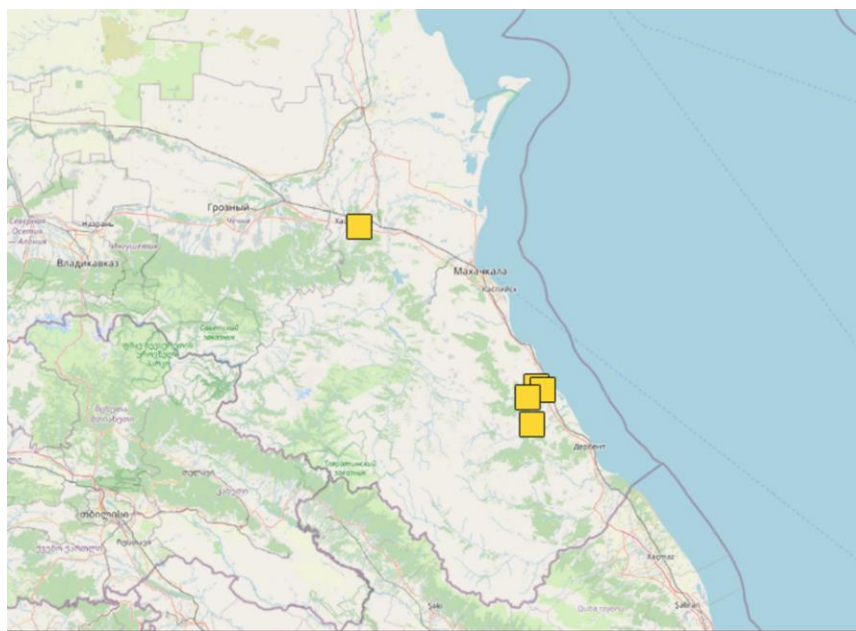

Рисунок 4. Арал распространения жёлтого цвета в качестве мотивационного признака в ботанической терминологии диалектов и говоров кумыкского языка

В диалектах и говорах кумыкского языка *жёлтый* широко употребляется как мотивационный признак – 5 точек на карте, 5 употреблений. Растения, которые в качестве мотивационного признака имеют жёлтый цвет, имеют цветки, окрашенные в жёлтый цвет.

Проанализировав хроматические цвета в качестве мотиватора в диалектах и говорах кумыкского языка, мы пришли к выводу, что в кумыкском языке широко употребляются хроматические цвета в качестве мотивационного признака.

Ареал распространения хроматических цветов в кумыкских диалектах охватывает южные диалекты в большей степени (10 точек на карте), северные в меньшей степени (хасавюртовский диалект – 4 точки на карте) и средний диалект (буйнакский – 2 точки на карте) (Рисунок 5).

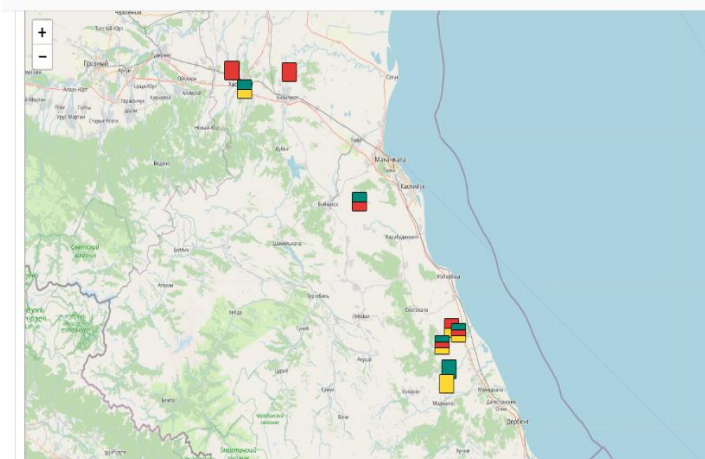

Рисунок 5. Зона распространения хроматических цветов как мотивационных признаков в ботанической терминологии диалектов и говоров кумыкского языка

Ахроматические цвета как мотивационный признак

Къара «чёрный»

Мотиватор *къара* в фитонимах кумыкских диалектов и говоров имеет 7 точек на карте (хасавюртовский диалект, подгорный диалект, кайтагский диалект, каякентский, алхаджакентский и янгикентский говоры кайтагского диалекта, бугленский говор подгорного диалекта) (Рисунок 6) и 6 словоупотреблений: *къара бишген емиш* «перезревший» (букв. чёрный созревший фрукт) (кайк.), лит. *бек бишген емиш* (букв. сильно созревший фрукт); *къараот* (букв. чёрный + трава) 1) «пырей ползучий» (кайт.), лит. *акътамур* (букв. белый + корень), *шайтанбудаи* (букв. чёрт + пшеница); 2) «дикий клевер» (бугл.), лит. *атот* (букв. лошадь + трава); *къарачёп* «душица» (букв. чёрный + сор) (хасав.), лит. *къараот* (букв. чёрный + трава); *къаразера* «мята» (букв. чёрный + зера) (подгор.), лит. *заан, яртуз, нана*; *къара гогем* «дикий тёрн» (букв. чёрный тёрн) (алх.); *къаракъалагъан* «разновидность сорняковой травы» (букв. чёрный + обр. от гл. оставаться) (янг.).

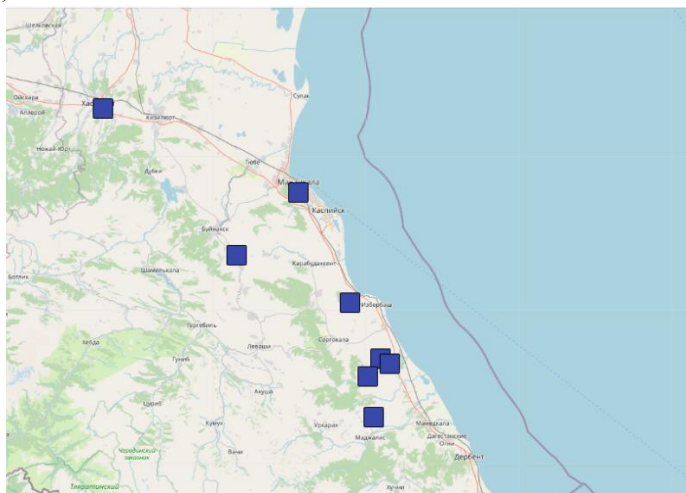

Рисунок 6. Ареал распространения чёрного цвета в качестве мотивационного признака в ботанической терминологии диалектов и говоров кумыкского языка

В кумыкских диалектах и говорах названия растений, имеющие мотивационный признак *къара*, не имеют чёрного или тёмного цвета, кроме названия дикого тёрна *къара гогем*. Скорее всего, *къара* имеет отрицательное значение «злостный сорняк»: *къараот* «пырей ползучий» (в лит. *шайтанбудай*, *акътамур*), а также у лексемы душица и мята, которые относятся к эфиромасличным растениям (слишком сильный аромат) *къарачён* и *къаразера*. Или если лекарственное растение имеет противопоказания, как в случае клевера, который противопоказан беременным и вызывает кровотечение. Таким образом у *къара* не цвет является мотивационным признаком, а качество по функции: злостный сорняк, сильно пахнет, имеет противопоказания.

Акъ «белый»

Мотивационный признак *акъ* в фитонимах кумыкских диалектов и говоров имеет 3 точки на карте (кайтагский диалект, утамышский и алхаджагентский говоры кайтагского диалекта) (Рисунок 7) и 3 словоупотребления: *акътамир* «пырей ползучий» (букв. белый + корень) (утам.), лит. *шайтанбудай* (букв. чёрт + пшеница), *акътамур* (букв. белый + корень); *акъалаган* «осот полевой» (букв. белый + прич. от гл. брать) (кайт.), лит. *чётот* (букв. сор + трава), *масесги*; *акъурге* «клён» (букв. белый + клён) (алх.), лит. *уьрге*.

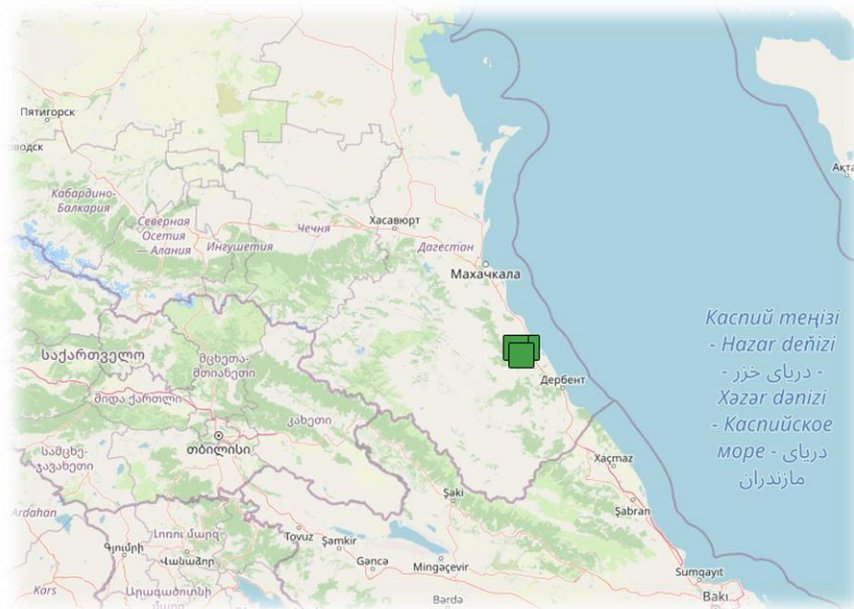

Рисунок 7. Ареал распространения белого цвета в качестве мотивационного признака в ботанической терминологии диалектов и говоров кумыкского языка

В диалектах кумыкского языка мотивационный признак белого передаёт значение светлый (корень, ствол, усики).

Таким образом, в диалектах и говорах кумыкского языка хроматические цвета широко используются в качестве мотивационного признака для ботанической терминологии. Ахроматические цвета – в меньшей степени, притом что в фитонимах с *къара* «чёрный» не цвет является мотивационным признаком, а качество по функции: злостный сорняк, сильно пахнет, имеет противопоказания (Рисунок 8).

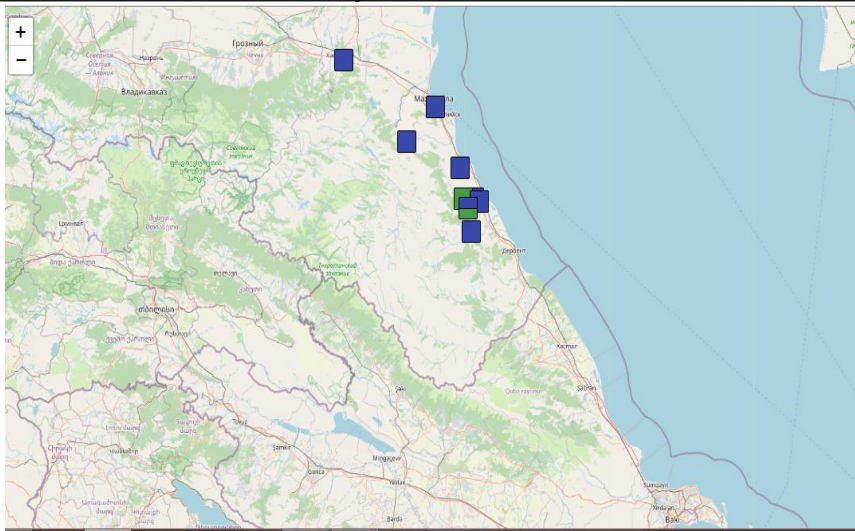

Рисунок 8. *Ареал распространения ахроматических цветов в диалектах и говорах кумыкского языка*

Ареалы распространения цвета как мотивационного признака в диалектах и говорах кумыкского языка

С помощью инструмента «Поиск и построение карт» на платформе LingvoDoc была создана электронная карта ареалов распространения цвета в качестве мотивационного признака в ботанической терминологии диалектов и говоров кумыкского языка (Рис. 9).

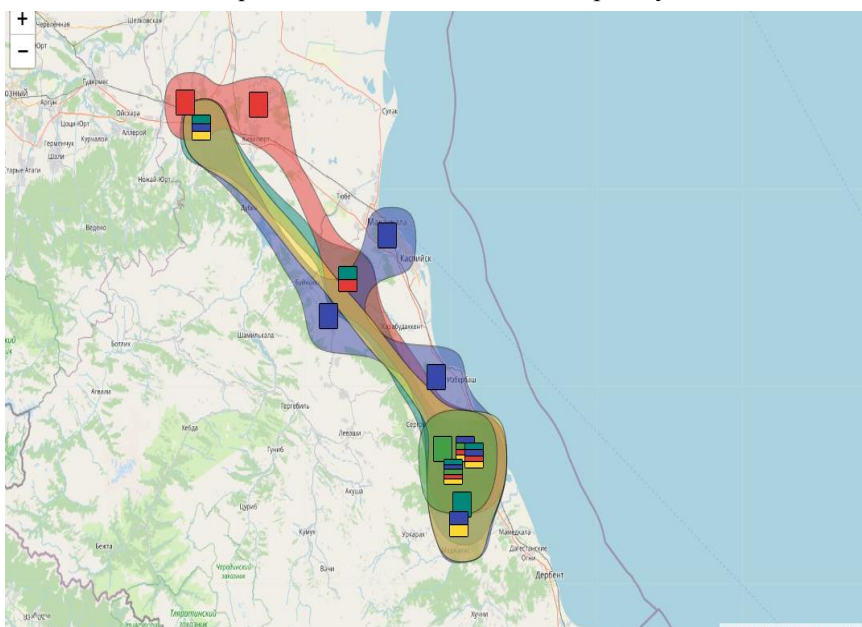

Рисунок 9. *Ареалы распространения цвета в качестве мотивационного признака в ботанической терминологии диалектов и говоров кумыкского языка*

'ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЕ' КАК МОТИВАЦИОННЫЙ ПРИЗНАК...

Анализ языковой карты показывает, что разнообразие цветовой палитры особенно ярко выражено в южных регионах, где проживают носители подгорного и кайтагского диалектов. Эти диалекты отличаются богатством лексики и фонетическими особенностями, которые сформировались под влиянием местных условий жизни, культурных традиций и исторического контекста. В то же время в северных районах, где распространён хасавюртовский диалект, наблюдается менее яркая языковая палитра. Это может быть связано с различиями в условиях жизни и экономической активности. Мы пришли к следующим **выводам**:

1) Анализ карты (Рисунок 10) указывает на то, как язык формируется под влиянием окружающей среды, подчёркивая связь языка и среды обитания. На территории Дагестана различается 6 фиторесурсных районов [3, с. 16–24]:

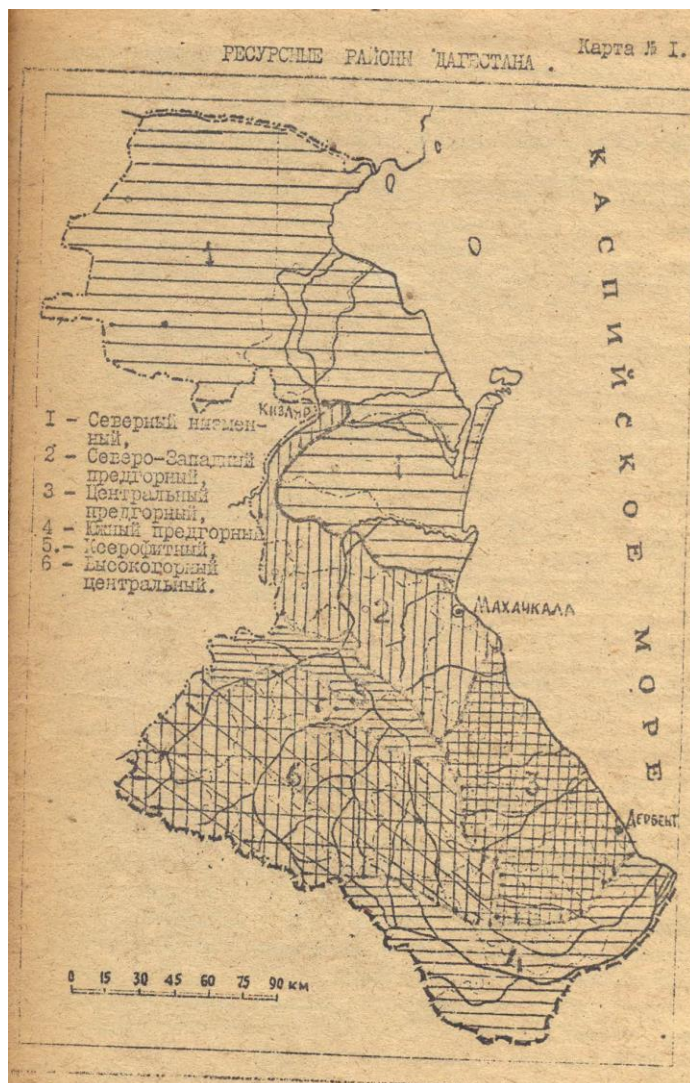

Рисунок 10. Фиторесурсные районы Дагестана

1. Северный низменный (проживают носители хасавюртовского диалекта). Характерен однообразный рельеф и бедная растительность полупустынь и пустынных степей.

2. Северо-западный предгорный (проживают носители буйнакского диалекта и части подгорного диалекта). Характерна довольно разнообразная группировка растительности: приречные леса вдоль Терека, заросли шибляка, леса предгорий и субальпийские луга.

3. Центральный предгорный (подгорный и кайтагский диалекты). Сходен с Северо-западным районом, но уменьшается полоса шибляков. Широко распространены более дикие плодовые.

В южном предгорном, центральном внутригорном ксерофитном и центральном высокогорном районах носители кумыкских диалектов и говоров не проживают.

Растительные ресурсы Центрального предгорного района (ареал распространения подгорного и кайтагского диалектов) отличаются удивительным разнообразием флоры. Этот регион славится не только своим богатством растительности, но и значительным распространением диких плодовых растений. Электронная карта отражает разнообразие флоры в языке местных диалектов (Рисунок 9).

2) С другой стороны, прослеживается связь языка и деятельности человека. Среди ремесленной терминологии в кумыкском языке развиты деревообработка, мельничное дело, металлообработка, ковроткачество. Ковроткачество предполагает широкое развитие красильного производства, и как следствие развитая широкая палитра цветообозначений в языке.

Центрами коврового производства у кумыков были Башлыкент, Каякент, Какашура, Карабудахкент, Параул (подгорный и кайтагский диалекты), Кумторкала, Нижний Казанище (буйнакский диалект), Эндирей (хасавюртовский диалект) (Рисунок 11). По мнению специалистов, каякентские ковры-паласы прежде признавались подлинными шедеврами коврового искусства.

Рисунок 11. Ковровое искусство кумыков

Окраска пряжи происходила натуральными красителями и особой популярностью в Дагестане в XIX в. пользовалось растение – марена, который успешно разводили в Табасаране и Кайтаге [16, с. 13]. Диалектные названия марены представлены в кайтагском и хасавюртовском диалектах: *боявтамур* «марена» (букв. краска+корень) хасав. д.; *боявчоп* «марена» (букв. краска+сор) кайт. д. Здесь прослеживается взаимосвязь развития ковроткачества и использования цветообозначений в номинации растений. Как результат спектр цветов представлен в кайтагском диалекте в большей степени и в хасавюртовском диалекте – в меньшей степени.

ВЫВОДЫ

Изучив мотивационные признаки, обозначающие цвет в ботанической терминологии диалектов и говоров кумыкского языка, мы пришли к выводу, что в кумыкском языке хроматические цвета активно используются в качестве мотивационных признаков. Ареал распространения хроматических цветов в кумыкских диалектах охватывает южные диалекты в большей степени (10 точек на карте), северные в меньшей степени (хасавюртовский диалект – 4 точки на карте) и средний диалект (буйнакский – 2 точки на карте).

В кумыкских диалектах и говорах наименования растений, имеющие мотивационный признак *къара*, не имеют чёрного или тёмного цвета, кроме названия дикого тёрна *къара гогем*. У *къара* не цвет является мотивационным признаком, а качество по функции: злостный сорняк, сильно пахнет, имеет противопоказания.

Осмысление результатов электронной обработки данных по названиям растений диалектов и говоров кумыкского языка и использование инструмента «Поиск и построение карт» на лингвистической платформе LingvoDoc показывает, что вся палитра цветов ярко высвечивается в южных районах, где проживают носители подгорного и кайтагского диалектов, а также в меньшей степени в северных районах – ареал проживания носителей хасавюртовского диалекта.

В соответствии с основным диалектическим признаком, причины любых изменений и взаимосвязей идеальных сущностей определяются внешними, трансцендентными факторами. Язык является отражением окружающей среды и деятельности носителей различных диалектов и говоров.

Исследование показывает, что выбор «цветообозначения» как мотивационного признака в процессе номинации растительности тесно связан с местом обитания диалектоносителей и их социально-культурной деятельностью. Широкое использование мотивационного признака ‘цветообозначение’ в подгорном и кайтагском диалектах объясняется разнообразной растительностью ареала проживания указанных диалектоносителей.

Прослеживается взаимосвязь развития ковротокачества и широкого использования цветообозначений в номинации растений. Как результат спектр цветов представлен в кайтагском диалекте в большей степени и в хасавюртовском диалекте в меньшей степени.

Список сокращений

алх. – алхаджакентский говор кайтагского диалекта, башл. – башлыкентский говор кайтагского диалекта, боташ. – боташюртовский говор хасавюртовского диалекта, бугл. – бугленский говор подгорного диалекта, буйн. – буйнакский диалект кумыкского языка, кайт. – кайтагский диалект кумыкского языка, какш. – какашуринский говор подгорного диалекта, каяк. – каякентский говор кайтагского диалекта, кум. – кумыкский язык, лит. – литературный язык, подгор. – подгорный диалект кумыкского языка, усем. – усемикентский говор кайтагского диалекта, утам. – утамышский говор кайтагского диалекта, хасав. – хасавюртовский диалект кумыкского языка, чонт. – чонтаульский говор хасавюртовского диалекта, янг. – янгикентский говор кайтагского диалекта.

Список литературы

1. Абдуллаева У. А. Агроботаническая лексика алходжагентского говора кумыкского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2006. – 21 с.
2. Айбатырова М. А., Гаджихмедов Н. Э. Принципы номинации растений в кумыкском языке // Абдулбасировские чтения: Материалы II Республиканской научно-практической конференции, Махачкала, 09 ноября 2023 года. – Махачкала: ИП "Магомедалиев С.А.", 2023. – С. 4–11.
3. Алексеев Б. Д. Растительные ресурсы Дагестана. Часть 2. – Махачкала: ДГУ, 1979. – 105 с.
4. Арьянова В. Г. Словарь названий частей растений: говоры Среднего Приобья. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2010–2011. – Режим доступа: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000425184>. – (Дата обращения: 24.08. 2025).
5. Арьянова В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. В 3 т. Т. 1. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. – 144 с.
6. Арьянова В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. В 3 т. Т. 2. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2007. – 157 с.
7. Арьянова В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. В 3 т. Т. 3. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. – 190 с.
8. Блинова О. И. «Словарь фитонимов Среднего Приобья» как источник диалектной мотивологии // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2008. – № 2(3). – С. 14–23.
9. Блинова О. И. Ключевые термины мотивологии: испытание временем (1971–2011 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 10(125). – С. 136–140.
10. Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. – М.: Красанд, 2010. – Режим доступа: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000457801>. – (Дата обращения: 20.08.2025).
11. Всероссийская перепись населения 2021 года. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami. – (Дата обращения: 20.08.2025).
12. Гаджихмедов Н. Э., Айбатырова П. К., Гаджихмедова А. Н. Мотивировочные признаки номинации лекарственных растений // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – №06/2. – С. 104–108. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.06-2.08
13. Гаджихмедов Н. Э., Абдуллаева А. А., Айбатырова М. А. Принципы номинации растений в кумыкском языке // Мир науки, культуры и образования. – 2020. – № 3(82). – С. 336–339.
14. Гаджихмедов Н. Э., Айбатырова М. А. Структурно-семантические типы фитонимов в кумыкском языке // Мир науки, культуры и образования. – №3(82). – 2020. – С. 333–336.
15. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск: Издательство Томского университета, 1989. – Режим доступа: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000059710>. – (Дата обращения: 25.08.2025).
16. Дебилов П. М. Ковры Дагестана: традиционное и современное искусство ковроткачества. – М., 2006. – 83 с. + 89 с. ил.
17. Исаев Ю. А. Флористическая терминология в языках Туранского союза. – Астана: Тюркская акад., 2011. – 267 с.
18. Исмаилова А. Х. Лексические особенности терминов флоры в современном кумыкском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – Ч. 3. – № 5 (71). – С. 90–93.
19. Исмаилова А. Х., Гаджиев Э. Н. К проблеме изучения фитонимической лексики в кумыкском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 2(56). – Ч. 2. – С. 91–94.
20. Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. – М.: «Индрик», 2009. – 352 с.
21. Крымханова А. Б., Гаджихмедов Н. Э. Семантические производные названий растений в кумыкском языке // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4. – С. 296–300.
22. Лукьянова И. В. Диалектная фитонимика в когнитивно-ономасиологическом аспекте: дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 2018. – 255 с.
23. Мотивационный диалектный словарь (Говоры Среднего Приобья). В 2 т. Т. 1. – Томск: Издательство Томск. ун-та, 1982. – 268 с.

24. Мотивационный диалектный словарь (Говоры Среднего Приобья). В 2 т. Т. 2. – Томск: Издательство Томск. ун-та, 1983. – 370 с.
25. Мотивационный словарь сибирского говора. В 2 т. Т. 1. – Томск, 2009. – 304 с.
26. Мотивационный словарь сибирского говора. В 2 т. Т. 2. – Томск, 2010. – 310 с.
27. *Мирзаханова Д. Б.* Фитонимическая лексика азербайджанского языка: в сравнении с другими тюркскими языками: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2007. – 21 с.
28. Научный архив и рукописный фонд ИЯЛИ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Д. 462, 495, 526, 551, 568, 628, 664, 690, 736, 742.
29. *Ольмесов Н. Х.* Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфонология. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1997. – 326 с.
30. *Омашева Ж. М.* Названия лекарственных травянистых растений в русском и казахском языках: мотивационно-словообразовательный и лингвокультурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2017. – 24 с.
31. Открытая лингвистическая платформа LingvoDoc. – Режим доступа: <https://lingvodoc.ispras.ru/>. – (Дата обращения: 22.08.2025).
32. *Семенова А. Б.* Фитонимия карачаево-балкарского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2011. – 22 с.
33. *Сетаров Р. Д.* Национальная специфика образной номинации (на материале названий растений в славянских, германских и тюркских языках): дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2000. – 182 с.
34. *Таймасханова Т. Г., Абдуллабекова У. Б.* Словарь отраслевой лексики кумыкского языка. – Махачкала: АЛЕФ; ИЯЛИ ДФИЦ РАН, 2020. – 236 с.
35. *Хангишиев Д. М.* Кумыкская диалектология. Краткий курс: Учебное пособие. – Махачкала: РИО ДГУ, 1989. – 81 с.
36. *Хапаева Л. В.* Когнитивные и прагматические стратегии именования единиц флоры: на материале карачаево-балкарского и русского языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2016. – 34 с.
37. Этимологический словарь тюркских языков. В 9 т. Т. 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. – Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. – 616 с.

References

1. Abdullaeva U. A. *Agrobotanicheskaya leksika alkhodzhaekentskogo govora kumykskogo yazyka: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Agrobotanical vocabulary of the Alkhodzhaekent subdialect of the Kumyk language. Abstract of thesis]. Makhachkala, 2006. 21 p.
2. Aybatyrova M. A., Gadzhiakhmedov N. E. Printsipy nominatsii rasteniy v kumykskom yazyke [Principles of plant nomination in the Kumyk language]. *Abdulbasirovskie chteniya: materialy II Respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. (Makhachkala, 09 noyab. 2023 g.) [Abdulbasirov Readings: proceedings of the II Republican Scientific and Practical Conference (Makhachkala, November 9, 2023)]. Makhachkala, IP "Magomedaliyev S.A.", 2023, pp. 4–11.
3. Alekseev B. D. *Rastitel'nye resursy Dagestana* [Plant resources of Dagestan]. Makhachkala, DGU Publ., 1979. 105 p.
4. Ar'yanova V. G. *Slovar' nazvaniy chastey rasteniy: govory Srednego Priob'ya* [Dictionary of names of plant parts: dialects of the Middle Ob region]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2010–2011. Available from: URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000425184> (accessed 24.08.2025).
5. Ar'yanova V. G. *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya*. In 3 vols. V. 1 [Dictionary of phytonyms of the Middle Ob region. In 3 Vols. Vol. 1]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2006. 144 p.
6. Ar'yanova V. G. *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya*. In 3 vols. V. 2 [Dictionary of phytonyms of the Middle Ob region. In 3 Vols. Vol. 2]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2007. 157 p.
7. Ar'yanova V. G. *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya*. In 3 vols. V. 3 [Dictionary of phytonyms of the Middle Ob region. In 3 Vols. Vol. 3]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2008. 190 p.
8. Blinova O. I. «*Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya*» kak istochnik dialektnoy motivologii [«Dictionary of Phytonyms of the Middle Ob Region» as a Source of Dialectal Motivology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2008, no 2(3), pp. 14–23.

9. Blinova O. I. *Klyuchevye terminy motivologii: ispytanie vremenem (1971–2011 gg.)* [Key Terms in Motivology: The Test of Time (1971–2011)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, no 10(125), pp. 136–140.
10. Blinova O. I. *Motivologiya i ee aspekty* [Motivation and its aspects]. Moscow, Krasand Publ., 2010. Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000457801> (accessed 20 August 2025).
11. *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2021 goda* [All-Russian Population Census 2021]. Available from: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (accessed 20 August 2025).
12. Gadzhiakhmedov N. E., Aybatyrova P. K., Gadzhiakhmedova A. N. *Motivirovochnye priznaki nominatsii lekarstvennykh rasteniy* [Motivating features of the nomination of medicinal plants]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: GUMANITARNYE NAUKI*, 2021, no №06/2, pp. 104–108. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.06-2.08.
13. Gadzhiakhmedov N. E., Abdullaeva A. A., Aybatyrova M. A. *Printsipy nominatsii rasteniy v kumykskom yazyke* [Principles of plant nomination in the Kumyk language]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*, 2020, no 3(82), pp. 336–339.
14. Gadzhiakhmedov N. E., Aybatyrova M. A. *Strukturno-semanticheskie tipy fitonimov v kumykskom yazyke* [Structural and semantic types of phytonyms in the Kumyk language]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*, 2020, no 3(82), pp. 333–336.
15. Golev N. D., 1989. *Dinamicheskiy aspekt leksicheskoy motivatsii* [Dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000059710> (accessed 25 August 2025).
16. Debirov P. M. *Kovry Dagestana: traditsionnoe i sovremennoe iskusstvo kovrotkachestva* [Carpets of Dagestan: traditional and modern art of carpet weaving]. Moscow, 2011. 83 p. + 89 p. illustrations.
17. Isaev Yu. A. *Floristicheskaya terminologiya v yazykakh Turanskogo soyuza* [Floristic terminology in the languages of the Turanian Union]. Astana, Tyurkskaya akademiya Publ., 2011. 267 p.
18. Ismailova A. Kh. *Leksicheskie osobennosti terminov flory v sovremennom kumykskom yazyke* [Lexical features of flora terms in the modern Kumyk language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no 5 (71), part 3, pp. 90–93.
19. Ismailova A. Kh., Gadzhiev E. N., 2016. *K probleme izucheniya fitonimicheskoy leksiki v kumykskom yazyke* [On the problem of studying phytonymic vocabulary in the Kumyk language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no 2(56), part 2, pp. 91–94.
20. Kolosova V. B. *Leksika i simbolika slavyanskoy narodnoy botaniki. Etnolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary and symbolism of Slavic folk botany. Ethnolinguistic aspect.]. Moscow, «Indrik» Publ, 2009. 352 p.
21. Krymkhanova A. B., Gadzhiakhmedov N. E. *Semanticheskie proizvodnye nazvaniy rasteniy v kumykskom yazyke* [Semantic derivatives of plant names in the Kumyk language]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2012, no 4, pp. 296–300.
22. Luk'yanova I. V. *Dialektnaya fitonimika v kognitivno-onomasiologicheskom aspekte: Dis. ... kand. filol. nauk* [Dialectal phytonymy in the cognitive-onomasiological aspect. Thesis]. Tomsk, 2018. 255 p.
23. Mirzakhanova D. B. *Fitonimicheskaya leksika azerbaydzhanskogo yazyka: v sravnenii s drugimi tyurkskimi yazykami: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Phytonymic vocabulary of the Azerbaijani language: in comparison with other Turkic languages. Abstract of thesis]. Makhachkala, 2007. 21 p.
24. *Motivatsionnyy dialektnyy slovar' (Govory Srednego Priob'ya)*. In 2 vols. V. 1 [Motivational dialect dictionary (Dialects of the Middle Ob region). In 2 Vols. Vol. 1]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1982. 268 p.
25. *Motivatsionnyy dialektnyy slovar' (Govory Srednego Priob'ya)*. In 2 vols. V. 2. [Motivational dialect dictionary (Dialects of the Middle Ob region). In 2 Vols. Vol. 2]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1983. 370 p.
26. *Motivatsionnyy slovar' sibirskogo govora*. In 2 vols. V. 1. [Motivational dictionary of Siberian subdialect. In 2 Vols. Vol. 1]. Tomsk, 2009. 304 p.
27. *Motivatsionnyy slovar' sibirskogo govora*. In 2 vols. V. 2. [Motivational dictionary of Siberian subdialect. In 2 Vols. Vol. 2]. Tomsk, 2010. 310 p.
28. *Nauchnyy arkhiv i rukopisnyy fond IYaLI DFITs RAN* [Scientific archive and manuscript collection of the Institute of Language, Literature and History of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences]. Fond 3. Inventory 4. Documents 462, 495, 526, 551, 568, 628, 664, 690, 736, 742.

29. Ol'mesov N. Kh. *Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie dialektnoy sistemy kumykskogo yazyka. Fonetika. Morfologiya* [Comparative-historical study of the dialect system of the Kumyk language. Phonetics. Morphology]. Makhachkala, IPTs DGU Publ., 1997. 326 p.
30. Omasheva Zh. M. *Nazvaniya lekarstvennykh travyanistykh rasteniy v russkom i kazakhskom yazykakh: motivatsionno-slovoobrazovatel'nyy i lingvokul'turnyy aspekty: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Names of medicinal herbaceous plants in Russian and Kazakh languages: motivational-word-formation and linguocultural aspects. Abstract of thesis]. Ekaterinburg, 2017. 24 p.
31. *Otkrytaya lingvisticheskaya platforma LingvoDoc* [Open linguistic platform LingvoDoc]. Available from: <https://lingvodoc.ispras.ru/>. (accessed 22 August 2025).
32. Semenova A. B. *Fitonimiya karachaevo-balkarskogo yazyka: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Phytonymy of the Karachay-Balkar language. Abstract of thesis]. Makhachkala, 2011. 22 p.
33. Setarov R. D. *Natsional'naya spetsifika obraznoy nominatsii (na materiale nazvaniy rasteniy v slavyanskikh, germanskikh i tyurkskikh yazykakh: Dis. ... kand. filol. nauk* [National specificity of figurative nomination (based on plant names in Slavic, Germanic and Turkic languages. Thesis]. Voronezh, 2000. 182 p.
34. Taymaskhanova T. G., Abdullabekova U. B. *Slovar' otraslevoy leksiki kumykskogo yazyka* [Dictionary of branch vocabulary of the Kumyk language]. Makhachkala: ALEF; IYaLI DFITs RAN, 2020. 236 p.
35. Khangishiev D. M. *Kumykskaya dialektologiya. Kratkiy kurs: Uchebnoe posobie* [Kumyk dialectology. Short Course: Study Guide]. Makhachkala, RIO DGU Publ., 1989. 81 p.
36. Khapaeva L. V. *Kognitivnye i pragmaticheskie strategii imenovaniya edinitz flory: na materiale karachaevo-balkarskogo i russkogo yazykov: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Cognitive and pragmatic strategies for naming flora units: based on the Karachay-Balkar and Russian languages. Abstract of thesis]. Nal'chik, 2016. 34 p.
37. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov*. In 9 Vols. Vol. 9 (dopolnitel'nyy). *Etimologicheskiy slovar' bazisnoy leksiki tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Turkic languages. In 9 Vols. Vol. 9 (supplementary). Etymological dictionary of the basic vocabulary of the Turkic languages]. Astana: TOO «Prosper Print» Publ., 2013. 616 p.

**‘COLOUR NAMING’ AS A MOTIVATIONAL FEATURE
OF BOTANICAL TERMINOLOGY IN DIALECTS AND SUBDIALECTS
OF THE KUMYK LANGUAGE
(UNDERSTANDING THE RESULTS OF ELECTRONIC PROCESSING)**

Abdullabekova U. B.

The article is a comprehension of the electronic processing results of botanical terminology nominations in dialects and subdialects of the Kumyk language, published on the open linguistic platform LingvoDoc. The aim of the study is to analyze ‘colour naming’ as a motivational feature in botanical terms-dialectisms. The following tasks are set in the article: to identify phytonyms-dialectisms with the internal form – ‘colour naming’, to analyze the electronic processing of materials and electronic maps. The relevance of the article lies in the historical and conceptual significance of botanical terminology. The article uses descriptive, comparative methods, semantic analysis method, electronic material processing method, mapping method. The article analyzes chromatic and achromatic colours as motivational features. In the Kumyk language, chromatic colours are widely used as a motivational feature. Achromatic colours – to a lesser extent, given that in phytonyms with «black», it is not the color that is a motivational feature, but the quality by function: a malicious weed, smells strongly, has contraindications. ‘Colour naming’ as a motivational feature is widely used in the southern dialects, especially in Kaitag dialect, linking this fact with the habitat and activities of the dialect speakers. The central foothill phytoresource region is characterized by diverse vegetation and a wide distribution of wild fruits, which is reflected in the language. The widespread use of colour naming is explained by the development of carpet weaving among the Kumyks.

Keywords: botanical terminology, Kumyk language, phytonyms of Turkic languages, motivational feature, color naming, habitat and language, carpet weaving and language.

УДК 81

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-61-71

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ ПО ВОПРОСУ УРЕГУЛИРОВАНИЯ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Петросян Д. В., Ершова Е. В.

*Дипломатическая академия МИД России,
Москва, Российская Федерация
E-mail: jemma95@mail.ru, anelnadej@yandex.ru*

Статья посвящена лингвистическому анализу современного политического дискурса Франции и Германии, касающегося вопросов урегулирования украинского кризиса. Исследование основывается на корпусе публичных речей, заявлений официальных лиц и публикаций в ведущих СМИ двух стран за период 2022–2025 гг. В работе выявлены ключевые лексические единицы и риторические стратегии, формирующие образ конфликта и позиции сторон. Установлено, что французский дискурс характеризуется большей склонностью к дипломатической лексике, использованию эвфемизмов и апелляции к идее европейского единства, тогда как немецкий дискурс отличается более прагматичным и прямым выражением позиций, частым использованием экономических аргументов и акцентом на безопасности Европы. Полученные результаты позволяют глубже понять роль языковых средств в формировании общественного мнения и политических нарративов вокруг украинского кризиса в европейском политическом пространстве. Используемые приемы дают возможность создавать идеологически насыщенные и эмоционально окрашенные политические тексты, способные формировать у адресата определенное мнение и оценку фактов и событий, а в ряде случаев влиять на его политическую позицию.

Ключевые слова: политический дискурс, Франция и Германия, лингвистические особенности, стратегии и тактики.

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматриваются основные лингвистические особенности политического дискурса Франции и Германии по вопросу урегулирования Украинского кризиса. Политика является неотъемлемой частью жизни современного общества, а политический дискурс проникает во все сферы его жизнедеятельности и служит серьезным инструментом идеологического воздействия на общественность, что определяет **актуальность исследования**.

Изучение дискурса на сегодняшний день остается одним из основных направлений языкознания. Дискурс, являясь многоаспектным понятием, получил разнообразные толкования в современной лингвистике. Согласно определению Т. ван Дейка, дискурс – «специфическая форма социального взаимодействия, понимается как завершенное коммуникативное событие в социальной ситуации» [4, с. 164]. Демьянков В. З. полагает, что «дискурс представляет собой текст, прошедший через сознание своего отправителя и, следовательно, обладающий его личными и лингвокультурными свойствами» [3]. Как считает Н. Д. Арутюнова, «дискурс (от франц. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь»» [1, с. 136–137]. Данное определение дополняет предыдущее и представляется нам наиболее ценным – автор делает акцент на том, что дискурс связан с моментом «здесь и сейчас», поэтому является

«погруженным в жизнь». Дискурс осуществляет свою прагматическую функцию, находится в непрерывном движении и реализует свои экстралингвистические свойства, указанные в данном определении.

Политический дискурс представляет собой сложное многомерное образование, а его главной целью является воздействие на аудиторию. Механизм воздействия заключается во взаимодействии картин мира адресанта и адресата политического дискурса, посредством которого у реципиента формируется определенная политическая картина мира. Функция воздействия реализуется посредством привлечения определенных стратегий и тактик, при этом лингвистическая составляющая определяет прагматическую эффективность высказывания в пространстве политического дискурса. Как известно, цель речевой деятельности – реализация соответствующих коммуникативных интенций и достижение перлокутивного эффекта от коммуникативного взаимодействия с адресатами, а главным мотивом политического дискурса – убеждение и побуждение адресата к действию, в котором заинтересован политик [2; 3]. Данный факт требует от говорящего использования определенного плана речевого поведения, где инструментом реализации выступают определенные тактики.

Изучение лингвистических особенностей политического дискурса, с позиции анализа языковых компонентов, используемых адресантом в целях воздействия на адресата, является перспективным и определяет **цель** настоящего исследования.

Кроме того, цель работы заключается в попытке определить общие и специфические лингвистические особенности политического дискурса Франции и ФРГ на актуальном языковом материале с позиции анализа языковых компонентов, используемых адресантом в целях воздействия на реципиента. К **задачам** исследования относятся, в частности, выявление, описание и анализ характерных лингвистических особенностей политического нарратива/политических текстов двух стран с учетом реализуемых стратегий и тактик. **Предметом** анализа являются лингвистические особенности политического дискурса Франции и Германии по вопросам урегулирования украинского кризиса. **Эмпирическую базу** сравнительного анализа составили публичные выступления, речи политиков двух стран, печатные материалы, опубликованные ведущими СМИ Франции и Германии за 2022–2025 гг. Отбор материала производился методом сплошной выборки. Проведенный сопоставительный анализ продемонстрировал наличие общих и специфических характеристик на лексическом, семантическом и синтаксическом уровне. Для реализации цели исследования использовались следующие **методы**: метод сплошной выборки, что предполагает поиск, отбор материала; дескриптивный метод, наблюдение за языковыми явлениями, их анализ и классификация.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Политический дискурс, являясь ключевым инструментом борьбы за власть, позволяет участникам политической коммуникации транслировать идеи, конструировать социальную реальность, завоевывать и удерживать поддержку аудитории. Как известно, основным орудием борьбы за власть, аудиторию, ее внимание и поддержку является речевая коммуникация, которая разворачивается, в частности, в пространстве СМИ. Цель политической коммуникации определяет выбор средств и инструментов воздействия на адресата. Следовательно, рассмотрение стратегий и тактик целевого воздействия на реципиента, а также анализ лексико-синтаксической организации текстов информационных изданий Франции и Германии, находящихся в открытом доступе в

Интернете, представляет оправданный исследовательский интерес, в частности, с позиции контрастивного анализа используемых выразительных средств французского и немецкого языка для оптимального достижения адресантом коммуникативных интенций.

Вслед за А. П. Чудиновым мы рассматриваем стратегии и тактики как результат планирования речевой деятельности для наиболее эффективной реализации целей коммуникации. Стратегия понимается как «направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации», а тактика предполагает использование инструментов, приемов, т. е. «выбор и последовательность речевых действий, характеризующихся своей задачей в рамках реализуемой коммуникативной стратегии» [5, с. 61].

Как показывает анализируемый материал, в новостных сообщениях реализующих указанную тематику преобладает стратегия дискредитации. **Дискредитация** является одной из ярких конфликтогенных стратегий политического дискурса, для реализации которой используется тактика обвинения, отрицательных иллюстраций и сравнений, не прямых оскорблений, навешивания ярлыков. Указанные тактики на лингвистическом уровне представлены следующими способами:

– активное использование разговорных лексических единиц, которые придают риторике личный, неформальный оттенок – это позволяет снизить дистанцию и усилить эмоциональный отклик аудитории, одновременно подчеркивая негативный образ России и ее лидера.

Примеры во французском языке:

Prendre de court – застать врасплох; le jeu de dupe – сомнительная игра; Prendre à la gorge – взять за горло; mâcher ses mots – церемониться; laisser éclater sa frustration – выплеснуть свое негодование; jouer avec le feu – играть с огнем; prendre au mot – поймать на слове; esquiver l'ultimatum – улизнуть от ультиматума; se trouver dans le piège – оказаться в ловушке; de «pure façade» – показная маска, прикрытие; en plein chamboulement géopolitique – в самом разгаре;

«En voulant **esquiver l'ultimatum des Occidentaux** d'observer une trêve inconditionnelle de trente jours, sauf à subir de nouvelles sanctions, il a dessiné **le piège dans lequel il se trouve maintenant**» [13] (Желая улизнуть от ультиматума запада о перемирии, рискуя подвергнуться новым санкциям, он оказался в собственной ловушке); «Le 16 mai dernier, Volodymyr Zelensky avait renoncé au dernier moment à se rendre en personne à Istanbul pour participer à des pourparlers de paix entre la Russie et l'Ukraine. Parmi les motifs invoqués : le manque de sérieux de la délégation russe, qu'il avait alors **qualifiée de «pure façade»**» [12] (В. Зеленский отказался от личного присутствия на мирных переговорах между Россией и Украиной в Стамбуле, заявив о несерьезности делегации из РФ). Использование в данных примерах конструкций esquiver l'ultimatum, se trouver dans le piège, dessiner le piège позволяют акцентировать внимание на нежелании России согласится на временное перемирие, что спровоцировало неизбежные последствия – ловушка и новые санкции; а выражение «pure façade» позволяет адресанту создать отрицательный образ российской делегации, открыто обвиняя ее в несерьезности намерений;

«**Prendre la Russie à la «gorge»** avec des sanctions «*dévastatrices*»: le ministre français des Affaires étrangères n'a pas **mâché ses mots** mercredi avant des pourparlers potentiellement décisifs jeudi à Istanbul» [10] (Разрушительные санкции позволят взять Россию за горло. Министр иностранных дел Франции не церемонится перед решающими переговорами в Стамбуле). В данном примере использование выражений «взять за горло», «не церемониться» способствует дискредитации образа России, возможности оказать

давление на страну, заставить ее подчиниться намерениям политических оппонентов, готовых применить исключительные «разрушительные» экономические санкции.

Примеры в немецком языке:

«Pistorius will Manifestschreiber in die Schranken weisen» [8] (Писториус хочет поставить авторов манифеста на место). Разговорное выражение означает «поставить кого-то на место» подчеркнуто авторитарно и подчеркивает контроль – российские настроения нужно жестко пресекать;

«Putin will gar nicht verhandeln» [20] (Путин вовсе не хочет вести переговоры). Повседневная конструкция «gerade gar nicht» (совсем не) придает твердую, убедительную интонацию, делает характеристику личной и «живой»;

«Deutschland müsse „kriegstüchtig“ werden» [16] (Германия должна стать способной к ведению войны). Неофициальное слово, похожее на узкоспециальный жаргон («готовиться к войне»), делает речь более близкой и эмоциональной, а не отстраненной.

– соединительных, противительных и сопоставительных конструкциях предложений, где политики четко противопоставляют Россию и ее действия Франции, Германии, демократическому Западу или самим себе. Данный инструмент позволяет адресанту реализовать, в частности, тактику отрицательного иллюстрирования.

Примеры во французском языке:

«Un observateur qui scruterait l'activité militaire russe en Ukraine ces derniers jours, sans suivre l'activité diplomatique, **aurait du mal** à imaginer qu'un projet d'éventuel cessez-le-feu fait l'objet de négociations» [7] (Наблюдатель, изучая военную активность России на Украине, не отслеживая дипломатические шаги, с трудом представит себе, что речь идет о возможности прекращения огня). Использование сослагательного наклонения вызывает намерение усомниться в вероятности перемирия;

«**Alors que les négociations avancent** dans l'ombre entre Washington et Moscou, au détriment de l'Ukraine, **l'Europe est contrainte** à un «sursaut stratégique»» [14] (Пока за кулисами в ущерб Украине идут переговоры между Вашингтоном и Москвой, Европа вынуждена осуществить стратегический поворот). В данном примере посредством союза **alors que** противопоставляются политика ведения переговоров по вопросу Украинского конфликта (Москва – Вашингтон, в тени, за кулисами, в ущерб Украине) и намерение Европы в связи с указанными обстоятельствами скорректировать свои политические позиции по отношению к инициаторам и участникам переговоров;

«**Alors que la nomination de ce proche** de Poutine sans expérience diplomatique à la tête de la délégation russe avait été très critiquée lors de la première session de négociations, **il a été reconduit** pour ce deuxième tour de discussions en Turquie» [12] (Хотя назначение главой делегации близкого к Путину человека без дипломатического опыта было подвергнуто критике во время первого раунда переговоров, он возглавил делегацию на втором раунде переговоров в Турции). Использование союза **alors que** (хотя, несмотря на) позволяет подчеркнуть игнорирование западной критики и проиллюстрировать явное невнимание РФ к мнению запада, поскольку российскую делегацию вновь возглавил подвергшийся критике политик.

Примеры в немецком языке:

«Europa künftig mit Trennlinien zwischen dem freien, demokratischen Westen **und** dem autoritären, kriegstreiberischen Russland leben müssen» [19] (В будущем Европе придется жить с разделительными линиями между свободным, демократическим Западом и

авторитарной, воинственно настроенной Россией). С помощью союза «und» создается очевидный контраст, где одно определение («freiheitlich-demokratisch») противопоставляется другому («autoritär, kriegstreiberisch»);

«Wir müssen uns fragen, wieso wir **so viele Putin-Versteher** hatten» [28] (Нам нужно задать себе вопрос, почему у нас было так много тех, кто пытался понять Путина). Цитата показывает, как слово «Putin-Versteher» используется как негативная характеристика, противопоставляя политическую глухоту к агрессии России ясной позиции защиты Украины. Сочетание «so viele» усиливает контраст между прошлым недостаточным критическим подходом и сегодняшней убедительностью в оценке российской политики.

– ограничительно-выделительных конструкций, где политики используют *исключающие формулировки*, чтобы подчеркнуть негативные или противопоставляющие России характеристики.

Примеры во французском языке:

«Il n'y a **qu'un** agresseur, il n'y a **qu'un** résistant» [17] (Есть только один агрессор и только один борец за свободу).

Примеры в немецком языке:

«Dieser Krieg ist kein Krieg der Menschen in Russland. Dieser Krieg ist Putins Krieg» [22] (Эта война – не война народа России. Это – война Путина);

«Friedensliebe heißt **nicht** Unterwerfung unter einen größeren Nachbarn. Würde die Ukraine aufhören, sich zu verteidigen, **dann wäre das kein Frieden, sondern das Ende der Ukraine**» [23] (Стремление к миру не означает капитуляцию перед более мощным соседом. Если Украина прекратит оборону, это приведет не к миру, а к ее исчезновению). Форма «kein X, sondern Y» усиливает негативное ощущение: «не мир, а конец»;

В риторике Писториуса: «mit Russland **nur** aus einer Position der Stärke verhandeln» [25] (Вести переговоры с Россией только с позиции силы). Здесь «nur ...» ограничивает условия разговора и передает жесткую позицию: переговоров нет, если нет силы.

– синтаксический параллелизм, где политики и СМИ дискредитируют Россию, используя одинаковую синтаксическую структуру для усиления критического контраста.

Примеры во французском языке:

«L'agresseur, **c'est** la Russie, le résistant, **c'est** vous» [26] (Агрессор – это Россия, вы воюете за независимость); «La Russie **ne saurait avoir** un droit de regard sur le soutien que nous apportons et que nous apporterons à l'Ukraine, ni **ne saurait dicter** les conditions de cette paix durable» [26] (Россия не получит право наблюдать за поддержкой, которую мы оказываем и будем оказывать Украине, а также диктовать условия этого мира);

«**Parler** à Poutine, **oui**; lui **céder**, **non**» [24] (Говорить с Путиным, да, уступить ему, нет);

«“Le contexte **n'a pas changé**. Poutine **n'a pas changé** ses objectifs et **rien n'a changé** sur le terrain. Il n'y a donc aucune raison de lever les sanctions”, la cheffe de la diplomatie européenne Kaja Kallas» [9] (Контекст не изменился, Путин не изменил свои цели, ничего не изменилось. Нет никаких причин отменять санкции, заявила глава европейской дипломатии).

Использование параллельных синтаксических конструкций обеспечивает адресанту возможность акцентировать внимание реципиента на содержании высказывания, в нашем

случае на агрессивной позиции России (la Russie – vous, l'agresseur – le résistant) и на решительной политике Запада, а также подчеркивается, что политический курс оппонентов не изменился (parler – céder, oui – non, n'a pas changé – rien n'a changé).

Примеры в немецком языке:

«Putin greift hybride an, und Deutschland ist dabei besonders im Fokus. **Er kennt uns gut, Putin weiß, wie er Nadelstiche bei uns setzen muss**» [21] (Путин ведет гибридную войну, и Германия находится в особом прицеле. Он хорошо нас понимает, и Путин знает, куда именно нужно наносить болезненные удары). Параллельные конструкции «Putin greift» и «Putin weiß» создают связный образ намеренно нацеленной кампании, направленной именно на Германию. Это усиливает чувство неизбежности угрозы и необходимость защиты.

– словосочетания, имеющие негативную оценочность, помогают формировать в немецком и французском публичном дискурсе образ России как агрессивного, жестокого и опасного актора, что оправдывает поддержку Украины, санкции и оборонную мобилизацию.

Примеры во французском языке:

«Ce proche de Poutine **sans expérience diplomatique; le manque de sérieux** de la délégation russe» [12] (Этот близкий друг Путина без дипломатического опыта; несерьезность российской делегации). Выражения «без дипломатического опыта», «этот приближенный к Путину» создают негативный образ политика и вызывают у реципиента сомнения в серьезности и результативности намерений по урегулированию украинского вопроса.

Примеры в немецком языке:

«Merz wirft Russland **schwerste Kriegsverbrechen** in der Ukraine vor» [15] (Мерц обвиняет Россию в самых тяжелых военных преступлениях на территории Украины). Описывая действия России как «schwerste Kriegsverbrechen», Мерц усиливает образ врага, создавая юридическую и моральную нагрузку, оправдывая жесткий ответ;

«Was wir gerade erleben ist ein brutaler Angriffskrieg» [6] (То, что мы сейчас наблюдаем, – это жестокая наступательная война). Словосочетание усиливает воздействие: не просто война – именно «жестокая агрессия».

– словосочетания с отрицательно-оценочными эпитетами используются для оценки текущих действий, дают политической позиции перманентный статус, используют для стигматизации отдельных лиц, вовлеченных в пророссийскую риторику.

Примеры во французском языке:

«La **brutalité inouïe** de Donald Trump comme un tournant pour l'Ukraine, mais aussi pour l'Europe» [18] (Невиданная жестокость Дональда Трампа демонстрирует поворот политики по украинскому вопросу и по отношению к Европе);

«L'objet de négociations **balbutiantes et chaotiques** entre Moscou et les Occidentaux» [7] (предмет хаотичных и нерешительных переговоров между Москвой и Западом);

«Vladimir Poutine, **farouchement** opposé à une adhésion de Kiev à l'Alliance» [11] (Владимир Путин выступает категорически против вступления Киева в НАТО); «Si la Russie recevait une telle injection financière, cela conduirait à l'**escalade dramatique** de la guerre ainsi qu'à la déstabilisation de l'Europe par le biais de cyberattaques, d'ingérences dans

les élections et de la corruption» [11] (если Россия получит финансовые вливания, это приведет к драматической эскалации...);

Использование оценочных эпитетов **inouïe, balbutiantes et chaotiques, dramatique** усиливает эмоциональный потенциал высказываний и несомненно оставляет эмоциональный след у реципиента, провоцируя сомнение (*négociations balbutiantes et chaotiques* – вероятность успешных и результативных переговоров сомнительна), вызывая ощущение угрозы и эскалации напряжения (*la brutalité inouïe, l'escalade dramatique*).

Примеры в немецком языке:

«Merz wirft Russland] **schwerste Kriegsverbrechen** ... Terror gegen die Zivilbevölkerung» [15] ([Мерц обвиняет Россию] в самых тяжелых военных преступлениях ... в терроре против мирного населения). Такой эпитет с юридической и моральной окраской очерняет Россию как преступника, оправдывая резкую санкционную и военную позицию;

Boris Pistorius охарактеризовал «Russland-Manifest» ряда SPD-политиков как «völlig befremdlich» [27] (вызывает полное недоумение). Это резко дистанцирует официальную линию от «пророссийской» оппозиции, выставляя их позиции как странные, даже возмутительные.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, отметим, что политический дискурс в современном мире играет ключевую роль, а дигитализация общества и интерес к восприятию и интерпретации событий политической жизни позволяют рассматривать политический дискурс в качестве надежного инструмента конструирования общественного мнения и способа интерпретации реальности в интересах адресанта и в соответствии с его коммуникативными интенциями. Проведенный анализ и сопоставление существенных характерных особенностей политического дискурса Франции и ФРГ по вопросам урегулирования украинского кризиса дают основание выделить определенные сходства, которые находят свое выражение в лексическом наполнении, синтаксической организации политических текстов и позволяют прийти к следующим выводам. Коммуникативные намерения авторов проанализированных текстов на немецком и французском языке по украинскому вопросу подчинены следующим задачам – с одной стороны, дискредитировать политику РФ, создать негативный образ страны и ее политических лидеров, усомниться в надежности политики Трампа по данному вопросу и результативности переговоров по урегулированию конфликта; с другой стороны – убедить в обоснованности внешнеполитического курса, избранного двумя ведущими европейскими странами и ЕС. Данная интенция осуществляется адресантами посредством стратегии дискредитации. Для оптимальной реализации указанной стратегии обращает на себя внимание выбор лексических единиц, который определяется прагматической целеустановкой и выражается в немецком и французском языке посредством широкого использования разговорного регистра, чтобы приблизить адресата и создать эффект доверительного контакта; оценочных эпитетов, словосочетаний с негативной (в целях дискредитации страны/политического оппонента) или позитивной (для создания образа надежного политического актора/партнера/соратника) оценочной семантикой. К общим синтаксическим особенностям политических текстов относится синтаксический параллелизм; соединительные, противительные и сопоставительные конструкции.

Перечисленные приемы использования языковых средств дают возможность создавать идеологически насыщенные и эмоционально окрашенные политические тексты, способные программировать у адресата мнение, оценку фактов и событий, а в ряде случаев влиять на его политическую позицию.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Семантика начала и конца. – М.: Индрик, 2002. – 648 с.
2. Демьянков В. З. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. – 457 с.
3. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. – 2002. – № 3. – С. 31–44.
4. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: Изд-во Книжного Дома, 2022. – 344 с.
5. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация: Учебное пособие. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009 – 292 с.
6. Der erste Tag: So reagierte die SPD auf den Krieg in der Ukraine // Vorwärts. – Режим доступа: https://vorwaerts.de/inland/der-erste-tag-so-reagierte-die-spd-auf-den-krieg-der-ukraine?utm_source. – (Дата обращения: 25.06.2025).
7. En pleins pourparlers difficiles à Istanbul, l'armée ukrainienne «flanche» face aux Russes dans le Donbass // FigaroVox. – Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/international/en-pleins-pourparlers-difficiles-a-istanbul-l-armee-ukrainienne-flanche-face-aux-russes-dans-le-donbass-20250516>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
8. Entscheidung auf dem SPD-Parteitag? Pistorius organisiert Widerstand gegen die „Manifest“-Verfasser // TAGESSPIEGEL. – Режим доступа: <https://www.tagesspiegel.de/politik/entscheidung-auf-dem-spd-parteitag-pistorius-organisiert-widerstand-gegen-die-manifest-verfasser-13852087.html>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
9. Guerre en Ukraine: 200 perquisitions menées contre la fuite à l'étranger de réfractaires à la mobilisation // Le Figaro International. – Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/international/guerre-en-ukraine-200-perquisitions-menees-contre-la-fuite-a-l-etranger-de-refractaires-a-la-mobilisation-20250117>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
10. Guerre en Ukraine: quelles nouvelles sanctions les Européens pourraient-ils imposer à la Russie? // FigaroVox. – Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/international/guerre-en-ukraine-queelles-nouvelles-sanctions-les-europeens-pourraient-ils-imposer-a-la-russie-20250514>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
11. La Russie doit payer pour la relance de l'industrie de défense française qui aidera l'Ukraine // FigaroVox. – Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/la-russie-doit-payer-pour-la-relance-de-l-industrie-de-defense-francaise-qui-aidera-l-ukraine-20250528>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
12. Le choix significatif de Vladimir Medinski, idéologue du Kremlin, pour mener la délégation russe à Istanbul // FigaroVox. – Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/international/le-choix-significatif-de-vladimir-medinski-ideologue-du-kremlin-pour-mener-la-delegation-russe-a-istanbul-20250515>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
13. L'éditorial de Philippe Gélie: «Entre Poutine et Zelensky, un concours de beauté» // FigaroVox. – Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/l-editorial-de-philippe-gelie-entre-poutine-et-zelensky-un-concours-de-beaute-20250514>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
14. Les négociations sur l'Ukraine, une partition écrite à l'avance entre Moscou et Washington? // FigaroVox. – Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/international/les-negociations-sur-l-ukraine-une-partition-ecrite-a-l-avance-entre-moscou-et-washington-20250317>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
15. Merz wirft Russland „schwerste Kriegsverbrechen“ in der Ukraine vor // Welt. – Режим доступа: <https://www.welt.de/politik/article256234372/ukraine-krieg-merz-wirft-russland-schwerste-kriegsverbrechen-in-der-ukraine-vor.html>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
16. Müssen wir wieder Krieg lernen? Wie Boris Pistorius die Deutschen beunruhigt // Stern. – Режим доступа: <https://www.stern.de/politik/boris-pistorius-warnt-muss-deutschland-wieder-krieg-lernen--34300516.html>. – (Дата обращения: 25.06.2025).

17. "Nous sommes et nous resterons résolument aux côtés de l'Ukraine qui résiste" // La France dans L'UE. – Режим доступа: <https://ue.delegfrance.org/nous-sommes-et-nous-resterons>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
18. Olivier Zajec : «Pour apparaître en faiseur de paix en Ukraine, Donald Trump veut renverser l'échiquier, pas déplacer les pièces» // Le Figaro International. – Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/international/olivier-zajec-pour-apparaître-en-faiseur-de-paix-en-ukraine-donald-trump-veut-renverser-l-echiquier-pas-deplacer-les-pieces-20250301>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
19. Pistorius erwartet jahrzehntelange Auseinandersetzung mit Russland // Welt. – Режим доступа: <https://www.welt.de/politik/ausland/article250146910/Boris-Pistorius-erwartet-jahrzehntelange-Auseinandersetzung-mit-Russland.html>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
20. Pistorius: Putin "will gar nicht verhandeln" // ZDFheute. – Режим доступа: <https://www.zdfheute.de/politik/deutschland/pistorius-verteidigungsminister-ukraine-krieg-saktionen-interview-100.html>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
21. „Putin weiß, wie er Nadelstiche bei uns setzen muss“ – Pistorius warnt vor hybrider Kriegsführung // Welt. – Режим доступа: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article254950110/Pistorius-warnt-vor-hybrider-Kriegsfuehrung-Russlands-Putin-weiss-wie-er-Nadelstiche-bei-uns-setzen-muss.html>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
22. Rede von Außenministerin Annalena Baerbock bei der Sondersitzung des Bundestags zum Russlandkrieg // Deutsche Botschaft Taschkent. – Режим доступа: https://taschkent.diplo.de/uz-de/2514344-2514344?utm_source. – (Дата обращения: 25.06.2025).
23. Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz zu einem Jahr Zeitenwende vor dem Deutschen Bundestag am 2. März 2023 in Berlin // Die Bundesregierung. – Режим доступа: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-2169350?utm_source. – (Дата обращения: 25.06.2025).
24. Renaud Girard: «Parler à Poutine, oui ; lui céder, non» // FigaroVox. – Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/renaud-girard-parler-a-poutine-oui-lui-ceder-non-20250318>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
25. Verteidigungsminister Pistorius zu Gesprächen in Kiew // Bild. – Режим доступа: https://www.bild.de/politik/ukraine-krieg-verteidigungsminister-pistorius-zu-gespraechen-in-kiew-684a51a372dfcf2f6778f7b0?utm_source. – (Дата обращения: 25.06.2025).
26. "Vous incarnez la résistance d'un peuple," affirme le Président au dirigeant d'Ukraine // La France dans L'UE. – Режим доступа: <https://uk.ambafrance.org/ous-incarnez-la-resistance-d-un-peuple-affirme-le-President-au-dirigeant-d>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
27. „Völlig befremdlich“, urteilt Pistorius über das Russland-Manifest seiner SPD-Genossen // Welt. – Режим доступа: <https://www.welt.de/vermischtes/article256245954/maybrit-illner-voellig-befremdlich-urteilt-pistorius-ueber-das-russland-manifest-seiner-spd-genossen.html>. – (Дата обращения: 25.06.2025).
28. „Wir müssen uns fragen, wieso wir so viele Putin-Versteher hatten“ // Welt. – Режим доступа: <https://www.welt.de/politik/ausland/article238104625/Ukraine-live-Roth-fordert-Aufarbeitung-der-deutschen-Russland-Politik.html>. – (Дата обращения: 25.06.2025).

References

1. Arutjunova N. D. *Logicheskij analiz jazyka. Semantika nachala i konca* [Logical Analysis of Language. Semantics of Beginning and End]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 648 p.
2. Dem'jankov V. Z. *Jazyk SMI kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya* [Language of the media as an object of interdisciplinary research]. Moscow, 2003. 457 p.
3. Dem'jankov V. Z. *Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoy filologii* [Political discourse as a subject of political philology]. *Politicheskaja nauka*, 2002, no. 3, pp. 31–44.
4. Deijk T. A. van. *Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii* [Discourse and Power: Representing Dominance in Language and Communication]. Moscow, Izdatel'stvo Knizhnogo Doma Publ., 2022. 344 p.
5. Chudinov A. P. *Sovremennaja politicheskaja kommunikacija: Uchebnoe posobie* [Modern Political Communication: A Textbook]. Ekaterinburg, 2009. 292 p.

6. Der erste Tag: So reagierte die SPD auf den Krieg in der Ukraine // Vorwärts. Available from: https://vorwaerts.de/inland/der-erste-tag-so-reagierte-die-spd-auf-den-krieg-der-ukraine?utm_source (accessed 25 June 2025).
7. En pleins pourparlers difficiles à Istanbul, l'armée ukrainienne «flanche» face aux Russes dans le Donbass // FigaroVox. Available from: <https://www.lefigaro.fr/international/en-pleins-pourparlers-difficiles-a-istanbul-l-armee-ukrainienne-flanche-face-aux-russes-dans-le-donbass-20250516> (accessed 25 June 2025).
8. Entscheidung auf dem SPD-Parteitag? Pistorius organisiert Widerstand gegen die „Manifest“-Verfasser // TAGESSPIEGEL. Available from: <https://www.tagesspiegel.de/politik/entscheidung-auf-dem-spd-parteitag-pistorius-organisiert-widerstand-gegen-die-manifest-verfasser-13852087.html> (accessed 25 June 2025).
9. Guerre en Ukraine: 200 perquisitions menées contre la fuite à l'étranger de réfractaires à la mobilisation // Le Figaro International. Available from: <https://www.lefigaro.fr/international/guerre-en-ukraine-200-perquisitions-menees-contre-la-fuite-a-l-etranger-de-refractaires-a-la-mobilisation-20250117> (accessed 25 June 2025).
10. Guerre en Ukraine: quelles nouvelles sanctions les Européens pourraient-ils imposer à la Russie? // FigaroVox. Available from: <https://www.lefigaro.fr/international/guerre-en-ukraine-queelles-nouvelles-sanctions-les-europeens-pourraient-ils-imposer-a-la-russie-20250514> (accessed 25 June 2025).
11. La Russie doit payer pour la relance de l'industrie de défense française qui aidera l'Ukraine // FigaroVox. Available from: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/la-russie-doit-payer-pour-la-relance-de-l-industrie-de-defense-francaise-qui-aidera-l-ukraine-20250528> (accessed 25 June 2025).
12. Le choix significatif de Vladimir Medinski, idéologue du Kremlin, pour mener la délégation russe à Istanbul // FigaroVox. Available from: <https://www.lefigaro.fr/international/le-choix-significatif-de-vladimir-medinski-ideologue-du-kremlin-pour-mener-la-delegation-russe-a-istanbul-20250515> (accessed 25 June 2025).
13. L'éditorial de Philippe Gélie: «Entre Poutine et Zelensky, un concours de beauté» // FigaroVox. Available from: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/l-editorial-de-philippe-gelie-entre-poutine-et-zelensky-un-concours-de-beaute-20250514> (accessed 25 June 2025).
14. Les négociations sur l'Ukraine, une partition écrite à l'avance entre Moscou et Washington? // FigaroVox. Available from: <https://www.lefigaro.fr/international/les-negociations-sur-l-ukraine-une-partition-ecrite-a-l-avance-entre-moscou-et-washington-20250317> (accessed 25 June 2025).
15. Merz wirft Russland „schwerste Kriegsverbrechen“ in der Ukraine vor // Welt. Available from: <https://www.welt.de/politik/article256234372/ukraine-krieg-merz-wirft-russland-schwerste-kriegsverbrechen-in-der-ukraine-vor.html> (accessed 25 June 2025).
16. Müssen wir wieder Krieg lernen? Wie Boris Pistorius die Deutschen beunruhigt // Stern. Available from: <https://www.stern.de/politik/boris-pistorius-warnt--muss-deutschland-wieder-krieg-lernen--34300516.html> (accessed 25 June 2025).
17. "Nous sommes et nous resterons résolument aux côtés de l'Ukraine qui résiste" // La France dans L'UE. Available from: <https://ue.delegfrance.org/nous-sommes-et-nous-resterons> (accessed 25 June 2025).
18. Olivier Zajec : «Pour apparaître en faiseur de paix en Ukraine, Donald Trump veut renverser l'échiquier, pas déplacer les pièces» // Le Figaro International. Available from: <https://www.lefigaro.fr/international/olivier-zajec-pour-apparaître-en-faiseur-de-paix-en-ukraine-donald-trump-veut-renverser-l-echiquier-pas-deplacer-les-pieces-20250301> (accessed 25 June 2025).
19. Pistorius erwartet jahrzehntelange Auseinandersetzung mit Russland // Welt. – Available from: <https://www.welt.de/politik/ausland/article250146910/Boris-Pistorius-erwartet-jahrzehntelange-Auseinandersetzung-mit-Russland.html> (accessed 25 June 2025).
20. Pistorius: Putin "will gar nicht verhandeln" // ZDFheute. Available from: <https://www.zdfheute.de/politik/deutschland/pistorius-verteidigungsminister-ukraine-krieg-saktionen-interview-100.html> (accessed 25 June 2025).
21. „Putin weiß, wie er Nadelstiche bei uns setzen muss“ – Pistorius warnt vor hybrider Kriegsführung // Welt. Available from: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article254950110/Pistorius-warnt-vor-hybrider-Kriegsfuehrung-Russlands-Putin-weiss-wie-er-Nadelstiche-bei-uns-setzen-muss.html> (accessed 25 June 2025).

22. Rede von Außenministerin Annalena Baerbock bei der Sondersitzung des Bundestags zum Russlandkrieg // Deutsche Botschaft Taschkent. Available from: https://taschkent.diplo.de/uz-de/2514344-2514344?utm_source (accessed 25 June 2025).
23. Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz zu einem Jahr Zeitenwende vor dem Deutschen Bundestag am 2. März 2023 in Berlin // Die Bundesregierung. – Available from: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/regierungserklaerung-von-bundestkanzler-olaf-scholz-2169350?utm_source (accessed 25 June 2025).
24. Renaud Girard: «Parler à Poutine, oui ; lui céder, non» // FigaroVox. – Available from: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/renaud-girard-parler-a-poutine-oui-lui-ceder-non-20250318> (accessed 25 June 2025).
25. Verteidigungsminister Pistorius zu Gesprächen in Kiew // Bild. Available from: https://www.bild.de/politik/ukraine-krieg-verteidigungsminister-pistorius-zu-gespraechen-in-kiew-684a51a372dfcf2f6778f7b0?utm_source (accessed 25 June 2025).
26. "Vous incarnez la résistance d'un peuple," affirme le Président au dirigeant d'Ukraine // La France dans L'UE. Available from: <https://uk.ambafrance.org/ous-incarnez-la-resistance-d-un-peuple-affirme-le-President-au-dirigeant-d> (accessed 25 June 2025).
27. „Völlig befremdlich“, urteilt Pistorius über das Russland-Manifest seiner SPD-Genossen // Welt. Available from: <https://www.welt.de/vermischtes/article256245954/maybrit-illner-voellig-befremdlich-urteilt-pistorius-ueber-das-russland-manifest-seiner-spd-genossen.html> (accessed 25 June 2025).
28. „Wir müssen uns fragen, wieso wir so viele Putin-Versteher hatten“ // Welt. – Available from: <https://www.welt.de/politik/ausland/article238104625/Ukraine-live-Roth-fordert-Aufarbeitung-der-deutschen-Russland-Politik.html> (accessed 25 June 2025).

LINGUISTIC ANALYSIS OF CONTEMPORARY POLITICAL DISCOURSE IN FRANCE AND GERMANY ON THE ISSUE OF THE UKRAINIAN CRISIS RESOLUTION

Petrosyan D. V., Ershova E. V.

The article is devoted to the linguistic analysis of contemporary political discourse in France and Germany concerning the settlement of the Ukrainian crisis. The study is based on a corpus of public speeches, official statements, and publications in leading media outlets of the two countries covering the period 2022–2025. The research identifies key lexical units and rhetorical strategies that shape the representation of the conflict and the positions of the parties involved. It has been established that French discourse is characterized by a stronger tendency toward diplomatic language, the use of euphemisms, and appeals to the idea of European unity, whereas German discourse is distinguished by a more pragmatic and direct expression of positions, frequent reliance on economic arguments, and emphasis on European security. The findings provide deeper insights into the role of linguistic means in shaping public opinion and political narratives surrounding the Ukrainian crisis within the European political sphere. The rhetorical techniques employed make it possible to produce ideologically charged and emotionally colored political texts capable of shaping the recipient's perceptions and evaluations of facts and events and, in some cases, influencing their political stance.

Keywords: political discourse, France and Germany, linguistic features, strategies and tactics.

УДК 81'272

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-72-83

АНАЛИЗ ПОНИМАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ МЕТОДОМ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

Цыгульская Л. Д.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Российская Федерация
E-mail: tsygulskaya-ld@mail.ru*

Статья посвящена исследованию понимания современных юридических текстов носителями русского языка. Предметом исследования является понимание текстов гражданско-правовых договоров: отрывков договора купли-продажи, брачного договора и кредитного договора. Для оценки уровня понимания текстов договоров применен метод ключевых слов, который позволяет выявить основные лексические единицы, отражающие содержание текста. Информантам (60 чел.) предъявлялись отрывки текстов договоров и было предложено определить тип документа и выделить ключевые слова, характеризующие его содержание. Исследование показало, что менее 50% информантов полностью верно определяют тип договора, при этом хуже всего опознается брачный договор. Анализ выделенных информантами ключевых слов позволил выделить наиболее значимые семантические группы ключевых слов, связанных с субъектами, объектами и условиями договоров. Выявлено, что, выделяя ключевые слова, информанты в первую очередь акцентируют внимание на субъектах и объектах договоров, в то время как права и обязанности сторон реже привлекают их внимание, что может указывать на низкий уровень правовой грамотности воспринимающих текст информантов. Семантический анализ ключевых слов продемонстрировал различия в восприятии каждого типа договора, отражающие специфику этих договоров. Исследование подтверждает эффективность метода ключевых слов как инструмента анализа понимания юридических текстов и выявления трудностей их восприятия.

Ключевые слова: юридический текст, понимание юридических текстов, гражданско-правовой договор, метод выделения ключевых слов, ключевые слова, набор ключевых слов.

ВВЕДЕНИЕ

Понимание юридических текстов – сложная задача как с правовой, так и с лингвистической точек зрения. С одной стороны, юридические тексты характеризуются высокой степенью формализации и использованием специализированной терминологии, что требует от читателя не только знания закона, но и умения интерпретировать его нормы в контексте правоприменения [22]. С другой стороны, юридические тексты часто содержат сложные синтаксические конструкции, неоднозначные формулировки и специфические дискурсивные особенности, которые затрудняют однозначное понимание и могут приводить к различным интерпретациям [20; 21].

С точки зрения права, сложность обусловлена тем, что юридические нормы должны быть одновременно достаточно точными для обеспечения правовой определенности и достаточно гибкими для адаптации к разнообразным жизненным ситуациям [15]. Это порождает необходимость балансировать между формальной строгостью и коммуникативной ясностью, чего не всегда удается достичь. С лингвистической точки зрения, сложность текстов права проявляется в использовании архаизмов, канцеляризм, пассивных конструкций и других стилистических средств, характерных для юридического дискурса, что дополнительно усложняет восприятие текста неспециалистами [4; 19 и др.]. В последнее время и российские исследователи проявляют все больший интерес к пониманию юридических текстов [1; 2; 8; 9; 13].

Юридические тексты отличаются разнообразием видов и специфическими языковыми характеристиками. В зависимости от отраслевого деления права юридические

документы можно разделить на конституционно-правовые, гражданско-правовые, уголовно-правовые и др. [12, с. 45]. В рамках гражданско-правовых отношений наиболее распространены такой вид документов, как договоры. В данной статье будет рассмотрено понимание текстов гражданско-правовых договоров.

МЕТОД КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ КАК МЕТОД ОЦЕНКИ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

В условиях растущей сложности правового языка и увеличения объема нормативных актов необходимость выявления и анализа ключевых слов правовых документов становится особенно актуальной. Ключевые слова не только служат индикаторами основных понятий и категорий, используемых в тексте, но и помогают структурировать информацию, облегчая процесс понимания и интерпретации юридических текстов.

В российской психолингвистике для изучения процессов восприятия и понимания текста широко используется метод выделения ключевых слов, который был подробно описан в [6]. Ключевые слова – это «своего рода “кванты” текстового смысла; именно на них прежде всего опирается субъект в процесс понимания текста» [11, с. 66]. Выявление ключевых слов позволяет реципиенту определить общее содержание текста и объединить значения отдельных слов в целостный контекст, иными словами, сформировать образ содержания целого текста.

Техника выделения ключевых слов при информационной обработке документа (например, при его библиографическом описании) заключается в выборе из первичного документа (книги, статьи и т. п.) нескольких слов (обычно 5–15), которые отражают основное содержание данного документа. Эти ключевые слова составляют набор ключевых слов (НКС), представленный как существительные в начальной форме [10]. В зарубежных исследованиях метод выделения ключевых слов (КС) и автоматически выделенные наборы КС часто применяются в смежных с лингвистикой областях, таких как интеллектуальный анализ текста, информационный поиск и обработка естественного языка [14]. В данном случае наборы КС служат метаданными, способствующими улучшению содержания документов, упрощению их классификации, систематизации, индексации и созданию кратких обзоров текстовой информации, что, в свою очередь, облегчает поиск и настройку рекомендаций для пользователей [18].

Однако существуют психолингвистические и педагогические исследования, в которых метод выделения ключевых слов используется для анализа понимания текста: например, в работах [7; 10; 16; 17]. При таком подходе НКС выделяется как результат психолингвистического эксперимента, в котором носители языка выделяют КС; общий объем выделенных КС называется НКС текста, а набор наиболее частотных КС (обычно 1–15 слов) – истинным НКС [6].

Несмотря на то что при сопоставлении КС и резюме текстов студентами [17] было выявлено, что успешность выделения ключевых слов не являлась показателем точности ответов на вопросы, авторы предположили, что ключевые слова могут отражать уровень понимания текста, что требует проведения дополнительных исследований для уточнения данной гипотезы. В более поздних исследованиях на материале русского, английского и китайского языков было показано, что метод ключевых слов может не только показать уровень понимания текста, но и выявить возможные трудности, с которыми сталкиваются респонденты при интерпретации информации [5]. Таким образом, метод ключевых слов может использоваться для анализа понимания текста при предъявлении различных типов текстов и в разных аудиториях, что делает его универсальным инструментом исследований, связанных с чтением и пониманием.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для изучения восприятия и понимания юридических текстов был проведен лингвистический эксперимент, в котором информанты знакомились с текстами гражданско-правовых договоров: отрывками договора купли-продажи, кредитного договора и брачного договора, которые включали описание предмета договора, субъектов, прав и обязанностей сторон. Данные виды договоров были взяты неслучайно. Учитывая, что юридические правоотношения пронизывают все сферы общества и являются неотъемлемой их частью, были выбраны договоры, с которыми обычные люди часто сталкиваются в повседневной жизни; эти типы договоров регулируют важные для большинства граждан правоотношения, связанные с реализацией их законных прав и обязанностей. Для каждого из использованных текстов определялись следующие параметры: количество словоупотреблений, количество разных слов и коэффициент лексического разнообразия (отношение количества разных слов текста к общему количеству словоупотреблений в тексте).

Информантам было предложено определить, отрывок из какого типа юридического документа им представлен. Ответы давались в свободной форме. Далее анализировался процент правильных, частично правильных и неверных ответов.

Также информантам предлагалось выписать по пять наиболее важных слов (которые в данном случае рассматривались как КС) из данных документов. Хотя не все информанты выполнили данное задание (для первого текста зафиксирован один отказ, для второго – четыре отказа и для третьего – один) и некоторые информанты указали меньшее количество слов, другие информанты могли указать большее количество КС; всего было получено 924 КС: 322 для первого текста, 289 – для второго и 313 – для третьего.

В эксперименте участвовали 60 информантов, из которых 18 мужчин и 42 женщины с разным уровнем образования; возраст информантов варьировал от 22 до 72 лет. В настоящей статье социальные характеристики информантов не анализируются, рассматривается только общая картина понимания представленных юридических текстов.

Обработка КС, выписанных информантами, проводилась следующим образом: различные формы слова сводились к форме, наиболее часто встречающейся в ответах (*процент, проценты* → *проценты*); разные КС, имеющие синонимические значения, объединялись (*недвижимость, недвижимое имущество* → *недвижимость/недвижимое*; *срок, дата, день* → *срок*); словосочетания делились на слова, входящие в них (*недвижимое имущество* → *недвижимое* и *имущество*; *рабочий день* → *рабочий* и *день*); союзы и предлоги удалялись (*проценты за пользование кредитом* → *проценты, пользование и кредит*).

В соответствии с инструкцией подсчета КС, описанной в [6], для каждого КС, встретившегося в ответах участников, была рассчитана абсолютная (m) и относительная (p) частота встречаемости ($p = m/n$, где n – количество участников). Группа слов, получивших наибольшую относительную частоту встречаемости, составила истинный набор КС, в который были включены все КС, названные как минимум 20% участников.

Для каждого из текстов определялись следующие параметры: количество разных КС, указанных информантами; объем истинного НКС; коэффициент покрытия текста КС (отношение частоты КС из истинного НКС в тексте к общему количеству словоупотреблений в тексте).

Кроме того, на основании семантического анализа КС были объединены в семантические группы, объем которых (количество реакций в них) показывает важность данной группы для информантов при понимании текста. Во всех текстах КС были объединены в семь однотипных семантических групп, связанных со спецификой лексики договоров: субъекты договора, объект договора, условия договора, действия сторон, права и обязанности сторон, денежные средства, документ.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТИПА ДОКУМЕНТА

Ответы информантов относительно вида документа, который им представлен анализировались следующим образом:

- полностью верными считались те ответы, в которых был назван конкретный вид договора (купли-продажи, кредитный или брачный);
- частично верными считались ответы, в которых определялся тип документа (договор), но не уточнялся вид договора, а также ответы, в которых называлась только отрасль права, которая регулирует отношения, описываемые договором (например, семейное право для брачного договора);
- неверными считались ответы, в которых и отрасль права, и тип документа были названы неправильно (например, правовой акт, закон и др.);
- отказы – это либо незаполненные графы, либо ответы типа «не знаю».

Таблица 1.

*Количество верных, частично верных
и неверных ответов при опознании типа документа, %*

Правильность ответы	Договор		
	купли-продажи	кредитный	брачный
Полностью верно	45,0	45,0	35,0
Частично верно	40,0	36,7	40,0
Неверно	13,3	11,7	25,0
Отказ	1,7	6,7	0,0

Как видим из Таблицы 1, наблюдается низкий процент полностью верных ответов, данных информантами при восприятии текстов всех трех видов договоров (менее 50,0%). Количество полностью верных ответов для договора купли-продажи и кредитного договора составляет 45,0%, для брачного договора – 35,0%. Количество частично верных ответов для договора купли-продажи и брачного договора совпадает – 40,0%, а для кредитного договора чуть ниже – 36,7% частично верных ответов. Наибольшее количество неверных ответов зафиксировано для брачного договора – 25%, а наименьшее для кредитного договора – 11,7%. При этом для брачного договора не было зафиксировано ни одного отказа; максимальное количество отказов дано для кредитного договора – 6,7%. Таким образом, уровень опознания жанра и типа текста недостаточно высок и самым низким уровнем характеризуется брачный договор.

НАБОРЫ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ ТЕКСТОВ ДОГОВОРОВ

Количественные характеристики текстов договоров и НКС, полученных для них, представлены в Таблице 2.

Таблица 2.

Количественные характеристики текстов и наборов ключевых слов

Параметры	Договор		
	купли-продажи	кредитный	брачный
Количество словоупотреблений	137	137	164
Количество разных слов	90	76	86
Лексическое разнообразие	0,66	0,55	0,52
Количество разных КС	38	30	37
Объем истинного НКС	6	7	6
Покрытие текста КС	0,19	0,27	0,23

Отрывок текста договора купли-продажи, предложенный информантам, включал 137 слов, из них 90 разных (коэффициент лексического разнообразия текста – 0,66). При выделении КС информанты назвали 38 разных КС, при этом объем истинного НКС данного текста составили шесть слов: *продавец* (назвали 83,3% информантов), *покупатель* (80% информантов), *имущество* (60% информантов), *недвижимость* (60% информантов), *договор* (53,3% информантов) и *акт* (26,7% информантов). Как видим, КС, входящие в истинный НКС, обозначают основных субъектов договора, предмет договора (объект, о котором идет речь в договоре), а также собственно название договора как документа. Коэффициент покрытия текста КС – 19%.

Отрывок текста кредитного договора включал 137 слов, из них 76 разных (коэффициент лексического разнообразия текста – 0,55). При выделении КС информанты назвали 30 разных КС. Истинный НКС текста кредитного договора составили семь слов: *проценты* (назвали 91,7% информантов), *кредит* (81,7% информантов), *заемщик* (58,3% информантов), *кредитор* (41,7% информантов), *выплата* (25% информантов), *сроки* (25% информантов) и *погашение* (21,7% информантов). В данном случае КС, входящие в истинный НКС, называют условия договора, предмет договора, основных субъектов договора, а также действия, связанные с исполнением договора. Коэффициент покрытия текста КС – 27%.

Отрывок текста брачного договора включал 164 слова, из них 86 разных (коэффициент лексического разнообразия текста – 0,52). При выделении КС информанты назвали 37 разных КС, при этом истинный НКС данного текста состоит из шести слов: *собственность* (назвали 85% информантов), *имущество* (81,7% информантов), *брак* (76,7% информантов), *супруги* (71,7% информантов), *подарки* (35% информантов) и *расторжение* (23,3% информантов). Как видим, КС, входящие в истинный НКС, обозначают предмет договора, условия договора, а также основных субъектов договора. Коэффициент покрытия текста КС составил 23%.

Как видим, несмотря на то что тексты договоров характеризуются разным объемом и разным коэффициентом лексического разнообразия, объемы истинных НКС примерно одинаковы – 6–7 слов. При этом для текстов с меньшим лексическим разнообразием (кредитный и брачный договоры), получаем более высокие коэффициенты покрытия текста КС.

В истинных НКС текстов всех рассмотренных договоров повторяются лексические единицы одних и тех же семантических групп. Так, везде встречаются субъекты договоров и объекты, относительно которых составляется договор. Таким образом, истинные НКС отражают существенные стороны договоров, что может косвенно свидетельствовать и достаточно высокой степени понимания информантами данных юридических текстов.

В то же время общие НКС также связаны с важными семантическими группами лексики договоров. Поэтому было решено проанализировать НКС полностью с точки зрения лексико-семантических групп, в которые входят КС.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛЕКСИКИ В НАБОРАХ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

Полученные полные списки КС для каждого из текстов на основании семантического анализа были распределены в семантические группы. Рассмотрим семантические группы, которые были выделены для каждого из текстов.

Договор купли-продажи

Семантические группы КС, выделенных информантами в тексте договора купли-продажи, в порядке убывания показаны в Таблице 3.

Таблица 3.

Семантические группы КС: договор купли-продажи

Семантическая группа	КС	Объем, %
Субъекты	<i>продавец, покупатель, третьи лица, лица, наниматель, собственник</i>	32,9
Объект	<i>вещь, имущество, недвижимимость/недвижимое, собственность</i>	24,8
Документ	<i>акт, договор</i>	14,9
Действия	<i>прием-передача, передача, покупка, переход, продажа, сделка, регистрация, купля-продажа, государственная, регистрация</i>	10,6
Права и обязанности	<i>гарантии, законодательство, обязательства, право, ответственность, иск, претензии</i>	6,8
Условия	<i>отсутствие, срок, риск, случайная гибель, форс-мажор</i>	5,6
Денежные средства	<i>пошлина, расходы, оплата, платежи, задолженности</i>	4,7

Как видим из Таблицы 3, для носителей языка наиболее важными в анализируемом отрывке договора купли-продажи являются субъекты договора, чуть менее важным оказался объект договора. Значительно реже информанты называют среди КС документы и действия, менее всего важны для них оказались права и обязанности сторон, риски, разного рода платежи и другие условия договора. Таким образом, анализ КС показывает, что люди в данном отрывке текста сосредоточиваются прежде всего на субъектах, оставляя без должного внимания их действия и условия осуществления этих действий.

Кредитный договор

Семантические группы КС, выделенных информантами в тексте кредитного договора, в порядке убывания показаны в Таблице 4. Как видим, для носителей языка наиболее важными в анализируемом отрывке кредитного договора являются условия договора, чуть менее важным оказались субъекты договора. Значительно реже информанты называют среди КС объект, действия, менее всего важны для них оказались денежные средства, права и обязанности сторон и собственно документ.

Таблица 4.

Семантические группы КС: кредитный договор

Семантическая группа	КС	Объем, %
Условия	<i>проценты, ставка, условие, время, дата, день, досрочное, ежемесячно, период, рабочий, сроки</i>	32,9
Субъекты	<i>банк, заемщик, кредитор</i>	22,8
Объект	<i>кредит</i>	17,0
Действие	<i>возврат, выплата, исполнение, оплата, погашение, пользование, начисление</i>	13,5
Денежные средства	<i>карта, деньги, средства, сумма, просрочка, задолженность, платеж</i>	7,6
Права и обязанности	<i>обязательства, право</i>	3,5
Документ	<i>договор</i>	2,8

Таким образом, анализ КС показывает, что люди в данном отрывке текста сосредотачиваются прежде всего на условиях договора, оставляя без должного внимания действия субъектов, их права и обязанности.

Брачный договор

Семантические группы КС, выделенных информантами в тексте брачного договора, в порядке убывания показаны в Таблице 5.

Таблица 5.

Семантические группы КС: брачный договор

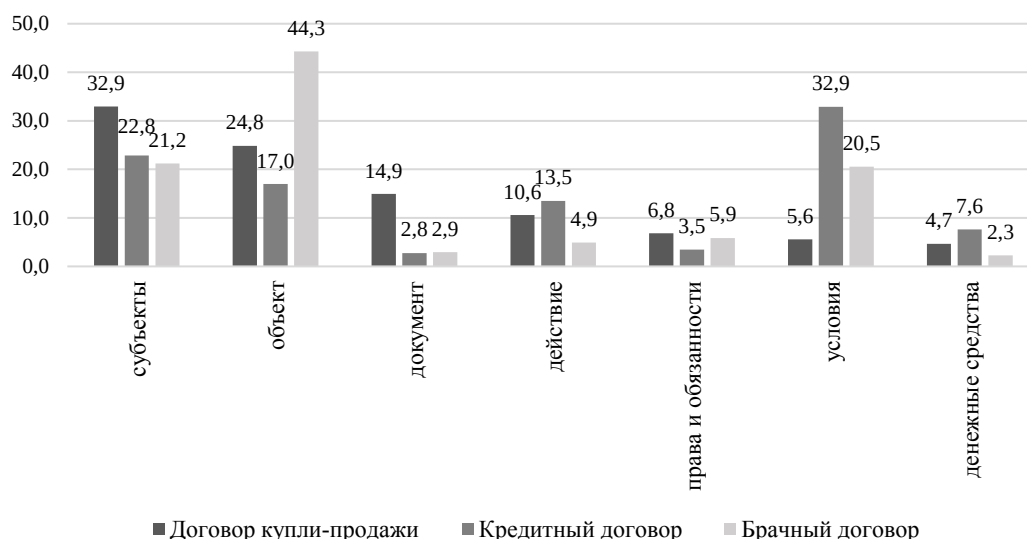
Семантическая группа	КС	Объем, %
Объект	<i>вещи, имущество, недвижимость, собственность, доли, подарки, авто, свадебные</i>	44,3
Субъекты	<i>супруги, владелец, родственники, сторона, член, индивидуальное, личное, совместная</i>	21,2
Условия	<i>брак, развод, расторжение</i>	20,5
Права и обязанности	<i>владение, пользование, закон, права, признаются, иск, принадлежит</i>	5,9
Действие	<i>раздел, возмещение, делаешь, зарегистрировано, приобретение, разделение, регистрация</i>	4,9
Документ	<i>договор</i>	2,9
Денежные средства	<i>вложения, средства, стоимость</i>	2,3

Как видим из Таблицы 5, для носителей языка наиболее важными в анализируемом отрывке брачного договора является объект договора, чуть менее важным оказались субъекты и условия договора. Значительно реже информанты называют среди КС действия и права и обязанности сторон договора, менее всего важны для них оказались документ и денежные средства. Таким образом, анализ КС показывает, что люди в данном отрывке текста сосредотачиваются прежде всего на объекте, оставляя без должного внимания права и обязанности сторон договора, их действия и денежные средства.

В целом можно сказать, что во всех трех текстах наблюдается низкий процент максимума частот семантических групп КС, что указывает на разнообразие и сложность их структуры. Процент максимума составляет менее 50%: 32,9% – в договоре купли-продажи, 32,9% – в кредитном договоре и 44,3% – в брачном договоре.

Кроме того, для каждого из договоров выстраивается разная иерархия семантических групп КС (см. рис.), которая подчеркивают специфику каждого из видов договоров.

Рисунок 1. Объемы семантических групп КС, выделенных к разным договорам

Как видим из рисунка, наибольший процент актуализации во всех трех договорах получили две семантические группы КС: субъекты и объект договора. Субъекты договора оказались наиболее важными для договора купли-продажи (32,9%), что подчеркивает существенную роль участников данного договора для информантов. При этом, для кредитного и брачного договоров субъекты также являются важными, но частота их актуализации в НКС примерно в полтора раза меньше. Объект договора имеет наибольшее значение в брачном договоре (44,3%), в то время как в договоре купли-продажи и кредитном договоре его значимость снижается почти в 2 раза и более (24,8% и 17,0% соответственно).

Условия договора более всего важны для кредитного договора (32,9%) и довольно часто подчеркиваются в брачном договоре, в то время как для договора купли-продажи они оказываются малозначимыми для информантов – всего 5,6%.

Заметными, но менее значимыми семантическими группами КС являются группы «действия» и «документ». Действия имеют большее значение для кредитного договора (13,5%), их роль в осмыслении договора купли-продажи немного ниже (10,6%), в то время как для брачного договора таких КС выделяется совсем немного (4,9%). Упоминание документов встречается в НКС всех трех договоров, но значимость этой семантической группы для договора купли-продажи несколько выше (14,9%), чем для остальных договоров, что может быть обусловлено предметом договора купли-продажи. Для кредитного и брачного договоров процент актуализации семантической группы «договор» крайне мал (2,8% и 2,9% соответственно). В целом низкий уровень внимания к документам говорит о том, что информантам не слишком важна формализация договорных отношений или они считают ее само собой разумеющейся.

Низкая актуализация семантической группы «права и обязанности» сторон договора в КС, выделенных информантами ко всем трем договорам, указывает на второстепенное значение этой группы для информантов. Так, в договоре купли-продажи таких КС – 6,8%, в кредитном договоре – 3,5% и в брачном договоре – 5,9%. Кроме того, недостаточное внимание информантов к правам и обязанностям сторон в договорах указывает на низкий уровень правовой грамотности.

Наименее значимой группой для всех видов договоров оказались денежные средства. При этом наибольшую актуализацию они получили в кредитном договоре (7,6%). Небольшое число упоминаний о рисках и финансовых аспектах договоров свидетельствует о недостаточном осознании потенциальных обязательств в связи с заключением договоров.

ВЫВОДЫ

Таким образом, результаты исследования показали, что уровень опознания типа договора недостаточно высок, что подтверждается низким процентом полностью верных ответов информантов. Наиболее сложным для опознания оказался брачный договор (очевидно в силу меньшей его распространенности), в то время как уровень опознания договоров купли-продажи и кредитного договора оказался несколько выше, хотя также не достиг 50%.

Метод КС продемонстрировал эффективность в оценке понимания текстов и, при условии объединения КС в семантические группы, позволил выявить компоненты текстов, которые информанты считали наиболее важными. В истинных НКС текстов всех рассмотренных договоров повторяются лексические единицы одних и тех же семантических групп. Так, везде встречаются лексемы, называющие субъектов договоров и объекты, относительно которых составляется договор. Низкая актуализация семантической группы «права и обязанности» указывает на второстепенное значение этой группы для информантов и может свидетельствовать о недостаточном внимании к важным аспектам договоров, которые могут повлиять на правовые обязательства.

Предпринятое исследование подтверждает важность изучения понимания юридических текстов и применение различных методов для этих целей.

Список литературы

1. Анохина С. З., Вахитова Г. В. Лингвистические характеристики юридического текста как фактор влияния на его восприятие и понимание адресатом-юристом // Вестник Башкирского университета. – 2019. – № 2. – С. 425–429.
2. Белов С. А., Гулида В. Б. Язык юридических документов: сложности понимания // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2019. – № 15. – С. 56–103
3. Глазанова Е. В. Студентка vs водитель в возрасте, или почему никто не любит читать официальные документы // Социо- и психолингвистические исследования. – 2021. – № 9. – С. 76–85.
4. Голев Н. Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 138–148.
5. Ладнова А. А., Зубов В. И. Изучение понимания текста на родном и неродном языке с использованием методики выделения ключевых слов (на материале русского, английского и китайского языков) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2024. (в печати).
6. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.
7. Петрова Т. Е. Контекстная предсказуемость ключевых слов текста // ...СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного. – Пермь. – 2006. – С. 73–78.
8. Пешкова Н. П., Вахитова Г. В., Ибатуллина Н. С. Восприятие и интерпретация текстов юридического дискурса (на материале поправок к Конституции Российской Федерации и интернет-комментариев) // Вопросы современной лингвистики. – 2020. – № 5. – С. 112–129.
9. Руднева Е. А., Троценкова Е. В. Проблема понятности юридических документов в контексте профессиональной идентичности // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 489. – С. 25–35.
10. Сахарный Л. В., Штерн А. С. Набор ключевых слов как тип текста // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности. – Пермь, 1988. – С. 34–51.
11. Сиротко-Сибирский С. А. О проблеме понимания текста в лингвистике и психолингвистике // ...СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного / Перм. ун-т. Пермь. – 2006. – С. 63–68.
12. Уздимаева Н. И. Проблемы классификации юридических документов // Контентус. – 2020. – № 7. – С. 42–50.
13. Шепелев А. Н. Критика теории простого юридического языка // ПРАВО: история и современность. – 2023. – № 4. – С. 408–414.
14. Beliga S., Meštrović A., Martinčić-Ipšić S. An overview of graph-based keyword extraction methods and approaches // Journal of Information and Organizational Sciences. – 2015. – No 39 (1). – Pp. 1–20.
15. Bhatia V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. – Longman. – 1993. – 246 p.
16. de Bruin A. B., Thiede K. W., Camp G., Redford J. Generating keywords improves metacomprehension and self-regulation in elementary and middle school children // Journal of Experimental Child Psychology. – 2011. – No 109 (3). – Pp. 294–310.
17. Engelen J. A. A., Camp G., van de Pol J., de Bruin A. B. H. Teachers' monitoring of students' text comprehension: can students' keywords and summaries improve teachers' judgment accuracy? // Metacognition and learning. – 2018, – No 13. – Pp. 287–307.
18. Firoozeh N., Nazarenko A., Alizon F., Daille B. Keyword extraction: Issues and methods // Natural Language Engineering. – 2020, – No 26 (3). – Pp. 259–291.
19. Gibbons J. Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System. – Wiley-Blackwell, 2003. – 345 p.
20. Mellinkoff D. The Language of the Law. – Little, Brown and Company, 1963. – 544 p.
21. Solan L. M. The Language of Judges. – University of Chicago Press, 1993. – 218 p.
22. Tiersma P. M. Legal Language. – University of Chicago Press, 1999. – 314 p.

References

1. Anokhina S. Z., Vakhitova G. V. *Lingvisticheskie kharakteristiki yuridicheskogo teksta kak faktor vliyaniya na ego vospriyatie i ponimanie adresatom-yuristom* [Linguistic characteristics of a legal text as a factor influencing its perception and comprehension by the addressee-lawyer]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2019, no. 2, pp. 425-429.
2. Belov S. A., Gulida V. B. *Yazyk yuridicheskikh dokumentov: slozhnosti ponimaniya* [The language of legal documents: the complexities of comprehension] *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2019, no. 15, pp. 56-103.
3. Glazanova E. V. *Studentka vs voditel' v vozraste, ili pochemu nikto ne lyubit chitat' oficial'nye dokumenty* [Student vs older driver, or why no one likes to read official documents] *Socio- i psiholingvisticheskie issledovaniya*, 2021, no. 9, pp. 76-85.
4. Golev N. D. *Yuridicheskaya terminologiya v kontekste doktrinal'nogo tolkovaniya* [Legal terminology in the context of doctrinal interpretation] *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 138-148.
5. Ladnova A. A., Zubov V. I. *Izuchenie ponimaniya teksta na rodnom i nerodnom yazyke s ispol'zovaniem metodiki vydeleniya klyuchevykh slov (na materiale russkogo, angliiskogo i kitaiskogo yazykov)* [Study of text comprehension in native and non-native languages using the method of identifying keywords (based on Russian, English and Chinese languages)] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 2024.
6. Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vospriyatie*. [Text and its perception] Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1991, 172 p.
7. Petrova T. E. *Kontekstnaya predskazuemost' klyuchevykh slov teksta* [Contextual predictability of keywords of the text] ...SLOVO OTZOVETSIA: pamyati Ally Solomonovny Shtern i Leonida Vol'kovicha Sakhar'nogo / Permskii universitet. Perm', 2006, pp. 73-78.
8. Peshkova N. P., Vakhitova G. V., Ibatullina N. S. *Vospriyatie i interpretatsiya tekstov yuridicheskogo diskursa (na materiale popravok k Konstitucii Rossiiskoi Federatsii i internet-kommentariyev)* [Perception and interpretation of legal discourse texts (based on amendments to the Constitution of the Russian Federation and Internet comments)]. *Voprosy sovremennoi lingvistiki*, 2020, no. 5, pp. 112-129.
9. Rudneva E. A., Troshchenkova E. V. *Problema ponyatnosti yuridicheskikh dokumentov v kontekste professional'noi identichnosti* [The problem of understandability of legal documents in the context of professional identity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023, no. 489, pp. 25-35.
10. Sakhar'nyi L. V., Shtern A. S. *Nabor klyuchevykh slov kak tip teksta* [A set of keywords as a text type] *Leksicheskie aspekty v sisteme professional'no-orientirovannogo obucheniya inoyazychnoj rechevoj deyatel'nosti*, Perm', 1988, pp. 34-51.
11. Sirotko-Sibirskii S. A. *O probleme ponimaniya teksta v lingvistike i psiholingvistike* [On the problem of comprehension the text in linguistics and psycholinguistics] ...SLOVO OTZOVETSIA: pamyati Ally Solomonovny Shtern i Leonida Vol'kovicha Sakhar'nogo / Permskii universitet, Perm', 2006, pp. 63-68.
12. Uzdimaeva N. I. *Problemy klassifikatsii yuridicheskikh dokumentov* [Problems of classification of legal documents]. *Kontentus*, 2020, no. 7, pp. 42-50.
13. Shepelev A. N. *Kritika teorii prostogo yuridicheskogo yazyka* [Critique of the theory of simple legal language]. *PRAVO: istoriya i sovremennost'*, 2023, no. 4, pp. 408-414.
14. Beliga S., Meštrović A., Martinčić-Ipšić S. *An overview of graph-based keyword extraction methods and approaches*. *Journal of Information and Organizational Sciences*, 2015, no 39 (1), pp. 1-20.
15. Bhatia V. K. *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*. Longman. 1993. 246 p.
16. de Bruin A. B., Thiede K. W., Camp G., Redford J. *Generating keywords improves metacomprehension and self-regulation in elementary and middle school children*. *Journal of Experimental Child Psychology*, 2011, no. 109 (3), pp. 294-310.
17. Engelen J. A. A., Camp G., van de Pol J., de Bruin A. B. H. *Teachers' monitoring of students' text comprehension: can students' keywords and summaries improve teachers' judgment accuracy? Metacognition and learning*, 2018, no. 13, pp. 287-307.
18. Firoozeh N., Nazarenko A., Alizon F., Daille B. *Keyword extraction: Issues and methods*. *Natural Language Engineering*, 2020, no. 26 (3), pp. 259-291.
19. Gibbons J. *Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System*. Wiley-Blackwell, 2003, 345 p.
20. Mellinkoff D. *The Language of the Law*. Little, Brown and Company, 1963, 544 p.
21. Solan L. M. *The Language of Judges*. University of Chicago Press, 1993, 218 p.
22. Tiersma P. M. *Legal Language*. University of Chicago Press, 1999, 314 p.

**ANALYSIS OF COMPREHENSION OF LEGAL TEXTS
THE KEYWORD METHOD**

Tsygulskaia L. D.

The article is devoted to the study of comprehension of modern legal texts by native Russian speakers. Legal texts are characterized by high formalization, complex terminology and specific syntactic constructions, which complicates their perception and comprehension by non-specialists. The subject of the study is the comprehension of the texts of civil contracts: excerpts a purchase-sale contract, a credit contract, a marriage contract. To assess the level of comprehension of the texts of contracts, the keyword method was used, which allows identifying the main lexical units reflecting the content of the text. Informants (60 people) were shown excerpts from the texts of contracts and asked to determine the type of document and highlight the keywords characterizing its content. The study showed that less than 50% of informants completely correctly identify the type of contract, with the worst recognition of the marriage contract. Analysis of the keywords identified by the informants made it possible to identify the most significant semantic groups of keywords associated with the subjects, objects and terms of contracts. It was revealed that, when highlighting keywords, informants primarily focus on the subjects and objects of contracts, while the rights and obligations of the parties attract their attention less often, which may indicate a low level of legal literacy of informants perceiving the text. Semantic analysis of keywords demonstrated differences in the perception of each type of contract, reflecting the specifics of these contracts. The study confirms the effectiveness of the keyword method as a tool for analyzing the comprehension of legal texts and identifying difficulties in their perception.

Keywords: legal text, comprehension of legal texts, civil contract, keyword extraction method, keywords, keyword set.

3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 811.161.1

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-84-94

ИПОСТАСИ ФЕНОМЕНА «МЕНТАЛИТЕТ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Литвинчук И. Н.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: irinlitvi@gmail.com*

Публикуемое исследование направлено на изучение особенностей лексической дистрибуции имен прилагательных с именем существительным «менталитет». В работе предпринята попытка интегрирования методологических подходов таких научных направлений, как корпусная лингвистика, когнитивная лингвистика, психолингвистика и социолингвистика. Применение методов корпусной лингвистики позволяет выявить объективные закономерности функционирования конкретных языковых единиц в условиях письменного дискурса, а также проследить динамику изменений семантики изучаемых лексических дистрибуций в диахроническом аспекте языка и речи. Анализ случаев употребления имен прилагательных «национальный», «российский», «специфический», «рабский», «совковый», «этнический» в дистрибуции с существительным «менталитет» осуществлен на материале примеров, представленных в «Национальном корпусе русского языка», в соответствии со следующими критериями: а) специфика функционирования данных лексических дистрибуций в диахроническом аспекте; б) психосемантические, социолингвистические и когнитивно-лингвистические особенности актуализации семантики рассматриваемых словосочетаний; в) жанровые и стилистические особенности данных дистрибуций в различных контекстах. Результаты показывают, что понятие «менталитет» выступает как важный элемент культурного кода, отражающий коммуникативные установки, ценности и речевые поведенческие паттерны носителей русского языка.

Ключевые слова: менталитет, конкорданс, коллокат, корпусная лингвистика, когнитивная лингвистика.

ВВЕДЕНИЕ

Феномен менталитета остается предметом острых дискуссий среди исследователей, поскольку семантически отражает сложное сочетание индивидуальных, исторических, социокультурных и психолого-лингвистических компонентов культурного кода [4, с. 117; 17, с. 30; 18, с. 286]. Однако именно многообразие подходов обуславливает значимость данного явления как объекта междисциплинарных исследований в рамках антропоцентрической парадигмы современной науки [13, с. 25]. Исследования феномена менталитета имеют большое значение для анализа социально-политических процессов в современном мире, поскольку помогают объяснить отношение представителей определенной общности к государству, власти, закону, труду, деньгам, богатству [2, с. 73], интерпретировать природу таких явлений, как конфликты поколений, межэтнические столкновения, поведение избирателей и реакция общества на реформы.

Термин «менталитет» получил распространение в научной литературе в XX в. Если первоначально менталитет рассматривался только как совокупность характеристик представителей определенной социокультурной общности, то позднее в рамках осуществления междисциплинарных исследований в это понятие были введены такие смысловые элементы, как когнитивные особенности, верования, установки, мотивы культурной деятельности [7, с. 6], ценностные ориентации и стереотипы поведения индивидов, обусловленные культурной средой [12]. Однако почти сразу в научной среде

возникли разногласия относительно границ применения термина «менталитет»: то время как одни исследователи настаивали на том, что это в первую очередь историко-психологическая категория [14, с. 14], другие – считали целесообразной его интерпретацию в рамках психологии, философии [10, с. 302–306], культурологии [3, с. 93]. М. Блок определял менталитет как часть коллективного сознания, отражающего глубинные структуры мышления народа [5, с. 175].

Научное осмысление феномена менталитета сегодня осуществляется и на стыке нескольких важнейших направлений языкознания: корпусной лингвистики, когнитивной лингвистики и психолингвистики [1, с. 33]. Эти дисциплины предоставляют разнообразные инструменты и методики, способные пролить свет на взаимосвязь языка, сознания и культурного контекста [9; 17, с. 30; 15, с. 153]. Таким образом, проведение междисциплинарных исследований менталитета с использованием данных и методов указанных научных направлений является перспективным и целесообразным.

Крупнейшие электронные корпуса, содержащие миллионы текстовых единиц и являющихся мощным аналитическим инструментом на уровне отдельных лемм [20, с. 10], позволяют объективно наблюдать эволюцию языковых средств, обозначающих ментальные категории и имеющих значения, связанные с восприятием различными субъектами речевой деятельности окружающего мира и себя в нем. Корпусные данные служат валидной основой для выявления и прогнозирования динамики долгосрочных изменений в общественном сознании и таком его корреляте, как менталитет.

Цель нашего исследования – проанализировать все контекстуальные примеры конкорданса употребления имен прилагательных «национальный», «русский», «специфический», «рабский», «совковый», «этнический» в сочетании с лексемой «менталитет» по критериям: 1) особенности употребления данных словосочетаний в контекстах, относящихся к различным временным периодам; 2) тематические, психосемантические, социолингвистические и когнитивно-лингвистические особенности контекстуального употребления и актуализации семантических особенностей данных словосочетаний в примерах-предложениях из «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ); 3) жанрово-стилистические особенности данных словосочетаний в анализируемых примерах. Для различных случаев анализа приведены аутентичные примеры из текстов, содержащихся в НКРЯ, указаны их авторы, источники и даты опубликования. Отметим, что конкордансный анализ [22, с. 197] представляет собой метод изучения внутритекстовых соответствий определённого слова или словосочетания, позволяющий исследовать контекстные условия его употребления.

Поиск по запросу «портрет слова “менталитет”» в НКРЯ дает результаты, которые демонстрируют градиционный ряд статистически устойчивых коллокаций, то есть словосочетаний, воспринимаемых носителями языка как привычных и органичных, несмотря на то, что выбор входящих в него элементов иногда кажется произвольным и не обусловленным строгими правилами грамматики или логики. Данные, представленные в виджете «скетчи», помогают определить, каким образом слово «менталитет» вступает во взаимосвязь с другими лексическими единицами в рамках системы современного русского языка. Эти связи выявляются посредством анализа сочетаний рассматриваемой лексемы со словами, выраженными различными частями речи: таким образом, учитываются грамматические отношения между лексемами и охватываются ключевые аспекты их функционирования в языке. При этом набор характерных синтаксических взаимозависимостей варьируется в соответствии с принадлежностью рассматриваемого слова к той или иной части речи.

ИПОСТАСИ ФЕНОМЕНА «МЕНТАЛИТЕТ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Исследование включает интерпретацию результатов-коллокаций слова «менталитет», представленных только именами прилагательными, которые представлены в градационном ряде его коллокатов. Подробный разбор других коллокатов, зафиксированных в НКРЯ, выходит за рамки целеполагания этого исследования. Однако считаем целесообразным привести исчерпывающий список всех коллокатов, сопроводив в скобках каждый из них статистически валидным указанием на абсолютную частоту дистрибутивного употребления с лексемой «менталитет», согласно данным, содержащимся в НКРЯ (здесь и далее статистические данные и примеры взяты из НКРЯ) [16]: а) глаголы в инфинитиве: *воспринимать* (5,09), *меняться* (3,76), *измениться* (2,87); б) глаголы с прямым дополнением: *учитывать* (4,5); *менять* (3,09), *изменить* (2,89), *понять* (1,13); в) глаголы с косвенным дополнением: *соответствовать* (4,07), *противоречить* (3,96), *отвечать* (2,09); г) глаголы с предложным дополнением: *повлиять* (4,07), *отличаться* (1,85), *оставаться* (0,36); д) имена существительные: *традиция* (6,36), *подход* (5,8), *основа* (5,05), *сознание* (4), *культура* (3,84), *опыт* (3,77), *отношение* (2,97).

Таким образом, лексема «менталитет» выполняет синтаксическую функцию подлежащего («Хотя наш восточный менталитет и социальный опыт иной, чем на Западе, воспринимает награды, как фигуры в шахматной игре: И. Н. Виравов. «Андрей Вознесенский», 2015), одного из перечисленных типов дополнений при глаголах, приведенных в данном списке («Причем здесь, учитывая наш российский менталитет, я бы особо выделил такую составляющую, как крыша над головой»: Не с той ноги пошли в реформу // «Российская газета», 15.05.2003; «Безусловно, менталитет американцев и того же канадца отличается от нашего менталитета»: Мечта позволяет людям верить в свою страну // «Управление персоналом», 15.11.2004) и используется в качестве контекстуального синонима для имен существительных, выступающих, как правило, в синтаксической функции дополнений («Они тоже желали руководить, причем не считаясь с нашим менталитетом, нашими традициями»: Ю. Башмет. Вокзал мечты, 2003).

Отметим, что описание перечня коллокатов является целесообразным для глубокого понимания и всесторонней интерпретации семантического окружения слова «менталитет». Коллокаты помогают выявить закономерности сочетаемости, характерные для определенного контекста, определить оттенки значения лексемы «менталитет», а также проследить специфику ее функционирования в речи.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Количественная prerogativa в списке коллокатов-определений, выраженных именами прилагательными, принадлежит коллокату «совковый» (7,6): здесь и далее в скобках указана абсолютная частота употребления дистрибуции определенного коллоката в соответствии с данными, представленными в НКРЯ. Анализ сочетаемости прилагательного «совковый» с существительным «менталитет» демонстрирует, что дистрибуция «совковый менталитет» характеризуется выраженной негативностью оценочной семантики по отношению к ряду социально-психологических проявлений: а) косность мышления, проявляющаяся в консерватизме взглядов и нежелании перемен, обуславливающая низкую деятельностную эффективность субъектов социального взаимодействия как следствие неспособности адаптироваться к новым политическим и экономическим условиям («Наш-де совковый менталитет не позволяет этого сделать»: Денис Пирогов, голодное брюхо к свободам глухо // «Независимая газета», 2003); б) психологическая зависимость от прошлого, сохранение старых привычек и страхов

(«Во всех нас, в ком больше, в ком меньше, сидят остатки совкового или антисовкового менталитета»: Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру, 1988); в) доминирующей чертой совкового менталитета признается отсутствие персональной инициативы, ожидание действий сверху («А она презирала учителей за косность мышления и совковый менталитет»: Татьяна Устинова. Персональный ангел, 2002).

Когнитивно-лингвистические аспекты семантики словосочетания «совковый менталитет» отражают связь этого понятия с культурными архетипами и ментальными моделями. В данном случае когнитивная схема семантической интерпретации формируется на основе противопоставления старого и нового: советская эпоха представляется как символ ограничений, что проявляется в описании особенностей мышления («косность мышления»). Современные представления о содержании понятия «менталитет» связаны с большей свободой и независимостью, что выражается посредством противопоставления прогрессивного и консервативного мировоззрения.

Случаи упоминания дистрибуции «совковый менталитет», представленные в НКРЯ, преимущественно приводятся в текстах, опубликованных в поздний советский и постсоветский периоды. Начало XXI в. (2002–2003 гг.) характеризуется наиболее частотным использованием дистрибуции «совковый менталитет» в средствах массовой информации. В этот исторический период после распада СССР, когда общество активно переосмысливало свое прошлое, а антисоветская пропаганда приобрела значительные масштабы и влияние, возникла ситуация морально-нравственной ревизии ценностных ориентаций. В это время дистрибуция «совковый менталитет» активно используется журналистами и публицистами, поскольку это выражение помогает создать эффект узнавания и повысить выразительность текста, способствует интенсификации эмоций адресатов публикации, тем самым повышая интерес к ней. В более ранних текстах, например, в сборнике стихотворений А. Вознесенского «На виртуальном ветру», также демонстрируются стремление осмыслить изменения, происходящие в обществе, путем анализа влияния исторического наследия. Несмотря на изменение политического климата и общественного настроения, негативное восприятие «совкового менталитета» сохраняется вплоть до настоящего времени, что подтверждает устойчивость данной конструкции в современном русском языке.

Таким образом, анализ примеров, представленных в НКРЯ, показывает высокую частотность и разнообразие семантических аспектов контекстуальной интерпретации словосочетания «совковый менталитет»: оно используется авторами текстов как средство критики старых социальных установок, отражает смену исторических эпох и является семантически значимым маркером несовременного миропонимания. Разнообразие жанровых форм тестов, в которых представлено данное словосочетание, и его высокочастотное отражение в медийном дискурсе свидетельствуют об актуальности понятия «совковый менталитет» в современной русскоязычной культуре.

Следующим по частотности (5,49) определением-коллакатом является прилагательное «рабский». Динамика изменений в хронологическом аспекте использования дистрибуции «рабский менталитет» проявляется следующим образом: период ее активного употребления в источниках совпадает, во-первых, с реформаторскими процессами конца 1980-х гг., когда СССР вступил в эпоху радикального обновления, а во-вторых, – с началом XXI в., поскольку в 2000-е и 2010-е годы тенденция популяризации данного понятия продолжает оставаться актуальной благодаря обсуждению проблем демократии и гражданского общества. Использование в различных контекстах словосочетания «рабский менталитет» актуализирует

негативную оценку определенных культурных установок, обусловленных глубоко укоренившимися социальными традициями. В большинстве контекстов, представленных в НКРЯ, эта дистрибуция используется для описания психологического состояния общества или конкретного человека, соотносимого с покорностью власти, пассивностью перед лицом несправедливости, терпимостью к унижениям и ограничениям свободы. Данное словосочетание имеет негативный семантический оттенок и применяется чаще всего критиками российских традиций и общественного устройства. Жанровая вариативность текстов (это преимущественно статьи и рассказы), в которых представлен коллокат «*рабский*» в сочетании с лексемой «*менталитет*», обусловлена спецификой научно-популярного, публицистического и художественного стилей. Таким образом, можно утверждать, что словосочетание «*рабский менталитет*» обладает устойчивостью употребления и широким спектром контекстуального применения, поскольку в различных современных дискурсах является отражением глубоких социальных и культурных процессов, актуальных для российского общества.

Обращает на себя внимание тот факт, что прилагательное-коллокат «*рабский*» обладает сходной частотностью с коллокатом «*национальный*» (5,32). Анализ дистрибуции «*национальный менталитет*» в НКРЯ позволяет выявить ряд закономерностей и особенностей его употребления в зависимости от временного периода, жанра, тематических аспектов. Так, в соответствии с данными, представленными в НКРЯ, использование определения «*национальный*» в дистрибуции с лексемой «*менталитет*» заметно контекстуально-семантически варьируется в разные периоды. Примеры употребления данного словосочетания, датированные временным периодом до 2000-го года, немногочисленны и преимущественно представлены в контекстах художественного стиля («*Это и русский национальный менталитет, и вселенскость, идущая от греков*»: Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру, 1998).

Начиная с 2000-х гг. данная дистрибуция становится все более популярной среди исследователей, публицистов и журналистов и все чаще появляется в научно-популярных и публицистических текстах («*У восточных народов национальный менталитет приобрел кланово-семейно-родовые характеристики*»: «Futurum», или о разделении России на «мы» и «они» (2004) // «Жизнь национальностей», 16.04.2004). В этот период словосочетание «*национальный менталитет*» активно употребляется в нескольких ключевых областях. Наиболее частотными являются примеры употребления в контекстах, связанных с тематикой психологии, философии и культуры: устойчивое внимание экспертов к понятию «*национальный менталитет*» указывает на важность осознания различий в восприятии социальной реальности представителями различных социокультурных групп («*Именно особенности национального менталитета дают ключ к подлинному пониманию зарубежных реалий*»: В. В. Овчинников. Размышления странника, 2012), особенностей их поведения и личного мировоззренческого выбора. Так, фокус на семейных отношениях и ролевом конфликте женщины актуализирует полисемантическую рассматриваемой дистрибуции в гендерном контексте («*Дело тут не столько в национальном менталитете, сколько в уровне культуры здоровья и личной безопасности*»: Игорь Кон. Муж. Любовник. Кормилец. Определись! // «Психология на каждый день», 2010). Зачастую рассматриваемая дистрибуция используется в значении «совокупность поведенческих шаблонов, привычек и стереотипов, связанных с принадлежностью к определенной культурной группе» или «принадлежность индивида к конкретному культурно-психологическому пространству, которое формирует базовые представления человека о мире и способах коммуникации внутри группы». Например,

А. Иванов описывает манси как независимых и стойких, что соответствует общепринятым представлениям о народах Севера (*«Но в национальном менталитете манси было что-то, что не позволяло манси покориться»*: Алексей Иванов. Message // Чусовая. 2007). С. Н. Есин в своих рассуждениях делает акцент на противоречивости русской души, видя в ней отражение дуалистичной природы русского менталитета (*«Специалист по национальному менталитету, он изобличает “двойную жизнь русской души”, находит “сквозной закон русской души” в том, что “правда на Руси всегда прикидывалась ложью»*: С. Н. Есин. Дневник, 2006).

Следующим по частотности использования авторами текстов дистрибуции *«национальный менталитет»* является тематическое направление «экономика и бизнес»: примеры таких публикаций демонстрируют применение концепции национального менталитета для объяснения успехов или неудач в экономике, особенно в контексте международных сравнений (*«Измельчение польского бизнеса на самом деле не просто черта национального менталитета, но также и часть стратегии ЕС по вписыванию Польши в собственное экономическое пространство»*: Нина Ильина. Барьер вторичности // «Эксперт», 2014). Кроме того, в качестве значимого тематического блока выступают примеры употребления рассматриваемой дистрибуции в текстах, связанных с тематикой искусства и моды (*«Но так уж повелось, что любят его изображать в более близком национальному менталитету деревянном изделии»*: Елизавета Мельникова. Дом для Тобики // «Сад своими руками», 15.07.2003).

Период 2010-х гг. характеризуется преимущественным использованием лексической дистрибуции *«национальный менталитет»* в различных чатах и текстах форумов (Papa Karlo: *И дело здесь далеко не в национальных менталитетах отдельных людей*: Форум «Инновационная экономика», 2013). Эта тенденция, сохраняющая свою актуальность до настоящего времени, детерминирована ключевыми факторами, которые отражают культурные, социальные и политические изменения эпохи: во-первых, активное развитие социальных сетей и онлайн-коммуникаций привело к расширению возможностей обсуждения культурных различий между народами; во-вторых, рост миграционных процессов и расширение контактов россиян с иностранцами обусловили осознание важности понимания национальных особенностей восприятия мира. Высокочастотное употребление словосочетания *«национальный менталитет»* в текстах сетевых сообществ в период первых двух десятилетий XXI в. отражает публичную рефлекссию, направленную на осмысление авторами текстов своей культурной идентичности в условиях быстро меняющегося мирового порядка, усиления международных связей и культурного многообразия.

Таким образом, лексическая дистрибуция *«национальный менталитет»* обладает широким диапазоном значений и употреблений, охватывающих научную, политическую, социально-экономическую и культурную сферы. Регулярность ее употребления в различных контекстах обусловлена социально-культурными особенностями временных периодов создания и опубликования текстов и жанровыми предпочтениями их авторов.

Следующим по частотности (5,06) определением-коллокатом лексемы *«менталитет»* является прилагательное *«этнический»*. Обращение к примерам из НКРЯ позволяет проследить эволюцию и популярность словосочетания *«этнический менталитет»*. Отмечено активное использование дистрибуции *«этнический менталитет»* в академических публикациях и журналах с 2003 года (*«...Перебирая в застольном исполнении эти песни-формулы, мы создаем цепочку символов, за каждым из которых – целый песенный мир, т. е. пласт русского этнического менталитета»*:

О. Николаев. Новый год: праздник или ожидание праздника? // «Отечественные записки», 2003). С начала 2010-х годов отмечается использование данной дистрибуции в научных источниках, в которых представлены результаты изменений в российском обществе, вызванных технологическими и демографическими изменениями (*«Урбанизация и культивирование через интернет и СМИ потребительского образа жизни меняют не только традиционный быт, но и модели общения и поведения, семейные отношения, способы воспитания и обучения подрастающего поколения, что ведет к деградации многих языков и этнического менталитета»*: В. Никитаев. О «рабском» менталитете и идее справедливости русского народа, 2018). В этот же период можно отметить появление научных и научно-популярных статей, в которых семантика дистрибуции *«этнический менталитет»* актуализируется в контексте обсуждения межкультурных конфликтов, особенностей процесса глобализации и проблемы сохранения культурных границ [8, с. 111]. Словосочетание *«этнический менталитет»* прочно вошло в научно-академический оборот и регулярно фигурирует в текстах гуманитарного профиля, поскольку отражает глубинные процессы сохранения этнической идентичности и противодействия негативным аспектам глобализации.

С конца XX в. и до настоящего времени дистрибуция *«российский менталитет»* (3,99) сохраняет популярность в текстах различных жанров. При этом следует отметить особенности динамики интерпретации значения данного словосочетания: если в конце 1990-х акцент делался на констатации значимости менталитета как факта культурно-исторической жизни (*«Мы болезненно меняем свой неповторимый, уникальный российский менталитет на всеобщий средневропейский»*: Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы, 1997), то в более поздних публикациях все более актуальным в контексте обсуждения влияния патриархальных традиций на современное общество является экспрессивно-оценочный компонент семантики данного словосочетания (*«Таков российский менталитет: как только у человека появляются деньги, он стремится первым делом хорошо и красиво поесть»*: Е. Ленц. Рыба в виде птицы, 2004), которое активно используется в публицистике, научных статьях и исследованиях по вопросам культуры, истории, права и менеджмента (*«Самое трудное для управления процессом перехода – в начальный момент сформулировать “работающий” образ цели, не противоречащий существующему российскому менталитету»*: В. Лобачев. «Свобода» и «несвобода» в глобальных сетях, 2011). Коллокат *«российский»* выступает как семантический маркер культурного своеобразия, в котором отражаются неосознаваемые стереотипы мировосприятия россиян (*«Фигура дизайнера исторически была чужда не столько российскому менталитету, сколько огромному и беспощадному народному хозяйству с его извечным превосходством ширпотреба над индпошивом»*: Хасан Ганиев. Как на картинке // «Автопилот», 15.06.2002).

В терминологическом аспекте словосочетание *«российский менталитет»* часто ассоциируется с социальными нормами и моделями поведения россиян [21, с. 131] по отношению к труду, семье, государству и правам собственности. Данная дистрибуция зачастую используется для обозначения традиционных ценностей и привычных форм межгруппового и межличностного взаимодействия (*«Те элементы западной системы, которые хотят ввести у нас, совершенно не соответствуют нашему российскому менталитету»*: Мария Разлогова. Детки в клетке // «Однако», 2010). Таким образом, используя дистрибуцию *«российский менталитет»*, авторы публикаций привлекают внимание читателей к необходимости осознания глубинных культурных паттернов,

оказывающих влияние на сознание и поступки россиян. С начала 2000-х годов данное словосочетание высокочастотно используется в научно-публицистических текстах (*«Причем здесь, учитывая наш российский менталитет, я бы особо выделил такую составляющую, как крыша над головой»*: Не с той ноги пошли в реформу // «Российская газета», 15.05.2003).

Отметим, что интерпретация контекстуальной семантики словосочетания *«специфический менталитет»* (3,6) в публицистике и художественной литературе конца XX в детерминирована преимущественно негативными коннотациями (*«Отвечая на этот вопрос, можно было бы сослаться на загадочную русскую душу, специфический менталитет советских людей – совковую психологию»*: Анатолий Собчак. Дюжина ножей в спину, 1999). Это словосочетание используется как термин в публицистических текстах начала 2000-х годов с целью подчеркнуть уникальность национальных, этнических и субэтнических групп (*«Необходимо, представляется, переосмысление роли казаков в новых условиях с учетом геополитических интересов России и её территориальной целостности как жителей приграничья с его специфическим менталитетом»*: Поиск продолжается // «Жизнь национальностей», 23.11.2001). В текстах форумов 2010-х гг. дистрибуция *«специфический менталитет»* обретает уже нейтральную и позитивную семантическую окраску, транслируя представление о ментальных особенностях русского национального характера (*«О нашем образе жизни, специфическом, но добром и задушевном менталитете»*: Форум «Любовь и голуби», 2007–2010). Этим же периодом датированы отрывки из научных статей, в которых *«специфический менталитет»* используется в терминологическом аспекте, подчеркивая специфику постмодернизма как культурной парадигмы [11, с. 11]. Таким образом, словосочетание *«специфический менталитет»* обладает несколькими устойчивыми семантическими компонентами, проявляющимися в различных контекстах: а) ментальная эксклюзивность (подразумевается особая черта, присущая исключительно определенному народу); б) этнокультурная и историческая обусловленность (выражаются ассоциации с культурой, традициями и образом жизни конкретной национальной / этнической общности и влиянием исторических процессов на ее формирование); в) индивидуальные психологические черты членов определенной национальной общности. Эти семантические составляющие дистрибуции *«специфический менталитет»* проявляются в различных жанрах, актуализируя ее контекстуальную семантику в зависимости от коммуникативной задачи автора и целевой аудитории текста. Так, в текстах научного жанра данное словосочетание употребляется в рамках строгих формулировок, отражающих объективизацию понятий и теоретическое осмысление феноменов культуры и истории. В текстах форумов употребление этой дистрибуции является более эмоционально насыщенным, зачастую включает элементы самоиронии и шутливого отношения автора текста к понятию «ментальность». В публицистике использование словосочетания *«специфический менталитет»* чаще всего связано с обсуждением насущных социальных проблем и часто употребляется в рамках оценочных высказываний, а в текстах художественного стиля сопровождается элементами сарказма или критики, направленной на устаревшие стереотипы и негативные стороны исторического опыта. Таким образом, можно сделать вывод о разнообразии семантических оттенков употребления данного словосочетания в русской письменной речевой практике. Именно благодаря своему широкому спектру значений и жанровой вариативности, данное словосочетание сохраняет свою значимость и функциональную востребованность в современном русском языке.

ВЫВОДЫ

Глубокое осмысление особенностей содержания понятия «менталитет» в языковом сознании носителей русского национального языка способствует сохранению российским обществом своей культурной самобытности в условиях энтропии социальных процессов, обусловленной глобализацией, стремительным развитием информационных технологий и неконтролируемым внедрением искусственного интеллекта, в частности языковых моделей, в различные сферы общественной практики. Исследования менталитета, проведенные с применением методов корпусной лингвистики, когнитивной лингвистики и психолингвистики, позволяют учитывать этноспецифические особенности освоения обучающимися дисциплин филологического цикла [19, с. 187] и открывают значительные перспективы для повышения качества образовательного процесса, который ориентирован на подготовку высококвалифицированных специалистов, обладающих способностью эффективно взаимодействовать в мультикультурной среде.

Продолжение корпусных исследований позволит расширить знания о природе менталитета, выявляя многочисленные грани его проявления в различных языковых и речевых репрезентациях современной русской культуры. Представляется целесообразным осуществление дальнейших исследований концепта «менталитет» на базе «Национального корпуса русского языка» в сопоставлении с результатами ассоциативного эксперимента, нацеленного на выявление содержания данного концепта в языковом сознании носителей современного русского языка.

Список литературы

1. *Абильдинова Ж. Б.* Языковое сознание как психолингвистический феномен // Неофилология. – 2018. – № 14. – С. 33–41.
2. *Бадмаева С. В., Трофимова Е. К.* Влияние «русского менталитета» на стиль русского менеджмента // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 5. – С. 68–76.
3. *Бетильмерзаева М. М.* Ментальность в контексте новых исследовательских подходов // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». – 2022. – № 4 (44). – С. 91–104.
4. *Богодухова Е. В., Фомина М. Н.* Основные подходы к изучению менталитета и ментальности // Kant. – 2020. – № 2 (35). – С. 117–120.
5. *Галкова О. В., Петрова И. А.* Концепция ментальности М. Блока // Известия ВГПУ. – № 6 (110). – С. 174–180.
6. *Глухов С. В.* Культурные пережитки Э. Б. Тайлора: попытка классификации // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 10–25.
7. *Гуревич П.* Ментальность как характеристика культуры // Философская антропология. – 2024. – Т. 10. – № 1. – С. 6–18.
8. *Залибекова А.* Глобализация и регионализация образовательной политики в контексте ее этнокультурного ресурса // Век глобализации. – 2019. – № 4. – С. 108–118.
9. *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. – Мю: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
10. *Зиммель Г.* Изменение форм культуры // Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 392 с.
11. *Козьякова М. И.* Наука и искусство XX века: между логосом и мифом // Культурологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 1–14.
12. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. – Москва: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
13. *Магомедова Э. А., Юсупов Ю. Г.* Проблема ментальности в гуманитарном знании: основные подходы // Юг России: экология, развитие. – 2011. – № 1. – С. 25–30.
14. *Манкевич Д. В.* Менталитет и ментальность: к вопросу о характере и содержании понятий // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. – 2005. – № 1. – С. 12–19.

15. Мони́на Н. П. Отражение факторов формирования русского менталитета в языке // Язык и культура. – 2016. – № 21. – С. 151–155.
16. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: ruscorpora.ru. – (Дата обращения: 30.07.2025).
17. Нечаева Е. Ф. Языковое сознание и национальный менталитет (к вопросу о терминологии) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 30–33.
18. Полежаев Д. Русский менталитет: социально-философская концепция // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2012. – № 3. – С. 285–303.
19. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст: коллективная монография / под ред. Л. А. Ореховой, Т. В. Аржанцевой. – Симферополь: ИД КФУ, 2022. – 200 с.
20. Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Дони́на О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. – 2024. – № 2. – С. 7–34
21. Селеверстов Р. Е., Ткач Н. Е. Российский менталитет: основные черты и объективные факторы его формирования // Миссия конфессий. – 2024. – № 76. – С. 131–142.
22. Филиппова Ю. Ф. Конкордансный и доминантный аналитические подходы при описании фольклорной картины мира этнических немцев (на примере пасхальной обрядности) // Вестник ИГЛУ. – 2012. – № 1 (17). – С. 215–220.

References

1. Abil'dinova Zh. B. *Jazykovoe soznanie kak psiholingvisticheskij fenomen* [Linguistic consciousness as a psycholinguistic phenomenon]. *Neofilologija*, 2018, no 14, pp. 33–41.
2. Badmaeva S. V., Trofimova E. K. *Vlijanie «rossijskogo mentaliteta» na stil' rossijskogo menedzhmenta* [The influence of the «Russian mentality» on the style of Russian management]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie*, 2010, no 5, pp. 68–76.
3. Betil'merzaeva M. M. *Mental'nost' v kontekste novyh issledovatel'skih podhodov* [Mentality in the context of new research approaches]. *Vestnik MGPU, Serija «Filosofskie nauki»*, 2022, no 4 (44), pp. 91–104.
4. Bogoduhova E. V., Fomina M. N. *Osnovnye podhody k izucheniju mentaliteta i mental'nosti* [Basic approaches to the study of mentality and mentality]. *Kant*, 2020, no 2 (35), pp. 117–120.
5. Galkova O. V., Petrova I. A. *Koncepcija mental'nosti M. Bloka* [M. Blok's concept of mentality]. *Izvestija VGPU*, no 6 (110), pp. 174–180.
6. Gluhov S. V. *Kul'turnye perezhitki Je. B. Tajlora: popytka klassifikacii* [E. B. Tylor's Cultural Survivals: An Attempt at Classification]. *Vestnik kul'turologii*, 2022, no 4 (103), pp. 10–25.
7. Gurevich P. *Mental'nost' kak harakteristika kul'tury* [Mentality as a characteristic of culture]. *Filosofskaya antropologiya*, 2024, V.10, no 1, pp. 6–18.
8. Zalibekova A. *Globalizacija i regionalizacija obrazovatel'noj politiki v kontekste ee jetnokul'turnogo resursa* [Globalization and regionalization of educational policy in the context of its ethnocultural resource]. *Vek globalizacii*, 2019, no 4, pp. 108–118.
9. Zaliznjak A. A., Levontina I. B., Shmel'jov A. D. *Kljuchevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira* [Key ideas of the Russian linguistic worldview]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2005. 544 p.
10. Zimmel' G. *Izmenenie form kul'tury* [Changing of the forms of culture]. Zimmel' G. *Izbrannoe. Sozercanie zhizni*. Ed. By S. Ja. Levit. Moscow; St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2017. 392 p.
11. Koz'jakova M. I. *Nauka i iskusstvo XX veka: mezhdz logosom i mifom* [Science and Art of the Twentieth Century: Between Logos and Myth]. *Kul'turologicheskij zhurnal*, 2013, № 1, pp. 1–14.
12. Levi-Brjul' L. *Sverh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [The supernatural in primitive thinking]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1994. 608 p.
13. Magomedova Je. A., Jusupov Ju. G. *Problema mental'nosti v gumanitarnom znanii: osnovnye podhody* [The problem of mentality in the humanities: basic approaches]. *Jug Rossii: jekologija, razvitie*, 2011, no 1, pp. 25–30.
14. Mankevich D. V. *Mentalitet i mental'nost': k voprosu o haraktere i sodержanii ponyatij* [Mentality as a characteristic of culture]. *Retrospektiva: vseмирnaya istoriya glazami molodyh issledovatelej*, 2005, no 1, pp. 12–19.
15. Monina N. P. *Otrazhenie faktorov formirovaniya russkogo mentaliteta v jazyke* [Reflection of factors shaping the Russian mentality in the language]. *Jazyk i kul'tura*, 2016, no 21, pp. 151–155.

ИПОСТАСИ ФЕНОМЕНА «МЕНТАЛИТЕТ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

16. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [Russian National Corpus]. Available from: ruscorpora.ru (accessed 30 July 2025).
17. Nechaeva E. F. *Jazykovoe soznanie i nacional'nyj mentalitet (k voprosu o terminologii)* [Linguistic consciousness and national mentality (on the issue of terminology)]. *Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija*, 2009, no 2, pp. 30–33.
18. Polezhaev D. *Russkij mentalitet: social'no-filosofskaja koncepcija* [Russian Mentality: A Socio-Philosophical Concept]. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 2012, no 3, pp. 285–303.
19. *Prepodavanje russkogo jazyka v Krymu: istoricheskij i jetnokul'turnyj kontekst: kolektivnaja monografija* [Teaching Russian in Crimea: Historical and Ethnocultural Context: A Collective Monograph]. Ed. by L. A. Orehova, T. V. Arzhanceva. Simferopol, ID KFU Publ., 2022. 200 p.
20. Savchuk S. O., Arhangel'skij T. A., Bonch-Osmolovskaja A. A., Donina O. V., Kuznecova Ju. N., Ljashevskaja O. N., Orehov B. V., Podrjadchikova M. V. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka 2.0: novye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya* [Russian National Corpus 2.0: New Opportunities and Development Prospects]. *Voprosy jazykoznanija*, 2024, no 2, pp. 7–34.
21. Seleverstov R. E., Tkach N. E. *Rossijskij mentalitet: osnovnye cherty i objektivnye faktory ego formirovaniya* [The Russian mentality: its main features and objective factors of formation]. *Missija konfessij*, 2024, № 76, pp. 131–142.
22. Filippova Ju. F. *Konkordantsnyj i dominantnyj analiticheskie podhody pri opisani fol'klornoj kartiny mira jetnicheskikh nemcev (na primere pashal'noj obrjadnosti)* [Concordance and dominant analytical approaches in describing the folklore picture of the world of ethnic Germans (using the example of Easter rituals)]. *Vestnik IGLU*, 2012, no 1 (17), pp. 215–220.

**THE HYPOSTASES OF THE «MENTALITY» PHENOMENON
THROUGH THE PRISM OF CORPUS LINGUISTICS**

Litvinchuk I. N.

This study, aimed at examining the lexical distribution of adjectives with the noun «mentality», exemplifies the comprehensive interdisciplinary approach characteristic of modern linguistics. The work attempts to integrate methodological approaches from scientific fields of corpus linguistics, cognitive linguistics, psycholinguistics and sociolinguistics. The application of corpus linguistic methods allows us to identify objective patterns in the functioning of specific linguistic units in written discourse, as well as to trace the dynamics of semantic changes in the studied lexical distributions in the diachronic aspect of language and speech. The analysis of the cases of using the adjectives «national», «Russian», «specific», «slave», «Soviet», «ethnic» in distribution with the noun «mentality» is carried out on the basis of examples presented in the Russian National Corpus, in accordance with the following criteria: a) the specific functioning of these lexical distributions in the diachronic aspect; b) psychosemantic, sociolinguistic and cognitive-linguistic features of the actualization of the semantics of the considered phrases; c) genre and stylistic features of these distributions in various contexts. The main research method is concordance analysis, which allows us for a detailed examination of the interaction of the studied lexeme with other linguistic units and the identification of trends in its use in modern Russian. The results demonstrate that the concept of «mentality» acts as an important element of the cultural code, reflecting the communicative attitudes, values and speech behavioral patterns of native Russian speakers.

Key words: mentality, concordance, collocate, corpus linguistics, cognitive linguistics.

УДК 81-21

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-95-104

ИДИОСТИЛЬ ДРАМАТУРГИИ Д. ХЕЙРА

Рейнова А. В., Полховская Е. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: nastya36511@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности функционирования идиостиля современного английского драматурга Дэвида Хейра, поднимающего в своих работах злободневные проблемы политики и мироустройства. В статье представлена комплексная характеристика идиостиля, раскрываются основные способы репрезентации политических реалий в творчестве Д. Хейра, что способствует пониманию характерных черт и идейной направленности произведений политической драмы. Результаты исследования показывают, что за широким диапазоном речевых перевоплощений творческой индивидуальности драматурга можно увидеть структурообразующий стержень его работ, заключающийся в использовании определенных способов передачи характеристики персонажей, фокализации и идейной направленности, которые помогают автору в раскрытии основного конфликта. Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом к изучению современной политической драмы, являющейся откликом на злободневные вопросы мироустройства.

Ключевые слова: идиостиль; политическая драма; множественная фокализация; контраст между видимым и реальным, Д. Хейр.

ВВЕДЕНИЕ

Статья нацелена на выявление глубинных текстообразующих констант в политических пьесах Д. Хейра с помощью комплексного художественно-стилистического анализа. Поставленная цель обусловила решение следующих **задач**: изучить способы рассмотрения политических проблем современного мира в работах Д. Хейра; проанализировать авторский способ реализации языковой картины мира; рассмотреть основные лингвостилистические и композиционные приемы, используемые драматургом.

Актуальным представляется выявление некоего единого «кода прочтения» глубинных текстопорождающих доминант и констант, заложенных в авторском стиле признанного драматурга, для выявления универсальных способов интерпретации современного драматического текста.

Теоретическая концепция исследования строится на положениях, изложенных в работах, посвященных исследованию понятия «идиостиль». Под идиостилем понимается «система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения» [7]. Анализ идиостиля (индивидуального стиля автора) необходим для выявления уникальных характеристик его произведений. Идиостиль соотносится с личностным почерком создателя произведений, с теми стилистическими характеристиками, которые делают его работы отличными от других. Анализ идиостиля позволяет «описать семантические направления и процессы, которые указывают на индивидуально-авторский способ категоризации действительности в пространстве конкретного текста или системы текстов» [1, с. 17]. Направление научного знания, в рамках которого ведется работа, определяет как подход к описанию идиостиля, так и способ его изучения: психолингвистический (В. А. Пищальникова), системно-структурный (Ю. М. Лотман, С. Т. Золян),

лингвостатистический (М. Ю. Мухин), стилистикокоммуникативный (Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко) и другие. Многие исследования текстов (не только художественных) проводятся на стыке разных наук: социологии и лингвистики, психологии и лингвистики [1, с. 14]. Отметим, что ряд исследовательских работ в области литературоведения последних лет посвящены изучению различных подходов к пониманию феномена идиостиля и динамики развития сущности данного понятия (М. А. Титова [5], Т. А. Утяганов [6]), а также его аспектов (культурно-историческому, жанровому, психолингвистическому, когнитивному, аксиологическому, системно-структурному, лингвопоэтическому, семантико-стилистическому) (Е. Р. Корниенко [3], Д. М. Ибрагимова, Е. Н. Мазина [2]).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной работе будет использован комплексный подход к анализу идиостиля Д. Хейра, позволяющий проанализировать все аспекты его авторского почерка. Отметим, что структурообразующим стержнем работ Д. Хейра являются применение определенных способов обрисовки персонажей, множественной фокализации («одно и то же событие в тексте упоминается несколько раз и рассматривается с точки зрения разных персонажей» [4, с. 4064]) и наличие схожей идейной направленности, что способствует раскрытию основного конфликта.

В центре внимания Д. Хейра находятся острые проблемы общественно-политического характера. Особенностью творчества драматурга является столкновение разных миров, идей, взглядов и неоднозначная трактовка событий. Особую значимость работам Д. Хейра придает как соотнесенность действия с реальным историческим событиями – предвыборной гонкой 1992 года (драматург полностью погрузился в изучение жизни лейбористов во время предвыборной кампании), Вторжением в Ирак и т.д., так и отображение внутренних проблем Великобритании. В пьесах Д. Хейра также поднимается вопрос ответственности политиков перед обществом: “the point is – we’re a government in waiting. We must be responsible” [9, p. 39] («суть в том, что мы – “правительство в ожидании”. Мы должны нести ответственность за свои действия» (здесь и далее перевод – А. Р.)); “And at some point you realise you also have the responsibility” [10, p. 32] («И в какой-то момент ты понимаешь, что на тебе тоже лежит ответственность»).

Драматург часто критикует лейбористскую партию, живущую по давно устаревшим традициям, подчеркивает снобизм политической элиты (пьесы “The Absence of War” и “I’m Not Running”). Обращаясь к теме внутренней политики Великобритании, Д. Хейр затрагивает множество актуальных тем: политику, основанную на решении отдельных проблем, а не всех в целом, налогообложение, социальное неравенство, домашнее насилие, критикует работу Национальной службы здравоохранения (например: “Health is the knife that’s going to detach voters from their primary loyalties and get them churning ...” [9, p. 57]) («Здоровье – это то, что заставит избирателей пересмотреть свои взгляды ...»), анализирует состояние Лейбористской партии, роль женщины в современном обществе, отношение к иммигрантам. При этом драматург способен усиливать политический конфликт, раскрывая психологию героев. Например, в пьесе “I’m Not Running” помимо политической обстановки, герои раскрываются в аспекте их личной жизни, среди родных, в общечитии, дома.

В пьесе “I’m Not Running” Д. Хейр расширяет тематику внутренней политики Великобритании, вводя гендерный аспект, например: “Nobody even notices, because we are just a rib. I came from a rib, remember?” (аллюзия к Библии, юмор) [10, p. 37] («Никто тебя даже не замечает, потому что, как ты помнишь, женщина сотворена из ребра»; “You’re right. I don’t understand the traditions. There’s only one Labour Party tradition I really do understand. I understand it better than you. And that’s the one that says ‘Never put a woman in charge’. There’s always a reason. It’s never the right woman. It’s never the right time. Aren’t you running out of excuses?” [10, p. 133] («Ты прав. Я не разбираюсь в традициях. Есть только одна традиция лейбористской партии, которую я понимаю, даже лучше, чем вы все. И она гласит: “Никогда не ставьте женщину во главе”. И на это всегда есть “уважительная: причина”: неподходящая кандидатура или неподходящее время. И отговорки не заканчиваются, верно?»).

Отметим, что проблема беженцев прослеживается во всех политических пьесах Д. Хейра. Например, в сериале “Collateral”, посвященном вопросам как внутренней, так и внешней политики Соединенного Королевства, одному из героев, Дэвиду Марсу, так и не удалось убедить однопартийцев в необходимости ведения доброжелательной политики по отношению к беженцам. Он говорит, что закон должен обеспечивать защиту всех людей, независимо от их происхождения и национальности. Противостояние ксенофобии и выполнение политических обещаний – важные шаги на пути к созданию более справедливого и инклюзивного общества. Каждый человек заслуживает уважения и защиты своих прав. Дэвид Марс критикует жесткую риторику Великобритании по отношению к беженцам, которая приводит людей к проявлению жестокости по отношению друг к другу. Его девушка в первой серии произносит фразу, ставшую пророческой: “The system is the system. Disliking it isn’t going to change it. It carries on, regardless of what you feel about it” [8] («Система – есть система. И если кому-то это не нравится, то это ничего не изменит. Она существует, независимо от того, что вы о ней думаете»). В финале сериала Дэвид Марс покидает ряды лейбористов, ведущих борьбу не за справедливость, а за власть. Но Дэвид, уходя из политики, чувствует облегчение, поскольку он больше не связан с интригами и обманом.

Д. Хейр часто изображает контраст между видимым и реальным в современной политической системе Великобритании и сталкивает различные взгляды на мир, например, в пьесе “The Absence of War”: “But the truth is, the people do stupid things. Like wear your bloody T-shirt and then vote against you. ... It’s their right. It’s the only right they’ve got” [9, p. 27] («Но правда в том, что люди совершают глупости. Например, надевают дурацкую футболку с твоей фотографией, а потом голосуют против тебя... Это их право. Единственное право, которое у них есть»); “George is the man who made victory possible. But unless we do something quickly, he’s the only thing standing in victory’s way” [9, p. 46] («Джордж – человек, который сделал победу лейбористов возможной. Но если мы не предпримем что-то и весьма быстро, он будет единственным, кто встанет на пути к нашей победе»); “When Tories change policies, it’s called flexibility and it’s said to show strength. When we do it, it’s vacillation and people say that we’re weak” [9, p. 83] («Когда тори меняют политический курс – это называется гибкостью и, как говорят, они демонстрирует силу. Когда это делаем мы – это вызывает сомнения, и люди говорят, что мы слабы»).

Д. Хейр вводит прием контраста при изображении повседневной политической практики Великобритании с целью ее критики и в пьесе “I’m Not Running”: “They always say they’re not running, don’t they? But they never mean it. It’s a tactic, isn’t it? In sport, they

call it a feint. I watched your press conference a few days ago. I know you said she wasn't running, but I felt there was something funny going on" [10, p. 34] («Политики всегда говорят, что не будут баллотироваться. Но это не так. Это – тактика, не так ли? В спорте это называется “финтом”. Я смотрел вашу пресс-конференцию несколько дней назад. Ты сказал, что она не баллотируется, но я знаю, что все это игра»); “You're never sure what a public figure's going to be like. In my experience, they're not always quite who they claim to be. ... Giving out an image, but then quite different in how they treat the people immediately around them” [10, p. 44] («Никогда не знаешь наверняка, каким на самом деле окажется очередной общественный деятель. По моему опыту, они не всегда являются теми, за кого себя выдают... Создают имидж, красивую картинку, но при этом совершенно по-другому относятся к людям, которые их окружают»); “They didn't know anything. But they had to be the ones in charge of the talking” [10, p. 110] («Они ничего не знали, но отвечали за ведение беседы»).

Контраст действий и чувств характеров в драматическом тексте Д. Хейра реализуется за счет введения парадоксальных и ироничных высказываний, например: “You loved me, Jack. You always loved me. But I don't think you really liked me” [10, p. 85] («Ты любил меня, Джек. Ты всегда любил меня. Но я не думаю, что я действительно тебе нравилась»); “It's easier to be anyone but Pauline” [10, p. 34] («Проще быть кем угодно другим, только не Полин»); “Pauline: To align with party policy? Did you swear an oath? Meredith: Obviously you know a bit about it” [10, p. 40] («Паулина: Чтобы соответствовать политике партии Вы давали клятву? Мередит: Очевидно, вы много знаете об этом»); “More middle managers. More administrators. Efficiency, so-called. I don't know who decided there was more money to be made in telling people how to do a job than there is in doing it...” [10, p. 61] («Больше менеджеров среднего звена. Больше администраторов. Так называемая “эффективность”. Я не знаю, кто решил, что можно заработать больше денег, рассказывая людям, как выполнять работу, чем просто давать им спокойно работать...»).

Д. Хейр сталкивает не только жизненные взгляды политиков, но и обычных людей. Например, рассказ Паулины в пьесе “I'm Not Running” о том, как она встретила в парке мужчину, совершающего пробежку, который с пренебрежением отнесся к тому, что она курила, напоминает притчу. Он не замечал ни природы вокруг, ни пения птиц – а лишь сравнивал себя с другими людьми в парке, считая себя лучше них: “And of course the jogger hadn't even seen the birds. He hadn't seen the trees, he hadn't seen the mist, he hadn't seen the sky, he hadn't seen anything, because he was so busy working on himself. So, Sandy, there are two people in the park. One who sees things. And one who sees nothing. Which one of us is disgusting?” [10, p. 136] («И, конечно, он даже не заметил птиц, не видел деревьев, тумана, неба, он ничего не видел, потому что был так занят самосовершенствованием. Итак, Сэнди, в парке два человека: один из них все видит и замечает, а другой нет. И кто из нас отвратителен?»).

Отметим, что большинство работ Д. Хейра весьма ироничны. Драматург часто иронизирует с целью обличения социально-политических проблем (ироничность свойственна в целом английской литературе, начиная с классической). Большая часть реплик звучит в ироничном ключе: “I understand why you joined the Party two weeks ago. You're a natural Labour Party member. You just made four enemies in under five minutes. ... Though even by our standards that is going it some” [10, p. 42] («Я понимаю, почему ты вступила в партию две недели назад. Ты же прирожденный член лейбористской партии:

только что нажила четырех врагов менее чем за пять минут... Хотя даже по нашим меркам это уже слишком»); “The election. So suddenly!” [10, p. 52] («Выборы! Какая неожиданность!»).

Также драматург раскрывает политические проблемы Великобритании за счет введения образных высказываний (например, метафоричных): “Easier to be a journey person, a hack, a lackey, easier to be any one of the six hundred suited monkeys in Westminster” [10, p. 34] («Легче быть разнорабочим, халтурщиком, лакеем, любой из шестисот обезьян, разодетых в костюмы и заседающих в Вестминстере»). Примечательно сравнение мира политики и казино: “Sam Gould said the morals of capitalism are the morals of the casino. All day we lie on a sandy beach, sunning ourselves, drinking a beer, and at night we go to the rococo palace and we play against the house. Only the house is bent. The cards are stacked. ... The casino’s run by crooks. The crooks own the girls who deal the cards, and the girls wear low-cut dresses so you think you can see right down their front. But you can’t. You think you can but you can’t. It’s an illusion” [10, p. 90–91] («Сэм Гулд сказал, что мораль капитализма – это мораль казино. Весь день вы лежите на песчаном пляже, загораєте и пьете пиво, а вечером отправляетесь во дворец в стиле рококо и играем в казино. Только казино – дело нечестное. Карты сложены стопкой. ... Заправляют там мошенники, которые нанимают девушек, чтобы те сдавали карты в платьях с глубоким вырезом, вы думаете, что они наивны и вы видите их насквозь, верите в выигрыш. Но это не так. Это заманчивая иллюзия»).

Ремарки драматурга зачастую эмоционально окрашенные. Например, Д. Хейр использует яркое сравнение: “Suddenly they are like two boxers before a fight” [9, p. 81] («Внезапно они сошлись, словно два боксера перед поединком»). Отметим также высокую степень детализации в авторских ремарках перед началом сцен: “The sound of the Labour theme tune swelling over huge speakers to cut into the excited crowd. ... The effect of the loudspeakers is to make every word separate, punched out, huge in the night” [9, p. 114] («Из огромных динамиков раздается мелодия лейбористской тематики, которая проникает в возбужденную толпу... Благодаря громкоговорителям каждое слово звучит отдельно, отчетливо, оглушительно в ночи»), “GEORGE comes off the stage, gladhanding his way through the crowd” [9, p. 116] («ДЖОРДЖ сходит со сцены, проталкиваясь сквозь толпу»).

Также в пьесах создается юмористических эффект: “Meredith: Jack mentioned you were at Newcastle together. Pauline: I’m glad he remembers” [10, p. 45] («Мереди: Джек упомянул, что вы вместе учились в Ньюкасле. Паулина: Я рада, что он это помнит»). Это делает образы более сложными и яркими. Драматург иногда вводит юмор и игру слов в реплики протагониста, поскольку умение шутить в типичной британской манере воспринимается как положительная черта героя: “to out-Tory the Tories” [9, p. 110] («переторить самих тори»).

С целью создания реплик персонажей, близких к реальным, Д. Хейр прибегает к использованию дерогативной лексики, а также политической лексики и фраз, относящихся к данной сферы жизни общества: “Never use the word equality. The preferred term is fairness” [9, p. 57] («Никогда не используй слово “равенство”. Предпочтительный термин – “справедливость”»), “winning an argument isn’t the same as being right” [10, p. 18] («выиграть спор – это не значит быть правым»), “politicians who create hope are in a special category” [10, p. 34] («“политики, вселяющие надежду, – это особая категория»), “student politics” («студенческая политика»), “party policy” («партийная политика») и сленга

“...the economy’s stuffed. It’s totally bugged” [9, p. 58] («экономика “перегрета”. Она в полном упадке»), “I smell a set-up, that’s what’s shitting me” [9, p. 79] («Я чувствую подвох. Это меня бесит»), также вводит медицинские термины: clitoridectomy, tracheotomy, cricothyroidotomy (клиторидэктомия, трахеотомия, крикотиреоидотомия).

Обратимся к заглавию пьесы “The Absence of War”. Оно отражает двойственность трактовки мотива войны в зависимости от реалий, с которыми он соотносится. Д. Хейр часто вводит аналогии с войной в произведение: “The only true analogy is with waging war” [9, p. 60] («Это можно сравнить с ведением войны»). “No major upsets. No Pearl Harbor, that kind of thing” [9, p. 78] («Никаких серьезных потрясений. Никакого Перл-Харбора и тому подобного»).

Мотив войны, проходящий красной нитью в пьесе, трактуется автором двояко. На первый план выводятся отсылки к военному прошлому Великобритании, которые постепенно обрастают другими слоями. Д. Хейр подчеркивает важность истории Великобритании и обращается к общенациональному восприятию всей совокупности военных конфликтов прошлого. Однако данное восприятие неоднозначно, поскольку кто-то является участником тех событий, другой был наблюдателем, а кто-то и вовсе узнал о трагических моментах истории из учебников.

Отсылки в тексте пьесы к борьбе консерваторов и лейбористов, а также сцены стычек однопартийцев, отражают не реальную войну за честь, ценности и государство, а низменную «возню» политиков. Политики, в частности и главный герой, перестали быть «воинами», их сковывают обстоятельства и правила современной политической игры. Расхождения в восприятии мотива войны помогают отразить не только проблемы внутри партии лейбористов, а также кризис всей политической системы Великобритании.

Мотив войны в пьесе с языковой точки зрения эксплицируется за счет введения следующих фраз, слов и словосочетаний: “all those who have died since 1914 fighting for this country” («все те, кто погиб с 1914 года, сражаясь за эту страну»), “if you fight a war...” («если вы ведете войну»), “fight the election” («сражаться на выборах»), “fighting a losing battle” («ведет давно проигранную битву»), “a question of strategy” («вопрос в стратегии»), “the most important battle of our lives” («важнейшая битва в нашей жизни»), “she was like a veteran... she brought memories of the great days” («она была похожа на ветерана войны... принесла с собой воспоминания о великих днях»), “the man who made victory possible” («человек, который сделал победу возможной»), “the only thing standing in victory’s way” («единственное, что стоит на пути к победе»), “massive troop movement” («массовая переброска войск»), “I even quite like a war” («мне даже очень нравится война»), “waging war” («воевать»), “friendly fire” («дружественный огонь»), “the politicians decide to fight back” («политики решают дать отпор»), “old heroes of the Left” («старые герои либералов»), “the obsession with our enemy” («одержимость нашим врагом»), “Dunkirk” («Битва за Дюнкерк»), “conceding defeat” («признающий свое поражение»), “love of the military” («любовь к военным»), “soldiers” («солдаты»), “army” («армия»), “she died in an air-raid ...in South London, during the blitz” («она погибла во время воздушного налета... на юге Лондона, во время бомбежки») и т.д.

Образ главного героя, политика, оторванного от реального мира, живущего в иллюзии, которую создала ему его команда, реализуется за счет ярких метафор: “George spends his life inside a corset” [9, p. 61] («Джордж проводит жизнь словно в клетке»); “GEORGE IN BLUNDERLAND” [9, p. 95] («ДЖОРДЖ В СТРАНЕ ЧУДЕС»); “You’re

embalmed in flattery. You've let yourself become the prisoner of a group" [9, p. 98] («Ты утопаешь в лести. Ты позволил себе стать марионеткой льстецов»); "Put him back in the box" [9, p. 120] («Обуздайте его пыл»); "I would not allow a creeping paralysis to undermine the very real strides of progress we have made" [9, p. 51] («Я бы не позволил твоему нарастающему политическому параличу подорвать те успехи, которых мы достигли»).

Таким образом, с помощью использования определенных художественных методов Д. Хейр описывает политические реалии современной Великобритании, показывает, что политическая борьба ведется не между консерваторами и лейбористами, а внутри Лейбористской партии. В пьесе "The Absence of War" драматург вводит мотив войны и расширяет его, связывая его с борьбой за власть. В разговорах действующих лиц затрагиваются многие сферы жизни общества, на которые влияет политика. В произведении "I'm Not Running" Д. Хейр вводит в политическую тематику гендерный аспект, поднимает вопрос иммигрантов. В анализируемых драматических произведениях затрагивается проблема ответственности политиков перед обществом, что отражает личное представление Д. Хейра об «идеальном» политике, борющемся за справедливость и равноправие.

Обратимся к способу раскрытия тематики мировой политики в творчестве Д. Хейра. В пьесе "Stuff Happens" Д. Хейр использует различные приемы для привлечения внимания аудитории к проблеме влияния личных мотивов геополитиков на ситуацию в мире. Драматург считает, что некоторые решения политиков, которые могут казаться приемлемыми для одних слоев населения, оказываются губительными для других. Он не способен оправдывать действия политиков, которые приводят к гибели мирных людей. Проблемы мировой политики и насилия раскрываются путем введения полифонии и множественной фокализации, которая вводится путем создания индивидуализированных и собирательных образов.

Д. Хейр уделяет внимание проблеме подчинения человека системе. Например, репутация Колина Пауэлла раздавлена американской военной машиной. Герой воевал во Вьетнаме, он не хотел, чтобы политики и дальше втягивали граждан своих стран в войны. Зрителю заранее известно, что именно Колин Пауэлл принес пробирку с образцом сибирской язвы на заседание Совета Безопасности ООН. Данный поступок подтолкнул страны к началу операции «Иракская свобода».

С первых строк пьесы "Stuff Happens" Д. Хейр вводит свойственный ему ироничный тон. Например: "... Dick Cheney, who has achieved a total of five student deferments in order to avoid being drafted to Vietnam. ... Cheney proves himself willing to take on responsibilities others shirk" [12, p. 5] («Дик Чейни взял пять студенческих отсрочек, чтобы избежать призыва во Вьетнам. ... Чейни доказывает, что готов взять на себя ответственность, от которой уклоняются другие»), "The President's speech can be best understood by the fact there are mid-term Congressional elections coming up in November" [12, p. 33] («Речь президента более понятна, если вспомнить, что в ноябре предстоят промежуточные выборы в Конгресс»), "I met an Israeli General once who told me he had a plan for the Israeli Army to capture the North Pole. He thought it would work too. It was a good plan" [12, p. 49] («Однажды я встретил израильского генерала, который сказал мне, что у него есть план для израильской армии по захвату Северного полюса. Он думал, что это сработает. Это был хороший план»).

Драматург показывает беспринципность многих политиков и их безрассудное распоряжение чужими жизнями. Автор вводит контраст в описание действий политиков

и между видимым и реальным с целью обличения проблем мировой политики: "... free people are free to make mistakes and commit crimes and do bad things" [12, p. 4] («...свободные люди вольны совершать ошибки, преступления и проступки»; "I'd always worries about politicians who spent most of their time getting ready to be something as opposed to doing something. And I questioned whether that was a great way to live a life, getting ready as opposed to doing" [12, p. 5] («Я всегда задумывался о политиках, которые тратят большую часть своего времени на подготовку к тому, чтобы стать кем-то, а не на то, чтобы делать что-то полезное. И, быть может, это действительно отличный способ прожить жизнь – все время готовиться к чему-то, но так и не решаться на смелые поступки?»), "I assume that when the British government speaks about foreign policy, it's not about British politics" [12, p. 34] («Я предполагаю, что когда британское правительство говорит о своей внешней политике, оно имеет в виду вовсе не британскую политику, а навязанную американцами игру»), "This is the double standard: a UN resolution which legitimizes war on Iraq has to be enforced. A resolution which demands Israel withdraw to its pre-1967 borders has to be ignored. Justice and freedom are the cause of the West – but never extended to a people expelled from their land and forbidden any right to return" [12, p. 57] («Это двойные стандарты: все должны выполнять требования резолюции ООН, которая узаконила войну с Ираком. А резолюция, которая требует от Израиля отступить к границам, существовавшим до 1967 года, должна игнорироваться. Справедливость и свобода – это дело Запада, но они никогда не распространялись на людей, изгнанных со своей земли и лишенных всякого права на возвращение»).

Д. Хейр сравнивает действия США с политикой Римской Империи: "The Roman Empire. I'm familiar with the analogy. The Romans would always go out of their way to make an announcement: 'You are now dealing with the Roman Empire.' Ana last time I looked at the constitution, we were still a republic, not an empire" [12, p. 51] («Римская империя. Я знаком с этой аналогией. Римляне всегда старались изо всех сил, чтобы при случае заявить: "Теперь вы имеете дело с нашей империей". Когда я в последний раз просматривал конституцию, мы все еще были республикой, а не империей»). Это подчеркивает его явное несогласие с данным политическим курсом.

Отметим, что Д. Хейр также использует политическую (coercive diplomacy, Powell doctrine moves into elected politics, geo-strategic issues, "President Clinton's attempts to broker a deal between the Israelis and the Palestinians ..." [12, p. 10] (дипломатия принуждения, доктрина Пауэлла переходит в предвыборную политику, геостратегические вопросы, «попытки президента Клинтона заключить сделку между израильтянами и палестинцами ...») т.д.) и военную лексику в пьесе (invasion, pre-emptive strike, military victory, re-hit targets, war cabinet, chemical / biological weapons, military intervention (вторжение, превентивный удар, военная победа, повторные удары по целям, военный кабинет, химическое / биологическое оружие, военная интервенция) и т.д.). Во время эмоциональных, напряженных бесед «с глазу на глаз», как и во всех работах драматурга, политики используют ругательства.

Отметим, что в пьесе "Stuff Happens" у действующих лиц нет единой точки зрения несмотря на то, что автор вводит нарратора. Драматург с иронией раскрывает характеры основных персонажей, стремящимся изменить мир на основе своих убеждений, которые не соотносятся с мнением общественности. Их действия часто приводят к игнорированию судеб простых людей, что подчеркивает эгоизм и узость мышления высокопоставленных

лиц. Автор демонстрирует различие между взглядами основных действующих лиц и мнением собирательных персонажей, что создает многослойность сюжета и заставляет зрителя задуматься о последствиях принятия отдельными политиками важных решений, затрагивающих судьбы миллионов. Эти вопросы морали и справедливости делают произведение актуальным и глубоким. Автор подводит зрителей к мысли, что цель не оправдывает средства.

ВЫВОДЫ

Таким образом, Д. Хейр вводит в свои пьесы противопоставление позиций (что и объясняет частотность введения антитезы, парадокса и т.п.), его работы построены на приеме контраста (что выражается на уровне персонажей, партий, политических мнений и т.д.). Драматург зачастую иронично раскрывает противоречивость политической системы. Основной художественный прием в его пьесах – создание контраста между видимым и реальным. Д. Хейр вводит множественную фокализацию и схожую идейную направленность в свои работы, что способствует раскрытию основного конфликта, связанного с миром политики. Ключевыми темами в работах Д. Хейра являются проблемы политического насилия и подчинения человека системе. Автор всегда подводит к мысли, что цель не оправдывает средства.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление особенностей драматической интерпретации политических событий в современной английской драме, что будет способствовать целостному пониманию идейной направленности произведений жанра политической драмы.

Список литературы

1. Демидова Т. А., Гриценко Л. М. Методика комплексного описания идиостиля в аспекте теории образности // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 442. – С. 14–21.
2. Ибрагимова Д. М., Мазина Е. Н. Гендерная метафора как маркер идиостиля поэтессы-феминистки (на материале творчества С. Плат) // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: V международная междисциплинарная научная конференция (г. Симферополь, 26–27 ноября 2020 г.). – Симферополь: «Антиква», 2021. – С. 104–109.
3. Корниенко Е. Р. Идиолект и идиостиль: к вопросу о соотношении понятий // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2019. – № 10. – С. 137–141.
4. Рейнова А. В. Дэвид Хейр – сценарист: узнаваемость идиостиля драматурга в смежных жанрах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – № 11. – С. 4062–4067.
5. Титова М. А. Обзор научных подходов к изучению понятия «идиостиль» писателя // Язык. Культура. Личность: материалы всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых (г. Самара, 18 декабря 2020 г.). – Самара: ООО «Научно-технический центр», 2021. – С. 166–174.
6. Утяганов Т. А. Подходы к анализу идиостиля автора // Научные исследования и разработки: новое и актуальное: материалы X международной научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 26 мая 2021 г.). – Ростов-на-Дону: ООО «Издательство ВВМ», 2021. – С. 484–488.
7. Фатеева Н. А. Идиостиль (индивидуальный стиль) // Энциклопедия «Кругосвет». – Режим доступа: <https://up.minsk.by/31475.html>. – (Дата обращения: 10.10.2025).
8. Collateral / Netflix. – 2018. – Режим доступа: https://www.kinopoisk.ru/series/1045404/?utm_referrer=yandex.ru. – (Дата обращения: 10.10.2025).
9. Hare D. The Absence of War. – London: Faber and Faber, 2013. – 135 p.
10. Hare D. I'm Not Running. – London: Faber and Faber, 2018. – 144 p.
11. Hare D. Straight Line Crazy. – London: Faber and Faber, 2022. – 152 p.
12. Hare D. Stuff Happens. – London: Faber and Faber, 2006. – 120 p.

References

1. Demidova T. A., Gritsenko L. M. *Metodika kompleksnogo opisaniya idiostilya v aspekte teorii obraznosti* [Methodology for a Complex Description of an Idiostyle in the Aspect of the Theory of Imagery]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 442, pp. 14–21.
2. Ibragimova D. M., Mazina E. N. *Gendernaya metafora kak marker idiostilya poetessy-feministki (na materiale tvorchestva S. Plat)* [Gender Metaphor as a Marker of a Feminist Poet's Idiostyle (Based on S. Plath's Poems)]. *Konvergentnye tekhnologii XXI: variativnost', kombinatorika, kommunikaciya: V mezhdunarodnaya mezhdisciplinarnaya nauchnaya konferenciya (g. Simferopol', 26-27 noyabrya 2020)*. Simferopol, Antiqua Publ., 2021, pp. 104–109.
3. Kornienko E. *Idiolekt i idiostil': k voprosu o sootnesenii ponyatiij* [Idiolect and Idiostyle as the Mechanisms Discourses Interaction]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*, 2019, no. 10, pp. 137–141.
4. Reinova A. V. *Devid Hejr – scenarist: uznavaemost' idiostilya dramaturga v smezhnyh zhanrah* [David Hare – Screenwriter: Recognition of the Playwright's Idiosyncrasy in Related Genres]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2024, no. 11, pp. 4062–4067.
5. Titova M. A. *Obzor nauchnykh podkhodov k izucheniyu ponyatiya «idiostil'» pisatelya* [A Review of Scientific Approaches to the Study of the Concept of “Idiosyncrasy” of a Writer]. *Yazyk. Kul'tura. Lichnost': materialy vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh (g. Samara, 18 dekabrya 2020 g.)*. Samara, Nauchno-tekhnicheskii tsentr Publ., 2021, pp. 166–174.
6. Utyaganov T. A. *Podkhody k analizu idiostilya avtora* [Approaches to Analyzing the Author's Idiosyncrasy]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki: novoe i aktual'noe: materialy KH mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 26 maya 2021 g.)*. Rostov-on-Don, VVM Publ., 2021, pp. 484–488.
7. Fateeva N. A. *Idiostil' (individual'nyi stil')* [Idiosyncrasy]. *Entsiklopediya «Krugosvet»*. Available from: <https://up.minsk.by/31475.html> (accessed 10 October 2025).
8. *Collateral*. Netflix, 2018. Available from: https://www.kinopoisk.ru/series/1045404/?utm_referrer=yandex.ru. (accessed 10 October 2025).
9. Hare D. *The Absence of War*. London, Faber and Faber, 2013. 135 p.
10. Hare D. *I'm Not Running*. London, Faber and Faber, 2018. 144 p.
11. Hare D. *Straight Line Crazy*. London, Faber and Faber, 2022. 152 p.
12. Hare D. *Stuff Happens*. London, Faber and Faber, 2006. 120 p.

**D. HARE'S IDIOSYNCRASY
(BASED ON THE MATERIAL OF DRAMATIC WORK)**

Reynova A. V., Polkhovskaya E. V.

The article examines the peculiarities of the functioning of the idiosyncrasy of a modern English playwright D. Hare, who raises politics and world order problems in his works. The scientific novelty is characterized by the little-studied nature of the proposed material and the use of a new concept that asserts the presence of a number of features of Hare's style in his political works. The article presents a comprehensive description of the playwright's idiosyncrasy. The proposed approach can be applied in the analysis of other modern playwrights' works. In addition, the main ways of representing political realities in the author's work are revealed, and it contributes to the understanding of the characteristic features and ideological orientation of political drama. The results of the study show that behind a wide range of speech transformations in D. Hare's plays one can see the structure-forming core of his works which helps the author in uncovering the main conflict, such as: certain ways of presenting character characteristics, focalization and ideological orientation. The relevance of this research is due to the increased interest in the study of modern political drama as a response to topical issues of the world order, as well as the lack of a unified approach to understanding the term “idiosyncrasy” and a common approach to its analysis in literary studies, D. Hare.

Key words: idiosyncrasy; modern political drama; multiple focalization; contrast between visible and real.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ БЛЕНДИНГ И ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК СПОСОБЫ ГЕНЕРИРОВАНИЯ НОВЫХ ЗНАНИЙ

Токарев Г. В.

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Российская Федерация
E-mail: grig72@mail.ru*

В статье рассматриваются периферийные способы концептуализации и категоризации культурно маркированного знания. К их числу отнесены лингвокультурные блендинг и интерференция. Материалом исследования стали тульские регионализмы, а также реплики героев фильма «Последний богатырь. Посланник тьмы» П. Данилова, В. Куценко, Д. Яна, И. Тудвасева. Установлено, что в основе данных процессов лежит культурная интеграция знания, в результате которой образуются новые единицы. Выявлены два способа их образования. Первый способ – лингвокультурный блендинг. Он представляет собой интеграцию средств разных культурных парадигм в целях генерации новых смыслов. При блендинге происходит соединение лингвокультурных сюжетов на основе их интегральных признаков. Выявлено, что продуктивным способом блендинга является составная номинация, построенная по модели: символ культуры и определение, указывающее на региональную принадлежность. Второй способ – лингвокультурная интерференция. Она предполагает использование знаков одной культурной парадигмы в рамках другой, их интерпретацию в категориях иной культурной парадигмы. Новое значение в случае культурной интерференции не формируется.

Ключевые слова: язык, культура, коммуникация, блендинг, интерференция.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из актуальных задач лингвокультурологии является изучение путей образования культурно маркированного знания и способов его объективации. Следует заметить, что основные векторы названных процессов уже достаточно изучены [См. 9, 2, 1 и др.]. На наш взгляд, на данном этапе интерес могут представлять периферийные способы генерации и объективации знаний. Их выявление возможно с опорой на семиотический подход к культуре как сложному когнитивно-дискурсивному механизму [9]. Жизнедеятельность культуры Ю. М. Лотман видел в постоянном увеличении её языков, которые создаются путём расщепления одного или интеграции нескольких [5, с. 523]. В рамках данных процессов можно наблюдать явление смещения семантики знаков, принадлежащих к разным культурным пластам. Механизм развития культуры Ю. М. Лотман характеризовал как коммуникативный: «...сама культура может рассматриваться как сумма сообщений, которыми обмениваются различные адресанты...» [5, с. 175]. Особым видом культурной коммуникации является обмен информацией между разными культурными парадигмами или стратами. Под парадигмой мы, вслед за Ю. С. Степановым, понимаем «...явления культуры ... приходящиеся на одну эпоху...» [7, с. 28]. Обоснование культурных стратов дано в труде «Язык и народная культура» Н. И. Толстого [12, с. 17]. Данный феномен выделен на основе комплекса признаков: отношение к норме, сфера распространения, открытость другим сферам, стабильность. Процесс коммуникации культурных парадигм и стратов связан с интеграцией их тезаурусов, то есть «...структурированного представления и общего образа той части мировой культуры, которую может освоить субъект» [6, с. 70]. Единицы, отражающие интеракцию семантических пространств разных культурных парадигм, выступают в роли информационного контейнера, передаваемого от адресанта к адресату.

Анализ формы и семантики данных вербальных единиц показывает их неоднородность. С точки зрения формы процесс интеграции данных единиц может приводить к созданию или целостной, воспроизводимой единицы, или аналитичной, производимой. Семантика данных знаков также отличается разной степенью идиоматичности. Тем самым, можно говорить, как минимум, о двух разновидностях средств интеграции разных культурных кодов, под которыми мы понимаем «...принцип образования, использования и интерпретации знаков различных языков культуры, извлечённых из текстов» [10, с. 53].

Целью настоящей статьи является рассмотрение данных средств объективации культурного знания. Для достижения поставленной цели были использованы методы лингвокультурологической интерпретации, ономаσιологического, компонентного, концептуального анализа.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В случае создания нового знака с устойчивым, целостным, воспроизводимым значением можно говорить о лингвокультурном блендинге, под которым мы понимаем интеграцию средств разных культурных парадигм в целях генерации новых смыслов. Понятие блендинга привнесено в науку Ж. Фоконье и М. Тёрнером [14]. Учёные объясняли данный процесс как интеграцию ментальных пространств, результатом которой выступает бленд. Данное понятие стало активно использоваться разными отраслями лингвистики. Термин постепенно получил несколько значений. Его разные интерпретации отражены в исследовании А. А. Стрельцова [8]. В узком смысле блендинг стал рассматриваться как способ словообразования, заменяя собой различные виды сложения и сращения. В широком – как любой процесс концептуализации и его объективации в виде метафор, текстов и др. В настоящем исследовании мы предпринимая попытку рассмотреть процесс блендинга в лингвокультурном ключе как порождение культурно маркированного знака. О. А. Хрущёва отмечает: «В данном случае бленды воспринимаются как языковые единицы, аккумулирующие в своей семантике отобранные носителями языка концепты культуры, для выражения которых не было найдено общеупотребительных лексем» [13, с. 338].

Рассмотрим данный процесс более подробно. Каждая лингвокультурная парадигма генерирует симболярный, отражающий её тезаурус. Лингвокультурный блендинг связан с формированием нового знака на основе формально-семантического произведения преконструктов разных культурных парадигм. Новая семиотическая единица – результат их коммуникации. Блендами, в частности, могут быть составные номинации, построенные по модели: лингвокультурный символ и определение, указывающее на региональную принадлежность. Так, представления о Тесницком лесе, месте расстрела репрессированных в 30-е годы XX в., объективированы символом *Тульская Голгофа*. В сознании лингвокультурной общности символ эксплицирует библейский сюжет о месте распятия Иисуса Христа, о казни вообще. Однако определение *тульский* осуществляет когнитивный апгрейд данного сюжета: актуализирует другие знания, связанные с расстрелом бывших царских офицеров, служителей церкви, людей искусства, работавших в Тульской области. Данный процесс приводит к формированию нового культурного смысла и знаковой оболочки. Приведём ещё один пример. Культурный знак *Тульский Петергоф* выражает эталон загородного дворца. В наивном

сознании актуализируются представления о Петергофе как о локации, в которой расположен красивейший парк и дворец, о месте жительства царских особ. Определение актуализирует иные представления, связанные с дворцом А.Г. Бобринского, внебрачного сына Екатерины Второй и графа Григория Орлова. Как видим, блендинг лингвокультурных сюжетов осуществляется на основе интегральных признаков. В данном случае это информация о месте жительства царской особы, красивом сооружении, ландшафте, с одной стороны, и расположении в названном регионе, с другой. Эти типы информации позволяют интегрировать разные лингвокультурные истории и сформировать содержание нового знака.

Следует отметить продуктивность отдельных лингвокультурных единиц, на основе которых могут быть образованы новые. К ним относятся имена локаций, выступающих в роли символов, эталонов культуры: *Тульский Кузнецкий мост*, *Тульский Бродвей* (главная улица Тулы – проспект им. В.И. Ленина), *Тульская Швейцария* (посёлок Шилово в Ефремовском районе Тульской области), *Белый дом* (здание администрации Тульской области). Можно безошибочно предположить, что аналогичные номинации могут использоваться и в других регионах. Представители лингвокультурной общности адекватно декодируют смысл новых единиц, прочитывая лингвокультурные сюжеты, то есть «интерпретации семантики той или иной лингвокультурной единицы в категориях культуры, заложенные в мотивирующем культурном знаке» [11, с. 39].

Приведём ещё несколько примеров. Так, памятник Н. Демидову получил название *Тульский Рембо*, благодаря тому что оружейник изображён с голым торсом. Скульптура отдалённо напоминает С. Сталлоне, сыгравшего эту роль. Суворовский район в Тульской области получил название *Грибное Эльдorado* по той причине, что эти места считаются грибными. В основе бленда лежит символ, актуализирующий лингвокультурный сюжет о богатой золотом и драгоценными камнями стране. Озёра, образованные на местах открытой добычи угля в деревне Кондуки, отождествляя в Алтайскими, называют Голубыми. Один из криминальных районов Тулы во второй половине XX в. называли *Шанхаем*. Данный бленд актуализирует лингвокультурный сюжет, актуализирующий теневую сторону жизни китайского мегаполиса. Все приведённые примеры отражают интеграцию двух лингвокультурных сюжетов.

Следует заметить, что один из компонентов лингвокультурного блендинга является прецедентным именем, выполняющим роль символа, эталона, меры [10, с. 12]. В этом случае мы можем наблюдать семантическую деривацию: на базе известной лингвокультурной единицы формируется новая. Так, *Китайская стена* выступает мерой большого, протяжённого сооружения. В Туле построен длинный дом, который коллективное сознание категоризовало с опорой на известный, вышеназванный знак. Тем самым, сознание движется по пути компрессии и экономии культурных средств. При лингвокультурном блендинге меняется и денотативное, и сигнификативное наполнение знака. Так, бленд *Тульская Швейцария* соотносится с иным объектом действительности, отражённым денотатом, – село в Тульской области. Очевидно, что новый денотат характеризуется иными признаками: ‘очень красивое’, ‘эталон среднерусской красоты’.

Лингвокультурная интерференция [3, с. 197] представляет собой использование знаков одной культурной парадигмы в рамках другой, их интерпретацию в иных категориях. Например, в литературе, кинематографе данный приём может объективироваться в рамках жанров о так называемых попаданцах [4 и др.], то есть

героях, которые оказываются в другом, не своём времени: «Гостя из будущего» К. Булычёва, «Иван Васильевич меняет профессию» В. Бахнова, Л. Гайдая и др. Персонаж, попадая в чужое пространство, сталкивается с новой системой знаний, культурных установок, норм и запретов и интерпретирует их с опорой на свою когнитивную базу. При интерференции одна культурная парадигма передаёт знак культуры, другая, принимая его, новое значение не формирует, но генерирует иную интерпретацию. Тем самым, культурный знак получает новое прочтение.

Рассмотрим примеры интерференции на примере реплик персонажей художественного фильма «Последний богатырь. Посланник тьмы» П. Данилова, В. Куценко, Д. Яна, И. Тудвасева. Так, Кошей Бессмертный, наблюдая за современной москвичкой, разговаривающей по телефону через наушники, обращается к ней с вопросом: «Ты со мной говоришь?». Понимая, что она обращается не к нему, называет её юридиковой, поскольку интерпретирует этот поступок как отступление от нормы.

Главный герой Иван урезонивает своих друзей из сказочного прошлого: «*На избушке по Москве будем шастать?*». Такси называет понятной для них номинацией: «*Как нормальные люди, поедem на волшебной жёлтой колеснице*». Баба Яга, наблюдая за работой автоматических стёкол в автомобиле, говорит: «*Вот бы моей горнице такие ставни заделать*».

Культурный знак *избушка на курьих ножках*, имеющий визуальную презентацию, помещается в контекст современных реалий: «*Главное, чтобы её по программе реновации не снесли*».

Предметы современного мира интерпретируются сказочными героями в рамках их представлений: *мобильный телефон – говорящая дощечка, мотоцикл – железный конь, бензин – тухлая вода, мусорный пакет – котомка, автомобиль – телега, унитаз – белое копытце*. Напротив, сказочные герои объективируются современными прецедентными именами: *Жар-Птица – Киркоров, Кикиморы – Бузова и Собчак*. Как видим, присвоение чужого знака осуществляется разными способами: путём описания, подбора синонимов с живой внутренней формой, функциональных эквивалентов своей культуры.

В случае культурной интерференции меняется денотативная соотнесённость знака: культурно маркированное имя одного культурного символа переносится на культурно маркированную реалию другого, сигнификативные признаки остаются теми же. Так, современная Кикимора предстаёт в образе светской львицы Ольги Бузовой, что отражает изменение денотативного содержания. Этой личности приписываются признаки «приносящий вред, неприятности».

Лингвокультурная интерференция выполняет развлекательную функцию, создавая кодовые аппликации разных культурных парадигм.

И лингвокультурный блендинг, и лингвокультурная интерференция представляют собой разновидности нарушений культурной нормы, лингвокультурной девиации, поскольку культурно маркированный знак, покидая свою привычную среду, вынужден изменить и присущее ему прагматическое правило.

Следует заметить, что результаты блендинга аккумулируются языком и включаются в его символарий, напротив – лингвокультурная интерференция остаётся фактом речи. Несмотря на свою ситуативность и незакреплённость в языке, сам приём, модели возможной интерпретации сохраняются в культурной памяти ввиду своей регулярности.

ВЫВОДЫ

Таким образом, к периферийным средствам генерации знания и его категоризации можно отнести лингвокультурные блендинг и интерференцию. В основе данных процессов лежит культурная интеграция знания, которая приводит к созданию новых единиц с разной степенью идиоматичности значения. Оба процесса отражают специфику категоризации явлений действительности: новое познаётся, сортируется с опорой на известное. Лингвокультурный блендинг представляет собой интеграцию средств разных культурных парадигм в целях генерации новых смыслов. Знаки, сформированные в результате блендинга и интерференции, являются результатом коммуникации разных культурных парадигм. При блендинге происходит соединение лингвокультурных сюжетов на основе интегральных признаков. В процессе формирования семантики данного знака наблюдается интеграция разных лингвокультурных сюжетов. Лингвокультурная интерференция реализуется на основе использования знаков одной культурной парадигмы в рамках другой, их интерпретацию в категориях иной культурной парадигмы. Новое значение в случае культурной интерференции не формируется.

Бленды выполняют концептуальную функцию, заключающуюся в познании новых явлений действительности. Единицы, сформированные в результате интерференции, играют развлекательную роль. Единицы, которые образовались в результате блендинга, отличаются в функциональном плане. В основе обоих явлений лежит нарушение культурной нормы. Единицы лингвокультурного блендинга характеризуются аккумулярующим потенциалом, знаки, полученные в результате интерференции, не фиксируются культурной памятью.

Список литературы

1. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. Монография. – М.: УРСС, 2012. – 459 с.
2. *Красных В. В.* Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. – М.: «Гнозис», 2016. – 496 с.
3. *Лингвистический энциклопедический словарь* / под ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.
4. *Лобин А. М.* «Герой нашего времени» в зеркале истории (на материале сюжета о попаданцах в современной фантастике) // Настоящее как сюжет. – Тверь: ТГУ, 2013. С. 267-273.
5. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. – СПб: «Искусство СПб», 2000. – 704 с.
6. *Луков Вал. А., Луков Вл. А.* Гуманитарное знание: тезаурусный подход] // Вестник Международной академии наук. – 2006. – № 1. – С. 69–74.
7. *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
8. *Стрельцов А. А.* Блендинг: краткая история заблуждений // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2021. – № 7(4). – С. 135–147.
9. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
10. *Токарев Г. В.* Лингвокультурный симболярный: квазисимволы. – Тула: ТППО, 2021. – 113 с.
11. *Токарев Г. В.* Проблемы изучения симболярия региональной идентичности. – Тула: ТППО, 2023. – 167 с.
12. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 509 с.
13. *Хрущёва О. А.* Блендинг как проявление массовой культуры // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития. – Минск: БГУ, 2020. – С. 337–340.
14. *Fauconnier G., Turner M.* The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. – New York: Basic Books, 2002. – 440 p.

References

1. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii. Kody` kul'tury`* [The linguistic and cultural method in phraseology. Culture Codes]. Moscow, URSS Publ., 2012. 459 p.
2. Krasny`x V. V. *Slovar` i grammatika lingvokul'tury`. Osnovy` psixolingvokul'turologii* [Dictionary and grammar of linguoculture. Fundamentals of psycho linguistic and cultural studies]. Moscow, «Gnozis» Publ., 2016. 496 p.
3. *Lingvisticheskij e`nciklopedicheskij slovar`* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V.N. Yarcev. Moscow, «Sovetskaya e`nciklopediya» Publ., 1990. 685 p.
4. Lobin A. M. «Geroj nashego vremeni» v zerkale istorii (na materiale syuzheta o popadancax v sovremennoj fantastike) [The "Hero of our time" in the mirror of history (based on the story of popadants in modern fiction)]. *Nastoyashhee kak syuzhet*. Tver`, TGU Publ., 2013, pp. 267–273.
5. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [The Semiosphere]. – SPb: «Iskusstvo SPB», 2000. – 704 s.
6. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. *Gumanitarnoe znanie: tezaurusny`j podxod* [Humanitarian knowledge: a thesaurus approach]. *Vestnik Mezhdunarodnoj akademii nauk*, 2006, no 1, pp. 69–74.
7. Stepanov Yu. S. *Konstanty`: slovar` russkoj kul'tury`* [Constants: dictionary of Russian Culture]. Moscow, «Akademicheskij proekt» Publ., 2001. 990 p.
8. Strel'czov A. A. *Blending: kratkaya istoriya zabluzhdenij* [Blending: A brief history of misconceptions]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 2021, no 7(4), pp. 135–147.
9. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij, lingvokul'turologicheskij aspekty`* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic, linguistic and cultural aspects]. Moscow, «Yazy`ki russkoj kul'tury`» Publ., 1996. 288 p.
10. Tokarev G. V. *Lingvokul'turny`j simbolarij: kvazisimvolny`* [Linguistic and cultural symbolary: quasi-symbolic]. Tula, TPPO Publ., 2021. 113 p.
11. Tokarev G. V. *Problemy` izucheniya simbolariya regional`noj identichnosti* [Problems of studying the symbolarium of regional identity]. Tula, TPPO Publ., 2023. 167 p.
12. Tolstoj N. I. *Yazy`k i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoj mifologii i e`tnolingvistike* [Language and Folk Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 1995. 509 p.
13. Xrushhyova O. A. *Blending kak proyavlenie massovoj kul'tury`* [Blending as a manifestation of mass culture]. *Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul'turologiya: aktual`ny`e voprosy` i perspektivy` razvitiya*. Minsk, BGU Publ., 2020, pp. 337–340.
14. Fauconnier G., Turner M. *The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York, Basic Books, 2002. 440 p.

LINGUOCULTURAL BLENDING AND INTERFERENCE AS WAYS TO GENERATE NEW KNOWLEDGE

Tokarev G. V.

This article examines peripheral methods of conceptualizing and categorizing culturally marked knowledge. These include linguacultural blending and interference. The study utilizes Tula regionalisms and lines from characters in the film "The Last Knight: Messenger of Darkness" (P. Danilov, V. Kutsenko, D. Yan, and I. Tudvasev). It is established that these processes are based on the cultural integration of knowledge, resulting in the formation of new units. Two methods of their formation are identified. The first method is linguacultural blending. It involves the integration of tools from different cultural paradigms to generate new meanings. Blending involves the combination of linguacultural narratives based on their integral features. A productive method of blending is a composite nomination constructed according to the model: a cultural symbol and a definition indicating regional affiliation. The second method is linguacultural interference. It involves the use of symbols from one cultural paradigm within another, interpreting them within the categories of a different cultural paradigm. No new meaning is created in cases of cultural interference.

Keywords: language, culture, communication, blending, interference.

4. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821(410.1).09 «20»

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-111-119

МОТИВЫ ДИККЕНСА И ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ С. УОТЕРС)

Беспалова Е. К.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: korelkon1975@mail.ru*

Статья посвящена исследованию мотивной структуры романной прозы современной английской писательницы Сары Уотерс. Несмотря на признание ее заслуг в Великобритании, многочисленные номинации ее книг на различные премии и переводы их на многие языки мира, в том числе и на русский, произведения этого автора до сих пор не получили должного научного осмысления. В частности, не была предметно рассмотрена несомненная связь творчества С. Уотерс с русской литературной традицией, проявляющейся в романах писательницы на уровне мотивной структуры, в которой нельзя не заметить влияние Ф. М. Достоевского, тогда как интертекстуальные переключки с английскими романами XIX в. исследователями отмечались. Мотивы в романистике писательницы разнообразны, но в предлагаемой работе отдельно изучаются две группы мотивов, роднящих поэтику автора с наследием английской и русской литературы. В ходе исследования доказывается, что данные элементы мотивной структуры функционируют в творчестве С. Уотерс в качестве продолжения классической литературной традиции, но в то же время являются основой для постмодернистских литературных экспериментов.

Ключевые слова: Диккенс, Достоевский, С. Уотерс, женская литература, английская литература, русская литературная традиция, мотивная структура, мотивы.

ВВЕДЕНИЕ

Современная литература Великобритании представляет собой развивающийся и динамичный процесс, более, чем когда-либо ранее, порождающий новые течения и направления, а также практически ежегодно выводящий на литературную авансцену новые имена. Многие из этих имен женские. И этот факт также можно считать одной из ярчайших примет современности. В то же время по сложившейся традиции имена авторов-женщин остаются гораздо менее известными читающему миру, чем имена их современников, пишущих мужчин. И все же в английской литературе рубежа XX–XXI вв. можно выделить несколько писательниц, которым удалось пробиться к мировому читателю. Одна из них – Сара Уотерс (*Sarah Waters*, р. 1966). Ее перу принадлежат шесть романов, и публикация каждого из них становилась громким событием в литературном мире современной Великобритании. В то же время творчество С. Уотерс до сих пор остается малоизвестным для русской аудитории.

Впрочем, утверждение, что романистка С. Уотерс – персонаж для русского литературоведения совсем незнакомый, было бы несправедливым. Ее творчеству посвящено немало работ отечественных литературоведов, среди которых стоит упомянуть исследования К. С. Ястребцовой, А. А. Илуниной, Н. Н. Исаевой, Т. Н. Красавченко, Н. С. Шуриновой и др., в которых поднимаются проблемы интертекстуальности и феминизма в романах С. Уотерс или ставится вопрос о жанровой специфике произведений писательницы [1; 2; 3; 15; 16]. Ее творчество попадало и в фокус внимания крымских исследователей: так, Ю. С. Скороходько, О. Н. Кохан и Т. Ю. Осадчая изучают романистику С. Уотерс в контексте литературы

неовикторианства [4; 5; 8; 9], справедливо отводя ей место среди наиболее ярких постмодернистских авторов XXI столетия. В зарубежных научных работах в первую очередь исследуются проблемы гендерной идентичности и сексуальности. В то же время, несмотря на признание заслуг С. Уотерс в Великобритании, многочисленные номинации ее книг на различные премии и переводы их на многие языки мира, в том числе и на русский, ее произведения до сих пор не получили всеобъемлющего научного осмысления даже на родине автора.

Так, ранее не была предметно рассмотрена несомненная связь творчества С. Уотерс с русской литературной традицией, проявляющаяся на мотивном уровне, где нельзя не заметить влияние Ф. М. Достоевского, тогда как интертекстуальные переклички творчества писательницы с английскими романами XIX в., в том числе написанными Ч. Диккенсом, отдельными исследователями отмечались [1; 9]. Также не существует исчерпывающих научных изысканий, посвященных мотивной структуре прозы С. Уотерс, хотя единичные попытки исследовать отдельные мотивы, функционирующие в ее произведениях, все же предпринимались [6].

Цель предлагаемого исследования – изучить мотивную структуру романной прозы С. Уотерс и выделить среди большого разнообразия мотивов те, которые являются продолжением литературной традиции, заложенной классиками английской и русской литературы – Ч. Диккенсом и Ф. М. Достоевским.

Материалом исследования послужили три первых романа писательницы: «Бархатные коготки» (*Tipping the Velvet*, 1998), «Близость» (*Affinity*, 1999) и «Тонкая работа» (*Fingersmith*, 2002), поскольку именно в них искомые мотивы функционируют наиболее показательно. При написании статьи использовались биографический, культурно-исторический и сравнительный **методы** исследования, а также метод мотивного анализа и интертекстуальный анализ текста.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Сара Уотерс – одна из самых значительных постмодернистских британских писательниц, широко известная своими историческими произведениями с элементами детектива, психологического триллера, сенсационного романа и неоготики. Её книги отличаются сложной архитектоникой, разветвленной мотивной структурой, безупречным стилем и глубокой психологической проработкой персонажей. Из наиболее часто выявляемых мотивов романистики С. Уотерс можно выделить следующие:

1. Исторический контекст и гендерные роли.

С. Уотерс, как правило, помещает действие своих романов в узнаваемые исторические периоды (викторианская эпоха, Вторая мировая война, послевоенные годы), когда гендерные и сексуальные нормы были строго регламентированы социумом. В данном контексте основными мотивами являются:

- достоверная передача исторического колорита;
- мотив переодевания и гендерная нестабильность;
- мотив ограниченности женской свободы в обществе;
- мотив сексуальности как личной тайны.

2. Готические элементы.

Многие романы писательницы содержат элементы готики или неоготики, а также прием саспенса:

- призраки и потусторонние силы;
- дом с мрачной историей;

- тайны и загадки прошлого;
- атмосфера тревожного ожидания, напряжения и упадка.

3. Социальный контекст.

Автор не остается равнодушной также к классовым конфликтам и общественным противоречиям, характерным для описываемых ею исторических эпох:

- мотивы социального неравенства;
- мотив эксплуатации и манипуляции;
- критика патриархальных общественных структур.

4. Романтическая составляющая.

Поскольку все без исключения романы Сары Уотерс посвящены любовным переживаниям главных героинь, в них можно встретить следующие мотивы:

- любовь и ненависть;
- предательство и прощение;
- измена и доверие;
- романтические треугольники;
- любовные отношения, не вписывающиеся в общественное представление о норме;
- сексуальное раскрепощение.

5. Нарративные игры и обман читателя.

Сара Уотерс мастерски использует различные нарративные стратегии, среди которых наиболее часто – прием «ненадежного рассказчика» и неожиданные сюжетные повороты. В данном контексте можно выделить следующие мотивы и приемы:

- двойной обман;
- скрытая идентичность;
- психологическая неопределённость;
- непредсказуемый финал.

6. Литературный контекст.

На страницах произведений С. Уотерс неоднократно встречаются упоминания имен писателей (как правило викторианцев: У. Коллинза, Ч. Диккенса и др.) или названия художественных и документальных произведений, что дает почву для углубленного исследования интертекстуальных отсылок и аллюзий. Здесь наиболее частыми являются следующие мотивы:

- мотив чтения книги (про себя или вслух);
- мотив ведения дневника;
- переписка героев.

7. Психологические элементы.

Сара Уотерс – мастер тонкого психологизма и виртуоз психологического портрета: во всех ее романах герои подвергаются тяжелым душевным и эмоциональным перегрузкам как в результате личных взаимоотношений с другими участниками истории, так и вследствие влияния исторического времени или социальной среды, на фоне которых происходят описываемые события. Наиболее частыми психологическими мотивами выступают следующие:

- мотив одиночества и непонятости;
- ощущение вины и раскаяния;
- столкновение мечты и реальности;
- суицид или его попытка;

- душевная болезнь или временное помрачение рассудка;
- мучительные переживания внутреннего конфликта.

Таким образом, мотивная структура романов С. Уотерс строится на точной исторической достоверности, гендерных исследованиях, феминистских проблемах, готической атмосфере, а также сложных психологических и социальных конфронтациях. Отметим, что все опубликованные ею произведения органично сочетают интеллектуальную глубину с захватывающим сюжетом, что делает их, с одной стороны, значимыми для академического анализа, а с другой – привлекательными для массового читателя. Однако более пристальное прочтение произведений С. Уотерс свидетельствует также о том, что ее проза в гораздо большей степени тяготеет к классической английской (а также русской) литературе, чем это можно было бы предположить. Корни ее творчества простираются в глубь мировой романной традиции XIX в., и в первую очередь это тяготение к классике отражается на мотивном уровне ее произведений.

Несмотря на присутствующую в ее романах занимательность, сенсационность и даже определенную эпатажность, можно выделить две группы мотивов, роднящих творчество С. Уотерс не с массовой, развлекательной или квир-литературой, а непосредственно с классической мировой литературной традицией. Эти мотивы можно очень условно разделить на две группы: мотивы Ч. Диккенса и мотивы Ф. М. Достоевского.

Как известно, прозу Диккенса отличает уникальная и хорошо узнаваемая атмосфера, которую формируют определенные мотивы романистики писателя. Существует даже термин «диккенсовщина», характеризующий современные литературные произведения, в первую очередь «большие» романы, тяготеющие к панорамности и масштабности, включающие большое количество связанных между собой персонажей, повествующие о сложностях и превратностях человеческих судеб, а также написанные в лучших традициях Ч. Диккенса: интересно и поучительно. Стоит напомнить о некоторых наиболее узнаваемых мотивах, свойственных романистике писателя:

- урбанистические (мрачный, грязный, туманный, недоброжелательный к героям Лондон; неприкрытый реализм трущоб);
- социальные (тяжелые условия жизни рабочих; классовая несправедливость и эксплуатация, в том числе и детского труда);
- психологические (безнадежность и отчаяние; крушение иллюзий; нравственные муки, переживание вины; прозрение главных героев);
- криминальные (законы воровского мира; загадочные преступления; детективная сюжетная линия; тюремный быт);
- романтические (тайна происхождения; загадочные происшествия; зловещие предзнаменования; сильные страсти; непредсказуемые сюжетные повороты).

В то же время произведениям Диккенса присущи тонкий юмор, вера во всепобеждающее доброе начало в человеке, а также авантюрная составляющая, напряженная интрига и обнадеживающий счастливый финал – happy end. Всем этим характеристикам в большей или меньшей степени соответствуют и романы С. Уотерс.

Говоря о романистике С. Уотерс, можно смело утверждать, что автор является преемницей и наследницей всей предшествующей традиции английской литературы: ее даже иногда называют «четвертой сестрой Бронте, которую в plombированной капсуле послали в XXI век» (выражение критика Л. А. Данилкина), однако именно Диккенс первым вспоминается при анализе магистральных мотивов ее романов.

Так, дебютное произведение С. Уотерс, роман «Бархатные коготки» (1998), сделавшее ей имя в литературном мире и принесшее заслуженную известность среди критиков и читателей, может быть охарактеризовано как роман воспитания, авантюрный, нравоописательный и дидактический роман. Обратим внимание, что подобный жанровый синтез также является одной из специфических характеристик романной прозы Диккенса. Более того, в данном романе очень по-диккенсовски показывается непростая судьба юной провинциалки, попавшей в недоброжелательный Лондон и оставшейся в силу обстоятельств без средств к существованию, без друзей и покровителей, без дальнейшего жизненного плана. Эта история о человеке, который, пройдя тяжелые испытания, крушение надежд и иллюзий, пережив различные приключения (в том числе и с карнавальными переодеваниями), обретает наконец себя и свое место в мире.

Второй роман писательницы – «Нить, сотканная из тьмы», или в новом переводе «Близость» (1999), получивший несколько премий, среди которых и престижная Премия Сомерсета Моэма, отсылает читателя к тюремному быту Великобритании XIX в. Эти мотивы, как известно, присущи некоторым произведениям Диккенса, но одновременно в романе присутствуют и мотивы, характерные для творчества Ф. М. Достоевского:

- мотивы преступления и воздаяния за него;
- мотивы тюремного быта, взаимоотношений между заключенными;
- философские мотивы, мотивы саморефлексии, поиска смысла жизни;
- мотивы прощения и отпущения грехов тем, кто обидел или предал, в качестве

главного доказательства любви.

Безусловно, Сара Уотерс, изучавшая в университете английскую историческую литературу, не могла не познакомиться с программными текстами и Ф. М. Достоевского, а следовательно, поиски его «следа» в ее книгах отнюдь не беспочвенны.

Третий роман С. Уотерс – «Тонкая работа» (2002) на сегодня считается одним из непревзойденных шедевров автора. По жанровой разновидности это криминальный роман, по атмосфере – неоготическое повествование, а по духу – любовная история, с ног на голову переворачивающая все каноны викторианской литературы. В этом романе также можно увидеть родство с произведениями как Диккенса, так и Достоевского.

Во-первых, стоит упомянуть мотив двойничества, посредством которого реализуется одна из важнейших параллелей между поэтикой романистики С. Уотерс и тематикой произведений русского классика. Как известно, у Достоевского двойничество наиболее ярко воплощается в повести «Двойник» (1846) и в романе «Братья Карамазовы» (1880). У С. Уотерс развитие этой темы происходит в романе «Близость», где главная героиня, Маргарет Прайер, сталкивается с загадочной заключенной Селиной Доус, которая становится ее темным alter-ego, двойником, родственной душой. Главные героини романа «Тонкая работа», Сью и Мод, также представляют собой своеобразных двойников, чьи судьбы зеркально отражаются и неразрывно переплетаются.

Во-вторых, еще одним мотивом, который сближает творчество С. Уотерс с наследием Ф. М. Достоевского, становится мотив преступления и его пагубного влияния на душу человека. Данный мотив наиболее репрезентативно представлен в романе «Тонкая работа», героини которого являются участницами многоходовой криминальной авантюры, основанной на лжи, предательстве и подлоге. Их моральные метания, чувство вины и попытки искупления отчасти перекликаются с душевными страданиями героев Достоевского.

Ч. Диккенс, неоднократно обращавшийся в своих произведениях к теме тюремного заключения в романах «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837) и «Крошка Доррит» (1855–1857) описывал многие подробности жизни в тюрьме, используя автобиографические переживания детства, когда за долги его отец был осужден на более чем годовое пребывание за решеткой. Интересно, что в романе «Близость» роман Диккенса «Крошка Доррит» не просто упоминается, а является красноречивой аллюзией: именно он становится той книгой, которую на протяжении многих страниц романа читает главная героиня, окунувшаяся в тюремную атмосферу и пытающаяся осмыслить собственные чувства и переживания.

Ф. М. Достоевский, переживший каторгу, изображал тюрьму не только как физическое, но и как духовное заточение. В повести «Записки из Мёртвого дома» (1860–1862) он показывает, как заключение ломает и преобразует человека. В уже упомянутом романе С. Уотерс «Близость» главные героини оказываются запертыми не только за решеткой, но и в ловушке собственных иллюзий, страхов и социальных ограничений.

Помимо указанных мотивов, во всех перечисленных произведениях С. Уотерс в причудливой и свойственной ей оригинальной манере переплетаются мотивы, характерные для обоих классиков английской и русской литературы:

- тайна рождения (подмена младенца);
- мотивы сумасшествия;
- атмосфера воровского мира;
- преступный заговор с целью совершения преступления;
- внезапно открывающаяся тайна;
- мотив нравственного и/или физического падения женщины;
- переосмысление героем своей жизни, осознание себя как личности;
- образ мрачного дома, своим распорядком больше похожего на тюрьму;
- урбанистические мотивы и др.

Как уже было отмечено, писательницей создано шесть романов, однако последние три посвящены событиям, относящимся к более поздним периодам исторического прошлого (действие этих книг отнесено в первую половину XX в.), в то время как повествование трех первых ее произведений локализовано в эпохе Диккенса и Достоевского, что и позволяет проследить мотивы данных авторов наиболее отчетливо. Однако и поздние романы С. Уотерс демонстрируют развитие заявленных прежде тем и мотивов: романы «Ночной дозор» (*The Night Watch*, 2006), «Маленький незнакомец» (*The Little Stranger*, 2009), «Дорогие гости» (*The Paying Guests*, 2014) наполнены мотивами, на которые мы уже обратили внимание: это мотивы вины и покаяния, мотивы переоценки ценностей и крушения надежд, мотивы нравственного перерождения личности, мотивы проклятого дома, мотивы душевной болезни, мотивы преступления и наказания. И, безусловно, эти романы изобилуют аллюзиями и интертекстуальными перекличками с известными авторами в не меньшей степени. Более того, творческого обращения к опыту писателей-предшественников С. Уотерс ничуть не скрывает, хотя и определяет его как реминисцентное, то есть неосознанное. Например, в послесловии к своему предпоследнему роману она признается: «Работая над «Маленьким незнакомцем», я ловила себя на том, что невольно поверяюсь на оселках жанра и отвечаю легкие поклоны Диккенсу, По, Ширли Джексон и Генри Джеймсу» [12, с. 498].

Отметим, что все (кроме последнего) романы Сары Уотерс экранизированы и пользуются неизменной популярностью не только у ее целевой аудитории, но и у

широкого круга читателей, отмечающих утонченный вкус и виртуозный слог автора, а также глубину и актуальность затрагиваемых ею «вечных» тем. Нельзя также не согласиться с утверждением Т. Н. Красавченко о том, что «степень литературности ее прозы высока, но литературную традицию она трансформирует в соответствии с запросами своего времени» [7]. Постмодернистская эстетика и практика, к которой, очевидно, принадлежит творчество британской романистки, поощряет подобные видоизменения и переработку устоявшихся традиционных литературных форм с целью их оживления, обновления и дальнейшей актуализации.

Отдавая должное бесспорной самобытности и уникальности творческого дарования Сары Уотерс, мы все же убеждены, что успехом своих произведений она во многом обязана глубокому профессиональному знанию истории мирового литературного процесса (в частности, наследия Диккенса и Достоевского), а также умением не только достойно продолжать существующую литературную традицию, но и новаторски переосмысливать ее, наделяя уже известные приемы, темы и мотивы актуальным содержанием, способным удивить и впечатлить искушенного читателя XXI в.

ВЫВОДЫ

В творчестве С. Уотерс, являющимся ярким примером постмодернистской эстетики в современной английской женской литературе, наблюдается крепкая связь со всей предшествующей британской литературной традицией, особенно с эпохой второй половины позапрошлого столетия, что позволяет многим литературоведам изучать его в границах неовикторианства. Было отмечено, что в первую очередь писательница вступает в интертекстуальное взаимодействие с творчеством Ч. Диккенса, однако она не просто подражает английскому классику XIX в., а переосмысливает его наследие через призму современного взгляда на гендерные роли, социальный класс и сексуальность. Её творчество многими исследователями определяется как интертекстуальный диалог с викторианской эпохой [1–5; 7–9], в котором известные диккенсовские мотивы служат автору основой для новых литературных экспериментов.

Традиции русской литературы в творчестве С. Уотерс до сих пор рассмотрены не были, несмотря на то что в ее романистике они прослеживаются весьма отчетливо, особенно на мотивном уровне, где становится совершенно очевидным влияние Ф. М. Достоевского на мировоззрение и поэтику писательницы. Во всех шести романах, созданных С. Уотерс, можно выявить мотивы, типологически родственные прозе Ф. М. Достоевского, однако именно в произведениях, описывающих события XIX в., данные мотивы функционируют наиболее выразительно. К подобным мотивам прежде всего относятся: мотив двойничества, мотив преступления и наказания, мотив нравственного перерождения личности, а также некоторые другие.

Таким образом, настоящее исследование показало, что в романистике современной британской писательницы С. Уотерс наблюдается определенный устойчивый комплекс мотивов, мигрирующих из произведения в произведение, которые, с одной стороны, придают ее творческой манере узнаваемости в глазах читателя, а с другой – являются традиционными для британской и русской литературы XIX в.

В качестве перспектив исследования можно наметить вопрос о наличии мотивов Диккенса и Достоевского в прозе других представительниц английской литературы XXI столетия, как это успешно делается, например, в отношении современных писательниц США [14].

Список литературы

1. Илунина А. А. Интертекстуальный диалог с викторианской литературой в неовикторианских романах Сары Уотерс как средство реализации феминистской проблематики // Вестник Костромского государственного университета. – 2021. – Т. 2. – № 1. – С. 141–146.
2. Исаева Н. Н. Репрезентация исторического прошлого в неовикторианском романе С. Уотерс «Тонкая работа» // Мировая литература в контексте культуры. – 2020. – № 11 (17). – С. 37–48.
3. Исаева Н. Н., Проскурин Б. М. Неовикторианство и/или антивикторианство? Викторианская эпоха в романе Сары Уотерс «Нить, сотканная из тьмы» Евразийский гуманитарный журнал. – 2021. – № 2. – С. 87–94.
4. Кохан О. Н. Сара Уотерс и викторианский канон // Практики и интерпретации. – 2022. – № 7(3). С. 185–202.
5. Кохан О. Н. Социальные ландшафты неовикторианских романов Сары Уотерс: Дис. ... канд. фил. наук. Ростов-на-Дону, 2023. 215 с.
6. Кохан О. Н. Функции мотива загородного дома в романе Сары Уотерс «Fingersmith» // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы V Междунар. науч. конгресса. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. – С. 138–141.
7. Красавченко Т. Н. Постмодернистская неоготика: Сара Уотерс и ее роман «Маленький незнакомец» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2024. – № 1. – С. 153–168.
8. Осадчая Т. Ю., Сидоренко В. А. Способы реализации неовикторианской традиции в романе Сары Уотерс «Бархатные коготки» // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание». – 2024. – № 05 (109). – С. 235–241.
9. Скороходько Ю. С. Неовикторианский роман как форма интертекстуального диалога с викторианством в английской литературе // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. – 2015. – № 2 (10). – С. 59–68.
10. Уотерс С. Бархатные коготки: роман. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. – 576 с.
11. Уотерс С. Близость: роман. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. – 480 с.
12. Уотерс С. Маленький незнакомец: роман. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2011. – 512 с.
13. Уотерс С. Тонкая работа: роман. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. – 640 с.
14. Шалимова Н. С. Романы Д. Тартт в контексте феномена «young adult literature»: поэтика и опора на наследие Ф. М. Достоевского // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2022. – Т. 28. – № 1. – С. 117–128.
15. Шуринова Н. С. Двойничество в романе Сары Уотерс «Тонкая работа» // Новый филологический вестник. – 2021. – № 3. – С. 409–418.
16. Ястребцова К. С. «Опасная среда» в романе С. Уотерс «Маленький незнакомец» // Практики и Интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2019. – Т. 4. – № 2. – С. 118–130.

References

1. Ilunina A.A. *Intertekstual'nyi dialog s viktorsianskoi literaturoj v neoviktorsianskikh romanakh Sary Uoters kak sredstvo realizacii feministsskoi problematiki* [Intertextual dialogue with victorian literature in Sarah Waters' neovictorian novels as a means of feminist problems realization]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, vol. 27, no. 1, pp. 141–146.
2. Isaeva N. N. *Reprezentaciya istoricheskogo proshlogo v neoviktorsianskom romane S. Uoters «Tonkaya rabota»* [Representation of historical past in Sarah Waters' neovictorian novel «Fingersmith»]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury*, 2020, no. 11 (17), pp. 37–48.
3. Isaeva N. N., Proskurin B. M. *Neoviktorsianstvo i/ili antiviktorsianstvo? Viktorianskaja epokha v romane Sary Uoters «Nit', sotkannaya iz t'my»* [Neovictorianism and/or antivictorianism? The victorian age in Sarah Waters' novel «Affinity»]. *Yevrazyiskii gumanitarnii zhurnal*, 2021, no. 2, pp. 87–94.
4. Kokhan O. N. *Sara Uoters i viktorsianskii kanon* [Sarah Waters and victorian canon]. *Praktiki i interpretacii*, 2022, no. 7 (3), pp. 185–202.
5. Kokhan O. N. *Social'nyye landshafty neoviktorsianskikh romanov Sary Uoters: Dis. ... kand. filol. nauk.* [Social landscapes of neovictorian novels by Sarah Waters. Thesis]. *Rostov-na-Donu*, 2023. 215 p.

6. Kokhan O. N. *Funktsii motiva zagorodnogo doma v romane Sary Uoters «Fingersmith»* [The functions of country house motive in «Fingersmith» by Sarah Waters]. *Inostrannaya filologiya. Sotsial'naya i natsional'naya variativnost' yazyka i literatury: materialy V Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa (Simferopol', 9 – 24 aprelja 2020 goda)*. Simferopol', IT «ARIAL», 2020, pp. 138–141.
7. Krasavchenko T. N. *Postmodernistskaya neogotika: Sara Uoters i ee roman «Malen'kii neznakomets»*. [Postmodernist neogothic: Sarah Waters and her novel «Little stranger»]. *Sotsialniye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7, Literaturovedeniye: Referativnii zhurnal*, 2024, no. 1, pp. 153–168.
8. Osadchaya T. Ju. *Sposoby realizatsii neoviktorianskoi tradicii v romane Sary Uoters «Barkhatnye kogotki»* [Ways of realization of neovictorian tradition in «Tipping the velvet» by Sarah Waters]. *Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnii nauchno-prakticheskii zhurnal*, 2024, no. 5 (109), pp. 235–241.
9. Skorokhod'ko Ju. S. *Neoviktorianskii roman kak forma intertekstual'nogo dialoga s viktorianstvom v anglijskoi literature* [Neovictorian novel as a form of intertextual dialogue with victorianism in English literature]. *Mirovaya literatura na perekrestke kul'tur i civilizacii*, 2015, no. 2 (10), pp. 59–68.
10. Uoters S. *Barkhatnye kogotki: roman* [Sarah Waters. Tipping the velvet: novel]. Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus, 2019. 576 p.
11. Uoters S. *Blizost': roman* [Sarah Waters. Affinity: novel]. Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus, 2020. 480 p.
12. Uoters S. *Malen'kii neznakomets: roman* [Sarah Waters. Little stranger: novel]. Moscow, Eksmo; St. Petersburg, Domino, 2011. 512 p.
13. Uoters S. *Tonkaya rabota: roman* [Sarah Waters. Fingersmith: novel]. Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus, 2018. 640 p.
14. Shalimova N. S. *Romany D. Tartt v kontekste fenomena «young adult literature»: poetika i opora na nasledie F. M. Dostojevskogo* [D. Tartt's novels in context of «young adult literature» phenomenon: poetics and reliance on F. M. Dostoevsky's legacy]. *Izvestiya UrFU. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 2022, vol. 28, no. 1, pp. 117–128.
15. Shurinova N. S. *Dvoynichestvo v romane Sary Uoters «Tonkaya rabota»* [The duality of «Fingersmith» by Sarah Waters]. *Novii filologicheskii vestnik*, 2021, no. 3 (58), pp. 409–418.
16. Yastrebtsova K. S. *«Opasnaya sreda» v romane S. Uoters «Malen'kii neznakomets»* [«Dangerous environment» in «Little stranger» by Sarah Waters]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 118–131.

MOTIVES OF DICKENS AND DOSTOEVSKY IN MODERN ENGLISH WOMEN'S LITERATURE (BASED ON THE NOVELS OF S. WATERS)

Bespalova Ye. K.

The article is devoted to the study of the motivic structure of the novelistic prose of Sarah Waters, the modern British writer. Despite the recognition of her merits in Great Britain, numerous nominations of her books for various awards and their translations into many languages of the world, including Russian, the works of this author have not yet received proper scientific understanding. In particular, the undoubted connection between S. Waters' works and the Russian literary tradition, which manifests itself in the writer's novels at the level of the motivic structure, in which one cannot help but notice the influence of F. M. Dostoevsky, was not examined in detail. While intertextual echoes of the writer's work with English novels of the 19th century, including those written by Charles Dickens, were noted by individual researchers. The motives in the writer's novels are varied, but the proposed study separately examines two groups of motives that relate the author's poetics to the legacy of English and Russian literature. The study proves that these elements of the motivic structure function in the legacy of S. Waters as a continuation of the classical literary tradition, but at the same time are the basis for postmodernist literary experiments.

Keywords: Dickens, Dostoevsky, S. Waters, women's literature, English literature, Russian literary tradition, motivic structure, motives.

УДК 811.161.1:81'42

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-120-132

ОРФЕЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ¹

Усова Н. В.

*Донецкий государственный университет,
Донецк, Российская Федерация
E-mail: nv.usova@list.ru*

В статье представлено поэтонимологическое исследование произведений Марины Цветаевой, объединённых общей тематикой, связанной с именем *Орфей* и его референтом. Внимание фокусируется на семантике и особенностях функционирования названной проприальной единицы в произведениях, анализ которых раскрывает её место и значение в поэтофилософии автора. Статья продолжает исследование вопросов поэтики онима, разработка которых проводилась ранее на материале немецкоязычной поэзии. Детальный многоаспектный анализ онимной единицы *Орфей* как элемента стиховых структур позволяет эксплицировать содержание мифопоэтонима как языкового знака и материального воплощения образа-символа. Исследование выявило наличие взаимодействия онима со стиховыми структурами на разных уровнях: фонетическом, лексико-семантическом, синтактико-просодическом, а также с дискурсом, выходящим за пределы стихотворных текстов. Установлены особенности функционирования мифопоэтонима и элементов его структуры в сильных позициях стихов, рифмах, разного рода повторах, которые создают его фонетическую и семантико-стилистическую выделенность. Определена значимость поэтонима как ключевого тематического слова. В результате не только подтверждается тексто- и смыслообразующая роль онима *Орфей* в отдельных поэтических произведениях, но и устанавливается его концептуальное значение для поэтического дискурса М. Цветаевой в целом.

Ключевые слова: оним, (мифо)поэтоним, семантика, звучание, символ, поэтический дискурс.

ВВЕДЕНИЕ

Творчеству Марины Ивановны Цветаевой посвящены филологические исследования различных направлений, что свидетельствует о постоянном внимании учёных к произведениям и личности поэта. Традиционно это по большей части литературоведческие работы [3; 4; 7], но в последние десятилетия появляется всё больше лингвистических исследований [9; 10; 11; 16]. В настоящее время активно разрабатывается онимная составляющая наследия поэта [15; 17; 20; 21 и др.], при этом нередко в той или иной мере затрагивается тема Орфея. Вместе с тем ни в русистике в целом, ни в поэтонимологии семантика и функциональная нагруженность имени и образа этого античного героя, их значимость для поэтической концепции М. Цветаевой не освещены в полной мере. Вопрос об Орфее возникает в связи с многократным обращением поэта к образу этого персонажа через упоминание его имени, а также с помощью иных языковых средств, не только в ряде стихотворных произведений, но и в прозе, а также в письмах, в частности, в личной переписке с известным австрийским поэтом Райнером Мариа Рильке, которого тоже вдохновлял этот античный герой. Орфей и цикл «Сонеты к Орфею» Р.-М. Рильке дали начало эпистолярной дискуссии двух поэтов, — о поэзии и поэтическом творчестве, о предназначении и судьбе поэта. Всё перечисленное указывает на значимое место орфической темы и особую роль проприальной единицы *Орфей* в поэтическом дискурсе Цветаевой. В контексте приоритетных направлений антропоцентрической парадигмы лингвистики очевидна актуальность рассматриваемой проблемы. Статья включает обсуждение ряда вопросов поэтики онима, разработка которых ранее проводилась на материале поэзии Р.-М. Рильке

¹ Исследование проводилось в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).

[23] и лишь бегло касалась творчества М. И. Цветаевой [22]. **Цель публикации** – выявить специфику функционирования мифонима/(мифо)поэтонима *Орфей* как языкового знака и материального воплощения образа-символа, показать его связи с поэтической концепцией автора, эксплицировать особенности и способы его взаимодействия с единицами разного уровня стихотворного текста и широким контекстом, понимаемым как дискурс. В ходе поэтонимологического анализа с помощью лингвистических инструментов решаются задачи установления способов и средств символизации онима. С опорой на теоретические исследования понятия и термина символ [5; 6; 14] устанавливается соотнесённость онима *Орфей* с понятием образ-символ и прослеживается процесс символизации образа в лингвокультуре. В работе используются описательный метод, приемы наблюдения и обобщения, методики интерпретации текста на основе семантического, лингвостилистического и фоностилистического анализа стиховых структур. Кроме того, для анализа сегментного состава онимной единицы (далее ОЕ) *Орфей*, поэтонимов и апеллятивной лексики, синтагматических связей единиц разного уровня используются методики, разработанные стилистикой декодирования [1], экспериментальной фонетикой [8], фоносемантикой [12]. Проводится контекстуальный анализ, позволяющий выявить концептуально значимые смыслы; применяются элементы лингвокультурологического и персонологического анализа. Материалом исследования служат опубликованные стихотворные и прозаические произведения, а также письма М. И. Цветаевой [19; 25; 26; 27].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

***Орфей*: мифоним – мифоперсоним - мифопоэтоним**

Как известно, в русский язык и русскую культуру проприальная единица *Орфей* попала из европейской культуры, вместе с текстами древнегреческой мифологии. Референт имени – фракийский поэт догомеровской эпохи, центральный персонаж ряда мифологических текстов, номинация которого в терминах ономастики определяется как мифоперсоним. По преданию, Орфей был наделён божественным даром поэта и музыканта, играл на лире, подаренной ему Аполлоном. Сила дара его была столь велика, что своим пением он очаровывал людей и богов, укрощал стихии, усмирял диких зверей, приводил в движение горы и деревья. Мифологические сюжеты передают различные истории: о путешествии Орфея с аргонавтами в Колхиду; о любви богоподобного певца к жене, ради которой он рискнул спуститься в преисподнюю. Не менее впечатляющей является сюжет о трагической гибели Орфея от рук жестоких и кровожадных вакханок [28]. Из мифологических сюжетов вырисовывается образ персонажа, который обладает набором отличительных характеристик и ассоциируется с рядом необычайных событий и поступков. Отсюда – многогранное содержание мифоперсонима, которое представляет собой целый семантический комплекс, вложенный в звукобуквенную последовательность *Орфей* (*Orpheus*, *Ορφεύς*). Эта ОЕ относится к именам, которые называют прецедентными, на основании их происхождения из прецедентных текстов, каковыми являются и тексты античных мифов. Эта категория имён отличается богатством культурной информации плана содержания и, соответственно, обладает множеством культурных коннотаций, что позволяет относить их к особому типу языковых знаков, как пишет Ю. Н. Караулов, «слуховых ли образов слов, зрительных их образов или моторно-артикуляционных, в сокращенном ли виде или в полном объеме – в процессах мыслительной деятельности, т. е. в общем потоке, комбинациях и рекомбинациях образов, двигательных представлений, пропозиций, гештальтов,

фреймов, символов, формул и диаграмм» [14, с. 205]. Как и другие имена, функционирующие в мифах, рассматриваемая ОЕ определяется как мифоним, «имя вымышленного объекта любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках, в том числе мифоантропоним, мифотопоним, мифозооним, мифофитоним, мифоперсоним, а также теоним» [18, с. 124–125]. Для ОЕ *Орфей*, функционирующей в дискурсе М. Цветаевой, далее в статье используется термин мифопоэтоним, производный от термина поэтоним, базового в поэтонимологии, который обозначает любое собственное имя, употребленное в литературном произведении [13, с. 120–122].

С точки зрения теории онимогенеза ОЕ *Орфей* претерпевает в диахронии лингвокультуры трансформации внутренней формы, в результате которых происходит изменение содержания и смена статуса онима: мифоним (согласно общей классификации) → мифоперсоним (конкретизация внутри разряда мифонимов) → мифопоэтоним (результат поэтонимизации в литературном тексте). В данном исследовании целесообразно дифференцированное использование терминов: мифоним непосредственно связан с первоисточником – античной легендой о певце и поэте, тогда как мифоперсоним возвращает к человеческой судьбе личности, наделённой даром творчества. Этот термин вмещает информацию о персонаже как о человеке со всеми свойственными ему чувствами и переживаниями: любовь, боль утраты, решимость на невиданный поступок, мужество, радость встречи, беспокойство и нетерпение, отчаяние (потеря любимой, вновь обретённой через испытания), отречение от удовольствий земной жизни. И в завершение земного пути – история гибели. В рассматриваемых произведениях имя *Орфей* функционирует как мифоним и мифоперсоним, извлечённый из прецедентных мифологических текстов и внедрённый в стихи М. Цветаевой, но также и как (мифо)поэтоним, наполненный новым смыслом. Он поворачивается разными гранями, постепенно раскрывая своё сложное содержание, трансформируемое художественным сознанием и выражаемое авторским словом.

***Орфей* как символический образ**

Символ относится к понятиям, трудно поддающимся определению. По своему содержанию, как считает Ю.Н. Караулов, он «занимает промежуточное положение между знаком и образом, являясь как бы эмбрионом, *primum movens* последнего» [14, с. 202]. Понятно, что задолго до появления М. Цветаевой и её стихов ОЕ *Орфей* не только уже существовала в русской лингвокультуре как составляющей общеевропейской культуры, но и обладала сложным содержанием и символическим значением. Со временем образ Орфея в том виде, как он мыслился древними, принимает более абстрактные черты, вербальное его выражение (мифоним как языковой знак) символизируется, «приобретает многоуровневую структуру: план содержания имени, называющего образ, сам превращается в план выражения того, к чему отправляет этот образ» [5, с. 39–40]. Постепенно звучание и графика ОЕ *Орфей* сами становятся носителями определённого, комплексного, содержания.

Для поэтов первых десятилетий XX в., воспитанных в единой культурной традиции и принадлежавших к одному культурному сообществу, было характерно обязательное знакомство с древними греческими и латинскими текстами, с античной мифологией. Обращение к знакомым сюжетам и образам было понятно и естественно, а единый общекультурный фон у литераторов и читательской аудитории позволял авторам свободное использование в произведениях отсылок к прецедентным текстам, с уверенностью в адекватном восприятии их художественного слова. Марина Цветаева и её сестра выросли в семье, где общение происходило на русском, немецком и

французском языках, и дети, так же, как и многие их сверстники в культурном слое русского общества того периода, получая классическое образование, естественным образом впитывали европейскую культуру. Сама атмосфера, 'дух времени', рождали особое отношение к символам и всему символическому, что выражалось в том числе и в появлении новых течений в поэзии, для представителей которых в высшей степени значимыми были понятия символ, знак, звук. Использование образов героев античности отвечало традициям русской поэзии, а в начале XX века актуализировалось. Мифы об Орфее были в числе наиболее популярных, эта тема волновала многих поэтов Серебряного века, а символисты создали свой «неомиф» об Орфее, который затем, по утверждению Е.В. Болновой, был автоматизирован [3]. Упоминание в поэзии мифоперсонажа ассоциировалось с понятным для всех символическим образом, не требующим толкований.

В жизни Цветаевой – поэта и личности – орфические мотивы присутствовали с ранних лет. Содержательная наполненность слова-символа *Орфей* обогащалась смыслами, приобретёнными за счёт новых интерпретаций творческих современников, с которыми она была хорошо знакома. Можно с большой долей уверенности предполагать, что опыт личных отношений с мусажетцами, с М. Волошиным, не мог не включать обсуждение связанных с фракийским певцом тем. Множество других фактов и жизненных обстоятельств привели к тому, что орфический дискурс осознавался Цветаевой-поэтом и в дальнейшем «как один из центральных в развитии ее поэтической и частной судьбы» [3, с. 196]. Максимально яркого проявления орфическая тема достигает в общении с Райнером Марией Рильке, и знаковым стал уже в начале их заочного знакомства подарок Рильке – его книга «Сонеты к Орфею». Оба поэта в своем творчестве часто обращались к образу этого мифологического персонажа, что говорит об их духовной близости и общем понимании сущности поэта и поэзии. Их сближало представление об истинном поэте как носителе орфического начала, о поэтическом таланте как божественном даре и вместе с тем ответственной миссии, как и о неизбежно связанной с этим предопределенности трагической судьбы. Общаясь с Рильке в письмах, говоря о нем с другими, М. Цветаева неизменно переходила на разговор об Орфее.

Орфей и орфическая тема Марины Цветаевой – дискурсивный анализ

Сказанное выше подтверждает, что по своей семантической наполненности мифоперсонаж *Орфей* относится к разновидности слов, которые можно определить как «слова ключевые, обладающие высокой смысловой прегнантностью, облеченные символической функцией, т. е. выступающие в качестве символа для большого семантического комплекса, играющие роль смысловых вех, мнемических опор при понимании и продуцировании текста» [14, с. 205]. Признавая решающую роль звучания [29, с. 110], следует заметить, что графический текст тоже имеет существенное значение в поэзии, где наиболее ярко проявляется их синергетический эффект. Ведь при восприятии поэтического текста неизбежно происходит озвучивание, трансформация графического написания в звуковые образы, «ибо художественное чтение есть внутреннее произношение» [2, с. 13]. Все это имеет непосредственное отношение к последующему анализу, в ходе которого проследим участие мифопоэтонима *Орфей* и других поэтонимов в формировании стиховых структур Цветаевой. Поскольку «базовым в иерархии супrasegmentного уровня является слоговой ритм, который имеет специфический семантико-временной характер», а «основным средством когерентности является повтор, периодичность, рекуррентность элементов разных уровней» [24, с. 124], эти явления будут также в фокусе внимания.

В марте 1923 г. М. Цветаева пишет стихотворение под названием «Эвридика – Орфею», посвящая его Б. Пастернаку. Мифопоэтоним вынесен в заглавие стихотворения, которое, как известно, играет особую роль в художественном произведении, несёт значительную смысловую и функциональную нагруженность, «индивидуализирует тот текст, которому принадлежит, выделяет его в ряду всех других текстов» [1, с. 225]. Заглавие принято считать в ономастике самостоятельным классом онима, именем текста (библионим). Заложенные в семантике заглавия ассоциации, аллюзии, коннотации при более близком знакомстве с произведением проявляются тем, что вызывают у читателя ожидаемую ответную реакцию, которая поддерживается и закрепляется воздействием всей системой средств, используемых в ритмико-интонационной, лексико-семантической и композиционной структуре произведения. Выдвижение в заглавие поэтонима, как правило, делает его тематическим и смысловым центром произведения. Заголовочный поэтоним осуществляя три типа связи: 1) с культурной памятью читателя, знакомого с орфическими мифами; 2) с последующим текстом и его содержанием; 3) с рефлектирующим авторским сознанием – связь, определяющая мотив авторского замысла и модальность произведения [23, с. 56].

Заглавие рассматриваемого стихотворения содержит пару со- и противопоставляемых мифопоэтонимов, отсылающих к прецедентному тексту. Онимную пару *Эвридика – Орфей* можно отнести, вслед за Е. А. Скоробогатовой, к «знакам-комплексам» с устойчивым значением, репродуцируемым в художественном и культурном дискурсе как единство [21, с. 5]. В то же время онимная пара представляет собой оппозицию, и не только по гендерной принадлежности обозначаемых референтов, но и по признаку земное, живое (*Орфей*) – потустороннее, умершее (*Эвридика*). Жизнь и смерть – полярные понятия и несовместимые состояния; вместе с тем в заглавии они через поэтонимы актуализируют тему единства жизни и смерти, как парадоксального единства противоположных и взаимоисключающих сущностей. Мифопоэтоним *Орфей* в заглавии стихотворения фокусирует внимание на его референциальной и коннотативной семантике, суггестирует прецедентный текст, тематизирует орфический мотив, подготавливая читателя к восприятию смысла целого.

По своей форме заглавие это подобно авторской ремарке в пьесе, оно антиципирует последующий диалог, ведущая роль в котором принадлежит Эвридике. В стихотворении своеобразно интерпретируется легенда о схождении Орфея в преисподнюю за Эвридикой и безутешном возвращении без неё. Орфей, как следует из текста стихов, наказан за «превышение полномочий»: *О, не превышение ли полномочий / Орфей, нисходящий в Аид* [26, с. 219]. Если по мифу Орфей сам, оглянувшись и нарушив договорённость, стал виновником невозвратности возлюбленной, то у Цветаевой всё решает Эвридика. Она делает свой выбор в пользу мира теней, отказываясь от жизни и земной любви в пользу «покоя беспмятности»: *<...> мне нужен покой / Беспмятности... Ибо в призрачном доме / Сем — призрак ты, сущий, а явь — / Я, мертвая <...>* Окончательный и категоричный смысл её слов, не оставляющих для супруга ни тени надежды, заключен в двух последних стихах, утверждающих трансформацию отношений любовников и супругов в отношения брата и сестры, и они звучат как приговор: *Не надо Орфею сходить к Эвридике / И братьям тревожить сестер*. Эвридика принимает решение за двоих: ей – оставаясь в Аиде, не-быть; ему – быть, возвратившись, одному, чтобы всего себя посвятить искусству. Выдвижение пары мифопоэтонимов в концовку стихотворения привлекает внимание и звучанием, и содержанием. Вертикально симметричное попарное расположение в финальных стихах лексем *Орфею – братьям* и *Эвридике – сестер*

семантически уравнивает эти языковые единицы между собой, превращая их в синонимы. Таким расположением именной пары финал стихотворения ставит последнюю точку в личной трагедии поэта. Имя *Орфей* появляется в первой и последней (шестой) строфе, 'закольцовывая' весь текст. Другие средства поэтики с участием поэтонима: выдвижение его в анафору четвёртого стиха первой строфы, акцентуация междометного *о* в анафоре смежного (третьего) стиха, переклички и ассонансы на *о* (в 1й строфе первый гласный мифопоэтонима появляется 10 раз, в том числе дважды – в позиции рифмы), рассыпанные по тексту аллитерации *р*, – выступают как средства создания рекуррентности.

Стихотворение «Так плыли, голова и лира...» (1921 г.) начинается со строк, воссоздающих сцену после умерщвления поэта. Хотя мифопоэтоним не появляется в стихотворении, к мифу о гибели героя отсылают апеллятивы *голова* и *лира*, обозначающие атрибуты расчлененного поэта и музыканта. Страшные следы трагической гибели воссоздаются в последующей строфе с помощью других апеллятивных средств, а также мифопоэтонима *Гебр*. Ряд образных средств соотносится с заглавием и ассоциирует с мифоперсонимом: *Крово-серебряный, серебро-* / *Кровавый след двойной лия*, / *Вдоль обмирающего Гебра* – / *Брат нежный мой, сестра моя!* Возвращение к мотиву гибели античного певца происходит не только с помощью лексической семантики, но и через фонетические средства: насыщенность текста звукобуквами мифоперсонима *о*, *р*, трехкратный повтор в первых двух стихах буквосочетания *ро*, инверсивно повторяющего начальный слог мифонима *Орфэй*. В пятом четверостишии впечатление усиливается эхо-рифмой, отражающей звучание ударного слога поэтонима: [*Орфэй*] – *зыбёй* – *соловёй*. Автор использует риторические вопросы, вновь и вновь возвращающие к сюжету мифа: *Не лира ль истекает кровью?* / *Не волосы ли – серебром?* И затем, в финальной части: *Где сиянные останки?* / *Волна соленая – ответ!* / *Простоволосой лесбиянки* / *Быть может вытянула сеть?* Эти вопросы призваны побудить читателя самостоятельно дать вполне очевидные ответы.

Цикл стихов «Поэты» (1923 г.) через заглавие соотносится с темой и образом античного поэта, хотя его имя не упоминается. Плюральная форма в заглавии выполняет обобщающую функцию и анонсирует последующее содержание как относящееся к каждому из многих поэтов. При отсутствии имен апеллятив *поэт* и его словоформы многократно употреблены и выделены выдвижением в сильную позицию. Это анафорическое выдвижение в 1 и 2 стихе первого стихотворения, строфически и по смыслу образующих преамбулу к остальному тексту: (1) *Поэт – издалика заводит речь*. / *Поэта – далеко заводит речь*. Анафорически выдвинутым оказывается и генитивно-атрибутивное словосочетание *Поэтов путь* (7 и 20 стихи). Используемый здесь анжамбмáн переносит концовку синтаксического целого из второй строфы в третью, а также ритмически выделяет завершающее третью строфу предложение: (2) <...> *Ибо путь комет –* / (3) *Поэтов путь. Развеянные звенья* / <...> *Поэтовы затмения* / *Не предугаданы календарём*. Генитивно-атрибутивное сочетание – *Поэтовы затмения* – дополнительно выделено цезурным расположением. Анжамбмáн из пятой строфы в шестую повторяет анжамбмáн из второй строфы в третью. Последовательность: *ибо путь комет* / *Поэтов путь* образует рефрен, благодаря которому жизнь поэта подчёркнуто сравнивается с мгновением вспышки летящей кометы: (5) <...> *ибо путь комет* / (6) *Поэтов путь*: <...> *Твоя стезя, гривастая, кривая*, / *Не предугадана календарём!* Финальный стих последней, шестой, строфы повторяет финал третьей, утверждая и закрепляя мысль о непредсказуемости как «затмений» поэта, так и его «стези», то есть судьбы. Ключевая лексическая единица *поэт* (= *Орфей*) является семантическим центром в системе повторов, с помощью которых создаётся когерентность текста, достигается

«ритмизация авторского замысла» [24 с. 124]. Семантический повтор создаёт рекуррентность на лексическом/лексематическом уровне, выполняющую важную текстообразующую функцию.

Продолжая и дополняя посыл первого стихотворения цикла, второе [25, с. 249] транслирует идею трагического одиночества поэтов: *Есть в мире лишние, добавочные, <...>*. В число этих «лишних», не вписывающихся в шаблоны материального мира, М. Цветаева включает и себя, что подтверждает первый стих финального четверостишия выдвиганием в анафору ключевого слова *поэты* и личного местоимения *мы*: *Поэты мы – и в рифму с париями, / <...>* Эти стихи – об отверженности поэта, но в то же время о его дерзости осмеливаться оспаривать у богов их исключительное право первенства (переключка с мотивом стихотворения «Эвридика – Орфею» о «превышении полномочий»).

В третьем стихотворении цикла развивается тема бескрайности, безмерности стихии поэзии и бессмертия поэта вместе с его неприкаянностью в материальном «мире мер», где ему нет применения. Первый стих первой строфы начинается вопросом «*Что же мне делать...*», который анафорически повторяется в последующих строфах. В поисках самоидентификации автор последовательно подбирает определения себе-поэту: *Что же мне делать, слепцу и пасынку; Что же мне делать, ребром и промыслом // Певчей!*; и далее: *Что же мне делать, певцу и первенцу, / <...> С этой безмерностью / В мире мер?! Повторяющийся риторический вопрос на самом деле не вопрос, а восклицание, крик, вырывающийся из души: вопросительный знак отсутствует на протяжении всего текста, появляясь лишь в конце строфы вместе с восклицанием, которое в совокупности употреблено в стихотворении десятикратно (!). Такое синтактико-пунктуационное оформление вместе с формой высказывания от первого лица выдают состояние волнения автора, переживающего разлад с миром как глубоко личную драму. Для самономинирования Цветаева использует существительные мужского рода: *слепец, пасынок, певец, первенец*, и лишь один раз – женского: *певчая*. Этот приём стирает гендерные различия поэтов и певцов, оставляя им лишь один признак – поэтический дар, который роднит их всех с богоподобным Орфеем, чей образ неизбежно возникает, несмотря на умолчание имени. Имя не важно, важна стихия поэзии, из которой всё новые и новые Орфеи извлекают гармонию звука. Таким образом, в результате анализа цикла выявляется ряд ‘программных’ положений поэтофиллии Марины Цветаевой, соотносимых с космической и орфической темой.*

Для Цветаевой А. Блок – тоже Орфей. Известно её возмущение призывом известного критика, спустя четыре года смириться со смертью Блока, которого она тут же сравнила и с Пушкиным, и с Орфеем: «Пушкин, Блок и – чтобы назвать всех разом – ОРФЕЙ – никогда не может умереть, поскольку он умирает именно теперь (вечно!)» [19]. Тем самым приравниваются великие поэты прошлого и современности, происходит их отождествление с пра-поэтом Орфеем.

В цикле «Стихи к Блоку» одно из стихотворений («Как сонный, как пьяный...») соотносит Блока с античным поэтом, воспроизводя мифологические сюжеты и через реминисценцию устанавливая связь с именем и образом неупоминаемого Орфея: *Не ты ли / Её шелестящей хламиды / Не вынес – / Обратным уцельем Аида? / Не эта ль, / Серебряным звоном полна, / Вдоль сонного Гебра / Плыла голова?* Ассоциативно-образная связь с отсутствующим мифоперсоном Орфеем воссоздаётся посредством выдвигания в рифму мифонимов *Аид* и *Гебр* как маркеров, выполняющих локализирующую функцию, указывающих на царство мертвых. Интимное обращение *ты* здесь выступает одновременно синонимом имени Блока и не упоминаемого мифонима.

В дарственной надписи предназначенных для М. Цветаевой «Сонетов к Орфею» есть строки, в которых тоже не упомянуто имя *Орфея*, но его умолчание красноречиво говорит о том общем, что соединяет троих: Рильке, Цветаеву и Орфея: «<...> Поэт *один*. И тот, кто *нёс* его, / Встречается с *несущим* временами» (курсив Рильке. – Н. У.). Мысль Рильке развивается в космогонической картине мира Цветаевой в идею об Орфее, «поющем и умирающем в каждом поэте». Поэт один, и имя ему *Орфей*, хотя с явлением каждого нового поэта он всякий раз находит новое воплощение. В общей для обоих поэтов системе представлений эти слова приобретают значение кода, по которому свои узнают своих. В этих строках заключается идея бессмертия поэзии как высшего искусства и одновременно пятой стихии, где каждый истинный поэт есть воплощение Орфея. Первый из поэтов, «воплощённая пятая стихия» [19], – сам Рильке. Наиболее конкретно и осязаемо это отношение выражено в стихотворении «Новогоднее» (1926 г), болезненной рефлексии на известие о смерти Р.-М. Рильке. Стиховые структуры произведения формируются рядом приемов, основанных на обыгрывании антропонима *Райнер Мария Рильке*. Здесь ожидаемо повторяются и антропонимические формы *Райнер* (13 раз!), *Рильке* (1 раз), и переключки с именем рассеянных по тексту элементов структуры антропонимов: согласных и гласных, слогов, комбинаций звукобукв: *Что мне делать в новогоднем шуме / С этой внутренней рифмой: Райнер – умер*. Путем повторения первого слога личного имени *Райнер – Рай* создаётся эхо-рифма и отсылает к мысли о пребывании умершего поэта в ином, лучшем мире (в Раю): <...> *Райнер – рай – гористый, / Грозовой? <...> / Не один ведь рай, над ним другой ведь / Рай? <...> / Рай не может не амфитеатром / Быть. <...> Не ошиблась, Райнер, Бог – растущий / Баобаб?* Звуковая избыточность, перенасыщенность стиха элементами личного антропонима, четырехкратный повтор его первого слога создают фонетическую рекуррентность и звукосмысловые связи с целым рядом образов, так что образ не упоминаемого прямо в стихотворении *Орфея* возникает из контекста. Но автор и прямо отождествляет Рильке с поэзией, а через неё – с *Орфеем*: <...> *есть ты – есть стих: сам и есть ты – / Стих!* Эти строки повторяют слова, обращенные к Р.-М. Рильке в письме за несколько месяцев до его кончины: «<...> Вы – воплощённая поэзия, должны знать, что уже само Ваше имя – стихотворение» [19]. В использовании лексических средств следует отметить немецкоязычное вкрапление в виде вокатива *Du Lieber*, которое раскрывает близость отношений, а переход на немецкий язык придает выражению еще больше интимности. Эту форму обращения можно отнести и к Рильке-поэту, и к Рильке – духу поэзии, и к Рильке-Орфею, равно близкими Цветаевой. После смерти Рильке превращается для нее в *Эхо* и *Звук*, которые через коннотативные связи соотносятся с духом поэзии и абстрагированным образом поэта: *С новым звуком, Эхо! / С новым эхом, Звук*. В финале стихотворения появляется полная именная формула в дательном падеже, пунктуационно оформленная тире: *Райнеру – Мария – Рильке – в руки*. Поэтические номинации для истинного поэта выкладываются у Цветаевой в синонимический ряд к полисемантическому ониму *Орфей*: *Du Lieber – Райнер – Стих – Эхо – Звук – Райнеру – Мария – Рильке*.

Результаты

В трактовании образа Орфея Цветаева отступает от общепринятого набора характеристических определений за счет расширения семантической и символической емкости мифонима как вербального символа: в семантический комплекс *Орфей* входят новые компоненты, что схематично представлено на рисунке 1. Под вербальными символами, вслед за Карауловым, понимаются «слова, несущие какой-то очень глубокий, поддающийся масштабному, практически неограниченному развёртыванию, смысл» [14,

с. 203]. В результате анализа получаем представленные ниже составляющие семантического комплекса.

Орфей = поэт и певец. Символический образ поэта и поэзии, понимаемый как наднациональное и вневременное явление. «Орфей взрывает национальность или настолько широко раздвигает ее пределы, что все (и бывшие, и сущие) заключаются в нее» [19].

Орфей = божественный. Человек, наделенный голосом невероятной красоты и силы, свойственной лишь богам.

Орфей = поющий бог. Перевоплощающееся в поэта-певца божество, сотворяющее гармонию звука; воплощение космического порядка.

Орфей = растерзанный и расчленённый. Мифоперсоним ассоциирует описанный в мифе трагический конец земного пути.

Орфей = умирающий и воскресающий. Совмещение в мифониме образа истинного поэта, соединяющего в себе поэтический дар и неизбежно связанный с талантом путь трагической судьбы; каждый явившийся миру настоящий поэт олицетворяет умерщвленного и затем воскресшего (в ином воплощении) бога-певца.

Орфей = поэзия как стихия. Образ отождествляется с 'духом' самой поэзии, неуправляемой космической энергией, способной воплощаться всякий раз в новом настоящем поэте и умирать вместе с окончанием его земного пути. Таким образом, *Орфей* становится символом преемственности природного поэтического дара и одновременно символом космической бесконечности.

Орфей = каждый истинный поэт. Какое бы имя он ни носил, будь то мужчина или женщина: <...> *Нам незачем искать / других имён. Когда раздастся пенье, / Раз навсегда мы будем знать – ОРФЕЙ* [19]. Каждый единичен, но вместе они составляют бесконечное множество воплощений поэтического начала. В то же время само это имя как будто становится нарицательным, синонимичным апеллятиву *поэт* (если *Поэт*, значит, – *Орфей*)

Орфей = *Рильке*. Рильке – поэт номер один из современных Цветаевой, кто приблизился к Орфею как к эталону поэтического мастерства: Рильке тождествен Орфею. Так же, как сущность Орфея для Цветаевой – быть олицетворением поэзии, сущность Рильке – быть «*Орфеем*, явившемся в Германии».

Рисунок 1. Семантический комплекс мифопоэтонима *Орфей*

ВЫВОДЫ

Безотносительно к материально выраженному присутствию звукобуквенной последовательности (мифо)поэтонима орфическая тема прослеживается в ряде произведений Марины Цветаевой разных лет. Этот поэтоним является неотъемлемым элементом цветаевского художественного дискурса, обладающим особым содержательным потенциалом, связывающим в единое художественное пространство произведения, пронизанные общими культурными смыслами.

Языковые средства и способы вербализации образа с участием поэтонимов играют заметную роль в реализации важных художественных задач. В рассмотренных произведениях (мифо)поэтоним *Орфей* выдвигается в сильную позицию заглавия, участвует в создании концевых и внутренних рифм. Компоненты его фонетической структуры оказывают влияние на характер звучания, определяя повторы, аллитерации и ассонансы. Комплекс средств создаёт рекуррентность элементов разных уровней и служит средством когерентности, в то же время способствуя образованию моделей ритмизации авторского замысла. Рекуррентность, как важный текстообразующий феномен, выявляется не только на фонетическом уровне, но и на лексематическом, где она проявляется синонимическими и семантическими повторами. Используются средства не прямой номинации, дескрипции и перифразы, персонификация. В семантике ОЕ *Орфей* выявляется целый спектр значений, объединяющихся в семантический комплекс. Прослеживается системное отождествление Р.-М. Рильке с античным героем, реализуемое разнообразными художественными приемами с использованием поэтонимов, а также апеллятивной лексики.

Проведенный анализ подтверждает значимость образа Орфея для творческой концепции поэта, выявляет тексто- и смыслообразующую роль поэтонима *Орфей*, эксплицирует его многослойное содержание как языкового знака и материального воплощения образа-символа. Ввиду того что изучение особенностей межуровневой интеграции проприальных единиц в художественный дискурс является приоритетной задачей поэтонимологии, целесообразность дальнейшего исследовательского поиска в намеченном направлении не вызывает сомнения.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – М.: Либроком, 2014. – 452 с.
2. Белый А. Статьи. Воспоминания. Публикации. – М.: Советский писатель, 1988. – 830 с.
3. Болнова Е. В. Рецепция мифа об Орфее и Эвридике в литературе Серебряного века: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Н. Новгород, 2017. – 283 с.
4. Войтехович Р. С. Марина Цветаева и античность. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. – 432 с.
5. Воркачев С. Г., Воркачева Е. А. Биосимволика в блazonировании национальной геральдики англоязычных стран // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. – 2021. – Т. 17. – Вып. 3 (53). – С. 5–15.
6. Гендлер И. В. Символический характер мифонимов в русской антологической поэзии // IX Международная конференция «Ономастика Поволжья». – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 222–224.
7. Гончарова Н. А. Мифология имени М. Цветаевой: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Барнаул, 2006. – 19 с.
8. Дворжецкая М. П. Сегментная и просодическая специфика ключевых слов текста // Взаимодействие сегментного состава и просодии текста. – К.: КГПИИЯ, 1986. – С. 5–13.
9. Дзюба Е.В. Концепты жизнь и смерть в поэзии М. И. Цветаевой : дисс. ... канд. филол. наук: 1.02.01 Русский язык. – Екатеринбург, 2001. – 255 с.

10. Ермакова Л. А. Гендерно маркированные языковые средства в поэтическом дискурсе Марины Цветаевой : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык. – Кострома, 2018. – 196 с.
11. Зубова Л. В. Поэтический язык Марины Цветаевой. – Санкт-Петербург: «Геликон Плюс», 2017. – 544 с.
12. Журавлёв А. П. Фонетическое значение. – Л.: ЛГУ, 1974. – 160 с.
13. Калинин В. М. Поэтика онима. – Донецк: «Юго-Восток», 1999. – 408 с.
14. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
15. Кихней Л. Г., Круглова Т. С. Мифопоэтика личного имени в лирических обращениях М. Цветаевой и в поэтической онтологии акмеистов // Вестник Вятского государственного университета. – 2008. – С. 90–93.
16. Ковалёв Г. Ф. М. И. Цветаева и имя // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2002. – № 1. – С. 3–8.
17. Пахомова И. В. Образ Орфея в переписке М. И. Цветаевой и Р. М. Рильке // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. Языкознание и литературоведение. – Рязань: Изд-во Рязанского государственного университета. 2009. – № 4 (25). – С. 88–94.
18. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 199 с.
19. Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года. – М.: Книга, 1990. – 256 с.
20. Салимова Д. А., Пучинина О. П. Прецедентные имена в прозе Марины Цветаевой как маркеры интертекстуальности // «Сквозь каждое сердце...»: Материалы IX Международных Цветаевских чтений в Елабуге. – Ульяновск: АО Областная типография «Печатный двор», 2020. – С. 231–240.
21. Скоробогатова Е. А. Онимные пары в лирике Марины Цветаевой: к вопросу о поэтической филологии // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. – 2019. – № 1 (67). – С. 3–9.
22. Усова Н. В. Мифопоэтоним ОРФЕЙ/ORPHEUS в русско-немецком поэтическом дискурсе // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Т. 4: Филологические науки. Ч. 2. – Донецк: ДонНУ, 2022. – С. 85–88.
23. Усова Н. В. Поэтоним Orpheus в цикле Р. -М. Рильке: фонетика и семантика // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал. – 2018. – Т. 14. – Вып. 4 (42). – С. 54–65.
24. Штакина Л. А. Ритм и когерентность художественного дискурса // Язык и коммуникация: функциональносемантический, когнитивный и лингводидактический аспекты : материалы V Респ. очно-заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Горловка, 26 окт. 2023 г.). – Горловка: Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ», 2023. – С. 124–126.
25. Цветаева М. Стихотворения. Поэмы. – М.: Правда, 1991. – 688 с.
26. Цветаева М. И. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Стихотворения, 1908–1941; Поэмы; Драматические произведения. – М.: Худож. лит., 1988. – 719 с.
27. Цветаева М. И. Сочинения : в 2 т. Т. 2 : Проза ; Письма. – М.: Худож. лит., 1988. – 639 с.
28. Энциклопедия мифологии / Словари и энциклопедии на Академике. – https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_mythology/866/
29. Arndt, E. (1984). *Deutsche Verslehre*. Berlin: Volk und Wissen.

References

1. Arnol'd I. V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Moskva, Librokom Publ., 2014. 452 p.
2. Belyj A. *Stat'i. Vospominaniya. Publikatsii: Sbornik*. [Articles. Memoirs. Publications: The Collection]. Moskva, Sovetskij pisatel' Publ., 1988. 830 p.
3. Bolnova E. V. *Retsepsiya Mifa ob Orfee i Evridike v literature Serebryanogo veka: Dis. ... kand. filol. nauk* [Reception of the myth about Orpheus and Eurydice in the Silver Age literature]. N. Novgorod, 2017. 283 p.
4. Voitekhovich R. S. *Marina Tsvetaeva and antichnost'* [Marina Tsvetaeva and Antiquity]. Moskva, Home-museum of Marina Tsvetaeva Publ, 2008. 432 p.

5. Vorkachev S. G., Vorkacheva E. A. *Biosimvolika v blazonirovanii natsional'noi geraldiki angloyazychnykh stran* [Biosymbols in Blazoning of National Heraldry of English-Speaking Countries] // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 2021, vol. 17, no. 3 (53), pp. 5–15.
6. Gendler I. B. Simvolicheskij kharakter mifonimov v russkoj antologicheskoi poezii [The symbolic nature of the myths in Russian anthological poetry] // *Tezisy dokladov IX Mezhdunarodnoj konferentsii «Onomastika Povolzh'ya»*. Volgograd: Peremena, 2002, pp. 222–224.
7. Goncharova N. A. *Mifologiya imeni M. Tsvetaevoi: Avtoref diss. ... kand. filol. nauk* [The M. Tsvetaeva's Mythology of Names. Abstract of thesis]. Barnaul, 2006. 19 p.
8. Dvorzhetskaya M. P. *Segmentnaya i prosodicheskaya spetsifika klyuchevykh slov teksta* [The segmental and prosodic particularity of key words in a text]. *Vzaimodejstvie segmentnogo sostava i prosodii teksta. Sb. nauch. tr. K.: KGPIYA*, 1986, pp. 5–13.
9. Dzyuba E. V. *Kontsepty zhizni i sm'erti v poezii M. I. Tsvetaevoj: Dis. ... kand. filol. nauk* [Concepts of life and death in the poetry of M. I. Tsvetaeva]. Yekaterinburg, 2001. 255 p.
10. Ermakova L. A. *Genderno markirovannye jazykovye sredstva v poeticheskom diskurse Mariny Tsvetaevoj: Dis. ... kand. filol. nauk* [Gender-marked linguistic means in the poetic discourse of Marina Tsvetaeva]. Kostroma, 2018. 196 p.
11. Zubova L. V. *Poeticheskii yazyk Mariny Tsvetaevoj* [Poetic language of Marina Tsvetaeva]. St. Petersburg, Gelikon Plus Publ, 2017. 544 p.
12. Zhuravlyov A. P. *Foneticheskoe znachenie* [Phonetic meaning]. Leningrad: LGU Publ., 1974. 160 p.
13. Kalinkin V. M. *Poetika onima*. [Poetics of Onym]. Donetsk: Yugo-Vostok Pub, 1999. 408 p.
14. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moskva, Izdatel'stvo LKI Publ, 2010. 264 p.
15. Kikhney L. G., Kruglova T. S. *Mifopoetika lichnogo imeni v liricheskikh obrashcheniyakh M. Tsvetaevoj i v poeticheskoi ontologii akmeistov* [Myth poetics of a personal name in the lyrical addresses of M. Tsvetaeva and in the poetic ontology of the Acmeists]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, pp. 90–93.
16. Kovalev G. F. *M.I. Tsvetaeva i imya* [Tsvetaeva and Name]. *Diskurs: K 110-letiyu so dnya rozhdeniya M. Tsvetaevoj*. Vestnik VGU. Seriya Gumanitarnye nauki, 2002, no 1, pp. 3–8.
17. Pakhomova I. V. *Obraz Orfeya v perepiske M.I. Tsvetaevoj i R. M. Ril'ke* [The Image of Orpheus in the correspondence of M.I. Tsvetaeva and R. M. Rilke]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. Yazykoznanie i literaturovedenie*, Ryazan': Izd-vo Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, no 4 (25), pp 88–94.
18. Podol'skaya N. V. *Slovar' russkoj onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moskva, Nauka Publ, 1978. 199 p.
19. Rainer Mariya Ril'ke, Boris Pasternak, Marina Tsvetaeva. *Pis'ma 1926 goda* [Rainer Maria Rilke, Boris Pasternak, Marina Tsvetaeva. Letters of 1926]. Moskva, Kniga Publ, 1990. 256 p.
20. Salimova D. A., Puchinina O. P. *Pretsedentnye imena v proze Mariny Tsvetaevoj kak markery intertekstual'nosti* [Precedent names in Marina Tsvetaeva's prose as markers of intertextuality]. Ul'yanovsk: AO Oblastnaya tipografiya «Pechatnyi dvor» Publ, 2020, pp. 231–240.
21. Skorobogatova E. A. *Onimnye pary v lirike Mariny Tsvetaevoj: k voprosu o poeticheskoi filologii* [Onymic pairs in the lyrics of Marina Tsvetaeva: on the issue of poetic philology]. *Russkaya filologiya. Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni G. S. Skovorody*, 2019, no 1 (67), pp. 3–9.
22. Usova N. V. *Mifopoetonim ORFEI/ORPHEUS v rusko-nemetskom poeticheskom diskurse* [The mythopoetonym ORPHEUS in Russian-German poetic discourse]. *Donetskie chteniya 2022: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu Donetskogo natsional'nogo universiteta (Donetsk, 27–28 oktyabrya 2022 goda.)*. T. 4., Filologicheskie nauki. Chast' 2, Donetsk, Donnu Publ, 2022, pp. 85–88.
23. Usova N. V. *Poetonim Orpheus v tsikle R. -M. Ril'ke: fonetika i semantika*. [The Poetonym Orpheus in the literary cycle by R.-M. Rilke: Phonetics and Semantics]. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: nauchnyi zhurnal*. T. 14, Vyp. 4 (42), Donetsk, Donnu Publ, 2018, pp. 54–65.
24. Shtakina L. A. *Ritm i kogerentnost' khudozhestvennogo diskursa* [Rhythm and coherence of artistic discourse]. *Yazyk i kommunikatsiya: funktsional'no-semanticheskii, kognitivnyi i lingvodidakticheskii*

- aspekty : materialy V Resp. ochno-zaoch. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Gorlovka, 26 oktjabrja 2023 goda). Gorlovka: Izd-vo FGBOU VO «DGPU» Publ, 2023, pp. 124–126.
25. Tsvetaeva M. *Stikhotvoreniya. Poemy* [The Poems. The Poetry]. Moskva, Pravda. 1991. 688 p.
 26. Tsvetaeva M. I. *Sochineniya: v 2 t. T. 1: Stikhotvoreniya, 1908–1941; Poemy; Dramaticheskie proizvedeniya* [Works: in 2 volumes. Vol. 2.: Prose, Letters]. Moskva: Khudozhestvennaia Literatura Publ., 1988. 719 p.
 27. Tsvetaeva M. I. *Sochineniya: v 2 t. T. 2: Proza; Pis'ma*. [Works: in 2 volumes T. 2: Proza; Pis'ma Vol. 1.: Poems, 1908–1941, Poetry, Dramatic works]. Moskva: Khudozhestvennaia Literatura Publ., 1988. – 639 p.
 28. Encyclopedia of mythology/Dictionaries and encyclopedias on Academician. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/866/ (accessed 27 January 2023).
 29. Arndt E. *Deutsche Verslehre*. Berlin: Volk und Wissen, 1984. 257 p.

ORPHEUS IN THE POETIC DISCOURSE OF MARINA TSVETAEVA

Usova N. V.

The article presents a poetonymological study of Marina Tsvetaeva's works, united by a common theme associated with the name Orpheus and its referent. Attention is focused on the peculiarities of the named proprietary unit functioning in the works, the analysis of which reveals the place and meaning of this word-symbol in the author's poetosophy. The article continues the study of the onym poetics issues, the development of which was carried out earlier on the material of German-language poetry. Detailed multi-aspect analysis of the onymic unit Orpheus as an element of verse structures allows us to explicate the content of the mythopoetonym as a linguistic sign and material embodiment of the image-symbol. The study revealed the presence of interaction of the onym with verse structures at different levels: phonetic – with sound matter, lexical-semantic, syntactic-prosodic, as well as with discourse beyond the limits of poetic texts. The peculiarities of the onym and its components use in strong positions, rhymes and sound repetitions ensure its semantic and stylistic isolation and determine the onym significance as a key thematic word. As a result, not only the text- and thought-forming role of the onym Orpheus is confirmed in individual poetic works, but it is established conceptual significance for M. Tsvetaeva's poetic discourse as a whole.

Key words: onym, (mytho)poetonym, semantics, sound, meaning, symbol, poetic discourse.

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ХИТРОСТЬ»
В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ И ЧЕШСКОМ СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК**

«МАША И МЕДВЕДЬ», «МАША І МЯДЗВЕДЗЬ» И «ВОДЯНОЙ»)

Шаколо А. В., Дружина Н. Л., Турковская Е. В.

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,

Витебск, Республика Беларусь

E-mail: aleksasch-94@yandex.by

Статья посвящена анализу лексической репрезентации концепта «хитрость» в русской сказке «Маша и медведь», белорусской сказке «Маша і мядзведзь» и чешской сказке «Водяной» с целью выделения универсальных и идиоэтнических черт русской, белорусской и чешской лингвокультур. В статье были использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Концепту «хитрость» отведено особенное место в дискурсе волшебных сказок. В ходе исследования было установлено, что лексическая репрезентация концепта «хитрость» в русской и чешской сказках более выраженная, чем в случае с соответствующим концептом в белорусской сказке; в белорусском варианте сказки место концепта «хитрость» занимает концепт «доброта» (бел. «дабрыня»). Данное различие подтверждается на лексическом и сюжетном уровнях трех сказок. Другим различием следует считать тот факт, что антагонистом в русской и белорусской сказках выступает медведь, а в чешской – водяной, при этом и медведь, и водяной являются амбивалентными персонажами. К сходствам между тремя сказками были отнесены: значимость концепта «хитрость» для трех лингвокультур, важная роль инициации; антропоморфность антагонистов.

Ключевые слова: концепт, волшебная сказка, репрезентация, сказочный дискурс, хитрость, доброта.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность концептуального анализа в сказочном дискурсе обусловлена большим количеством исследований в области лингвокультурологии, посвященных тем или иным аспектам репрезентации концептов, с одной стороны, равно как и растущим интересом по отношению к произведениям устного народного творчества, попытками их интерпретации и переосмысления, – с другой. Цель исследования – провести анализ лексической репрезентации концепта «хитрость» в русской сказке «Маша и медведь», белорусской сказке «Маша і мядзведзь» и чешской сказке «Водяной» („Vodník“) и тем самым охарактеризовать русскую, белорусскую и чешскую лингвокультуры с точки зрения универсальных и идиоэтнических черт.

В ходе работы мы обращались к работам следующих лингвистов: В. А. Маслова, В. Я. Пропп, Дж. Фрэйзер, Е. С. Бульбенко, Л. В. Савицкая, И. В. Безуглая, Д. А. Гаврилов, Е. И. Алещенко, И. В. Садыкова. Нами были использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы. В качестве материала исследования были выбраны русская, белорусская и чешская волшебные сказки («Маша и медведь», «Маша і мядзведзь» и «Водяной»).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведем сравнительный анализ лексической репрезентации концепта «хитрость» в русской волшебной сказке «Маша и медведь» [16], чешской «Водяной» („Vodník“), записанной К. Я. Эрбеном [20, с. 106–108; 30, с. 327], и белорусской волшебной сказки «Маша і мядзведзь» [17]. Для сравнения нами взят один вариант русской сказки о Маше

и медведе, текст чешской сказки о Бетушке и водяном и ее перевод на русский язык (записана К. Я. Эрбеном), а также один вариант белорусской волшебной сказки о Маше и медведе.

В трудах современных лингвистов «хитрость» рассматривается как один из важнейших концептов языковой картины мира как славянских, так и неславянских народов. Так, Е. С. Бульбенко, сопоставляя концепты «хитрость» и «коварство», отмечает, что и первое, и второе – лингвокультурные концепты, которые являются общими для языкового сознания и культуры русского, английского и немецкого лингвоэтносов, входят в состав суперконцепта «человек» и имеют характеристики макроконцепта «обман» [4, с. 6].

Концепт «хитрость» в сказках зачастую связывается с образом трикстера, архетипические черты которого, по утверждению Д. А. Гаврилова, проявляются и в современном мире, особенно при смене социально-культурных эпох и мировоззренческих парадигм [6, с. 5].

Л. В. Савицкая и И. В. Безуглая в своей статье «Моделирование и системное описание реализации концепта в фольклорной картине мира (на материале концепта «хитрость»)» отмечают, что обладателем качества *хитрость* в волшебной сказке может быть и сам герой, хитрость которого обычно заключается в ловкости, изворотливости, реже – одурачивании или обмане; действия героя при этом никогда не осуждаются в сказках, а рассматриваются как один из способов преодоления трудностей: хитрость героя всегда позитивна [22, с. 34].

Концепт «хитрость» широко распространен в различных видах дискурса, но именно в сказочных текстах данный концепт обретает особое место. Одним из условий прохождения героем инициации зачастую является проявление хитрости в той или иной степени; в некоторых случаях данное качество может стать жизненно важным для персонажа, несмотря на неоднозначные коннотации, ассоциируемые с хитростью как с чертой характера. Для того, чтобы сопоставить концепт «хитрость» в русском, белорусском (*хітрасць*) и чешском (*vychytralost*) языках как понятие, обратимся к толковым словарям.

В определении, приведенном в «Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля», внутренняя противоречивость *хитрости* на понятийном уровне прослеживается наиболее ярко, что позволяет говорить о его энантиосемии (внутрисловной антонимии): «хитрый – искусный, мудреный, изобретательный, замысловатый, затейливый; злостный, лукавый, коварный» [9, с. 548].

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. Н. Ожегова слово «хитрый» определяется следующим образом: «Хитрый – 1. Изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-н. 2. Лукавый, обнаруживающий какой-н. скрытый умысел, намерение. 3. Изобретательный, искусный в чем-н. 4. Замысловатый, мудреный» [18, с. 704].

«Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» под редакцией И. Л. Копылова дает слову «хітрасць» следующие определения: «1. Вынаходліваць, дасцігнаць, умельства. 2. Учынкі, паводзіны, разлічаныя на ўвядзенне каго-н. у зман. 3. Спрытнаць, выкрутліваць. *Не ўменнем, дык хітрасцю*» [25, с. 896].

В словаре чешского языка хитрость (*vychytralost*) определяется как «способность находить точные и умные решения; способность быстро мыслить и проявлять при этом творческий подход» (чеш. «Schopnost vymýšlet přesné a šikovné řešení; schopnost rychle

uvažovat a být při tom kreativní») [31]. Как видим из данного определения, оно предполагает в большей степени положительные коннотации (по сравнению с предыдущими).

Обратимся к материалам этимологических словарей славянских языков с целью обоснования энантиосемии лексемы «хитрость», а также обеспечения вариативности понимания концепта «хитрость» на понятийном уровне.

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П. Я. Черных прослеживаются истоки значения и происхождения русского слова «хитрый», белорусского «хітры», чешских «chytrý» и «chytrácký». Эти прилагательные восходят к древнерусскому *хытръ* и общеславянскому *chytrъ*, означающим «вещий», «мудрый», «разумный», «знающий», «благопристойный», «творческий», «замысловатый», «искусный», что свидетельствует о положительном значении данной лексемы на древнерусской и общеславянской основе. С XIII в. отмечается появление таких значений, как «лукавый», «обманчивый», «хитрый» [29, с. 340].

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера русское прилагательное «хитрый» и чешское «chytrý» восходят к праславянскому *chytrъ* со значениями «ловкий», «сведущий», «опытный», «проворный», «быстрый», «хитрый» [27, с. 240].

Как видим, этимология лексемы «хитрость» подтверждает ее двоякий характер, что отражается и на вариативности понимания одноименного концепта на понятийном уровне.

В русском, белорусском и чешском языках существуют устойчивые выражения, в которых хитрый человек сравнивается с лисой: *хитрый как лиса*, *хітры як ліса*, *tazaný jako liška*. В статье «Чудо природы как сакральная метафизическая сущность» В. А. Маслова подчеркивает, что выражение душевных состояний в языке дается через природные явления (*закат жизни*, *утро жизни*, *щедрость земли*), а моральных качеств человека – через обращение к миру животных: *хитрая лиса* [13, с. 120].

В сказочном дискурсе можно найти большое количество примеров, где именно лиса является воплощением хитрости, что, вероятно, и стало одним из источников данной метафоры (такие сказки из сборника А. Н. Афанасьева, как «Лиса-исповедница», «Мужик, медведь и лиса», «Овца, лиса и волк», «Лиса и тетерев», «Кот и лиса», «Козьма Скоробогатый» и др. [2, с. 22–25, 29–33, 35, 38, 46–49, 311–314]). В статье «Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: параллельные или взаимопроникающие науки?» В. А. Маслова утверждает, что «метафора представляет огромный интерес с позиций лингвокультурологии, потому что наш менталитет – это совокупность не только природного, но и культурного» [12, с. 143].

В монографии «Homo lingualis в культуре» В. А. Маслова отмечает, что «злопамятность и хитрость осуждались русскими людьми: *Тому тяжело, кто помнит зло; Кто старое помянет, тому глаз вон; Где просто, там ангелов со сто, а где хитро, там ни одного*» [14, с. 116].

Фольклорные афоризмы, которые можно встретить в сказках А. Н. Афанасьева [1, с. 32], с одной стороны, выражают негативное отношение к *хитрости* (хитрость как дьявольская черта), с другой, именно *хитрость* позволяет героям выйти из сложных ситуаций. Так, в одном из вариантов сказки «Морской царь и Василиса Премудрая» встречается следующий афоризм: «Всем ведомо, что баба хитрее черта» [2, с. 511]. Энантиосемия *хитрости* подчеркивается в данном случае тем фактом, что хитрость жены охотника в этой сказке помогла спасти жизнь их сына и обмануть антагониста (черта).

Подчеркнем, что в сказках А. Н. Афанасьева *хитрость* зачастую выступает проявлением изобретательного ума. Примерами таких сказок являются следующие: «Баба-яга и Заморышек», «Баба-яга и жихарь», «Ивашко и ведьма», «Терешечка» «Козьма Скоробогатый», «Хитрая наука», «Лихо одноглазое» [2, с. 128–143, 311–314, 589–601, 704–705]. В данных сказках главные герои благодаря хитрости и находчивости побеждают антагонистов, избегают смертельной опасности, обретают счастье и богатство.

При этом на примере сказок А. Н. Афанасьева можно проследить и другую сторону *хитрости* как негативной, дьявольской черты, к которой с переменным успехом прибегают коварные соперники главного героя: «Королевич и его дядька», «Купеческая дочь и служанка», «Беглый солдат и черт», «Два Ивана солдатских сына» [2, с. 159–166, 174–176, 269–279]. В данных текстах губительные свойства хитрости способны приводить к фатальным последствиям.

Проведем анализ лексической репрезентации концепта «хитрость» в русской, белорусской и чешской волшебной сказках. Исходя из того, что в сюжетном плане русская и чешская сказки более близки (белорусская сказка отличается наличием новой сюжетной линии и персонажа-помощника), проанализируем параллельно русский и чешский варианты, а затем – белорусский.

Сравним русскую волшебную сказку «Маша и медведь» [16] и чешскую волшебную сказку «Водяной» [20, с. 106–108]. Сюжетная линия обеих сказок является схожей: главная героиня остается у медведя (водяного – в чешской сказке), но хочет вернуться в родительский дом.

Если в русской сказке средой обитания медведя является лес, то в чешской водяной обитает в пруду, «проводя дни в своем подводном имении, а в ясные ночи сидя на берегу под вербой» [20, с. 106].

Водяной приманивает маленькую Бетушку, которая пасла коз на лугу рядом с прудом, красными ленточками, и затягивает ее под воду в свое жилище [20, с. 106]. Проходят годы, Бетушка заботится о доме водяного, готовит и убирается, а мусор, который она выметает со двора в светлицу по указанию хозяина, тот превращает в золото и серебро [20, с. 107].

Жизнь Бетушки в доме водяного была неплохой, однако главная героиня желала вернуться к родителям и часто плакала, вспоминая о своих близких: „Plakala ve dne v noci, zromínajíc na své rodiče“ [30, с. 327]. Бетушка размышляла о побеге: «Думала она, как бы ей водяного перехитрить» [20, с. 107]. В дальнейшем девушка просит водяного отнести ее родителям золото и серебро в корзине, но при этом не останавливаться по дороге, иначе она увидит и окликнет водяного [20, с. 107] (чешский текст: „Budeš-li odpočívát, hned tě uhlídám a budu volat.“ [30, с. 327]). Бетушка оставляет у печи фигуру из камыша в своем платье, а сама прячется в корзину, и, таким образом, ей удается вернуться к родителям, перехитрив водяного [20, с. 107–108]. Данный факт подчеркивается и на лексическом уровне в финале сказки: «Понял водяной, что умная и прекрасная Бетушка его перехитрила» [20, с. 108] (в оригинале: „Podoba neodpovídala, a tu viděl, jak ho dívčina ošidila“ [30, с. 327].

В качестве рефрена в данной сказке звучит фраза Бетушки: «Я тебя вижу!» [20, с. 108] (в оригинале: „Však já tě vidím!“ [30, с. 327].

В русской волшебной сказке «Маша и медведь» главная героиня отправляется в лес за ягодами вместе с подругами, но, вопреки наставлениям родителей, отстает от них и в

лесной чаще находит избушку. Хозяин избушки, медведь, не собирается отпускать Машу и запрещает ей покидать дом в свое отсутствие [16, с. 10]. В некоторых вариантах сказки уточняется, что медведь потребовал от Маши помощи по дому (девочка должна была топить печь, готовить еду) [15]. Если же Маша попытается сбежать, медведь угрожает съесть ее.

Как и в чешской сказке, девочка решает перехитрить медведя с помощью корзины (короба), в который она кладет гостинцы (пирожки) для своих отца и матери и в котором прячется сама. Когда медведь приносит корзину к дому девочки, на него бросаются собаки, и он убегает в лес, а семья воссоединяется [16, с. 14].

Лексическая репрезентация концепта «хитрость» в русском тексте проявляется в повторе «Вижу, вижу! Не садись на пенек, не ешь пирожок!» [16, с. 12, 14]. Медведь дважды отвечает на слова Маши следующим образом: «До чего хитрая! Высоко сидит, далеко глядит» [16, с. 12, 14].

Как видим, сюжет обеих сказок довольно схож, однако имеются некоторые различия в деталях и существенные различия в образах антагонистов. В русской сказке антагонистом является живущий в лесу медведь, в чешской – водяной, обитающий в пруду. При этом отметим, что медведь – реальное животное, пусть в сказке он и наделен такими чертами, как бипедализм и человеческая речь (хождение на задних лапах в сказке, является, однако, не столь однозначной чертой, поскольку медведи и в реальной жизни обладают такой способностью). Водяной, в свою очередь, – существо вымышленное.

У обоих антагонистов схожее отношение к невольно попавшим в их жилище гостям: ни медведь, ни водяной не вредят Маше (Бетушке), но и не отпускают домой, требуя от девочек выполнения домашней работы. Причем, если в русской сказке срок пребывания Маши в доме медведя не обозначен, то в чешской говорится, что Бетушка прожила у водяного несколько лет: «Тем временем из маленькой девочки выросла прекрасная панна (дева)...» [20, с. 107].

В обеих сказках главные героини явно проходят обряд женской инициации. М. В. Пименова описывает данный обряд в сказке «Маша и медведь» следующим образом: «девочка в эти годы (7–8 лет) должна уметь ориентироваться в чужом (за пределами дома, лесном) пространстве, наводить порядок в доме, заботиться о других, готовить (пирожки), а главное, проявлять изобретательность в экстремальных обстоятельствах [19, с. 13].

Следовательно, первый этап инициации – помощь по дому (уборка, приготовление пищи и пр.). Второй – применение хитрости (изобретательности), позволившей вернуться в родной дом. У Маши можно выделить еще один этап инициации, – до того, как она оказалась в лесной избушке: ориентация в незнакомом пространстве (лесу).

В случае с Бетушкой данный этап отсутствует, но со стороны водяного имеет место изначальное проявление хитрости: водяной заманил девочку в пруд с помощью ленточек красного цвета [20, с. 107]. Как отмечает И. В. Садыкова, «понятие красного цвета является неотъемлемой частью русской языковой картины мира, что проявляется в большом количественном составе группы обозначений красного тона, в разработанности гаммы оттенков этого цвета, в постоянном развитии и пополнении данной лексико-семантической группы» [23, с. 22]. В чешской языковой картине мира, учитывая близкое родство восточно- и западнославянских языков, красный цвет также играет важную роль.

Следует подчеркнуть, что попытки привлечь внимание девушек яркими лентами и довольно высокая степень социализации – отличительная черта водяного у западных

славян: «западнотславянский водяной ходит в гости к людям, посещает ярмарки, участвует в сватовстве и присматривает себе жену, заманивая девушке яркими лентами» [24, с. 83].

Можно утверждать, что обе сказки начинаются с неудавшейся инициации: Бетушка отвлекается на ленточки водяного, бросая коз, которых должна была пасти на лугу у пруда, а Маша отстает от других девочек во время сбора грибов и ягод и теряется в лесу [16, с. 6; 20, с. 107].

Важными считаем и особенности образов медведя и водяного. В русской волшебной сказке хозяином лесной избушки является своеобразный символ леса, животное, имеющее особое значение для русской лингвокультуры. Медведь в славянском фольклоре (народных легендах, поверьях) рассматривается среди прочего как заколдованный человек, который в наказание за свои преступления был превращен в данное животное [24, с. 295]. Так или иначе, за основу персонажа взято существующее в действительности и обитающее в лесных массивах Европы животное, которое в сказке наделяется способностью говорить, рассуждать о домашнем хозяйстве и т.д. (антропоморфными чертами). В сборнике у А. Н. Афанасьева есть несколько волшебных сказок, в которых ключевая роль отводится медведю, например: № 201 «Царь-медведь» [2, с. 434–438], № 557 «Девушка и медведь» [2, с. 966].

В «Словаре славянской мифологии» подчеркивается, что медведь является персонажем большого количества пословиц, поговорок, прибауток и загадок у славян, а также называется людьми, живущими недалеко от леса, родным братом лешего (в плане опасности, которую он может представлять): «Медведь – лешему родной брат, не дай Бог с ним встретиться!» [7, с. 195–196].

Помимо того, что медведь, согласно фольклорным представлениям, – родной брат лешего, данное животное иногда также называют лесным чертом, а некоторые лесные духи имеют его облик; в то же время нечистая сила (черт, водяной, ведьма), согласно поверьям, боится медведя [24, с. 296].

В энциклопедическом словаре «Славянская мифология» о медведе говорится, что, будучи одним из главных персонажей в народных представлениях о животных, он «наиболее близок волку, с которым его объединяют сходные демонологические и другие поверья» [24, с. 295].

Л. Дучиц и И. Климович в своей работе «Язычніцтва старажытных беларусаў» рассматривают роль образа медведя в представлениях наших предков, отмечая, что это животное славяне считали своим первопредком, духом хранителем, воплощением души и божеством [10, с. 157].

Более того, в некоторых регионах Беларуси медвежьей лапу-оберег называют «скотским богом», а в мифологии восточных славян такое название имел один из важнейших богов – Велес. Почитание Велеса восходит к культу медведя [22, с. 158]. С помощью медведя снимали порчу с дома и скота; голову медведя вешали в конюшню для защиты от домового [24, с. 296].

Согласно фольклорным представлениям, на женщин медведь нападает лишь для того, чтобы увести к себе в берлогу; верят, что от связи женщины с медведем рождаются люди, обладающие богатырской силой [24, с. 295–296]. Отмечается также присутствие в русских, белорусских и украинских сказках таких персонажей, как полумедведи-полулюди от связи медведя и женщины: *Медвежье Ушко*, *Медведко*, *Бедмедь*, *Ведмедь*, *Медведович*, *Медведюк*. Как правило, это богатыри, которые с детства обладают необычайной силой [10, с. 158–159].

В «Славянском бестиарии» О. В. Белова приводит такие ассоциируемые в фольклорном сознании с медведем пороки, как драчливость, гнев, обжорство; вместе с тем отмечается, что это смелое, бесстрашное животное [3, с. 174–175]. Образу медведя присуща брачная символика, символика плодovitости и плодородия [24, с. 296].

Образ водяного в чешской сказке не менее примечателен. Если медведь – символ леса, водяной – символ пруда, хозяин водной стихии. Мусор, выметаемый Бетушкой, водяной превращает в золото и серебро, что свидетельствует о магических способностях персонажа, который в награду за труд девушки соглашается часть драгоценностей отнести ее родителям [20, с. 107].

Водяной, относящийся к нежити, символизирует дух воды, является хозяином и покровителем водного пространства; отметим вместе с тем, что у западных славян водяной лишен статуса хозяина водоема: он там просто живет, однако подчеркивается происхождение водяного из утопленников; западные славяне представляют водяного, как правило, в виде взрослого мужчины, у чехов он может явиться в образе маленького мальчика [24, с. 82]. В сказке «Водяной» нет сведений об облике и возрасте заглавного персонажа, однако, как и медведь в русской и белорусской сказках, он использует Бетушку в качестве помощницы по дому.

Согласно поверьям, считается, что избавиться от водяного можно, перехитрив его следующим образом: загадать загадку или задать вопросы, на которые водяной не сможет ответить [24, с. 83].

Имеет место также сравнение водяного с медведем в народной культуре: «с началом весны, в апреле, водяной пробуждается от зимней спячки, голодный и сердитый, как медведь: с досады ломает он лед, вздымает волны, разгоняет рыбу...» [7, с. 42].

Тот факт, что водяной, согласно фольклорным представлениям, обладает золотом и серебром, подтверждается упоминанием о его щедрости по отношению к повивальной бабке в славянских поверьях: «когда жена водяного должна родить, он принимает вид обыкновенного человека, является в город или деревню, приглашает к себе повивальную бабу, ведет в свои подводные владения, а потом щедро награждает за труд серебром и золотом» [7, с. 39–40].

Возраст водяного может меняться в зависимости от фаз луны: при новолунии он молод, при убывающей фазе – стар [7, с. 41].

Черта, которая объединяет водяного и медведя, – амбивалентность данного образа в фольклорном сознании: «многоликий водяной не столько зол, сколько непредсказуем и двойствен; он существо столь же опасное, сколь и необходимое, как и сама вода» [5, с. 88].

Из двух вариантов белорусской сказки о Маше и медведе – «Манечка і Мядзведзь» [11] и «Маша і мядзведзь» [17] – для анализа нами был выбран второй текст. Сказка «Манечка і Мядзведзь» в целом дублирует сюжет рассмотренной нами выше русской сказки, в то время как «Маша і мядзведзь» несколько отличается от русской и чешской сказок в сюжетном плане. Более того, в ней есть такой персонаж, как волшебный помощник.

Сказка «Маша і мядзведзь» была записана Л. М. Драбович от А. А. Мороз, жительницы д. Степановка [17]. В начале сказки нет сцены, в которой девочка просит у старших разрешения пойти с подругами в лес, а те, в свою очередь, дают ей наставления. Присутствует такой персонаж, как мышь, в то время как сюжетной линии с обманом медведя благодаря коробу (корзине) в данном варианте нет.

Маша собирала в лесу ягоды («чарніцы» [17]) с подругами и заблудилась. Девочка боялась оставаться в лесу одна, стало темнеть, она заплакала и дважды позвала на помощь (уже не подруг, которые не откликнулись прежде, а в целом – кого угодно, кто в лесу): «Хто ў бары, хто ў лесе, прыйдзі ка мне нанач!» [17]. Появляется «вялізны мядзведзь» [17] и зовет испуганную девочку к себе жить (в берлогу).

В медвежьей берлоге было «цёмна, гразна» [17]. Маша навела порядок в жилище нового знакомого, накормила его ягодами и хлебом. Медведь попросил девочку постлать постель следующим образом: «рад камення, рад палення, ступу пад галаву, карытам накрыва» [17].

В русской, белорусской и чешской сказках главной героине запрещено покидать дом медведя (водяного). Данный мотив восходит, вероятно, к такому виду запретов, как табу на выход из жилища, описанного Дж. Фрэзером, которое действовало у представителей различных народностей по отношению к правителям: «верховным правителям иногда совсем запрещается покидать свою резиденцию, по крайней мере, их поданным запрещается видеть их во время отлучек» [28, с. 260].

Следует подчеркнуть, что и Маша в русской сказке озвучивает один запрет в адрес медведя – табу на прием пищи. Дж. Фрэзер отмечает, что в первобытном обществе существовали отдельные виды пищевых запретов как для жрецов, так и для правителей [28, с. 310]. Бетушка, в свою очередь, запрещала водяному останавливаться отдохнуть по дороге: в данном случае запрет на принятие пищи не имел место. В белорусской сказке главная героиня не запрещала медведю останавливаться по дороге, поскольку сбежала от него иным способом.

Пока медведь спал, Маша рассуждала, как ей вернуться домой, в родную деревню к матери и отцу. Девочка увидела мышь, жившую под печью в берлоге медведя. Мышь, как и главная героиня, боялась медведя; девочка угостила ее крошками: «Маша дала ёй хлебныя крошкі» [17]. Мышь в благодарность за это пообещала привести Машу домой: «Узрадавалася дзевачка і хуценька, пакуль спаў мядзведзь, выслізнула з мышкай з бярогі» [17].

В итоге мышь действительно выполнила свое обещание, показав девочке дорогу, в то время как медведь, вероятно, по-прежнему спал: «Вывела мышка Машу з лесу, прывяла дахаты» [17].

В. Я. Пропп отмечает, что в качестве помощника главного героя в волшебных сказках, как правило, выступают конь, орел или антропоморфные существа [21, с. 368–372, 388]. Мышь, по утверждению М. В. Пименовой, – очень сложный символ русской (и в целом славянской) культуры [19, с. 6], олицетворяющий в сказках образ предков: «согласно поверьям славян, в каждом доме должна была жить домовая мышь – дух-хранитель» [19, с. 5].

Мышь в славянской мифологии, включая жанр сказки («Репка», «Курочка Ряба»), в работах В. Н. Топорова представляется как хтонический образ. Так, в статье «О двух уровнях понимания русской сказки о Репке (семантика и этимология)» мышь характеризуется как «представительница нижнего мира, хтонического царства, подключившая к усилиям остальных участников цепочки земную противотягу» [26, с. 527]. Анализируя сказку «Курочка Ряба», В. Н. Топоров отмечает, что мышиный хвост в данном случае становится «орудием сотворения мира и его зон-сфер, субъектом демиургического действия, творцом неба и земли (верхняя и нижняя половины яйца)» [26, с. 527].

А. В. Гура, описывая образ мыши в поверьях восточных славян, подчеркивает следующее: «В облике мыши белорусы представляют души умерших, которые питаются ночью недоеденным хлебом. Если кошка поймает такую мышь, домашним грозят бедствия за гибель предка (витеб.) [8, с. 348]».

Девочка возвращается к родителям, они кормят мышь и решают оставить ее дома. Завершается сказка такими словами: «З той пары і живуць мышы побач з чалавекам», – что добавляет в сказочный текст элемент, присущий, как правило, легендам (объяснение того или иного явления, факта).

Как было отмечено выше, в данном варианте белорусской сказки о Маше и медведе отсутствует сюжетная линия с коробом (корзиной) и гостинцами (подарками) для домочадцев девочки. Время действия ограничено примерно одними сутками, Маша сама зовет на помощь медведя (пусть и не знает, что придет именно он), и добровольно идет к нему в берлогу, поскольку считает, что ночевать в лесу одной еще опаснее: «Што зробіш, трэба ісці» [17].

Как и в русской сказке, присутствует концепт «лес». Так же, как и в двух других (русской и чешской) сказках, имеют место концепты «покорность» и «труд», вместе с тем концепт «хитрость» находит в белорусской сказке не столь яркое отражение; его замещает концепт «доброта» (бел. «дабрыня»). Героиня добра по отношению к мышке, и та помогает Маше сбежать от медведя, тем самым перехитрив его. То есть хитрость проявляет не сама девочка, а ее волшебная помощница, к которой Маша отнеслась с добротой. «Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» дает слову «дабрыня» следующее определение: «спагадлівасць, душэўная прыхільнасць да людзей, імкненне рабіць усё добрае для іншых» [25, с. 205].

На основе проведенного анализа трех сказок выделим их универсальные и идиоэтнические черты с учетом лексической репрезентации концепта «хитрость».

Общие (универсальные) черты в трех сказках:

- наличие антагониста, не желающего отпускать главную героиню домой и использующего ее в качестве своей работницы (служанки);
- проявление хитрости (что отражено и на лексическом уровне) главной героиней (или ее волшебным помощником), которая позволяет сбежать от антагониста и вернуться в родной дом, успешно пройдя тем самым обряд инициации;
- противопоставление концептов «дом – лес», «дом – пруд»: ни избушка, ни берлога в лесу, ни пруд не становятся для главных героинь домом, – это места их инициации, которые не способны заменить родные пенаты;
- антропоморфность антагонистов, которая проявляется не только в хождении на двух ногах – бипедализме (медведь и водяной разговаривают, имеют в той или иной степени благоустроенное жилище, могут приходить в гости к родителям главных героинь);
- наличие концептов «покорность», «труд», «доброта» (из них только *доброта* в белорусской сказке способствует возвращению девочки домой), которые имеют важное значение в данных сказочных текстах, однако центральную роль играет концепт «хитрость».

Различия между тремя вариантами сказок (идиоэтнические черты):

- концепт «хитрость» в чешской сказке проявляется на лексическом уровне не только в поведении Бетушки, но и в действиях водяного: он заманивает девушек в свое жилище красными ленточками; тот факт, что медведю в русской и белорусской

сказках на какое-то время удается найти работницу для поддержания порядка в своем жилище, сложно связать с хитростью, поскольку героини сами приходят к нему в дом;

- длительность действия от суток (белорусская сказка) до нескольких лет в чешской сказке (в русском тексте срок пребывания Маши у медведя неизвестен, но превышает сутки);
- в качестве антагониста в чешской сказке выступает водяной; в русской и белорусской – медведь; образы антагонистов амбивалентны;
- в белорусской сказке имеется образ волшебного помощника – мышь;
- отсутствие короба (корзины) в белорусской сказке при наличии сюжетной линии с хлебными крошками и мышью;
- в белорусской сказке наблюдается смещение акцента с концепта «хитрость» на «доброту».

ВЫВОДЫ

Таким образом, в результате проведенного анализа лексической репрезентации концепта «хитрость» в русской, белорусской и чешской сказках нами были выявлены универсальные и идиоэтнические черты русской, белорусской и чешской лингвокультур. Универсальные черты: особое место, отведенное концепту «хитрость» во всех трех лингвокультурах; существенная роль инициации; антропоморфность антагонистов. При этом следует подчеркнуть, что лексическая репрезентация концепта «хитрость» в русской и чешской сказках выражена в большей степени, чем в случае с аналогичным концептом в белорусской сказке; в белорусском варианте сказки место концепта «хитрость» занимает концепт «доброта» (бел. «дабрыня»). Наличие данной идиоэтнической черты подтверждается на уровне лексики и сюжета при сопоставлении трех сказок. Другой идиоэтнической чертой следует считать тот факт, что антагонистом в русской и белорусской сказках выступает медведь, а в чешской – водяной, при этом и медведь, и водяной являются амбивалентными персонажами. Также в белорусской сказке имеется образ волшебного помощника – мышь. Безусловно, для дальнейшего выявления универсальных и идиоэтнических черт различных лингвокультур, восходящих к менталитету того или иного народа, необходимы дальнейшие исследования, предполагающие анализ ключевых концептов сказочного дискурса.

Список литературы

1. *Алещенко Е. И.* Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2008. 45 с.
2. *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Полное собрание в одном томе / под ред. Е. Г. Басовой. – М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2018. – 1087 с.
3. *Белова О. В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики – М.: Индрик, 1999. – 320 с.
4. *Бульбенко Е. С.* Объективация концептов «коварство» и «хитрость» в языковом сознании и художественной коммуникации: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2013. 24 с.
5. *Власова М. Н.* Энциклопедия русских суеверий. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 624 с.
6. *Гаврилов Д. А.* Лицедей в евроазиатском фольклоре. – М.: Социально-политическая мысль, 2006. – 239 с.
7. *Грушко Е. А., Медведев Ю. М.* Словарь славянской мифологии. – Н. Новгород: «Русский купец», «Братья славяне», 1995. – 368 с.

8. Гура А. В. Мышь // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2004. – Т. III. – С. 347–349.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Русский язык, 1978–1980. – Т.4: Р–Я. – 1980. – 683 с.
10. Дучыц Л., Клімковіч І. Язычніцтва старажытных беларусаў. – Мінск: Харвест, 2018. – 368 с.
11. Манечка і Мядзведзь: літаратурна-мастацкае выданне для дашкольнага ўзросту / пад рэд. І. В. Рэзько. – Мінск: «Харвест», 2014. – 11 с.
12. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: параллельные или взаимопроникающие науки? // Лингвистика и образование. – 2025. – Т. 5, № 1. – С. 138–146.
13. Маслова В. А. Чудо природы как сакральная метафизическая сущность // Метафизика. – 2024. – № 3 (53). – С. 114–124.
14. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре: монография. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2004 – 214 с.
15. Маша и медведь: «Ну-ка дети» – портал для детей и их родителей. – Режим доступа: https://nukadeti.ru/skazki/masha_i_medved. – (Дата обращения: 04.04.2025).
16. Маша и медведь: литературно-художественное издание для дошкольного возраста / Под ред. М. И. Титовой. – М.: «Детская литература», 1978. – 16 с.
17. Маша і мядзведзь: беларускія народныя казкі. – Режим доступа: <https://detsadmir.schools.by/pages/belaruskja-narodnyja-guln>. – (Дата обращения: 28.03.2025).
18. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – Изд-е 16-е, испр. – М.: Русский язык, 1984. – 797 с.
19. Пименова М. В. Русская сказка: учеб. пособие. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – 68 с.
20. Предания, сказки и мифы западных славян / под общ. ред. Г. М. Лифшиц-Артемьевой. – М.: Эксмо, 2021. – 480 с.
21. Пропт В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. – 640 с.
22. Савицкая Л. В., Безуглая И. В. Моделирование и системное описание реализации концепта в фольклорной картине мира (на материале концепта «хитрость») // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. – 2019. – № 3 (69). – С. 27–37.
23. Садыкова И. В. Обозначение красного цвета в русском языке в историко-этимологическом аспекте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2006. – 23 с.
24. Славянская мифология: энциклопедический словарь / под ред. С. М. Толстой. – М.: Международные отношения, 2002. – 512 с.
25. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.]; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.
26. Топоров В. Н. О двух уровнях понимания семантики русской сказки о репке (семантика и этимология) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 513–530.
27. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – Т. 4. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.
28. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 976 с.
29. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – Т. 2. – М.: Русский язык, 1999. – 560 с.
30. Erben K. J. Vybrané báje a pověsti národní jiných větví slovanských. – Praha: Městská knihovna v Praze, 2011. – 332 s.
31. Vychytralost: synonyma online. – Режим доступа: <https://synonymus.cz/vychytralost-504>. – Дата обращения: 31.03.2025).

References

1. Aleshchenko E. I. *Jetnojazykovaja kartina mira v tekstah russkogo fol'klora (na materiale narodnoj skazki): Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [The ethnolanguage picture of the world in the texts of Russian folklore (based on the material of a folk tale). Abstract of thesis]. Volgograd, 2008. 45 p.
2. Afanasyev A. N. *Narodnye russkie skazki. Polnoe sobranie v odnom tome* [Russian folk fairy tales. The complete collection in one volume]. Ed. by E. G. Basova. Moscow, ALPHA-BOOK Publ., 2018. 1087 p.

3. Belova O. V. *Slavjanskij bestiarij. Slovar' nazvanij i simvoliki* [The Slavic Bestiary. Dictionary of names and symbols]. Moscow, Indrik Publ., 1999. 320 p.
4. Bulbenko E. S. *Objektivacija konceptov «kovarstvo» i «hitrost'» v jazykovom soznanii i hudozhestvennoj komunikacii: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Objectification of the concepts of “guile” and “cunning” in linguistic consciousness and artistic communication. Abstract of thesis]. Volgograd, 2013. 24 p.
5. Vlasova M. N. *Jenciklopedija russkih sueverij* [Encyclopedia of Russian superstitions]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008. 624 p.
6. Gavrilov D. A. *Licedej v evroaziatskom fol'klоре* [The actor in Eurasian folklore]. Moscow, Social'no-politicheskaja mysl' Publ., 2006. 239 p.
7. Grushko E. A., Medvedev Y. M. *Slovar' slavjanskoj mifologii* [Dictionary of Slavic mythology]. Nizhny Novgorod, Russkij kupec Publ., Brat'ja slavjane Publ., 1995. 368 p.
8. Gura A. V. *Mysh'. Slavjanskije drevnosti: jetnolingvisticheskij slovar'* [Mouse. Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 2004, vol. 3, pp. 347–349.
9. Dal V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4-h t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1978–1980, vol. 4 (R – Ya), 1980. 683 p.
10. Duchyts L., Klimkovich I. *Jazychnictva starazhytnyh belarusau* [Paganism of the ancient Belarusians]. Minsk, Harvest Publ., 2018. 368 p.
11. *Manechka i Mjadzvedz': litaraturna-mastackae vydanne dlja dashkol'naga uzrostu* [Manechka and the Bear: a literary and artistic publication for pre-school age]. Ed. by I. V. Razko. Minsk, Harvest Publ., 2014. 11 p.
12. Maslova V. A. *Kognitivnaja lingvistika i lingvokul'turologija: parallel'nye ili vzaimopronikajushhie nauki?* [Cognitive linguistics and cultural linguistics: parallel or interpenetrating sciences?]. *Lingvistika i obrazovanie*, 2025, vol. 5, no. 1, pp. 138–146.
13. Maslova V. A. *Chudo prirody kak sakral'naja metafizicheskaja sushhnost'* [The miracle of nature as a sacred metaphysical entity]. *Metafizika*, 2024, no. 3 (53), pp. 114–124.
14. Maslova V. A. *Homo lingualis v kul'ture: monografija* [Homo lingualis in culture: a monograph]. Vitebsk, Vitebsk State P. M. Masharov University Publ., 2004. 214 p.
15. *Masha i medved': “Nu-ka deti” – portal dlja detej i ih roditelej* [Masha and the Bear: “Nu-ka deti” – site for children and their parents]. Available from: https://nukadeti.ru/skazki/masha_i_medved (accessed 4 April 2025).
16. *Masha i medved': literaturno-hudozhestvennoe izdanie dlja doshkol'nogo vozrasta* [Masha and the Bear: a literary and artistic publication for preschool age]. Ed. by M. I. Titova. Moscow, Detskaja literatura Publ., 1978. 16 p.
17. *Masha i mjadzvedz': belaruskija narodnyja kazki* [Masha and the Bear: Belarusian folktales]. Available from: <https://detsadmir.schools.by/pages/belaruskija-narodnyja-guln> (accessed 28 March 2025).
18. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language]. Ed. 16, corrected. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1984. 797 p.
19. Pimenova M. V. *Russkaja skazka: ucheb. posobie* [Russian fairy tale: textbook]. Kiev: Dmitry Burago Publ., 2012. 68 p.
20. *Predanija, skazki i mify zapadnyh slavjan* [Legends, fairy tales and myths of the Western Slavs]. Ed. by G. M. Lifshits-Artemyeva, Moscow, Eksmo Publ., 2021. 480 p.
21. Propp V. Ya. *Morfologija volshebnoj skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Morphology of a fairy tale. Historical roots of a fairy tale]. Moscow: KoLibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2021. 640 p.
22. Savitskaya, L. V., Bezuglaya I. V. *Modelirovanie i sistemnoe opisanie realizacii koncepta v fol'klornoj kartine mira (na materiale koncepta «hitrost'»)* [Modeling and systematic description of the concept implementation in the folklore worldview (based on the concept of “cunning”)]. *Russkaja filologija. Vestnik Har'kovskogo nacional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni G. S. Skovorody*, 2019, no. 3 (69), pp. 27–37.
23. Sadykova I. V. *Oboznachenie krasnogo cveta v russkom jazyke v istoriko-jetimologicheskom aspekte: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The designation of the red colour in the Russian language in the historical and etymological aspect. Abstract of thesis]. Tomsk, 2006. 23 p.

24. *Slavjanskaja mifologija: jenciklopedičeskij slovar'* [Slavic mythology: an encyclopedic dictionary]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 2002. 512 p.
25. *Tumachal'ny slounik belaruskaj litaraturnaj movy: bol'sh za 65 000 slou* [Explanatory dictionary of the Belarusian literary language: more than 65 000 words]. Ed. by I. L. Kapylov. Minsk, Belaruskaja encykłapedyja imja Petrusja Brouki Publ., 2016. 968 p.
26. Toporov V. N. *O dvuh urovnjah ponimanija semantiki russkoj skazki o repke (semantika i jetimologija)* [On two levels of understanding the semantics of the Russian tale about the turnip (semantics and etymology)]. *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura*. Ed. by Ju. D. Apresjan. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2004, pp. 513–530.
27. Fasmer M. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vol.]. Vol. 4. Moscow, Progress Publ., 1987. 864 p.
28. Frazer J. G. *Zolotaja vetv'. Issledovanie magii i religii* [The golden bough. A study in magic and religion]. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2021. 976 p.
29. Chernyh P. Ja. *Istoriko-jetimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vol.]. Vol. 2. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1999. 560 p.
30. Erben K. J. *Vybrané báje a pověsti národní jiných větví slovanských* / K. J. Erben. – Praha: Městská knihovna v Praze, 2011. –332 s.
31. Vychytralost: synonyma online. Available from: <https://synonymus.cz/vychytralost-504> (accessed 31 March 2025).

**LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT “CUNNING” IN RUSSIAN,
BELARUSIAN AND CZECH FAIRY-TALE DISCOURSE (BASED ON RUSSIAN
AND BELARUSIAN FAIRY TALES “MASHA AND THE BEAR” AND CZECH FAIRY
TALE “VODNÍK”)**

A. V. Shakolo, N. L. Druzhina, E. V. Turkovskaya

The article is devoted to the analysis of the lexical representation of the concept “cunning” in the Russian fairy tale “Masha and the Bear”, in the Belarusian fairy tale of the same name and in the Czech fairy tale “Vodník” for the purpose of finding universal and idioethnic features in Russian, Belarusian and Czech linguistic cultures. Descriptive and comparative methods were used in the article. The concept “cunning” has a special place in the fairy-tale discourse. The study revealed the following peculiarity: the lexical representation of the concept “cunning” in Russian and Czech fairy tales is more pronounced than in the case with the similar concept in the Belarusian fairy tale. In addition, the concept “kindness” takes the place of the concept “cunning” in the Belarusian variant of the fairy tale. This difference is confirmed at lexical and plot levels of fairy tales. Another difference should be considered the fact that the antagonist in the Russian and Belarusian fairy tales is the bear, and in the Czech fairy tale it is the vodník, while both the bear and the vodník are ambivalent characters. The similarities between three fairy tales included the importance of the concept “cunning” for three linguistic cultures, the important role of initiation, and the anthropomorphism of the antagonists.

Keywords: concept; magic fairy tale; representation; fairy-tale discourse; cunning; kindness.

5. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-146-152

КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ: МЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ

Егорова Л. Г.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: legora@list.ru*

В статье анализируется процесс трансформации концепции Русского мира в условиях современных геополитических, информационных и культурно-цивилизационных вызовов. Отмечается, что изначально ориентированная на внешнее гуманитарное влияние идея постепенно становится инструментом укрепления национальной идентичности и межэтнического согласия. На основе анализа научных, общественно-политических и религиозных источников выявлены ключевые этапы развития концепции, её роль в формировании единого культурного пространства и противостоянии идеологическим моделям «коллективного Запада». Особое внимание уделено значению средств массовой информации как ретрансляторов ценностных ориентиров и катализаторов общественного консенсуса. Подчеркивается, что новая интерпретация концепции Русского мира направлена на консолидацию общества, сохранение духовно-нравственных основ и интеграцию региональных идентичностей в общероссийскую культурную систему.

Ключевые слова: Русский мир, региональная идентичность, национальная идентичность, традиционные ценности, информационное пространство.

ВВЕДЕНИЕ

За последние пятнадцать лет концепция Русского мира стала играть роль основного культурно-цивилизационного и геополитического инструмента, формирующего представление о позиционировании России как глобального гуманитарного актора. Её роль в формировании устойчивого влияния нашей страны на мировой арене сопоставима с так называемыми евроатлантическим и китайским центрами мирового влияния, что является признаком формирования нового идейно-политического и ценностного пространства [6; 9].

Реализация данной концепции носит комплексный характер, обусловленный скоординированной деятельностью государственных институтов, включая Министерство иностранных дел, Россотрудничество, Совет Федерации и Государственную Думу, а также Русскую Православную Церковь и общественные структуры, такие как фонд «Русский мир» и «Институт демократии и сотрудничества» [9]. Образовательные, просветительские и культурные программы, претендующие на охват более 25 стран, преимущественно постсоветских территорий, осуществляются на основании принципа добровольности и в духе политики «мягкой силы», основанной на культурно-гуманитарном диалоге и толерантности [9].

Концепция Русского мира пришла на смену «русской идее» во второй половине 1990-х как альтернативная, избавленная от исторического этноконфессионального компонента. Её автор, Петр Щедровицкий, предполагал, что таким образом Россия встроится в глобальную экономику, привлекая ресурсы диаспоры. Это выглядело востребованным на фоне Балканского кризиса мирным выходом из сложной

геополитической ситуации после распада Советского Союза, в результате которого в бывших советских республиках оказалось русское население, а также большое количество русскоговорящих. Именно языковой аспект и стал главным в концепции П. Щедровицкого: «Под Русским Миром мы понимаем несистемную колонию больших и малых сообществ, говорящих и думающих на русском языке. Существующей бессвязности Русского Мира может быть противопоставлен проект формирования сетевой структуры как опорного каркаса для развертывания проектов и программ инновационной деятельности» [13].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Центральным событием второго десятилетия стало возвращение Крыма, в результате чего прежде в большой степени теоретическое понятие «Русский мир» приобрело отчетливую политическую окрашенность, причем в заангажированном политическом дискурсе – негативную. Источник и организатор подобного противостояния известен – т. н. «коллективный Запад», не в клишированном и зачастую тенденциозном понимании современных СМИ, а как центр соответствующей оппонирующей культурно-цивилизационной концепции «свободного мира», «торжества либерализма и универсальных прав человека». Известно, что индивидуалистический мир усредненного «западного человека» одномерен и однозначен, в нем реализация набора прав конкретного индивидуума представляется как наивысшая ценность, которую государство готово удовлетворить. Именно этот тезис и является обоснованием постоянного расширения набора «прав и свобод» западного общества, реализацию которых готова обеспечить нынешняя западная демократия.

Показательно, что базовые ценности свободы человека, частной собственности, конкуренции, общности прав всех людей на данный момент вытесняются трансформированными понятиями, якобы расширяющими все эти фундаментальные основы современного мира. Вместо свободы выбора навязывается обязательность выбора даже в таких интимных вопросах, как гендер, самоощущение и сексуальная ориентация человека. Право на нетрадиционность, альтернативность заменяется обязательностью публичного закрепления своей экзистенциальной позиции (это выражается в требовании определить свой гендер, самоощущение, сексуальную ориентацию чуть ли не в детском возрасте, что само по себе выглядит абсурдно). Свобода совести и вовсе превращается в гонения на традиционные религии, если их нормы не соответствуют современной либеральной «повестке».

При этом таким же образом нивелируются и другие понятия: интересы государства становятся неким «конструктором» для экспериментов с прошлым и исторической памятью, с экономическими перспективами и стабильностью (возможность указывать иным центрам экономической активности на необходимость учитывать некие «общие ценности» в экономических проектах), с двойными стандартами относительно таких понятий, как «демократия» и «права человека», в различных культурно-исторических пространствах, попытками универсального распространения единых формулировок на весь мир и на все сообщества, зачастую априори не подходящих для существования в условиях режима сменяемости власти и демократии западного образца (наглядный пример – Афганистан, страны Северной Африки, Сирия, Ирак).

Таким образом, налицо противостояние ценностных концепций «коллективного Запада» и «Русского мира», как и определенного «Китайского мира», который также

выдвигает свое видение актуальной повестки развития мира и отношений в нем: коллективизма, приоритета общенациональных и государственных интересов над личными, консервативного принципа развития, четкой последовательности экономических и политических преобразований, равенства всех участников глобального процесса сотрудничества.

Отметим, что в научных дебатах концепция Русского мира расширена на три направления: геоэкономическое – адаптация к глобальному миропорядку; геополитическое – идеологический национал-консерватизм и имущественная изоляция; геокультурное – системный культурный обмен и демографическое воспроизводство [1]. Миграционные потоки рассматриваются как существенный фактор формирования многофункционального и динамичного социокультурного организма [1].

Институт социально-политических исследований РАН на примере исследований В. Н. Иванова предлагает рассматривать православие и русский язык как краеугольные элементы в конструировании российской национальной идентичности и укреплении государственного суверенитета [2; 3]. Конфессиональный компонент включён в национальный культурный проект как важная составляющая [2].

Ключевой вклад в разработку духовно-нравственной основы вносит Русская Православная Церковь с проектом «Русская доктрина» (Сергиевский проект), направленным на закрепление динамического консерватизма и традиционных ценностей как основ развития государства [4; 11]. Актуальный научный дискурс включает переосмысление традиционных категорий, таких как «соборность», которую рассматривают как форму объединения, ориентированную на духовные и культурные «высоты» российской цивилизации с учетом необходимости совмещения светских и религиозных ценностей [7; 12]. Интенсификация роли Церкви и иных культурных институтов проявлена в деятельности Всемирного Русского Народного Собора и публикациях патриарха Кирилла, которые акцентируют внимание на необходимости сохранения духовно-нравственных основ российской идентичности [5].

Дальнейшее развитие концепции связано с деятельностью фонда «Русский мир» и В. А. Никонова, который акцентировал внимание на полиэтничности, поликонфессиональности и полисемантической концепта как многокомпонентного культурного образования, охватывающего территорию РФ и русскоязычные диаспоры [10].

В настоящее время все более актуальными в социально-экономической повестке становятся необходимость пересмотра современного социально-экономического устройства в масштабе всего мира и уважение к мнению большинства населения планеты. Симптоматичным является и фактическое уклонение представителей «западного общества» от диалога с таким содержанием [8]. Эта ситуация актуализирует вопрос о трансформации концепции Русского мира в новых условиях, прежде всего для эффективного ответа на новые угрозы, которые с 2022 г. стали открытыми и экзистенциальными для Российской государственности. Соответственно, внешнеполитические условия и прямые угрозы нынешнего момента заставляют переосмысливать содержание концепции Русского мира и ее основное позиционирование. Речь идет о необходимости тщательного мониторинга внутреннего

информационного и гуманитарного пространства на предмет изучения настроений и реального влияния актуальных тезисов «коллективного Запада», не напрямую касающихся политической повестки.

В этом отношении определенные шаги сделаны: приняты соответствующие законы о защите информационного пространства от негативного или потенциально вредного контента, реалии специальной военной операции затруднили получение информации из недружественных источников, усилена ответственность за распространение фейкового контента. Но одной правовой реакции недостаточно – точнее, она должна подкрепляться системными действиями гуманитарного характера.

Так, одним из главных преимуществ России является многонациональный характер государственности – пожалуй, уникальный опыт сосуществования разных народов и культур под эгидой российской государственности в различных ее трансформациях. При этом объединяющим фактором после завершения процесса присоединения тех или иных народов к России становилась интеграция в культурное и гуманитарное пространство. Русская литература, искусство, наука – условная универсальная тройка в этом отношении Пушкин–Чайковский–(ученый: Ломоносов, Менделеев, Павлов, Вернадский, Капица, Курчатов) – становились ориентиром для многих поколений будущих культурных и научных лидеров населения регионов России. Этот процесс объективен для любой многонациональной страны, в нем – один из залогов ее стабильного развития.

В нынешних условиях попытка расшатывания именно многонационального пространства России имеет все шансы стать основной технологией «коллективного Запада», в первую очередь как инструмента распространения своих ценностей, которые могут привести и к другим, более негативным последствиям. Можно прогнозировать в обозримой перспективе попытку внедрения понятия «новой региональной идентичности» в многонациональных регионах (давний тезис о «необходимости свободного развития культур коренных народов», их «угнетения, невнимания» со стороны государства и т. д.), к которым относится и Крым, особенно в условиях его стратегического значения и обстоятельствах специальной военной операции. Концепция Русского мира в этом контексте имеет все шансы и возможности для приобретения новых смыслов и содержания. Наступает политическая необходимость обращения ее внутрь страны, перехода от действий на внешнем направлении к работе внутри.

Приоритетным на этом пути становится поддержание и оформление образа Русского мира для России и разных региональных полиэтнических сообществ: мониторинг состояния межнациональных отношений в *национальных* регионах с наиболее сложной и разнообразной этнической палитрой с последующим формулированием концепции сбалансированной межнациональной политики с уважением к региональной идентичности каждого региона. Оптимальным рабочим вариантом этого процесса представляется позиционирование представителей разных культур и этносов в регионах как «россиян» в целом, но при этом «россиян-татар», «россиян-башкир», «россиян-якутов» и т. д. Обязательно укрепление связи общей России и региональных идентичностей, презентация единства страны через многообразие этнических и культурных идентичностей как ключевой ответ на концепцию «отдельного индивидуума» «коллективного Запада» (сингулярность личности, атомизация этнических и религиозных традиций и идентичностей, универсальность профессиональных, гендерных, социальных прав и интересов), которая ставит своей

целью отказ от региональной и этнической идентичности и растворение целых этносов в «глобальном мире».

В связи с этим необходимо сформулировать новое наполнение универсальной идейно-ценностной концепции Русского мира, предложив ее качественную трансформацию, основанную на защите традиционных ценностей российского общества с учетом разнообразия региональных идентичностей. Ключевую роль в процессе выработки новых направлений концепции Русского мира во внутрироссийском контексте должно играть информационное сообщество и средства массовой информации как непосредственные ретрансляторы смыслов и содержательных тезисов современности и будущего. Правдивая картина жизни страны, ее проблем, вызовов и возможности выработки новой общенациональной идентичности на основе конгломерата региональных идентичностей через системную работу СМИ будут способствовать обретению нового смысла универсальной концепцией Русского мира.

ВЫВОДЫ

Концепция Русского мира прошла путь от культурно-языковой идеи до комплексной модели национального самосознания, отражающей принципы духовной преемственности и культурного многообразия. Современный этап развития концепции отличает приоритет консолидации полиэтничного российского общества и укрепления межрегиональных связей. В условиях глобальных вызовов Русский мир выступает не только инструментом гуманитарной политики, но и механизмом укрепления культурного суверенитета, способным интегрировать региональные идентичности в единое цивилизационное пространство России.

В ответ на современные вызовы концепция Русского мира все активнее ориентируется на внутренние процессы формирования региональных и общенациональных идентичностей, базирующихся на фундаменте культурного многообразия в духе взаимного уважения, что находит отражение в понятии «россияне» с учётом этнокультурных особенностей. Информационные технологии и средства массовой информации выступают ключевыми инструментами формирования и трансляции национального культурного кода и ценностной системы в процессе построения общей идентичности.

Список литературы

1. *Градировский С. Н., Межуев Б. В.* Русский мир как объект геокультурного проектирования // Центр гуманитарных технологий. Гуманитарный портал. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/64> (дата обращения: 14.10.2025).
2. *Иванов В. Н.* Русский мир: концепция и реальность. Доклад на совместном заседании ученых советов ИСПИ РАН, РГСУ, МИСКП 23 мая 2007 г. – М.: ИСПИ РАН, 2007. – 26 с.
3. *Иванов В. Н., Сергеев В. К.* «Русский мир» и социальные реалии. – М.: Серебряные нити, 2008. – 310 с.
4. Итоговый протокол Соборных слушаний Всемирного Русского Народного Собора по теме «Русская доктрина» // Patriarchia.ru. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/283388.html> (дата обращения: 16.10.2025).
5. *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* Семь слов о Русском мире / Сост. А.В. Щипков. – М.: Всемирный Русский Народный Собор, 2015. – 120 с.

6. Кривопусков В. В. Концепт «Русский мир»: принципы и возможности методологических подходов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2016. – Вып. 1 (74). – С. 111–119.
7. Лепехин В. А. Взаимосвязь сущностей российской цивилизации и ее ценностей // Журнал института наследия. – 2018. – № 2 (13). – Режим доступа: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/210.html> (дата обращения: 17.10.2025).
8. Лихачева А. Б., Макаров А. И. Национальная идентичность и будущее России // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» – М., 2014. – 71 с.
9. Назарова Г. С., Фокина А. В. Русский мир: обновление подходов к концепции // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 6 (69). – С. 338–343;
10. Никонов В. А. Не воспоминание о прошлом, а мечта о будущем // Русский мир. Информационный портал фонда «Русский мир». – Режим доступа: <https://russkiymir.ru/publications/190925/> (дата обращения: 16.10.2025).
11. Русская доктрина. Труд коллектива авторов и экспертов, созданный по инициативе Фонда «Русский предприниматель» под эгидой Центра динамического консерватизма / Под общ. ред. А. Б. Кобякова и В. В. Аверьянова. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 1056 с.
12. Шахбазян М. А. Трансформация категориального аппарата в религиозно-философской публицистике русского модернизма (на примере категории соборности) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 3. – С. 135–136.
13. Щедровицкий П. Г. Государство в эпоху гуманитарных технологий. Прим. 29. – Режим доступа: <https://shchedrovitskiy.com/gosudarstvo-v-epohu-gumanitarnih-tehnologiy> (дата обращения: 14.10.2025).

References

1. Gradirovskij S. N., Mezhuiev B. V. *Russkij mir kak ob'ekt geokul'turnogo proektirovaniya* [Russian World as an Object of Geocultural Design]. *Centr gumanitarnyh tekhnologij. Gumanitarnyj portal*. Available from: <https://gtmarket.ru/library/articles/64> (accessed 14 October 2025).
2. Ivanov V. N. *Russkij mir: koncepciya i real'nost'*. *Doklad na sovmestnom zasedanii uchenyh sovetov ISPI RAN, RGSU, MISKP 23 maya 2007 g.* [The Russian World: Concept and Reality. Report at a Joint Meeting of Scientific Councils of ISPI RAS, RGSPU, MISKP on May 23, 2007]. Moscow, ISPI RAN Publ., 2007. 26 p.
3. Ivanov V. N., Sergeev V. K. *«Russkij mir» i social'nye realii* [“The Russian World” and Social Realities]. Moscow, Serebryanye niti Publ., 2008. 310 p.
4. *Itgovyyj protokol Sobornyh slushanij Vsemirnogo Russkogo Narodnogo Sobora po teme «Russkaya doktrina»* [Final Protocol of Sobornye Listening of the World Russian People's Council on the Topic “Russian Doctrine”]. Patriarchia.ru. Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/283388.html> (accessed 16 October 2025).
5. Kirill, Patriarh Moskovskij i vseya Rusi. *Sem' slov o Russkom mire* [Seven Words about the Russian World]. Ed. by A. V. Shchipkov. Moscow, Vsemirnyj Russkij Narodnyj Sobor Publ., 2015. 120 p.
6. Krivopuskov V. V. *Koncept «Russkij mir»: principy i vozmozhnosti metodologicheskikh podhodov* [The Concept of “Russian World”: Principles and Methodological Approaches]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya*, 2016, Iss. 1 (74), pp. 111–119.
7. Lepekhin V. A. *Vzaimosvyaz' sushchnostej rossijskoj civilizacii i ee cennostej* [Interrelation of Entities of Russian Civilization and Its Values]. *Zhurnal Instituta naslediya*, 2018, no 2 (13). Available from: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/210.html> (accessed 17. October 2025).
8. Lihacheva A. B., Makarov A. I. *Nacional'naya identichnost' i budushchee Rossii* [National Identity and Future of Russia]. *Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj»*. Moscow, 2014. 71 p.
9. Nazarova G. S., Fokina A. V. *Russkij mir: obnovenie podhodov k koncepcii* [Russian World: Updating Approaches to the Concept]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2015, no 6 (69), pp. 338–343.

10. Nikonov V. A. *Ne vospominanie o proshlom, a mehta o budushchem* []. *Russkij mir. Informacionnyj portal fonda «Russkij mir»*. Available from: <https://russkiymir.ru/publications/190925/> (accessed 16 October 2025).
11. *Russkaya doktrina. Trud kollektiva avtorov i ekspertov, sozdannyj po iniciative Fonda «Russkij predprinimatel'» pod egidoj Centra dinamicheskogo konservatizma* [Russian Doctrine. Work of Collective Authors and Experts Created under Initiative of the Fund “Russian Entrepreneur” Under Auspices of Dynamic Conservatism Centre]. Ed. by A. B. Kobyakova, V. V. Aver'yanova. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2016. 1056 p.
12. Shahbazyan M. A. *Transformaciya kategorial'nogo apparata v religiozno-filosofskoj publicistike russkogo modernizma (na primere kategorii sobornosti)* [Transformation of Category Apparatus in Religious-Philosophical Publicism of Russian Modernism (On Example of Sobornost Category)]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, no 3, pp. 135–136.
13. Shchedrovickij P. G. *Gosudarstvo v epohu gumanitarnyh tekhnologij. Prim. 29* [The State in the Era of Humanitarian Technologies. Note 29]. Available from: <https://shchedrovitskiy.com/gosudarstvo-v-epohu-gumanitarnih-tehnologiy> (accessed 14 October 2025).

THE RUSSIAN WORLD CONCEPT IN THE CONTEXT OF REGIONAL IDENTITY AND MODERN CHALLENGES: MEDIA ASPECT

Egorova L. G.

The article analyzes the transformation of the concept of the “Russian World” amid modern geopolitical, informational, and cultural-civilizational challenges. Initially conceived as a tool of external humanitarian influence, this concept has gradually acquired an internal dimension, becoming an instrument for strengthening national identity and interethnic cohesion. Based on academic, political, and religious sources, the study identifies the main stages of its evolution and examines its role in shaping a unified cultural space while countering the ideological models of the “collective West.” Special attention is given to the function of mass media as transmitters of value orientations and catalysts of social consensus. The article concludes that the renewed interpretation of the “Russian World” aims to consolidate society, preserve spiritual and moral foundations, and integrate regional identities into a common cultural and civilizational framework, thereby reinforcing the cultural sovereignty of the Russian state.

Keywords: Russian World, regional identity, national identity, humanitarian policy, traditional values, information space, cultural diversity.

УДК 070

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-153-177

**МЕЖДУ СТРАХОМ И СМЕХОМ:
ТАКТИКА «ИНФОРМАЦИОННЫХ АТАК»
В АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ ЭПОХИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ**

Орехов В. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

Статья выявляет сходства и различия в тактике антироссийской пропаганды, развернутой в эпоху Крымской войны английской и французской прессой. Предметом сопоставления послужили два английских и два французских издания, типологически и генетически связанные между собой: «The Illustrated London News» vs «L'Illustration» и «Punch» vs «Le Charivari». Наблюдения показали, что английская антироссийская пропаганда эпохи Крымской войны имела более ожесточенный и циничный характер, нежели французская. Это объяснялось набором факторов. Английская армия в Крыму несла высокие боевые и небоевые потери; английское общественное мнение не было подготовлено заблаговременно к войне против России; в английском обществе существовал немногочисленный, но все же заметный сегмент, не разделявший военных планов правительства. Воинственность общественных настроений приходилось возвращать «аврально» и подпитывать экстремально жесткими «вбросами», повергающими в ужас и ярость перед лицом «русской угрозы». В целом же тактика пропаганды в Англии и во Франции строилась по единой схеме: с одной стороны, насаждался страх перед «русской угрозой», с другой – происходило осмеяние России, убеждавшее обывателя в легкой победе над ней.

Ключевые слова: информационная война, «Иллюстрированные лондонские новости», «Иллюстрация», «Панч», «Шаривари», «резня в Ханко», «Синопская резня», Роджер Фентон.

ВВЕДЕНИЕ

Импульсом для статьи послужила выставка «Крымская война: взгляд сквозь века», которая открылась в Симферополе 9 сентября 2025 г. и была приурочена ко Дню памяти воинов, павших при обороне Севастополя и в Крымской войне [10]. Официальное утверждение этой мемориальной даты состоялось в 1996 г., когда парламент полуострова принял соответствующее постановление. Отношение ко Дню памяти воинов изначально было отнюдь не формальным, и каждый год к нему приурочивался целый ряд разноплановых и, надо сказать, масштабных мероприятий (восстановление памятников, подготовка научных изданий и мн. др.). Причем содержание мероприятий всегда соответствовало идеологическим запросам эпохи. До 2014 г. они служили одним из примеров актуализации исторической общности Крыма и России. Учреждение памятной даты инициировали депутаты от Русской общины Крыма. Закономерно, что и ныне «крымский взгляд» на события первой обороны Севастополя сопрягается с наиболее острыми вызовами современности.

Сегодня один из животрепещущих вопросов для Крыма – международная информационная война, объектом и субъектом которой полуостров оказался в последнее десятилетие. Строго говоря, Крым и прежде был предметом информационного противостояния между Россией и Западом, но, начиная с 2014 г., ход конфликта в медийной сфере приобрел исключительную интенсивность. В этом отношении вполне уместны аналогии с эпохой Крымской войны, которую исследователи называют первой «медийной войной» [21, с. 126–127] или первой «информационной войной» [11]. Тогда Крым также оказался на первых полосах европейской прессы, а европейские журналисты

на «крымском материале» «обкатывали» тактику и стратегию информационно-психологического воздействия, или, говоря проще, пропаганды. Этим и обусловлено, что выставка, с которой мы начали разговор, ставила перед собой цель – проиллюстрировать «информационные атаки» западной прессы на Россию в эпоху Крымской кампании.

Инициатором и главным организатором выставки выступил Государственный Совет Республики Крым, но в подготовке материалов приняли участие многие научные и музейные организации полуострова, и в их числе – Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна КФУ им. В. И. Вернадского. Участие в проекте потребовало прицельного поиска фактов по первоисточникам и их анализа. Но, поскольку формат выставки подразумевал приоритет визуальной составляющей, значительный массив материалов (прежде всего, текстового характера) оказался в зоне «активной периферии»: диктовал концепцию экспозиции, но не предстал перед зрителями. Однако эти материалы позволяют сделать наблюдения, имеющие не только просветительское, но и актуальное научное значение.

Цель настоящей статьи – выявить сходства и различия в тактике антироссийской пропаганды, реализованной в эпоху Крымской войны английской и французской прессой. «Информационный фронт», открытый в ту пору западными державами, имел беспрецедентную активность, и о заметном воздействии информационного фона на ход событий писали многие военные историки (начиная с академика Е. В. Тарле), а также историки журналистики. Существует ряд исследований, анализирующих освещение боевых действий теми или иными европейскими изданиями [1; 2; 5; 13 и др.]. Но сопоставительного анализа английских и французских изданий не осуществлялось. Между тем, разница в подаче военно-пропагандистской информации определенно существовала. Ее мельком отмечали и Е. В. Тарле [27, с. 376], и известный историк журналистики Г. В. Прутцков, констатировавший, что, например, на победу России в Синопском сражении британская пресса реагировала «гораздо более резко, чем французская» [20, с. 32]. Соглашаясь с этим замечанием, полагаем что оно нуждается в фактологическом расширении и логическом объяснении. Этим намерением и определяется цель статьи.

Материалом послужили публикации в английских изданиях «The Illustrated London News» и «Punch» и во французских – «L'Illustration» и «Le Charivari». Корректность сопоставления изданий обусловлена их типологическим сходством и прямым родством: французская «L'Illustration» создавалась по образцу британских «The Illustrated London News», а британский «Punch», напротив, наследовал традицию французской газеты «Le Charivari».

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Иллюстрированные лондонские новости» против «партии мира»

«The Illustrated London News» («Иллюстрированные лондонские новости») – первая в истории печати иллюстрированная газета. Начала выходить в 1842 г. с еженедельной периодичностью; стабильно набирала популярность и в период Крымской войны достигла тиражей в 200 000 экземпляров. Обычно успех газеты объясняется количеством и качеством публиковавшихся гравюр, и с этим трудно спорить, однако не следует игнорировать и текстовое содержание, которому редакция придавала весьма серьезное значение. Боевые действия между Россией и Турцией и накалившиеся в связи с этим отношения между Россией и Англией, разумеется, находили отражение на страницах издания. Причем в «информационную войну» против России газета вступила раньше, чем Британия объявила войну реальную.

Как известно, объявление войны последовало от британской стороны 27 марта 1854 г., между тем еще 11 февраля «The Illustrated...» напечатала на первой полосе статью с красноречивым заглавием «Война против варваров». Под «варварами» подразумевались русские. Текст сопровождается изображением донского казака, очевидно, размещенного здесь лишь «для колорита», поскольку критический пафос статьи адресовался почти исключительно российскому императору Николаю I:

«В истории есть много имен, которые всегда упоминаются лишь с упреком и осуждением. Император России готовится занять в этом списке выдающееся место. Память о первом Наполеоне просто воссияет, как ангел света, по сравнению с тем мраком вины, который покрывает Николая. У первого было множество национальных и высоких оправданий своему честолюбию, у другого – лишь самые низменные и личные. Он – самый эгоистичный из зачинщиков войн, которых когда-либо видела современная эпоха. Чтобы найти для него параллель, нужно обратиться к темным обычаям диких веков» [66, р. 117–118].

В этой азартной словесной атаке на Николая I – еще до начала военных действий против него – нет ничего странного. Информационная война почти всегда развязывается накануне войны реальной и служит психологической подготовкой для нее. Выпады против России в английской печати стали заметно звучать сразу после начала боевых действий русской армии против турок в 1853 г., но начало «горячей фазы» информационного конфликта, конечно, ознаменовало Синопское сражение [19, с. 75]. Ошеломляющий разгром турецкого флота в ноябре 1853 г. показал, что Турция не способна противостоять России, а это, в свою очередь, предопределило вступление в войну Франции и Британии и послужило сигналом для форсированного «информационного наступления». Печатная истерия по поводу российской победы под Синопом стала, так сказать, первым залпом английской прессы по России. А далее следовал длительный период беспрерывных атак, поддерживавших общественное настроение англичан в тонузе.

Начало войны англо-французских союзников против России не приносило ощутимых результатов. Так что английской прессе приходилось раздувать значение тактических достижений вроде захвата русского острова Бомарзунд в августе 1854 г. Однако в сентябре 1854 г. союзникам удалось добиться действительно серьезных успехов. 14 сентября флот союзников сумел десантировать в Каламитской бухте близ Евпатории армию численностью более 60 000 человек. Русские войска попытались преградить противнику путь к Севастополю, но 20 сентября потерпели поражение в кровопролитном Альминском сражении и отступили к морской крепости.

В ту пору новости о подобных событиях оказывались в английской прессе с задержкой приблизительно дней в 10, так что можно было бы ожидать, что в номере от 30 сентября еженедельник «The Illustrated London News», уже появится сообщение об Альминской битве. Однако вместо того находим в чрезвычайно объемный очерк войны на Востоке с момента вступления русских войск в Придунайские княжества – до краткого упоминания о высадке союзников под Евпаторией 14 сентября 1854 г. [44] И лишь в следующем номере от 7 октября появляется статья, посвященная Альминской битве и озаглавленная «Победа в Крыму». Причем подробностей сражения здесь не находим, вместо них – лишь продолжительная патетическая тирада:

«В летописях всех времен 14 сентября – день, когда союзные армии высадились в Каламитском заливе, – будет памятно не только современными успехами, которые оно предвосхищает, но и громадным и благотворным влиянием на будущую историю цивилизации. Франция и Англия могут воскликнуть вместе с Цезарем, но с еще более веским основанием: “Пришли – увидели – победили!” Они подтвердили общественное право Европы; они покарали гигантского агрессора; они преподали полезный урок усмирения амбиций; и, с завоеванием Крыма и ограничением России ее собственными границами, чего можно ожидать как неизбежного следствия, они открыли новую эру мира и прогресса не только для себя, но и для народов Центральной и Восточной Европы; мрачная и смертоносная тень Российской империи слишком долго вела их к упадку и разрушению» и т. д. [65, р. 333].

Очень много патетики и очень мало подробностей дела. Почему? Это становится понятным из статьи «Мнимый захват Севастополя», размещенной сразу вслед за только что процитированной. Как выясняется, 30 сентября европейская пресса, со ссылкой на источник в Вене, разнесла «новость», что союзникам удалось не только выиграть битву при Альме, но и захватить Севастополь со всем его арсеналом. Поверив сообщению, европейское общество, по меткому выражению «The Illustrated...», на какое-то время оказалось в «раю для дураков» [33]. Предпринятый газетой анализ показывал, что источником ложной информации были биржевые спекулянты. Но как бы там ни было, а совершенно очевидно, что разоблачение фальшивки заставляло общественное мнение качнуться от неоправданной эйфории к преувеличенному разочарованию. Ситуацию могла бы исправить публикация официальных данных об Альминском сражении, но они, по признанию газеты [45], запаздывали; перепечатывать непроверенные сведения после информационного скандала было рискованно, и потому редакция, не располагая существенными сведениями, сочла за лучшее успокоить читателей потоком пафосных восклицаний, растянутых почти на полновесную полосу. То есть для информационного выпада против России факты в общем-то и не требовались.

Между тем дела в Крыму перестали внушать оптимизм. Не сумев сходу взять Севастополь, союзники увязли под его стенами, втянувшись в осадное противостояние, которое солдаты прозвали «кротовой войной» [15, с. 76]. Вокруг крепости протягивались многие километры траншей, медленно приближая союзников к городу. Боевой дух английской армии серьезно подорвала сначала Балаклавская битва (25 октября 1854 г.), погрузившая Британию в национальный траур, а затем Инкерманское сражение, хоть и не принесшее русской армии победу, но настолько обескровившее англичан, что они лишились возможности активных действий. Кроме того, британцы оказались не готовы к холодам. Вспыхнувшие эпидемии причиняли колоссальные небоевые потери: в первые месяцы войны англичане только от болезней теряли в Крыму 39 человек из 100 [2, с. 114], так что солдаты союзников называли Крым «кладбищем» [7, с. 96]. Поскольку английская печать была свободна от цензуры, находившийся на театре военных действий корреспондент Уильям Рассел в репортажах для «The Times» совершенно откровенно сообщал о бедственном положении армии. Мало того, что это привело к правительственному кризису [9, с. 68], общество на фоне негативных новостей погружалось в уныние. Аудитория начинала воспринимать войну как бессмысленную авантюру. Серьезное значение при этом приобретал очевидный идеологический алогизм, компрометировавший «мораль» крымской кампании.

Речь о том, что в Англии существовало устойчивое представление о Турции как о стране воплощенного варварства и деспотизма. Не беремся судить, как глубоко в века уходит этот стереотип, но, например, в XVIII в. британские путешественники, изображая Османскую империю, обращали внимание, прежде всего, на беспредельную власть султана, жестокость законов и нравов, общее невежество, а в целом Турция виделась им «как государство-агрессор, которое всячески угнетает покоренное немусульманское население» [12, с. 28]. Причем это было убеждением, присущим всей Западной Европе. По словам И. В. Гёте, в русско-турецких войнах второй половины XVIII в. симпатии европейского общественного мнения оказывались на стороне победоносного шествия на Восток Екатерины II: «Так как происходило это за счет турок <...>, то даже когда эти нехристи гибли тысячами, считалось, что человеческих жертв не было; <...> пылающий флот в Чесменской бухте стал поводом для ликования всего цивилизованного мира, каждый ощущал себя причастным к торжеству победителей» [6, с. 543]. И могло ли быть иначе, если властитель общественного мнения Вольтер видел в русских победах над турками торжество гуманности и прогресса? «Я очень уверен, – писал он Екатерине II в 1768 г., – что если турки должны быть выгнаны из Европы, то будут выгнаны Россией» [18, кн. I, с. 38]. «...Все соседние государи должны соединиться с Вами, – развивал он ту же мысль чуть позднее, – и под Вашим покровительством истребить два величайших бедствия земного шара – язву и турок» [18, кн. II, с. 59]. Подобное отношение к Турции программировали не только путешественники и философы, но также историки, которые щедро предоставляли аудитории информацию «о многочисленных переворотах и узурпациях власти» [8, с. 44] в Турции.

Неудивительно, что представление о «варварской и деспотической Турции» прочно вжилось в европейское сознание и сохраняло стабильность в XIX в. Причем это порою могло становиться основой, если не для реального политического сближения, то, во всяком случае, для идеологической солидаризации между Британией и Россией. Так, после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. статс-секретарь по иностранным делам лорд Эбердин считался «другом» России, поскольку «громко говорил, что сочувствует России, победа которой окончательно освободит Грецию от “варварской власти” турок» [26, с. 101]. Поэтому, когда Англия в 1854 г. объявила войну России с целью защитить Турцию, из уст противников войны стала звучать констатация «неудобного» факта: «Мы <...> поддерживаем слабую, варварскую и не христианскую Державу» [17, с. 294].

Преодоление этого идеологического казуса требовало от провоенной пропаганды целенаправленных усилий. Однако задача упрощалась тем, что в Англии существовал отработанный алгоритм необходимых на такой случай решений, или привычные «объяснительные модели» [31, с. 211]. Н. И. Храпунов очень точно отмечает, что в британском миропредставлении существовала некая «иерархия народов от “варварства” к “цивилизации” – вопрос был лишь в том, кого поместить на этой лестнице выше» [32, с. 399]. Добавим к сказанному, что страны и народы порою меняли свое место в этой «иерархии», но – по воле Британии и в четкой зависимости от интересов Британии. Собственно, «иерархия» и нужна была, прежде всего, для идеологических целей: служила моральным оправданием английской колониальной политики, которая преподносилась как приобщение к цивилизации либо диких, либо варварских народов. Так, образ «варварской» и «деспотической» Турции облагораживал системную экономическую экспансию со стороны Британии, которая, в представлении английского общества, несла

Османской империи либеральные блага, в том числе преимущества свободной торговли. Когда же Англия стала всерьез опасаться российской конкуренции в Восточном вопросе, для обоснования войны против России идеологам достаточно было лишь поменять местами Россию и Турцию в «иерархии», определяющей степень «варварства». Проще говоря, необходимо было убедить аудиторию, что русский деспотизм, *против* которого воюют англичане, хуже, чем турецкий деспотизм, *за* который воюют англичане.

Поскольку русско-британские отношения на протяжении недавней истории обострялись регулярно, англичанами уже в прежние эпохи был «наработан» корпус текстов, предлагавших «формулы» для подобных ситуаций. Пожалуй, наиболее характерным сочинением подобного рода были изданные в 1810 г. «Путешествия...» Э. Кларка по России, Крыму и Турции. Автор настолько последовательно и безапелляционно демонизировал русских, что Турция на этом фоне начинала выглядеть страной гораздо более цивилизованной. А в таком контексте вполне логичным выглядело предложение автора отторгнуть Крым от России и передать его под управление Османской империи [30, с. 114]. Точно по этой «формуле» стала действовать пропаганда и накануне Крымской войны. Английского и французского обывателя убеждали, что даже Турция более близка «к духу века и к гуманности» [26, с. 145], нежели «варварская» Россия. На подготовленном информационном фоне одному из «авторов» развернувшейся Крымской войны Пальмерстону было вполне комфортно реанимировать старую идею отторжения Крыма от России [31, с. 211].

И наблюдения показывают, что в эпоху Крымской войны британские газеты начинали идеализировать Турцию и принижать Россию [13, с. 295]. Газета «The Illustrated London News» в полную силу включилась в этот процесс. В номере от 16 декабря 1854 г. она разместила переписку между двумя известными политиками Джоном Брайтом и Абсаломом Уоткином.

Джон Брайт был членом Палаты общин и одним из самых известных парламентских ораторов; изначально выступал против вступления Англии в Крымскую войну, что поставило его в оппозицию к правительству. В конце октября 1854 г., когда антивоенные настроения в обществе набирали силу, он составил публичное антивоенное письмо, адресованное манчестерскому политическому деятелю А. Уоткину. В кратком изложении позиция Дж. Брайта заключалась в том, что британское правительство совершило ошибку, ввязавшись в войну за тысячи километров от Лондона и пожертвовав тысячами жизней ради Турции, угнетающей греков и другие христианские народы [59]. Ответ А. Уоткина строился как раз по принципу замены мест в «иерархии варваров». Поскольку факт угнетения христиан опровержению не поддавался, Уоткин, начав с общих фраз о необходимости защиты слабых (в представлении Уоткина, турок, а не христиан и греков), сосредоточил пафос на изложении мифологем, не имеющих отношения к ходу военного конфликта, но очерняющих Россию, так сказать, на все времена:

«Вспомните ее историю со времен энергичного дикаря Петра I, к которому философы-паразиты бесславной Екатерины приложили эпитет “великий”; вспомните его животное пьянство, его грубую распущенность, его адскую жестокость; вспомните, что его обвиняют в убийстве собственного сына; и что, основывая Санкт-Петербург, он принес в жертву почти 100 000 несчастных подданных. Две женщины, его непосредственные преемницы, были жалкими

копиями его поведения; а затем появилась кровавая и распутная Екатерина, бабушка, я так понимаю, нынешнего самодержца <...>. Вероятно, на земле никогда не существовало деспотизма более безнравственного, жестокого и мерзкого, чем российский» и т. д. [59].

Вроде бы газета дала возможность читателям познакомиться с двумя точками зрения, но подача материала программировала однозначную поддержку той, что оправдывала войну. Прежде всего, публикация носила заглавие «Яд и противоядие», из чего было совершенно ясно, что под «ядом» редакция подразумевает антивоенную позицию Дж. Брайта. Кроме того, в преамбуле к публикации письмо Брайта называли «вредным», а самого Брайта – «другом царя». По существу, газета давала читателям установку, что всякий, кто придерживается антивоенной позиции и сомневается в варварстве России, выступает на стороне противника и должен подвергнуться «словесной порке», подобно Брайту.

Демонизация России осуществлялась «The Illustrated...» на фоне значительного объема материалов, которые должны были возродить общественную веру в силу английской армии. Это особенно заметно по графическим материалам газеты. Как известно, «The Illustrated...» была одним из первых изданий, на чьих страницах появились крымские фотографии Роджера Фентона. Можно встретить мнение, что именно этому газета обязана своей популярностью [63]. Последнее вызывает сомнение. Фотографии Фентона действительно вызвали взрывной интерес публики. Однако в газетном исполнении они полностью утрачивали свои преимущества, поскольку для печати приходилось из фотографического изображения делать литографическое, что лишало «картинку» детализации и реалистичности. На газетной полосе фотография ничем не отличалась от прочих изображений. Чтобы оценить искусство Фентона, зрителю необходимо было посетить специальную выставку, где экспонировались крымские фотографии автора. Газетная же публикация снимков имела, скорее, идеологический смысл.

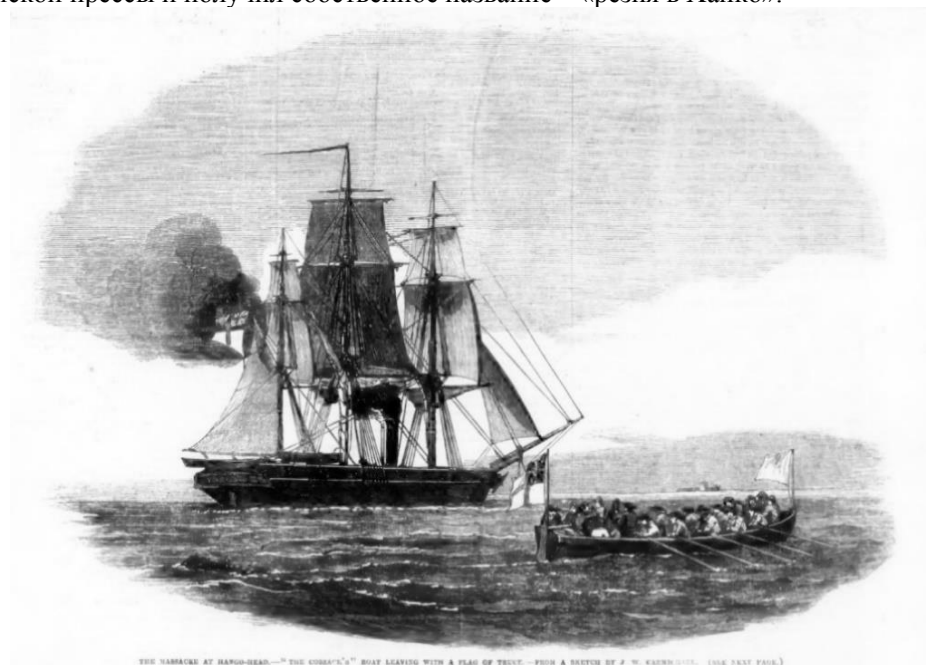
Разумеется, снимки Фентона были постановочными. Это обуславливалось и тем, что технические возможности фотографии той поры не позволяли фиксировать объекты в движении, и тем, что процесс фотографирования воспринимался как аналог живописной или портретной зарисовки. Таким образом, фотограф не столько «ловил» моменты реальности, сколько конструировал образы и сцены. В объективе Фентона английские и французские военные представляли в героическом ореоле. Это соответствовало идеологическим задачам газеты, и, видимо, потому она временами и размещала литографии со снимков Фентона, хотя иллюстративный фонд издания и без того был чрезвычайно богатым: газета получала с театра военных действий материалы от нескольких собственных корреспондентов-художников, среди которых Джозеф Арчер Кроу, Константин Гайс и прославленный баталист Уильям Симпсон [3, с. 9]. Если оценивать общее настроение опубликованных иллюстраций, то это – убежденность в мощи британской армии перед лицом любых испытаний.

«Резня в Ханко»

Впрочем, попытки очернить противника не покидали страниц «The Illustrated...». Пожалуй, наиболее показательная – относится к началу июня 1855 г., и здесь необходим небольшой предварительный комментарий. Хотя наиболее активные боевые действия 1855 г. развернулось в Крыму, военное противостояние продолжалось и на Балтике. Угрожая российскому побережью, британский флот вынуждал Николая I держать здесь

значительное количество войск. Временами англичане решались на небольшие беспокоящие десанты, причиняющие русской армии материальный ущерб: уничтожение фуража, средств связи и проч. Попытка подобного десанта была осуществлена и 5 июня 1855 г. на полуострове Ханко (в рус. традиции – Гангут), что на берегу Финского залива. Охранявший побережье русский отряд вовремя воспрепятствовал набегу: успевшие сойти на берег британцы (11 человек) попали в плен; по пытавшимся уйти в море был открыт огонь, в результате пятеро английских матросов погибли, еще четверо получили ранения [21, с. 53–54].

В самом скором времени Англия сумела превратить этот неудачный десант в информационную провокацию: прозвучало заявление, что английский катер шел к берегу под белым флагом парламентаров, но был расстрелян. То есть Россию обвинили в нарушении обычаев войны. Английская версия событий не выдерживала никакой критики. Достаточно сказать, что на Балтике сторонами конфликта для встреч парламентаров были условлены специальные пункты (и это не Ханко), а кроме того, на десантной лодке англичан русские солдаты не обнаружили белый флаг, но зато нашли немалое количество оружия [21, с. 54]. Однако «информационный шум» оказался сильнее фактов. «Инцидент» обсуждался в английском парламенте, попал на страницы европейской прессы и получил собственное название – «резня в Ханко».

***Резня в Ханко, лодка с «Cossack» отплыла с белым флагом. По эскизу Д. У. Кармайкла.
«Лондонские иллюстрированные новости». 23 июня 1855 г.***

И «The Illustrated...» подключились к хору осуждения. Номер от 23 июня 1855 г. открывался иллюстрацией, где собственный корреспондент газеты художник Д. У. Кармайкл изобразил английскую десантную лодку с белым флагом. В редакционной статье запальчиво пересказывалась британская версия событий в Ханко и делались выводы, которые заслуживают быть процитированными:

«Вся история кампании показывает, что цивилизованные нации, обращаясь с получивилизованной нацией как с равной, совершали грубую ошибку. Наполеон знал Россию лучше нашего. “Поскребите кожу с русского, и вы увидите дикаря”, – говорил великий император. У всякого русского показная утонченность, напускная вежливость, фальшивая осанка – всего лишь притворство хитрого “дикаря”. Раздражьте его, напугайте, покажите ему кровь, и вы увидите, как маска цивилизованности спадет. И на переговорах, и на войне Россия была одинаково вероломна...» [48]

Автор текста, видимо, сознавал, что одного «инцидента» для подобных обобщений недостаточно, а потому «напоминал» читателю об иных недавних «преступлениях» русских:

«Нужно ли говорить о подлой резне в Синопе; нужно ли говорить об ужасных сценах в Инкермане, когда русские офицеры крадучись бродили по полю боя, убивая раненых англичан? Русский – дикарь, и с ним следует обращаться как с дикарем» [48].

Упомянутые «факты» примечательны. «Подлая резня в Синопе» – это, конечно, Синопское сражение 30 ноября 1853 г. между русской и турецкой эскадрами. У адмирала П. С. Нахимова было преимущество в артиллерии, однако турки занимали более выгодное тактическое положение, находясь под защитой береговых батарей. То есть русской эскадре пришлось столкнуться с сильным противником, который, тем не менее, был наголову разгромлен. Сам Синоп русские артиллеристы щадили, сосредоточив огонь лишь на береговых укреплениях. Поскольку победа русского флота противоречила политическим интересам Британии, в английской прессе она была интерпретирована как проявление русского варварства в отношении беззащитного противника. «The Times» назвала сражение «Синопской резней» [5, с. 52], и далее этот ярлык стал использоваться другими газетами, в том числе и «The Illustrated London News» [44, р. 319]. Ярлык «резня в Ханко» создавался по шаблону «Синопской резни».

Что до «ужасных сцен в Инкермане», то, безусловно, речь идет об Инкерманском сражении 5 ноября 1854 г. Русские войска атаковали английский лагерь и нанесли неприятелю значительный урон, однако после вступления в бой французов вынуждены были отступить. Поле боя осталось за англо-французами, которые тут же начали сбор раненых, о чем сохранились мемуарные свидетельства [15, с. 41]. Так что русские офицеры попросту не имели возможности там «бродить».

Таким образом, для подтверждения ложных «сведений» об инциденте в Ханко газета использовала отсылки к другим недостоверным «фактам»; образовывалось нагромождение самодовлеющей лжи, убеждающей читателя в жестокости и коварстве русских, что позволяло англичанам освободиться от любых моральных ограничений в отношении противника. Статья завершается той мыслью, что осада «злодейской крепости» Севастополя должна завершиться полным уничтожением его защитников: «последние капли их крови должны затушить огонь последних пожаров» [48].

Приведенных материалов, думается, достаточно, чтобы констатировать: «The Illustrated London News» последовательно использовала тактику очернения противника для поддержания воинственного настроя в британском обществе.

«Иллюстрация» – «всеобщая газета»

Во Франции с 1843 г. существовало издание, которое создавалось по образцу «The Illustrated London News» и даже заглавием напоминало английский прототип, – еженедельная газета «L'Illustration» («Иллюстрация»). Впрочем, французский еженедельник отличался охватом материала. Если британская газета интересовалась прежде всего новостями, связанными с Англией, то «L'Illustration» стремилась заинтересовать читателей информацией обо всех континентах и о самых разных предметах, что и декларировалось подзаголовком издания: «journal universel» (всеобщая газета). Иллюстрированные рассказы об иноземных достопримечательностях и нравах далеких народов, заметно «теснили» политическую повестку, хотя и не исключали ее полностью.

На восточные события «L'Illustration», разумеется, откликалась. В марте 1854 г. газета сообщала, что имеет возможность «публиковать наиболее интересные сцены готовящейся войны», поскольку уполномочила своих корреспондентов присылать иллюстрации «из всех пунктов, где будут разворачиваться события»: из Дунайских княжеств, из Азии, с Черного и Балтийского морей [47]. Впрочем, редакция, констатируя важность событий на Востоке, выражала уверенность, что военный кризис не заставит ее «упустить из виду обычные темы»: «науки, искусства, промышленности и нравственности» [47].

В освещении военных событий газета избрала сдержанно-беспристрастный тон. 11 марта 1854 г. газета перепечатала официальное сообщение о решении Наполеона III объявить войну России [52, р. 146], однако в том же номере разместила вполне нейтральную и информативную иллюстрацию, изображающую российское военное командование на Кавказе (р. 149).

В следующем номере (18 марта 1854 г.) сообщалось о создании Восточной армии, призванной воевать против России, но и здесь мы не встречаем информационных выпадов против России. Вместо того газета разместила картинно-героические изображения двух командующих: французского – Сент-Арно и британского – Раглана, сопроводив иллюстрации биографическими очерками [42; 43].

25 ноября 1854 г., информируя о результатах Инкерманской битвы, газета ограничилась перепечаткой официального донесения о результатах боя, отметив, что в Париже были завышенными ожидания по поводу сражения и парижане оказались близки к мысли, что Севастополь уже взят [53]. В качестве иллюстративного материала в номере были представлены виды Балаклавы, Георгиевского монастыря, Камышовой бухты.

О смерти Николая I «L'Illustration» сообщила 10 марта 1855 г. В отличие от некоторых других изданий (о чем скажем позже) газета не допускает по этому поводу злорадства и соблюдает официально сухой тон. Следующий номер (от 17 марта) открывается вполне уважительным рассказом о новом российском императоре Александре II и его супруге [49].

У «L'Illustration» под осажденным Севастополем был собственный корреспондент – художник-маринист Анри Дюран-Браже. Ему принадлежат многие крымские иллюстрации, опубликованные в газете. Но, наряду с изображениями, А. Дюран-Браже присылал в редакцию и текстовые корреспонденции, сообщавшие о ходе боевых действий. Не обходилось без того, что корреспондент спорил с официальными сведениями российской стороны. Так, например, он настаивал, что донесения А. С. Меншикова о боях под Малаховым курганом кратно завышают потери англо-

французов, и возмущенно задавался риторическим вопросом: «Кого же нам должно жалеть более? Государя, которому адресуют такую ложь, или генерала, который осмеливается ее писать?» [40, р. 164]. В этих словах звучит возмущение, но не оскорбление по адресу противника.

Конечно, миролюбие «L'Illustration» не стоит преувеличивать. Через все «военные» выпуски проводилась мысль о необходимости победы в Крыму и встречались пассажи вроде такого:

«Будем надеяться, наконец, что разрушение Севастополя, которое должно ознаменовать эру свободы на Черном море, однажды обеспечит в этой части Европы воцарение либеральных институтов» [56].

И все же позиция французского издания оставалась несравнимо более сдержанной, нежели агрессивная информационная тактика «Иллюстрированных лондонских новостей». Принципиальную установку «L'Illustration» при подаче военных материалов можно определить так: героизация собственной армии без уничижения противника.

«Шаривари» – газета ежедневной сатиры

Впрочем, в сатирической печати – уже в силу самой ее природы – царили иные правила. По наблюдению Н. П. Танышиной, «в годы Крымской войны считалось хорошим тоном высмеивать Россию, ее историю, политику и государей» [24, с. 255]. Французская юмористическая пресса в этом отношении совершенно соответствовала моде, тем более что французская цензура пресекала критику и иронию в отношении внутриполитических процессов. За неимением «внутренних» тем весь запас сарказма выплескивался на чужие государства [50, р. 34], прежде всего, на Россию. Обратимся к одному из самых известных изданий такого рода – ежедневной французской газете «Le Charivari» («Шаривари»). Здесь публиковались шаржи, карикатуры, пародии и сатирические заметки. Насмешливые публикации о русской армии газета помещала еще до вступления Франции в войну и даже прежде Синопского сражения. Скажем, в октябре 1853 г. журналист «Le Charivari» Клеман Каргюэль саркастично изображал действия русских войск в Кавказской войне и пародировал репортажи о боевых успехах против горцев, помещаемые в российской прессе:

«Нашими солдатами было захвачено болото. К счастью, обнаружилось, что в нем водятся пиявки. Главнокомандующий, всегда пекущийся о благополучии своих солдат, немедленно приказал всей армии прикладывать пиявки. Это стало настоящим праздником. Большинство солдат, сыновей бедных крестьян, знали пиявок только по названию, как ананасы, и никогда не могли себе их позволить. Это блестящее дело было отмечено несколькими подвигами» [35]

Завершал пародию пассаж в духе осмеяния «русского деспотизма»:

«У нас все прекрасно, и туркам лучше поостеречься. Стоит ли говорить, что всякий, кто усомнится в правдивости наших бюллетеней, отведаст кнута, а после отправится на сибирские рудники» [35].

Карикатуры были подобного свойства и чаще всего высмеивали неудачи русской армии. Скажем, русские солдаты изображались с головами, повернутыми назад, и эта особенность объяснялась привычкой, выработанной в ходе отступления из Дунайских

княжеств (27 сентября 1854 г.). Или захваченный у России остров Бомарзунд изображался в виде пера, потерянного двуглавым орлом (27 сентября 1854 г.). Крымские события также дали повод для ряда подобных карикатур. Одна из них (от 29 сентября 1854 г.) высмеивала неспособность русских войск воспрепятствовать неприятельскому десанту в Крыму. В подписи к иллюстрации приводился вымышленный диалог французских солдат, будто бы раздосадованных тем, что их никто не встречает на берегу полуострова. Сюжет карикатур мог быть и «оторван» от какого-либо конкретного события. К примеру, 6 февраля 1855 г. газета изображала зуавов, идущих в атаку, «кольнуть штыком русского здоровяка», и такой «сюжет» сохранял актуальность до завершения войны.

Чаще всего персонажем карикатур становился Николай I, которого рисовали в виде садового пугала (30 декабря 1854 г.), Икара, падающего в Черное море (12 февраля 1855 г.), снежного колосса (13 февраля 1855 г.) и во множестве других сатирических обликов. Высмеивался российский император и в текстовых материалах. Скажем, в ноябре 1854 г. на первой полосе была помещена сатирическая статья «Прекрасная особенность императора Николая», излагавшая такую фантазмагоричную историю:

«В Петербурге был француз, который, не имея возможности покинуть город в начале войны, укрылся в заброшенном подвале, куда ему русский друг каждый день передавал пищу. Император, уведомленный о происходящем, приказал выволить французца из подвала и привести его, а также русского, оказавшего ему гостеприимство. Оба дрожали, но император встретил их с величественной и доброй улыбкой:

– Ты, – сказал он к русскому, – получишь сто ударов кнутом за то, что принял врага России; а ты, француз, знай, что хотя я и воюю с твоими соотечественниками, но дарю тебе сундук с подарками; возвращайся в свою Нормандию.

ВЫСАДКА В КРЫМУ. – Приехать в такую даль, а тебя не встречают... Определенно, сержант, у русских нет ни малейшего представления о приличиях. «Шаривари». 29 сентября 1854 г.

– Государь, – сказал тогда русский, – если я виновен, что укрыл у себя врага России, то вы не менее виновны, поскольку отпустили этого же врага; ибо, будучи царем русских, вы, должно быть, самый русский из всех.

– Это справедливо, – сказал Император, – и поэтому я заслуживаю, как и вы, получить сто ударов кнутом?

– Полагаю, что да.

– Что ж, вы получите их вместо меня – в награду за вашу смекалку» [34].

После смерти Николая I «Шаривари» отказалась от сарказма по этому поводу. 5 марта 1855 г. на первой полосе появилась ироничная статья «Размышления о смерти Николая I», но теперь объектом иронии стали соотечественники журналиста, применяющие любое историческое событие к своим коммерческим интересам, и европейские консерваторы, утратившие в лице русского императора значительную поддержку [39].

Последствия смерти Николая I обсуждалась еще в нескольких номерах «Шаривари», обыгрывались высказывания по этому поводу известных людей и светские слухи. 11 марта, сопоставив все циркулирующие сведения о новом российском императоре Александре II, «Шаривари» приходила к выводу, что о нем можно сказать то же, что о его предшественнике:

«<Он> любит жену, своих детей <...>, ценит водевили, но все это не мешает ему быть автократом и заселять Сибирь за счет Польши» [39, 11].

Так тема и была исчерпана, а шутки о новом русском императоре и России можно было сочинять по старым трафаретам.

Видимо, карикатуры на русскую тему пользовались у публики популярностью. Были карикатуристы, выбравшие эту тему в качестве основной для себя. Среди таких наибольшей известностью пользовался Оноре Домье, создавший для редакции «Шаривари» в 1854–1856 гг. около 90 сатирических иллюстраций по событиям Крымской войны [4, с. 80]. Причем редакция «Шаривари» не ограничивалась газетным

– Этот здоровяк русский, кажется, раздражает моего кота. Я собираюсь кольнуть его итыком... Животным следует угрождать.

– Вряд ли казакам это угодно.

– Домашним животным, я имею в виду; а казаки – дикие звери!..

«Шаривари». 6 февраля 1855 г.

форматом и публиковала целые альбомы карикатур на русских. О содержании этих изданий можно судить по их заглавиям: «Шаржи на русских. Альбом из сорока карикатур» [37] или «Казачья для смеха» [46]. Чудовищные образы казаков в этих карикатурах были отзвуком страхов, испытанных французами перед вступлением русских войск во Францию еще в эпоху Наполеона I [50, с. 36].

Порою юмор в отношении русских оказывался на грани моральных ограничений. Так, 24 декабря 1854 г. Клеман Каргюэль, который «специализировался» в «Шаривари» на пародировании российских официальных бюллетеней, поместил очередной материал, где в юмористическом тоне изображал подвиги русских военных, осуществлявших вылазки из Севастополя. Но, среди прочего, в текст попал эпизод и о «гражданских»:

«Севастопольский буржуа, производитель клистирных насосов, чье скромное ремесло не мешает ему обладать героическим сердцем, уже давно прославился подвигами, неслыханными среди людей его профессии. Сделав из утвари своей мастерской, которую он не продавал с начала войны, пушку, он всякое утро устанавливает ее на первой стене ограды и оттуда открывает грозный огонь по союзным войскам, уничтожая каждым залпом целые шеренги. С наступлением ночи он берет пушку и тихо возвращается домой под аплодисменты всего населения» [36].

Автор заявлял, что приведенный текст – пародия на официальные реликвии, помещенные в «Русском инвалиде», то есть сатира метила в российскую прессу, а не в гражданское население осажденного Севастополя. Но фактически любой предмет, пускай даже попутно, вовлеченный в описание юмористической ситуации, хотя бы отчасти утрачивает для воспринимающего сознания свою серьезность или сакральность. Понятно, что Каргюэль не мог знать о реальном положении дел в осажденном городе. Он не мог представить себе Севастополь в декабре месяце, как сегодня представляем его мы, скажем, по одному из рассказов Л. Н. Толстого. Ясно и то, что пародист-француз имел основания видеть в российских официальных сообщениях о севастопольской жизни преувеличения. Но он, конечно, не мог не сознавать, что существование любого города под постоянным артиллерийским огнем превращается в постоянную трагедию для его жителей, а насмешка, даже косвенная, над трагедией всегда будет наталкиваться на моральные преграды.

«Панч» и «свобода» от моральных запретов

Впрочем, приведенный пассаж из пародии Каргюэля на общем фоне публикаций «Шаривари» выглядит как отдельный «перегиб», авторская оплошность. Иначе обстояло дело в «родственном» британском издании «Punch» («Панч»). Этот еженедельный сатирический журнал основан в 1841 г. и ориентировался на французскую газету «Шаривари». Поначалу он даже именовался «Лондонским Шаривари», однако впоследствии издатели приблизили его название к британской почве. Панч – персонаж народного кукольного театра, напоминающий русского Петрушку. Полным названием журнала стало «Punch, or The London Charivari» («Панч, или Лондонский Шаривари»).

«Панч» отличался жанровой пестротой. Текстовые материалы могли представлять собой объемные сатирические статьи, а могли – лаконичные анекдоты или даже афоризмы, могли иметь и прозаическую, и стихотворную форму. Россия попадала под удар всех форматов. Уже в феврале 1854 г. «Панч» сообщил, что «бойня, окрасившая синопские волны, задумана, дабы превратить Черное море в русское озеро» [61], а заодно заявил, что следовало бы «снести Севастополь и взять штурмом Одессу» [41].

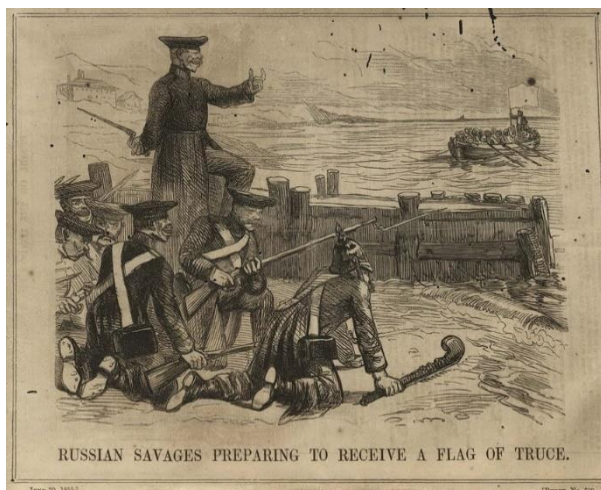

Непобедимые русские медведжата Николай и Михаил. «Панч». 25 ноября 1854 г.

художественное мастерство, а во-вторых – именно высмеивание, а не прямое оскорбление. Что касается английского «Панча», то и здесь встречались пародийные тексты. Например, после битвы журнал имитировал донесения русского главнокомандующего, который объяснял поражение своих войск неким заранее продуманным планом заманивания противника вглубь территорий [57]. Но чаще всего журнал не утруждал себя подобными творческими изысками и не стремился к изяществу шуток. Пожалуй, наиболее излюбленной формой пропаганды служили многочисленные стихотворения. По подсчетам исследователя О. Г. Сидоровой, за время Крымской войны «Панч» опубликовал 214

Карикатуры «Панча» отзывались на все значительные события Крымской кампании и предсказуемо обыгрывали уничижительные национальные метафоры [22, с. 265]. Скажем, на иллюстрации, изображающей Инкерманскую битву, британские солдаты гонят штыками отступающих русских солдат и двух медвежат, под «обликом» которых художник подразумевал царевичей Николая и Михаила. Как известно, великие князья присутствовали при этом сражении. Не обошел вниманием «Панч» и пресловутую «резню в Ханко», изобразив «русских дикарей», притаившихся в засаде, чтобы напасть на лодку, идущую под белым флагом.

Говоря о текстовых материалах, следует отметить одно существенное отличие «Панча» от «Шаривари». Во французском издании сатира была основана на значительной доле юмора, что определяло жанровую специфику газеты: скажем, превалирование пародий, подразумевающих, во-первых, определенное остроумие и

Русские дикари готовятся встретить белый флаг. «Панч». 30 июня 1855 г.

стихотворений [23, с. 107], так или иначе направленных против России. Большинство из них создавалось в стиле «уличной поэзии», подразумевало примитивный «площадной юмор» либо попросту проклятия по адресу «гнусных казаков» [62] и Николая I, «монарха казаков и татар» [60].

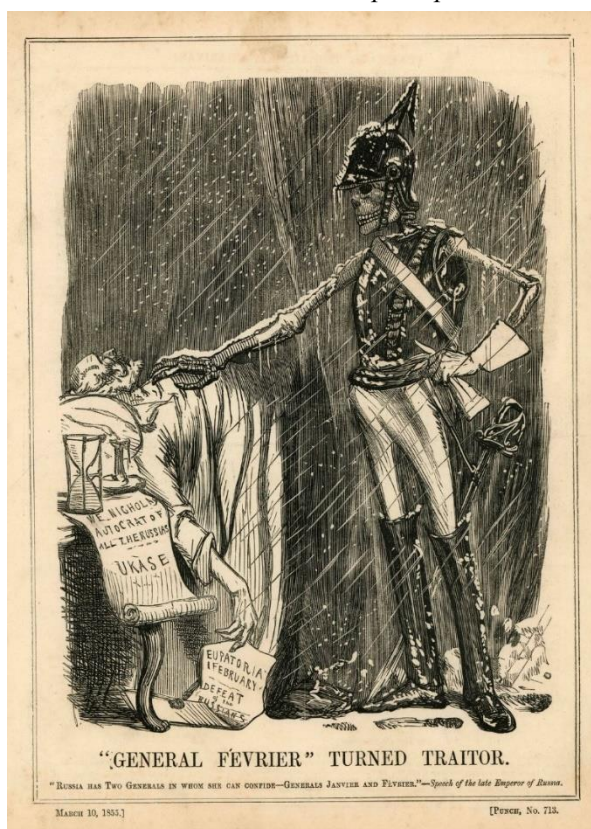
В прозаических текстах также сатира зачастую превращалась в поток гневных восклицаний, игнорируя общепринятые нравственные ограничения. Речь, скажем, об отношении к погибшему противнику. Элементарные правила морали и приличий не позволяют в подобных случаях выражать злорадство, однако эти правила явно не поддерживались редакцией «Панча». По поводу гибели адмирала В. А. Корнилова журнал выдал такую тираду:

«Где я буду через двенадцать месяцев? – полезная мысль для всякого из нас. Она могла приходиться в голову адмиралу Корнилову год назад, когда он отрабатывал в Синопе на своего господина, за что теперь расплачивается, лежа в Севастополе. Приходит ли эта мысль в голову Николаю? Думает ли этот злобный старик, что по прошествии определенного количества секунд, нескольких или многих, его императорская особа превратится в кучу падали или мумию? Тогда, невзирая на все кровопролитие и страдания, которые он причинил человечеству, насколько ему станет лучше? Насколько хуже? Задается ли таким вопросом упрямый старый дикарь в редкие перерывы в своей обычной свирепости?» [58]

Предсказуемо, что на смерть Николая I «Панч» также отреагировал не без злой иронии. Журнал разместил карикатуру, изображавшую умершего самодержца.

Иллюстрацию сопровождала подпись «Генерал Февраль оказался предателем», отсылавшая к высказыванию Николая I «У России есть два генерала, которым можно доверять, – Январь и Февраль».

Вообще говоря, пропаганда «Панча» мало опиралась на фактические данные и явно избегала аналитического подхода. В значительно большем ходу было создание ярких негативных образов, которые в читательском сознании превращали бы Россию в «агрессора» на уровне эмоционального восприятия. Вот, скажем, образ русского двуглавого орла:

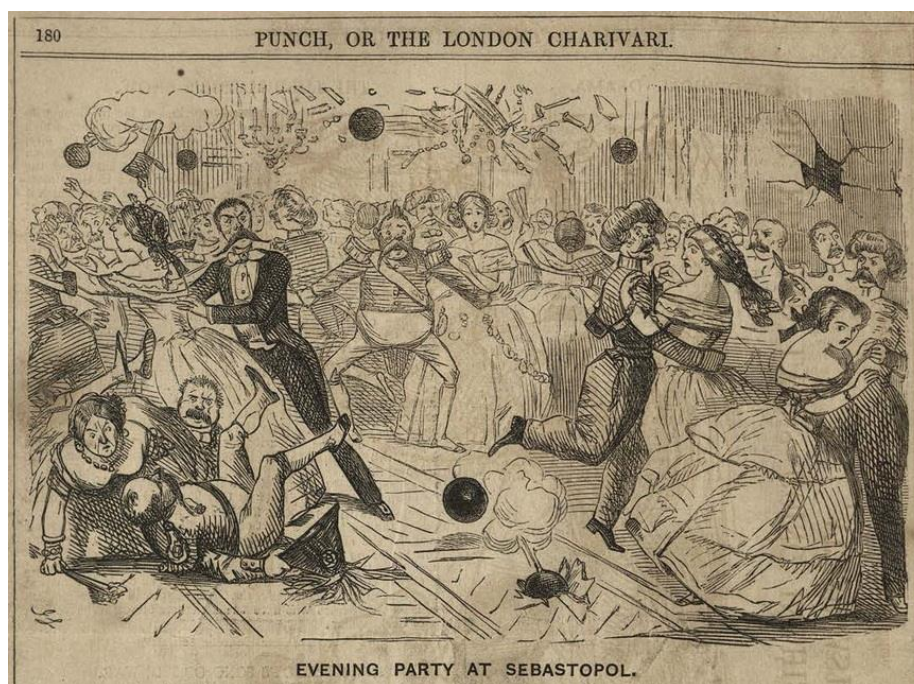
«ГЕНЕРАЛ ФЕВРАЛЬ» ОКАЗАЛСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ. «У России есть два генерала, которым можно доверять, – генералы Январь и Февраль», – из речи покойного российского императора. «Панч». 10 марта 1855 г.

«Русского орла можно описать как небывалое существо, сочетающее в себе прожорливость стервятника, озлобленность сороки и вороватость ворона. Его орлиное происхождение проявляется главным образом в длине когтей, которыми он жадно хватает все, что попадет» [64].

Или такой вот «результат» геополитических наблюдений «Панча»:

«Россия, поистине, удав, огромный удав <...>, наслаждающийся предполагаемой особенностью амфисбены, или змеи с двумя головами, по одной на каждом конце. У русской амфисбены верхняя голова находится в Балтийском море, нижняя – в Черном, а тело полукругом охватывает Европу таким образом, что северная и южная пасти разверзлись, чтобы ее заглотить. Однако обе змеиные головы значительно повреждены, и мы не можем не выразить надежду, что обе будут раздавлены <...>» [54].

Подобная демонизация России «освобождала» журналистов и читателей от всякой жалости к русским, оправданной хотя бы религиозными соображениями. «Горчаков говорит о “Святой Руси”, – писал «Панч» в июле 1855 г. – Будем надеяться, что винтовки союзников сделают русских дикарей скорее святыми, чем праведными» [51]. Журнал чувствовал себя свободным от всех нравственных ограничений. Только этим можно объяснить сарказм в отношении артиллерийских ударов, под которыми оказывались мирные жители Севастополя. 4 ноября 1854 г. «Панч» разместил карикатуру «Вечеринка в Севастополе»: ядра союзников врываются в бальную залу, и участники «вечеринки» приходят от этого в ужас, видимо, в представлении «Панча», приобретая при этом смешной вид.

Вечеринка в Севастополе. «Панч». 4 ноября 1854 г.

Впрочем, степень цинизма, до которого доходили публикации «Панча», красноречивее всего передает редакционная статья «Мирное предложение», опубликованная 9 июня 1855 г. Текст настолько показателен, что не нуждается в анализе:

«Джентльмены, война уже обошлась нам, полагаю, в 80 000 000 фунтов стерлингов. Русские потеряли 247 000 человек. Итак, 247 000 человек за 80 000 000 фунтов стерлингов – это 323 фунта стерлингов 17 шиллингов 8 пенсов. Мы убили всех этих русских по ставке 323 фунта стерлингов 17 шиллингов 8 пенсов за человека. Это ужасно! Я имею ввиду расточительность. <...> Двести сорок семь тысяч человек, служивших орудием кровожадного варвара для покорения Европы и Азии, были раздавлены; и я могу лишь сказать, что, поскольку их уничтожение причинило нам восемьдесят миллионов убытка, я сожалею, что мы не уничтожили больше. Избавиться от одного дикаря-калмыка или казака – 323 фунта 17 шиллингов 8 пенсов! – все эти деньги за жизнь одного свирепого раба; когда десятая часть этих денег могла бы сделать счастливыми столько мирных английских рабочих с их жёнами и семьями! Это все равно, что уничтожить крыс, блох или клопов способом, который избавит вас только от 247 000 паразитов и всё еще оставит их целые мириады <...>... И я спрашиваю, если бы шесть месяцев назад можно было поднять ночью воздушный шар над Севастополем и сбросить туда огромный тук пироксилина или бочку хлорида азота, и таким образом разнести его вместе со всем его гарнизоном на атомы, разве нынешнее положение дел не улучшилось бы не только для нас, но и для самих наших русских врагов?» [55].

Последние фразы, безусловно, заставляют сегодня задуматься о том, в какую именно эпоху англо-саксонский мир проникся мечтой об оружии массового уничтожения, и о том, какая судьба готовилась России на случай обретения Западом этого оружия. Но сейчас о другом. Цитированная статья публиковалась в июне 1855 г., когда севастопольская осада носила чрезвычайно ожесточенный характер, сопровождалась высокими потерями. Насколько уровень ожесточения на поле боя коррелируется с уровнем ожесточения публикаций «Панча»? Просматривая последующие номера, приходим к выводу, что прямой корреляции нет. Когда в начале сентября 1855 г. англо-французы захватили Южную сторону города, вооруженное противостояние стало носить вялотекущий характер. Было понятно, что ситуация зашла в клинч и пора готовить мирное соглашение. Однако «Панч» при любом случае, даже тогда, когда речь шла о вещах, бесконечно далеких от России и Крыма, продолжал нагнетать антироссийские настроения. В октябре 1855 г. на страницах журнала публиковалась статья о тяжелом положении женщин в лондонских трущобах. И, как бы странно это ни выглядело, начиналась она с такого пассажа:

«Если глянуть на мир, то нелегко найти вид дикарей отвратительнее русских; негодаев, которые стреляют по своим товарищам, если это дает шанс застрелить и врагов; мерзавцев, которые закалывают штыками раненого и беспомощного неприятеля; демонов, что поджигают логово, откуда их изгоняют, и оставляют своих несчастных больных и раненых гореть заживо среди руин. Подданные короля Дагомеи или государя, управляющего прожаркой на островах каннибалов, могут быть немного более отвратительными по своим обычаям, но по своим поступкам они ничуть не большие варвары, чем рабы московитского царя» [67].

Маховик антироссийской пропаганды в Англии был раскручен настолько мощно, что инерция его движения превозмогала не только моральные стопоры, но и соображения военной целесообразности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Легко заметить, что английская антироссийская пропаганда эпохи Крымской войны имела более ожесточенный и циничный характер, нежели французская. Объяснялось это сразу несколькими факторами. Первый из них – неудачи английской армии в Крыму. С самого начала кампании английские войска продемонстрировали, что сильно уступают своим союзникам французам. Неумелое командование и плохое снабжение заставляли англичан нести высокие боевые и небоевые потери, что поддерживало в обществе антивоенные настроения. Демонизация России позволяла пропаганде противостоять этим настроениям.

Еще важнее, что война против России, по большому счету, явилась для английского обывателя неожиданностью. Конкуренция между Россией и Британией на Востоке существовала давно, но обычно «острые углы» удавалось сглаживать, не доводя противоречия до серьезных конфликтов [16, с. 130]. Вообще говоря, английское общество привыкло к тому, что в отношении России пропаганда имела характер своеобразных «качелей»: в зависимости от политической ситуации России приписывали роль то «врага у ворот», то – «прилежного ученика Европы» [32, 60]. Кроме того, точно таким же конкурентом для Британии в Восточном вопросе была Франция, причем порою английским дипломатам удавалось легче найти общий язык с Николаем I, нежели с французами. Конечно, было фундаментальное основание для англо-французского сближения – это ослабление Венской системы [16, с. 130]. Но если уж Николай I не сумел верно просчитать эти «тектонические» подвижки, то для английского обывателя они и вовсе были за горизонтом интересов и понимания. Крымская война явилась для Англии результатом сиюминутной геополитической комбинации, позволявшей ослабить наиболее мощного конкурента в Восточном вопросе. Столь утилитарная причина войны вряд ли могла воодушевить британское общество, и потому пропаганде требовалось творить из России и русских образ почти инфернального врага, угрожающего британским ценностям.

Важное значение имело и то, что некоторая часть британской буржуазии не признавала «целесообразной для своих интересов вооруженную борьбу против России» [27, с. 376]. Существование «партии мира» обусловило еще больший накал военной (а стало быть, антироссийской) пропаганды. Все перечисленное и определяло общий тон английской прессы: публику готовили к войне «аврально», а потому прибегали к публикациям, повергающим в шок и ярость перед лицом «русской угрозы». По словам профессора А. А. Орлова, «для расчеловечивания врага были задействованы возможности всех средств массовой информации»: «газет, журналов, публицистики, мемуаров, травелогов, карикатур, художественной литературы и т. д.» [17, с. 286].

Во Франции ситуация была иной. Французская армия, состоявшая в значительной степени из опытных колониальных подразделений, начиная с Альминской битвы продемонстрировала высокую эффективность, что избавляло от необходимости «уничижать» врага на страницах прессы. Но главное, что французское общество готовилось к войне против России несколько десятилетий. После падения Наполеона I в стране укреплялось и желание внешнеполитического реванша, и стремление к либерализации внутренней политики. Тому и другому препятствовало существование Священного союза, ставившего во главу угла сохранение незыблемости сложившегося порядка вещей. Россия являлась наиболее сильным членом этого Союза, а потому и воспринималась в качестве основного потенциального противника. С начала 1830-х гг.

с парламентской трибуны в Париже звучали призывы к войне против «варварских орд России» [29, с. 12], а пресса всех направлений рисовала Россию как врага Франции и в целом цивилизации. Именно в тот период появляется термин «русophobia» [25, с. 35], определяющий основанную на негативных мифах и расплывшуюся по Европе почти рефлекторную ненависть к России. К началу Крымской войны сформировалось целое поколение французов, воспринимавших Россию как экзистенциальную угрозу. Так что, по наблюдению Е. В. Тарле, при объявлении войны «Наполеон III <...> встретился с единодушной поддержкой самых разнообразных общественных классов и политических партий, – от старого дворянства до рабочих, от клерикалов до социалистов» [26, с. 15]. В условиях такого единодушия для французов героизация собственной армии была гораздо актуальнее грубых информационных выпадов в отношении России.

И все же принципиальная схема антирусской пропаганды для Англии и Франции была общей. С одной стороны, в сознание публики внедрялся страх перед «русской угрозой», с другой – эта же угроза подвергалась осмеянию. Такое комбинирование, на первый взгляд, взаимоисключающих подходов к освещению одного и того же предмета не являлось изобретением эпохи Крымской войны.

Еще в эпоху Екатерины II в Европе сформировалось амбивалентное представление о России: в ее геополитических успехах видели серьезную угрозу миропорядку и, одновременно, муссировали тему «иллюзорности» российского потенциала. Казалось бы, обреченные аннигилироваться в соединении друг с другом, представления о «силе» и «слабости» России даже не боролись между собой, а одновременно уживались в европейском коллективном сознании на протяжении целых эпох. Чрезвычайно показательным этот феномен выражен в известном кюстиновском «путешествии», где Россия представлена и главной угрозой для Европы, и бессильным «колоссом», потому мы и предложили в свое время называть такое «расщепление» образа «комплексом маркиза де Кюстина» [14]. Этот комплекс являлся (и до сих пор является) важнейшим инструментом управления европейским общественным мнением. Преобладание в информационном поле мифологемы «сила России» ведет к осознанию опасности со стороны России, тогда как преобладание мифологемы «слабость России» рождает в коллективном мышлении идею о возможности нейтрализации России как потенциальной угрозы. Россия в любом случае видится в роли врага, но, усиливая звучание одной или другой мифологемы, политические силы Запада имеют возможность программировать настроение публики: либо на вынужденное сосуществование с этим «врагом», либо – на его силовое подавление.

Подобному принципу была подчинена антирусская пропаганда эпохи Крымской войны. Аудитории внушался страх перед угрозой со стороны России, и это служило обоснованием и оправданием военных действий. Одновременно происходило осмеяние России, принижение ее возможностей, и это убеждало обывателя в легкой и скорой победе над противником.

Список литературы

1. Айзенштат М. П., Турлыгин А. А. Историческое знание во взаимных представлениях британских и российских либералов конца XVIII–XIX в. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2020. – № 1 (86). – С. 7–11.
2. Айрапетов О. Р. 15 из 1000 (Небоевые потери русской армии) // Родина. – 1995. – № 3–4. – С. 114–115.
3. Алентьева Т. В. Английский взгляд на Крымскую войну // Научный вестник Крыма. – 2024. – № 4 (50). – С. 1–18.

4. *Беляева А. М.* Неизвестные ранее состояния литографий Оноре Домье в собрании Государственного Эрмитажа // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. LXXVIII. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2020. – С. 78–100.
5. *Бобков М. Ю.* Освещение Крымской войны в газете «The Times» (ноябрь–декабрь 1853 г.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2023. – № 10. – С. 45–53. – DOI 10.28995/2686-7249-2023-10-45-53.
6. *Гете И. В.* Из моей жизни. Поэзия и правда. – М.: Худож. лит., 1969. – 606 с.
7. *Гюббенет А. Я., Гюббенет О. Я.* Профессор хирургии Х. Я. Гюббенет и его воспоминания об обороне Севастополя 1854–1855 гг. // Русская старина. – 1889. – Т. LXI. – Кн. I. – С. 75–99.
8. *Ильичев А. В.* Нарратив восточного деспотизма во внешней политике Франции первой половины XIX в.: связи и аналогии с современностью // Конфликтология / nota bene. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.2.70728
9. *Красавченко Т. Н.* Сюжет о Крымской войне (1853–1856) в британской культуре // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2021. – № 2. – С. 62–77. DOI: 10.31249/lit/2021.02.05
10. *Краснопольская В.* История Крымской войны – это учебник, по которому нужно учиться реагировать на сегодняшние информационные вызовы // Крымские известия. 10.09.2025. Режим доступа: <https://new.crimiz.ru/rubriki/90-predsedatel-gossoveta/25454-istoriya-krymskoj-vojny-eto-uchebnik-po-kotoromu-nuzhno-uchitsya-reagirovat-na-segodnyashnie-informatsionnye-vyzovy> (Дата обращения: 23.10.2025).
11. *Мельников В. А., Шаринова Д. Н.* Крымская кампания 1853–1856 гг. – первая информационная война в истории противостояния мировых держав // Журналист. Социальные коммуникации. – 2017. – № 3 (27). – С. 125–134.
12. *Мигаль А. С.* Османская империя глазами английских путешественников XVIII века // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2019. – Вып. 18. – С. 18–30.
13. *Некрасова М. Ю., Барская О. В.* Репрезентация образа противника в британском газетном дискурсе Крымской войны // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 1(98). – С. 292–295.
14. *Орехов В. В.* «Русский миф» и «комплекс маркиза де Кюстина». Часть II: «Северный колосс» в контексте информационной войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 33–56.
15. *Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В.* Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2010. – 480 с.
16. *Орлов А. А.* «Астреин век». Великобритания, Россия и проблема нового мирового порядка в европейской политике первой половины XIX века (1815–1854 гг.): монография. – Москва: МПГУ, 2019. – 304 с.
17. *Орлов А. А.* Британская пророссийская публицистика эпохи Крымской войны (на примере брошюры «Крест против Луны», 1854) // Преподаватель XXI век. – 2023. – № 2-2. – С. 285–299.
18. Переписка Екатерины Великой с господином Волтером. В: 2-х кн. – М., 1803. – Кн. 1–2.
19. *Прутков Г. В.* История зарубежной журналистики. 1800–1929. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 416 с.
20. *Прутков Г. В.* Французская и британская пресса о Крымской войне (1854–1856 гг.): у истоков информационных войн // I Черноморская науч.-практ. конференция МГУ «Проблемы безопасности в современном мире», 26–28 мая 2016 г.: Тез. докладов. – Севастополь: Изд-во филиала МГУ в г. Севастополе, 2016. – С. 31–32.
21. *Рычков С. Ю.* «Побудить все европейские дворы к тому, чтобы они... вынесли России международный приговор»: английская провокация на мысе Ханко в период Крымской войны // Военно-исторический журнал. – 2022. – № 5. – С. 50–55.
22. *Сергеев В. В.* Политика Великобритании накануне и во время Крымской войны в исторической публицистике П. А. Чихачева // Известия Смоленского государственного университета. – 2019. – № 1(45). – С. 259–270.
23. *Сидорова О. Г.* Изображение Крымской войны в английской литературе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (130). – С. 106–113.
24. *Таньшина Н. П.* На идеологическом фронте Крымской войны: образ России во французской литературе и публицистике // Французский ежегодник. – 2023. – Т. 56. – С. 248–274.
25. *Таньшина Н. П.* Русофобия: История изобретения страха. – М.: Концептуал, 2023. – 496 с.

26. *Тарле Е. В.* Самодержавие Николая I и французское общественное мнение // Былое. Петербург, 1906. – № 9. – С. 12–42; № 10. – С. 125–159.
27. *Тарле Е. В.* Собр. соч.: В 12-ти т. Т. 8. – М.: АН СССР, 1959. – 560 с.
28. *Франк С.* Видимая и невидимая война в Крыму (Начало медийной эпохи и «Севастопольские рассказы» Льва Толстого) // Крымский текст в русской культуре: Мат-лы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г.). – СПб.: Изд-во Пушкинского дома, 2008. – С. 126–145.
29. *Францев В. А.* Пушкин и польское восстание 1830–1831 г. Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». – Прага, 1929. – 144 с.
30. *Храпунов Н. И.* Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 4. – С. 141–153.
31. *Храпунов Н. И.* Россия в Крыму – цивилизатор или угнетатель? Образы имперской власти в полемике травелогов конца XVIII – первой половины XIX в. // Historia provinciae – журнал региональной истории. – 2023. – Т. 7. – № 1. – С. 190–237.
32. *Храпунов Н. И.* Формирование образа Крыма в английской литературе путешествий конца XVIII – начала XIX в.: Дис. ... докт. ист. наук: 5.6.2. – Симферополь, 2023. – 507 с.
33. Alleged Capture of Sebastopol // The Illustrated London News. – 1854. – 7 October. – № 706. – P. 334.
34. *Caraguel C.* Beau trait de l'empereur Nicolas // Le Charivari. – 1854. – 30 Novembre. – P. 1.
35. *Caraguel C.* Les bulletins du Caucase // Le Charivari. – 1853. – 22 Octobre. – № 295. – P. 2.
36. *Caraguel C.* Les cornettes reparaissent // Le Charivari. – 1854. – 24 December. – P. 1.
37. Chargeons les Russes. Album de quarante caricatures. – Paris: Charivari, [1854]. – 40 p.
38. *Delord T.* Considération sur la mort de Nicolas 1er. Datées de la place de la bourse // Le Charivari. – 1855. – 5 mars. – P. 1.
39. *Delord T.* Les portraits de nouveau tzar // Le Charivari. – 1855. – 11 mars. – P. 1
40. *Durand-Brager H.* Combat d'Eupatoria et de la tour Malakoff // L'Illustration. – 1855. – 17 Mars. – № 629. – Pp. 163–164.
41. Enthusiasm in Effigy // Punch. – 1854. – 11 February. – № 655. – P. 49.
42. *Féré.* Le maréchal Le Roy de Saint-Arnaud, général en chef de l'armée d'Orient // L'Illustration. – 1854. – 18 Mars. – № 577. – Pp. 168–169.
43. *Féré.* Lord Raglan, commandant en chef de l'armée anglaise en Orient // L'Illustration. – 1854. – 18 Mars. – № 577. – P. 169.
44. Historical Summary of the Russian War: from its Commencement to the Present Time // The Illustrated London News. – 1854. – 11 September. – № 705. – Pp. 317–330.
45. Killed and Wounded in the Battle of Alma // The Illustrated London News. – 1854. – 7 October. – № 706. – P. 334.
46. Les Cosaques pour rire. – Paris: Charivari, 1854. – 37 p.
47. L'Illustration est en mesure... // L'Illustration. – 1854. – 11 Mars. – № 576. – P. 147.
48. London, Saturday, June 23, 1855 // The Illustrated London News. – 1855. – 23 June. – № 749. – P. 638.
49. *Marchal de Lunéville Ch.* L'empereur Alexandre II et l'impératrice de Russie // L'Illustration. – 1855. – 17 Mars. – № 629. – Pp. 161–162.
50. *Melot M.* La Guerre de Crimée et les heures sombres de Daumier (1856–1859) // Новое искусствознание. – 2021. – № 2. – Pp. 31–37.
51. Muscovite Holiness // Punch. – 1855. – 28 July. – P. 39.
52. *Paulan.* Histoire de la semaine // L'Illustration. – 1854. – 11 Mars. – № 576. – Pp. 146–147.
53. *Paulan.* Histoire de la semaine // L'Illustration. – 1854. – 25 Novembre. – № 613. – P. 353.
54. Pity for the foe // Punch. – 1855. – 25 August. – P. 80.
55. *Punch.* A Proposal to the Peace Society // Punch. – 1855. – 9 June. – № 726. – P. 219.
56. *Rosier L.* Fantaisie par Marc // L'Illustration. – 1855. – 6 Janvier. – № 619. – P. 2.
57. Russian View of Alma // Punch. – 1854. 14 October. – № 692. – P. 143.
58. Sinope Remembered // Punch. – 1854. – 4 November. – № 695. – P. 178.
59. The Bane and the Antidote // The Illustrated London News. – 1854. – 16 December. – № 717. – P. 626.
60. The Cross and the Sword // Punch. 1855. – 27 January. – № 707. – P. 33.
61. The Czar's Water Colour // Punch. 1854. – 11 February. – № 655. – P. 48.
62. The Laureate's View of War // Punch. – 1855. – 18 August. – P. 69.
63. The Illustrated London News // Википедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/The_Illustrated_London_News (Дата обращения: 23.10.2025).

64. The Russian Eagle // Punch. – 1855. – 6 January. – № 704. – P. 3.
65. The Victory in the Crimea // The Illustrated London News. – 1854. – 7 October. – № 706. – Pp. 333–334.
66. The War against the Barbarians // The Illustrated London News. – 1854. – 11 February. – № 668. – Pp. 117–118.
67. The Women's Friend Society // Punch. – 1855. – 6 October. – P. 135.

References

1. Ajzenshtat M. P., Turlygin A. A. *Istoricheskoe znanie vo vzaimnyh predstavleniyah britanskikh i rossijskikh liberalov konca XVIII–XIX v.* [Historical knowledge in mutual perceptions of British and Russian liberals of the late 18th–19th centuries]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 1 (86), p. 7–11.
2. Ajrapetov O. R. *15 iz 1000 (Neboevye poteri russkoj armii)* [15 out of 1000 (Non-combat losses of the Russian army)]. *Rodina*, 1995, no. 3–4, p. 114–115.
3. Alent'eva T. V. *Anglijskij vzglyad na Krymskuyu vojnu* [The English view of the Crimean War]. *Nauchnyj vestnik Kryma*, 2024, no. 4 (50), p. 1–18.
4. Belyaeva A. M. *Neizvestnye ranee sostoyaniya litografij Onore Dom'e v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Previously unknown states of lithographs by Honore Daumier in the collection of the State Hermitage Museum]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. T. LXXVIII*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2020, p. 78–100.
5. Bobkov M. Yu. *Osveshchenie Krymskoj vojny v gazete «The Times» (noyabr-dekabr' 1853 g.)* [Coverage of the Crimean War in the newspaper “The Times” (November–December 1853)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, 2023, no. 10, p. 45–53.
6. Gete I. V. *Iz moej zhizni. Poeziya i Pravda* [From my life. Poetry and truth]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1969. 606 p.
7. Gyubbenet A. Ya., Gyubbenet O. Ya. *Professor hirurgii H. Ya. Gyubbenet i ego vospominaniya ob oborone Sevastopolya 1854–1855 gg.* [Professor of surgery H. Ya. Gyubbenet and his memories of the defense of Sevastopol in 1854–1855]. *Russkaya starina*, 1889, vol. LXI, no. I, p. 75–99.
8. Il'ichev A. V. *Narrativ vostochnogo despotizma vo vneshnej politike Francii pervoj poloviny XIX v.: svyazi i analogii s sovremennost'yu* [The narrative of oriental despotism in the foreign policy of France in the first half of the 19th century: connections and analogies with modernity]. *Konfliktologiya / nota bene*, 2024, no. 2, p. 41–59.
9. Krasavchenko T. N. *Syuzhet o Krymskoj vojne (1853–1856) v britanskoj kul'ture* [The plot of the Crimean War (1853–1856) in British culture]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Literaturovedenie*, 2021, no. 2, p. 62–77.
10. Krasnopol'skaya V. *Istoriya Krymskoj vojny – eto uchebnik, po kotoromu nuzhno učit'sya reagirovat' na segodnyashnie informacionnye vyzovy* [The History of the Crimean War is a textbook for learning how to respond to today's information challenges]. *Krymskie izvestiya*. 10.09.2025. Available from: <https://new.crimiz.ru/rubriki/90-predsedatel-gossoвета/25454-istoriya-krymskoj-vojny-eto-uchebnik-po-kotoromu-nuzhno-uchitsya-reagirovat-na-segodnyashnie-informatsionnye-vyzovy> (accessed 23.10.2025).
11. Mel'nikov V. A., Sharipova D. N. *Krymskaya kampaniya 1853–1856 gg. – pervaya informacionnaya vojna v istorii protivostoyaniya mirovyh derzhav* [The Crimean campaign of 1853–1856 – the first information war in the history of the confrontation of world powers]. *Zhurnalist. Social'nye kommunikacii*, 2017, no. 3 (27), p. 125–134.
12. Migal' A. S. *Osmanskaya imperiya glazami anglijskikh puteshestvennikov XVIII veka* [The Ottoman Empire through the eyes of English travelers of the 18th century]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr.* Vyp. 18. Saratov: Sarat. gos. un-t Publ., 2019, p. 18–30.
13. Nekrasova M. Yu., Barskaya O. V. *Reprezentaciya obraza protivnika v britanskom gazetnom diskurse Krymskoj vojny* [Representation of the image of the enemy in the British newspaper discourse of the Crimean War]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2023, no. 1(98), p. 292–295.
14. Orekhov V. V. *«Russkij mif» i «kompleks markiza de Kyustina». Chast' II: «Severnyj koloss» v kontekste informacionnoj vojny* [“The Russian Myth” and the “Marquis de Custine Complex”. Part II: “The Northern Colossus” in the Context of the Information War]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, vol. 8, no. 2, p. 33–56.
15. Orekhova L. A., Orekhov V. V., Pervyh D. K., Orekhov D. V. *Krymskaya Iliada. Krymskaya (Vostochnaya) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa* [Crimean Iliad. Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the eyes of contemporaries: literature, archives, press]. Simferopol, OAO «SGT» Publ., 2010. 480 p.

16. Orlov A. A. *«Astrein vek». Velikobritaniya, Rossiya i problema novogo mirovogo poryadka v evropejskoj politike pervoj poloviny XIX veka (1815–1854 gg.): monografiya* [“The Age of Astreya.” Great Britain, Russia and the Problem of the New World Order in European Politics of the First Half of the 19th Century (1815–1854): Monograph]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2019. 304 p.
17. Orlov A. A. *Britanskaya prorossiyskaya publicistika epohi Krymskoj vojny (na primere broshyury «Krest protiv Luny», 1854)* [British pro-Russian journalism of the Crimean War era (based on the brochure “The Cross Against the Moon”, 1854)]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2023, № 2-2, p. 285–299.
18. *Perepiska Ekateriny Velikoj s gospodinom Volterom. V: 2-h kn.* [Correspondence of Catherine the Great with Mr. Walter. In: 2 books]. Moscow, 1803, vol. 1–2.
19. Prutckov G. V. *Istoriya zarubezhnoj zhurnalistiki. 1800–1929* [History of Foreign Journalism: 1800–1929]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2010. 416 p.
20. Prutckov G. V. *Francuzskaya i britanskaya pressa o Krymskoj vojne (1854–1856 gg.): u istokov informacionnyh vojn* [French and British press on the Crimean War (1854–1856): at the origins of information wars]. *I Chernomorskaya nauch.-prakt. konferenciya MGU «Problemy bezopasnosti v sovremennom mire»: Tez. dokladov*. Sevastopol, Filial MGU v g. Sevastopole Publ., 2016, p. 31–32.
21. Rychkov S. Yu. *«Pobudit' vse evropejskie dvory k tomu, chtoby oni... vynesli Rossii mezhdunarodnyj prigovor»: anglijskaya provokaciya na myse Hanko v period Krymskoj vojny* [“To induce all European courts to... pass an international sentence on Russia”: the English provocation at Cape Hanko during the Crimean War]. *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 2022, no. 5, p. 50–55.
22. Sergeev V. V. *Politika Velikobritanii nakanune i vo vremya Krymskoj vojny v istoricheskoy publicistike P. A. Chikhacheva* [British policy on the eve and during the Crimean War in the historical journalism of P. A. Chikhachev]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 1(45), p. 259–270.
23. Sidorova O. G. *Izobrazhenie Krymskoj vojny v anglijskoj literature* [Portrayal of the Crimean War in English Literature]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki*, 2014, no. 3 (130), p. 106–113.
24. Tan'shina N. P. *Na ideologicheskom fronte Krymskoj vojny: obraz Rossii vo francuzskoj literature i publicistike* [On the ideological front of the Crimean War: the image of Russia in French literature and journalism]. *Francuzskij ezhegodnik*, 2023, vol. 56, p. 248–274.
25. Tan'shina N. P. *Rusofobiya: Istoriya izobreteniya straha* [Russophobia: The history of the invention of fear]. Moscow, Konceptual Publ., 2023. 496 p.
26. Tarle E. V. *Samoderzhavie Nikolaya I i francuzskoe obshchestvennoe mnenie* [The autocracy of Nicholas I and French public opinion]. *Byloe*. Peterburg, 1906, n 9. p. 12–42; no. 10, p. 125–159.
27. Tarle E. V. *Sobr. soch.: V 12-ti t. T. 8* [Collected works: In 12 volumes. Vol. 8]. Moscow, AN SSSR Publ., 1959. 560 p.
28. Frank S. *Vidimaya i nevidimaya vojna v Krymu (Nachalo medijnoj epohi i «Sevastopol'skie rasskazy» L'va Tolstogo)* [Visible and Invisible War in Crimea (The Beginning of the Media Age and Leo Tolstoy's “Sevastopol Stories”)]. *Krymskij tekst v russkoj kul'ture: Mat-ly mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. St. Petersburg, 2008, p. 126–145.
29. Francev V. A. *Pushkin i pol'skoe vosstanie 1830–1831 g. Opyt istoricheskogo kommentariya k stihotvorenijam «Klevetnikam Rossii» i «Borodinskaya godovshchina»* [Pushkin and the Polish Uprising of 1830–1831: An Attempt at Historical Commentary on the Poems “To the Slanderers of Russia” and “The Borodino Anniversary”]. Praga, 1929. 144 p.
30. Hrapunov N. I. *Bakhchisaraj Edvarda-Dan'ela Klarka: Vostok, Rossiya i Krym* [Bakhchisaray Edward-Daniel Clark: East, Russia and Crimea]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2014, no. 4, p. 141–153.
31. Hrapunov N. I. *Rossiya v Krymu – civilizator ili ugnatel'? Obrazy imperskoj vlasti v polemike travelogov konca XVIII – pervoj poloviny XIX v.* [Russia in Crimea – Civilizer or Oppressor? Images of Imperial Power in the Polemics of Travelogues of the Late 18th – First Half of the 19th Century]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii*, 2023, vol. 7, no. 1, p. 190–237.
32. Hrapunov N. I. *Formirovanie obraza Kryma v anglijskoj literature puteshestvij konca XVIII – nachala XIX v.: Dis. ... dokt. ist. nauk* [Formation of the image of Crimea in English travel literature of the late 18th – early 19th centuries. Thesis]. Simferopol, 2023. 507 p.
33. *Alleged Capture of Sebastopol* // *The Illustrated London News*, 1854, 7 October, no. 706, p. 334.
34. Caraguel C. *Beau trait de l'empereur Nicolas* // *Le Charivari*, 1854, 30 Novembre, p. 1.
35. Caraguel C. *Les bulletins du Caucase* // *Le Charivari*, 1853, 22 Octobre, p. 2.
36. Caraguel C. *Les cornettes reparaissent* // *Le Charivari*, 1854, 24 December, p. 1.
37. *Chargeons les Russes. Album de quarante caricatures*. Paris, Charivari, [1854]. 40 p.

38. Delord T. *Considération sur la mort de Nicolas 1er. Datées de la place de la bourse* // Le Charivari, 1855, 5 Mars, p. 1.
39. Delord T. *Les portraits de nouveau tzar* // Le Charivari, 1855, 11 Mars, p. 1
40. Durand-Brager H. *Combat d'Eupatoria et de la tour Malakoff* // L'Illustration, 1855, 17 Mars, no. 629, p. 163–164.
41. *Enthusiasm in Effigy* // Punch, 1854, 11 February, no. 655, p. 49.
42. Féré. *Le maréchal Le Roy de Saint-Arnaud, général en chef de l'armée d'Orient* // L'Illustration, 1854, 18 Mars, no. 577, p. 168–169.
43. Féré. *Lord Raglan, commandant en chef de l'armée anglaise en Orient* // L'Illustration, 1854, 18 Mars, no. 577, p. 169.
44. *Historical Summary of the Russian War: from its Commencement to the Present Time* // The Illustrated London News, 1854, 11 September, no. 705, p. 317–330.
45. *Killed and Wounded in the Battle of Alma* // The Illustrated London News, 1854, 7 October, no. 706, p. 334.
46. *Les Cosaques pour rire*. Paris, Charivari, 1854. 37 p.
47. *L'Illustration est en mesure...* // L'Illustration, 1854, 11 Mars, no. 576, p. 147.
48. *London, Saturday, June 23, 1855* // The Illustrated London News, 1855, 23 June, no. 749, p. 638.
49. Marchal de Lunéville Ch. *L'empereur Alexandre II et l'impératrice de Russie* // L'Illustration, 1855, 17 Mars, no. 629, p. 161–162.
50. Melot M. *La Guerre de Crimée et les heures sombres de Daumier (1856–1859)* // Новое искусствознание, 2021, no. 2, p. 31–37.
51. *Muscovite Holiness* // Punch, 1855, 28 July, p. 39.
52. Paulan. *Histoire de la semaine* // L'Illustration, 1854, 11 Mars, no. 576, p. 146–147.
53. Paulan. *Histoire de la semaine* // L'Illustration, 1854, 25 Novembre, no. 613, p. 353.
54. *Pity for the foe* // Punch, 1855, 25 August, p. 80.
55. Punch. *A Proposal to the Peace Society* // Punch, 1855, 9 June, no. 726, p. 219.
56. Rosier L. *Fantaisie par Marc* // L'Illustration, 1855, 6 Janvier, no. 619, p. 2.
57. *Russian View of Alma* // Punch, 1854, 14 October, no. 692, p. 143.
58. *Sinope Remembered* // Punch, 1854, 4 November, no. 695, p. 178.
59. *The Bane and the Antidote* // The Illustrated London News, 1854, 16 December, no. 717, p. 626.
60. *The Cross and the Sword* // Punch, 1855, 27 January, no. 707, p. 33.
61. *The Czar's Water Colour* // Punch, 1854, 11 February, no. 655, p. 48.
62. *The Laureate's View of War* // Punch, 1855, 18 August, p. 69.
63. *The Illustrated London News* // Википедия. Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/The_Illustrated_London_News (accessed 23.10.2025).
64. *The Russian Eagle* // Punch, 1855, 6 January, no. 704, p. 3.
65. *The Victory in the Crimea* // The Illustrated London News, 1854, 7 October, no. 706, p. 333–334.
66. *The War against the Barbarians* // The Illustrated London News, 1854, 11 February, no. 668, p. 117–118.
67. *The Women's Friend Society* // Punch, 1855, 6 October, p. 135.

BETWEEN FEAR AND LAUGHTER: THE TACTICS OF "INFORMATION ATTACKS" IN THE ANGLO-FRENCH PRESS DURING THE CRIMEAN WAR

Орехов В. В.

The article identifies similarities and differences in the tactics of anti-Russian propaganda deployed by the British and French press during the Crimean War. The comparison focused on two British and two French publications, typologically and genetically related: The Illustrated London News vs. L'Illustration, and Punch vs. Le Charivari. Observations revealed that British anti-Russian propaganda during the Crimean War was more virulent and cynical than its French counterpart. This was explained by a combination of factors. The British army suffered high combat and non-combat losses in Crimea; British public opinion was not prepared in advance for war against Russia; and a small, but still noticeable, segment of British society did not share the government's military plans. Public sentiment had to be fostered "in an emergency" and fueled by extremely harsh "information dumps" that evoked horror and rage in the face of the "Russian threat." Overall, propaganda tactics in England and France followed a similar pattern: on the one hand, fear of the "Russian threat" was instilled, while on the other, Russia was ridiculed, convincing the average person of an easy victory.

Keywords: information warfare, The Illustrated London News, Illustration, Punch, Charivari, Honga Massacre, Sinop Massacre, Roger Fenton.

УДК 070+821

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-178-192

**ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ДМИТРИЙ СТЕШИН:
ОТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ –
К «СВЯЩЕННОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ»**

Первых Д. К.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dianavasileva@yandex.ru*

Статья прослеживает творческий путь одного из самых известных военных корреспондентов современной России, репортера «Комсомольской правды» Д. А. Стешина. Систематизация фактов биографии Стешина и анализ его публикаций позволяют выявить специфику профессиональных установок, выработанных военным корреспондентом. В творчестве военкора прослеживается тенденция к освоению более крупных жанров (рассказов, очерков, очерковых циклов). Кроме того, творчество журналиста во многом ориентировано на литературную традицию публицистов Великой Отечественной войны. Это следует воспринимать как закономерность, общую для отечественной военной журналистики эпохи СВО. Курс России на защиту своих национальных интересов обусловил обращение к моральным ориентирам и образцам периода Великой Отечественной войны, когда военкор – будь он в мирной жизни журналистом, поэтом или писателем – воспринимал свою военную задачу в качестве гражданского долга, что обуславливало профессиональную инициативу, рождало смелые творческие решения, а в месте с ними и образцы военной публицистики, лучшие тексты о войне.

Ключевые слова: Дмитрий Стешин, «Комсомольская правда», военный корреспондент, история российской военной журналистики, журналистика СВО.

ВВЕДЕНИЕ

Дмитрий Анатольевич Стешин, военный корреспондент «Комсомольской правды», родился через 27 лет после окончания Великой Отечественной войны, в 1972 г. Но в заглавии нашей статьи нет натяжки. Творчество одного из самых известных репортеров специальной военной операции уходит корнями в традиции военной журналистики эпохи Великой Отечественной.

«Практически те же персонажи воюют с нами сейчас, что в 1941 году начинали. С теми же знаками на знаменах, – делился своими наблюдениями Д. Стешин с участниками II Медиафорума “Журналистика в период СВО” (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 3 октября 2024 г.), – Я в Славянске всю осаду просидел, и меня мысль пронзила, что единственное хорошее в смерти моей бабушки – это то, что она год не дождала и не увидела этого позора. А бабушка с началом войны сразу же призвалась в ПВО и дошла до Франкфурта-на-Одере, степной фронт, 2-й Украинский. Она шла через края, где я сидел спустя столько лет в полном окружении 15-тысячной группировки фашистов! И они сами не скрывают, чьими правопреемниками считаются. И второе: все боевые действия проходят по тем местам, где в свое время шли бои Великой Отечественной. Притом случается и такое, что наши ребята занимают окопы, выдолбленные в Донецком кряже еще 80 лет назад» [5].

Боевое журналистское крещение Стешин получил в 2003 г. на второй чеченской войне: «Комсомолка» проводила акцию «Посылка на войну», собирала гуманитарную помощь, и журналисту поручили сопроводить груз в один из удаленных гарнизонов российских военных. Репортер вспоминал, что, впервые оказавшись в реалиях войны,

снимал хладнокровно, практически не испытывая эмоций, а когда вернулся в Петербург, по-настоящему осознал увиденное и долго приходил в себя [3]. В сентябре 2004 г. с коллегой Александром Коцем он попадает в Беслан, где вместе с сотрудниками российских спецслужб спасает детей-заложников из захваченной террористами школы, собирает материалы о трагедии. По долгу профессии журналист вот уже более 20 лет «отрабатывает» вооруженные конфликты и цветные революции (в Косово, Афганистане и Южной Осетии, Киргизии, Молдавии, Монголии, Египте, Тунисе, Сирии): *«Так получилось, что за последние 15 лет я не пропустил ни одной войны, – подытоживает журналист. – Я был на войне дольше, чем некоторые люди на свежем воздухе»* [23, с. 6]. Но все эти военные командировки, пожалуй, можно считать лишь подготовкой к главному событию в журналистской карьере Стешина – специальной военной операции, которую он называет «Священной». И это определение, безусловно, возникло у автора как принципиально осознаваемый «отзвук» легендарных строк, написанных В. И. Лебедевым-Кумачом в июне 1941 г.:

*Идет война народная,
Священная война!*

Хотя произведения Д. Стешина сегодня воспринимаются как одно из самых заметных и оригинальных проявлений нашей военной журналистики, научное осмысление его творчества несколько запаздывает. Отчасти это объясняется объективными причинами: для аналитического абстрагирования нужна историческая и психологическая «дистанция», позволяющая увидеть в творческом процессе не вершинные, наиболее яркие проявления, а систему взаимообусловленных тенденций, определяемых авторской индивидуальностью, историческим контекстом, культурной традицией, новыми техническими возможностями. Пока научные обращения к текстам Стешина (как и других современных военкоров) следует воспринимать как первые подступы к разработке большой темы, «прощупывание» перспективных направлений. Так, можно встретить наблюдения лингвистов, фиксирующих особенности стилистики Стешина [1; 2; 12], черпающего лексику из потока актуальной военной жизни и таким образом вовлекающего читателя в атмосферу реальности. Наибольшее внимание уделяется жанровым новациям военкора. С одной стороны, исследователи отмечают оригинальность приемов и сильно выраженную позицию авторского «я» в репортажах военкора [18, с. 78], а с другой – воспринимают его творчество как развитие классических традиций русской литературы. По убеждению В. В. Орехова, Д. Стешин принадлежит к числу военных корреспондентов, которые ощущают запрос современной аудитории не на фрагментарно-клиповое отражение военных событий, а на обобщения, концентрирующие накопленные военкором знания о войне. Это предполагает, помимо репортерской оперативности и опыта, наличие литературных навыков, да и, прямо скажем, литературного таланта, поскольку требуется способность «в определенных деталях и лицах видеть проявление масштабных явлений и процессов» [14, с. 53]. В творческом подходе Д. Стешина исследователь обнаруживает такую способность к типизации, а помимо того, к масштабированию охвата событий, что приводит к «сцеплению» отдельных репортажей в «единый повествовательный организм» [15, с. 20], или цикл военных очерков.

И еще одну важную особенность четко фиксируют ученые: «И в творческом сознании военных корреспондентов, и в восприятии аудитории <...> наша военная

журналистика периода СВО продолжает традиции, заложенные военными корреспондентами Великой Отечественной войны» [16, с. 103]. Творчество Д. Стешина в этом отношении чрезвычайно целостно и показательно. Исследователи отмечают и следование жанровому «канону», сложившемуся в Великую Отечественную [20, с. 219], и «надэпохальную» общность тематики [26, с. 259] и проблематики [10, с. 91], и «сопереживание» «историческим событиям сегодняшнего дня» [4, с. 137], и самоощущение корреспондента как «воина информационного фронта» [8, с. 103]. Все это позволяет говорить не о частных «переключках» с традицией, а о монолитной мировоззренческой позиции, реализованной в профессиональном творчестве военкора. **Цель** статьи – реконструировать творческую биографию Д. А. Стешина, проследив связь его профессиональных принципов с традициями военной журналистики Великой Отечественной войны.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. А. Стешин родился и вырос в Ленинграде. По словам самого корреспондента, еще совсем юным он попросил у родителей деньги на годичные курсы журналистики при Доме журналиста. Отец – профессор-экономист – «деньги выдал» [19]. Так начался профессиональный путь, и обратим внимание на избранные Стешиным интонации в рассказе о своем журналистском «начале». Впрочем, специального журналистского образования Стешин так и не получил – окончил Северо-Западную академию государственной службы. Карьеру начал в газете «Пять углов», писал в рубрику «Экстремальное». Затем с 1994 г. работал редактором журнала «Калейдоскоп», а с 2000 г. – шеф-редактором «Комсомольской правды» в Санкт-Петербурге. В 2004 г. перешел в центральную редакцию «Комсомолки» в Москву, работал в паре с журналистом А. И. Коцем, с которым их связала крепкая дружба. Корреспонденты и ныне продолжают работать в крепкой творческой «связке»¹.

Пройденный журналистский путь во многом объясняет складывающуюся манеру письма, неожиданное соединение стилистических нюансов. Д. Стешин (к слову, как и А. Коц) признается, что пришел в военную журналистику, взяв пример со своих коллег, освещавших первую и вторую чеченские войны. Однако экстремальная журналистика Стешина привлекала всегда: на его счету – несколько крупных дел, которые, благодаря газетным публикациям, получили огласку и резонанс. Так, в 2006 г. Дмитрий Стешин провел экспедицию «Комсомольской правды» в пермскую тайгу к озеру «Ядерному»; там, на месте, где так и не состоялся поворот северных рек, провел журналистское расследование о забытых в шахтах ядерных зарядах [7]. В 2008-м в Косово Стешин ищет правду истории о «черных трансплантологах». После выхода в печать материалов расследования Генеральная прокуратура Сербии возбудила уголовное дело, переданное впоследствии в международный суд в Гааге. В те же годы у Дмитрия Стешина появляются и первые публицистические материалы. Например, рассказ «Во тьмах Беловодья» трудно назвать чисто журналистским текстом, это, скорее, художественная публицистика:

«Человек, сколько себя помнил, воевал с Пармой и ею же и жил. Земли тут были скудные, но лес кормил и река кормила. Были тут люди, исчезли постепенно,

¹ О творческой биографии А. И. Коца мы уже писали [17]. Настоящую статью можно считать тематической частью цикла материалов о корреспондентах специальной военной операции.

и с каждым годом след человеческий простывал все сильнее. Случись что – и не докричишься вовек. Девяносто литров бензина у нас ушло, чтобы добраться до этих заповедных краев. Где темно-коричневая почва похожа на щедрые ломти торта и уходит в воду целыми берегами – река раздвигала лес, ей было тесно» [23, с. 183–184].

В августе 2008 г. Стешин уже в Грузии, в Цхинвале, вместе с Коцем участвует в пятидневной войне, собирает материалы, передает в редакцию репортажи с места событий. Коца тогда ранило, Стешину повезло вернуться невредимым.

С весны 2011 г. Дмитрий Стешин – в Египте, в Тунисе, затем в Ливии. В паре с Коцем для «Комсомолки» готовили материалы об «арабской весне», вместе с тремя журналистами «НТВ» попали в плен: репортеров обвинили в шпионаже в пользу режима Муаммара Каддафи [9, с. 96]. МИД России приложил все усилия – журналистов освободили. Уже в следующем году Дмитрий Стешин работает в Сирии, передает новостные репортажи в газету и на телеканал «Комсомольская правда», готовит материалы о гонениях на христиан. В соавторстве с А. Коцем публикует расследование о религиозной войне на Северном Кавказе.

А дальше – Киев, Майдан, Крым, Донбасс и специальная военная операция, как говорит сам Стешин, «главная командировка жизни», куда репортер регулярно отправляется в длительные, многонедельные, многомесячные поездки. Причем СВО для Дмитрия Стешина, началась не 24 февраля 2022 г., а в 2013–2014 гг. – в Киеве, на «майдане». Вместе с А. Коцем Стешин находился в самой гуще событий – пытался уловить смысл происходившего, разобраться, кто и за что там боролся. Все материалы с «майдана», опубликованные в «Комсомольской правде», собраны в самом «пекле» и представляют максимально натуралистические очерки, из которых складывается своеобразная «физиология майдана», предупреждающая об грядущей опасности происходящего:

«Полувоенное положение внутри революционного периметра постепенно накладывает характерный отпечаток на его обитателей. Рамки дозволенного в полуанархическом микрообществе незаметно расширяются. И самосуды потихоньку становятся нормой. То “титишек” поймают, накарябав им на лбах фломастером “Раб”, то по Крещатику за волосы протащат очередного “проштрафившегося” бедолагу» [6].

При этом первые публикации Стешина не упоминают о фактах откровенной украинской агрессии против русских и против России, хотя, конечно, журналист их видит и сдержанно не акцентирует на них внимания. Но с каждым днем обстановка обостряется, национализм становится все более откровенным, и протестный накал повествования в публикациях Стешина нарастает. В репортажах этого периода прослеживается «мировоззренческая эволюция» автора, отношение к «майдану» и его участникам заметно меняется. Еще 1 февраля 2014 г. Стешин писал:

«Спецкоры “КП”, работая на Майдане две последние недели, конечно, сталкивались с пренебрежительным отношением к себе как к россиянам. Например, с нами демонстративно говорили на мове. Однако воинственного, физического выражения антироссийских настроений с рукоприкладством не наблюдали» [6].

Через 2 месяца, в апреле 2014 г., Стешин опубликует на своей странице тогда еще не запрещенного Facebook заметку о жизни в Киеве, закончив ее фразой:

«С нынешними украинцами говорить не о чем. Ответом на их привычную немотивированную агрессию к “москалям” может быть только удар в лицо» [25].

В «Телеграм» Дмитрий Стешин известен как автор канала «Русский тарантас». Это не классический новостной канал военкора, не площадка для информационных обзоров – это, можно сказать, площадка для выражения мнения, позиции самого журналиста, позиции его коллег-единомышленников. Если сайт «Комсомольской правды» – официальный медиаресурс для публикации авторских журналистских текстов, то тг-канал «Русский тарантас» – своеобразная «авторская колонка», где Стешин, очевидно, размещает материалы, которые не всегда уместно опубликовать в СМИ. Например, на официальной странице «КП» 10 апреля 2025 г. вышла статья Стешина «Выбор ценою в жизнь» [21] об Алексее Зубрицком, летчике 204 бригады ВСУ, который когда-то служил в Крыму, а весной 2014 г. перешел на сторону России, сменил гражданство и теперь покоряет космические пространства под эгидой Роскосмоса (8 апреля 2025 г. с Бойконура состоялся запуск на МКС космического корабля «Союз», приуроченный к 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне; в составе интернационального экипажа – бывший украинский, а теперь уже наш летчик – Зубрицкий).

Синхронно, в тот же день, в тг-канале «Русский тарантас» появляется история Стешина «Два летчика из 204 бригады ВСУ. Две судьбы», где говорится еще об одном летчике – командире 204 бригады ВСУ Юлии Мамчуре, который принял украинскую сторону, даже пытался штурмовать крымский военный аэродром Бельбек, выкрикивая при этом «Америка с нами!». В «Тарантасе» Стешин рассказывает, используя соответствующий лингвистический реквизит, чем закончилась «доблестная» история украинского пилота:

«В 2015 году Мамчур от командования бригадой отстранен, в Раду не выбрали во второй раз и даже разок дали за что-то звизды прямо у входа в “будинок гідності”, сейчас гасится в своем домике в Черногории. Остальные сослуживцы лежат в воронках на месте падения их самолетов или на кладбище, если повезло» [22].

Как видим, тг-канал Стешина – это, скорее, лента комментариев, откликов, реакций, мнений и материалов, по разным причинам не вошедших в основные журналистские публикации. Лексика здесь свободная, стиль разговорный, часто встречаются оценочные слова и выражения. В уведомлении к платформе сказано, что это «личный канал Дмитрия Стешина», а значит, он не претендует на информационный новостной ресурс, при этом подписчиков у автора немало – около 145 тысяч. Думается, постепенный переход корреспондентов от «официальной» журналистики к частным, авторским формам освещения военных событий (авторские тг-каналы, страницы в соцсетях и т. д.) – ответ на требование коллективного сознания, нуждающегося в разностороннем и целостном представлении о войне. Стешин сполна предоставляет такую возможность своему читателю.

Однако понять принципы военной журналистики Стешина невозможно без его публицистики; именно она максимально полно выражает отношение автора к войне, к

«брату-журналисту», журналистским «правилам», а самое главное – к роли журналиста в военных действиях. В 2018 г. вышел первый публицистический сборник Дмитрия Стешина «Коротко и жутко. Военкор Стешин» [23]. В нем отражены события четырех современных военных конфликтов – в Южной Осетии, Новороссии, Сирии, Ливии. Но характерно, что открывается сборник рассказами о Великой Отечественной войне, написанные журналистом еще в 2005 г. во время экспедиции с поисковыми отрядами в Новгородскую область. В жанровом отношении это именно рассказы – результат художественного осмысления фактов. Причем один из рассказов, «Контрибуция», с опорой на воспоминания переживших оккупацию жителей, – предельно реалистичный, с количеством убедительных подробностей и воссозданных диалогов, с детально проработанными характерами героев – удостоен второй премии конкурса «Русская тема» Союза писателей России. Предисловие к сборнику поясняет, насколько однозначна для Стешина преемственная связь между современностью и эпохой Великой Отечественной войны:

«Эта книга начинается с рассказов о прошлой войне, которая давно закончилась, но мы все равно постоянно оглядываемся на наших павших предков и безмолвно сверяем с ними свою жизнь и поступки. Их кровь течет в наших жилах, они смотрят на этот мир нашими молодыми глазами и продолжают любить и ненавидеть» [23, с. 7].

В этой же книге журналист Д. Стешин рассуждает о выработанных им моральных принципах профессионального труда:

«Я никогда не брал в руки оружие, свято соблюдая журналистский кодекс. Моя щепетильность никак не повлияла на численность людей, желающих моей смерти и смерти моих товарищей-журналистов, чьи образы тоже есть в этой книге. Если некие “доброжелатели” рассылают по Интернету твой портрет с геотегом и “добрым” напутствием: “Ребята-снайперы, не промахнитесь, этот орк сейчас на позициях у шахты 6/7”, ты лишний раз убеждаешься, что все делаешь правильно. Твоя работа нужна людям по обе стороны фронта» [23, с. 7].

И далее:

«Война – это разговор человека с Богом без посредников. Бог назначил тебя ретранслятором чужого горя. И только со стороны кажется, что это горе проходит через тебя бесследно – встряхнулся, умылся и пошел дальше с блокнотиком и видеокамерой» [23, с. 7].

Становится понятным, что публицистика и литература Стешина рождаются как непосредственное развитие собственно журналистских текстов, постфактум переосмысленных творческим сознанием:

«В газетных репортажах невозможно передать, что ты ощущаешь сам, оказавшись в таких “звиздорезах”. Там нет смутных сбывающихся знаков-предостережений, нет твоей веры, твоего ужаса, смятения, внезапных озарений и видений. Почти нет цинизма и жалости. Все эти чувства и драматургию я оставил для этой книги» [23, с. 8].

За «Контрибуцией» следуют еще несколько рассказов, посвященных Великой Отечественной: «Мертвые ждут бессмертных», «Ноги. Быль», «Они пропали за Родину». Эти произведения настолько реалистично передают исторические подробности, воссоздают характеры, что можно говорить об абсолютном погружении автора в соответствующую эпоху, и следует констатировать, что это результат не только сосредоточенного труда, но и литературного дара, позволяющего автору «проживать» ситуации прошлого подобно их участнику или очевидцу. Но вместе с тем, это, думается, еще и итог работы военного корреспондента: знания о военной данности наших дней позволяют вплотную приблизиться к военной «драматургии» прошлого.

Первый сборник Стешина получился разножанровым и разноформатным. Скажем, главы, посвященные Киеву, Крыму и Новороссии, невозможно отнести ни к журналистике, ни к публицистике, ни к художественной литературе. Они напоминают «записки на манжетах», «заметки в телефоне», наброски, сделанные будто на бегу. В них нет связного сюжета, нет нарратива – лишь фиксация фактов, авторских наблюдений, замечаний. Предельный драматизм, критическое напряжение ситуации, историческая значимость момента диктуют соответствующую стилистику: краткие, «рубленные» фразы, выделяемые в самостоятельные абзацы. Максимально сохранены пространственно-временные ориентиры (дата, время суток, названия улиц, зданий, холл гостиницы, лестница) и «звукозапись» (рассыпающееся под выстрелами стекло и кафель, рыдания санитарок).

«Утро 21-го числа:

Беркут бежит с Майдана, отброшен за гостиницу Украина.

Беркут отбросили к Банковой улице, радикалы опять заняли улицу Грушевского. Раненых десятки.

Лестница в гостинице Украина простреливается с холма, практически в упор пытались подняться в номер, выйти в эфир.

Лифты не работают. Распахиваю дверь на черный ход – два выстрела в упор – не попали. Лица нам с оператором Сашей Беловым посекло кафелем да стеклом. Не попали!

Ссыпались по лестнице. Сашу Коца зажали на Институтской. У цоколя гостиницы. Улица простреливается, ему пока не выбраться <...>.

В гостиницу в холл несут раненых. Десятки. Линия фронта прямо по гостинице. Приколно.

“Беркут” лупит прямо по гостиничным номерам – на лестнице в окне холла – дырка. Старушка-портье прячется под свою стойку <...>.

На Институтской снайперы. Людей валят одного за другим. Стреляют из снайперок бронебойными – пробивает и щит и броник <...>.

Выходим из лифта в холл гостиницы, а там похороны. Выносят трупы погибших утром. Весь день пролежали за ширмами.

Девчонки санитарки в голос рыдали. <...>

Продолжение, надеюсь, будет» [23, с. 103].

В Крыму Стешин побывал проездом, сделав такие же «точечные» наброски, мозаичные наблюдения, из которых и складывается орнамент истории, без вымысла и прикрас. В то же время темпоритм авторского повествования очень точно передает скорость, с которой вершилась в те дни история:

«На границе Украины и Крыма. Пара сотен казаков, “Беркут”. Все с оружием. К нам со всей душой. Не Майдан, чуем.

С другой стороны границы пусто. И это хороший знак. При этом небо над Крымом закрыто. И это знак наоборот.

Пост Чонгар, у кафе Сиваш вырос военный лагерь. Досмотр машин из (с) Украины. Копают капониры и укрытия. Казаки, “Беркут” и неизвестные воины.

Приезжающие из (с) Украины говорят, что дороги свободны, бандеровских, майданных и революционных постов с той стороны нет.

Колонна армейских грузовиков, радиостанция и четыре бронемашины “тигр” только что въехали в Симферополь из Севастополя. Мы их встретили.

Следуем за колонной в центр. Люди на улицах машут руками военным.

Свернули с Ялтинского шоссе на улицу Полигонную к Бригаде береговой обороны ВС Украины. На КПП флаг Украины, военные блокируют часть» и т. д. [23, с. 106–107].

Из осажденного Славянска, где Стешин провел вместе с А. Коцем два месяца, выйдет цикл публицистических очерков. Складывается впечатление, что в сборник вошло то, что зачастую остается за рамками чисто журналистских текстов, – личные переживания автора, описание деталей едва уловимых, но значимых. И здесь стилистика Стешина необычна: некоторые эпизоды, лишённые линейного сюжета, порой приходится перечитывать по нескольку раз. На эту особенность исследователи уже обращали внимание: «То, что описывает Стешин, не всегда можно назвать событием в прямом значении этого слова, – отмечает А. А. Рожков. – Когда нет инфоповода, репортер сам как бы создает событие своим присутствием на месте действия» [18, с. 77]. Впрочем, на первых же страницах автор сам предупреждает, что его цель – передать не факты, а ощущения, дать почувствовать, а значит – понять. Чтобы понять, нужно пройти путем самого Стешина.

На сегодня наиболее масштабная книга Д. А. Стешина – очерковый цикл «Священная военная операция: от Мариуполя до Соледара» – охватывает временной промежуток чуть больше года, с 20 февраля 2022 г. до 2 апреля 2023 г. Этот период, судя по всему, оказался самым насыщенным для автора, самым информационно и эмоционально концентрированным. Объяснимо, почему. СВО явилась для Стешина не началом, а продолжением войны на Донбассе. Спецкор «КП» даже числился вольноопределяющимся в легендарном батальоне «Восток» [24, с. 31]. Вольноопределяющийся – это человек, отбывающий воинскую повинность добровольно:

«Еще до начала СВО Александр Ходаковский (командир батальона “Восток”. – Д. П.) принял необычное решение. Меня неофициально – штатное расписание такого не предусматривало – приписали к батальону “Восток” в качестве “вольноопределяющегося”, в традициях армии дореволюционной России. Считаю, это самый правильный формат совместной работы военных и военкоров, лучше пока не придумано» [24, с. 15].

С «Востоком» репортеру пришлось разделить все тяготы и опасности военной жизни после начала СВО: прожить и пережить штурм и освобождение Мариуполя, побродить по катакомбам и бункерам «Азовстали». Как никто из журналистов, он видел Мариуполь изнутри, места, где не ступала нога штатского человека. Очерки Стешина – это ценный фактографический материал, живая история, с именами и деталями СВО. В целом книга

Стешина – это уже не чисто журналистское произведение. Очерки восходят к литературной традиции, о чем сигнализирует уже заглавие, содержащее отсылку к песне «Священная война». Очевидно, что Стешину важно подчеркнуть связь между нынешними и прошлыми событиями, профессиональную преемственность между современным военкором и корреспондентами Великой Отечественной. Эта мысль становится идеологическим стержнем, вокруг которого «собирается» цикл военных очерков; она же служит фундаментом моральной установки, которой руководствуется автор: журналист воюющей страны не может быть беспристрастным наблюдателем событий, не имеет нравственного права «оставаться над схваткой».

Стешин осознанно называет СВО – войной. Называет в книге, но не в журналистских материалах: *«Их правят, всякий раз убирая слово “война”»,* – сокрушается Стешин в «Разговоре без цензуры» с Сергеем Марданом. – *«Все уже поняли, что идет война, как ее ни назови. Книжка-то у меня называется “Священная Военная Операция”! Меня от слова СВО коробит»* [13].

В связи с этим отметим еще одну особенность. В книге Стешина то и дело встречаются отсылки и «параллели» с Великой Отечественной войной. Например, рассказывая о 22 февраля 2022 г., дне признания Россией Луганской и Донецкой республик, автор подытожит: *«Нынешний день можно сравнить со Сталинградской битвой; в войне перелом, но до Берлина еще далеко»* [24, с. 9]. Отсылка к переломному событию Великой Отечественной войны читается и в заголовке очерка «Мариуполь: оживающий Сталинград» [24, с. 129]. Еще один очерк называется «Дорога жизни» (30 марта 2022 г.) – прозрачная аллюзия на «дорогу жизни» по Ладожскому озеру. Только в современности эта дорога пролегает не по озеру, а по воздуху. В Мариуполе в одной из девятиэтажек осталась отрезанной от основных частей так называемая «группа Люгера», два десятка бойцов батальона «Восток». «Азовцы» их пропустили вглубь квартала и взяли в окружение:

«Почти сутки ребята из авиаразведки “Востока” с помощью квадрокоптера забрасывали окруженным бойцам трос – первую “дорогу жизни”. А потом в девятиэтажку в пустых пятилитровых бутылках по воздуху поползли гранаты, патроны, продукты, газ для горелки, вода и лекарства, батареи для рации. В ответ разведчики присылали трогательные записки на кусках обоев. Командир батальона “Восток” собрал эти послания и сохранил: “Для истории”» [24, с. 92].

Наиболее выразительно авторские сравнения специальной военной операции с Великой Отечественной войной иллюстрирует фрагмент очерка «Необходимый комментарий: не жалейте. Они никого не жалели». После штурма «Азовстали» Стешин нашел дневник одного из азовцев, прочел и комментировал так:

«Слишком много совпадений у двух историй, хотя между ними ровно 77 лет – та же весна. Идеи те же, символика та же – свастики и руины. На “Азовстали” в переплет попали мерзавцы, только калибром поменьше. Но и того, что они успели натворить, хватило бы на виселицу: утащили на тот свет тысячи людей, разрушили прекрасный город. На прощание, со зла, без видимой военной необходимости» [24, с. 211]

В заглавии книги «Священная Военная Операция» каждое слово пишется с заглавной буквы. Таким образом автор даже графически напоминает нам о двух

Отечественных войнах, выводит СВО из разряда стандартных спецопераций и подчеркивает особый масштаб, трагизм, эпохальность нынешнего военного противостояния России с объединенным Западом.

В книге, написанной в форме почти ежедневных дневниковых очерков, переплетаются репортажная конкретика, поэтика очевидца и авторские отступления. Именно эти отступления помогают постичь глубинные причины текущей войны. Вот, скажем, запись от 3 марта 2022 г. «Ночью меня “убили” в очередной раз». Здесь рассказывается, как «доброжелатели» снова разместили в соцсетях посты «Заберите труп Стешина, его уже собаки едят», а его 12-летней племяннице прислали персональное издевательское сообщение. В связи с этим военкор делится с читателем мыслями:

«В очередной раз сейчас подумал о тех, кому сейчас противостоят Россия и армии республик. Никто из нас никогда не стал бы писать ТАКОЕ детям даже самых отъявленных бандеровцев. Даже в голову бы такое не пришло. В этой области сокрыта граница между людьми и нелюдьми. В этом сообщении тайна и причина нашего противостояния» [24, с. 34].

В десяти предложениях изложена история, после которой исчезают всякие сомнения в справедливости нашей борьбы. Еще один штрих в продолжение этой темы, но уже – от жительницы Мариуполя:

«У них был танкист, мразь, сволочь, мы его всем поселком проклинали. Утром встанет, морду протрет, заведет танк и давай кататься по улицам и хаты сносить. Одну за другой! Не понравился чем-то дом, остановился, пушку навел – и хаты нет <...>. Почему он так на нас озлобился, не знаю...» [24, с. 106].

Чисто фашистская тактика: совершить бесчеловечную выходку, чтобы утвердиться в ощущении собственного превосходства.

Композиционно очерки Стешина могут состоять сразу из нескольких самостоятельных историй, представляя собой конструкцию «рассказ в рассказе». Например, очерк от 20 апреля 2022 г. «Я больше не глажу собак, они все здесь людоеды» включает четыре самостоятельных сюжета («Проспект мертвецов», «Собаки-людоеды», «Давить “русню” не задалось» и «Не мародер, а женщина»), отражающие один день из жизни только что освобожденного от нацистов города.

Вместе с автором «Священной Военной Операции» читатель проживает будни Донецка, штурм Мариуполя, радость побед и неудач, делит хлеб с солдатами, помогает пенсионерам и раненым. «Год СВО, день за днем, плечом к плечу с героическими бойцами и простыми людьми, которые на протяжении долгих лет вершили свой подвиг, делали свой выбор – всегда нелегкий», – говорится в аннотации [24, с. 2].

В книге Стешина много портретных очерков, личных историй – и героических, и повседневных, и счастливых, и трагических: о мобилизованных, о добровольцах, о бойцах ЧВК «Вагнер», медиках, местных жителях, погибших друзьях-бойцах, погибших братьях-журналистах. Перед отправкой книги в печать Д. Стешин узнал о смерти друга – журналиста Владлена Татарского. Очерком «Максим Фомин» (2 апреля 2023 года) он и завершает свой первый цикл:

«Так получилось, что мое место в этой войне определил Владлен Татарский, Максим Фомин, воин-проповедник. Буквально взял меня за руку и отвез в батальон “Восток” <...>. Макс не раз мне говорил, что основные сражения этой войны

идут на небесах, там, где Свет бьется с Тьмой. Буду думать, что Макс просто перешел на другой участок фронта. Да так оно и есть» [24, с. 442].

Основная часть очерков, составивших книгу, были в разное время опубликованы Стешиным в «Комсомольской правде» или в его тг-канале «Русский тарантас». Но ценность полного издания заключается еще и в эксклюзивных комментариях, сделанных курсивом, в которых автор дописал то, о чем нельзя и неуместно было говорить в момент первоначальной публикации очерков. И эти включения курсивом порою красноречивее основных текстов. У военного корреспондента Дмитрия Стешина – богатый журналистский опыт, который ложится сегодня на благодатную почву писательского таланта. Это позволяет не только фиксировать факты и лица, а проникать вглубь событий, постигать их скрытые пружины, видеть за нынешним конфликтом извечные противоречия.

Очерковый цикл «Священная Военная Операция» продолжен и, по всей видимости, вскоре будет опубликована вторая его часть:

«Закончил продолжение “Священной военной операции”, сдал в корректуру и сел подписывать книги удмуртским бабушкам, плетущим маскировочные сети для фронта. Старался, чтобы не было одинаковых автографов, аж спина вспотела», –

поделился 24 октября 2025 г. в «Русском тарантасе» Дмитрий Стешин. Будем ждать выхода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С началом СВО перед российскими журналистами, публицистами и литераторами возникла задача осмысления ценностных ориентиров дальнейшего творчества. Специальная военная операция стала вызовом для традиционных представлений о журналистской этике, сложившихся в последние мирные десятилетия. Анализ творческой биографии Дмитрия Стешина демонстрирует, как постепенно, но последовательно формировалось наше новое представление о долге военного журналиста и его моральных обязательствах. По существу, СВО ознаменовала эру обновленного «самоосознания» отечественных военкоров. Пожалуй, наиболее ярко оно было выражено Евгением Поддубным в первый день СВО, когда журналист однозначно определил собственную позицию: «Я военный репортер воюющей страны. Это моя война». Под этими словами сегодня могли бы подписаться многие наши военкоры, а творчество Стешина, по существу, – история становления этого обновленного представления роли военкора на «своей» войне.

Не секрет, что в последние десятилетия «идеология журналистики» навязывалась нам извне и строилась по лекалам англосаксонской школы. Эта «идеология» весьма эффективна для управления «информационными колониями», но противоречит интересам стран и народов, дорожащих своим суверенитетом. Возведенная в абсолют так называемая «объективность журналистики» на поверку представляла собой квазиобъективность, вытесняющую из информационного поля и из самого сознания журналиста естественные ощущения и реакции, впитанные с детства нравственные установки, исторически сложившиеся ценностные ориентиры. В таких условиях журналисту была уготована скромная роль ремесленника, оказывающего «информационные услуги» на любой вкус и лишенного собственного «я».

Закономерно, что «карточный домик» такой «этики» рухнул, как только Россия взяла твердый курс на защиту своих национальных интересов. Национальная память возродила ориентиры, позволявшие нашей стране побеждать в самые тяжелые моменты прошлого. И совершенно закономерно обращение российских журналистов к примерам периода Великой Отечественной войны, когда военкор – будь он в мирной жизни журналистом, поэтом или писателем – воспринимал свою военную задачу в качестве гражданского долга, что открывало возможности для профессиональной инициативы, рождало смелые творческие решения, а в месте с ними и великие образцы военной публицистики, лучшие тексты о войне. Наши нынешние репортеры, как их предшественники времен Великой Отечественной, сегодня предстают «бойцами информационного фронта», подобно Михаилу Шолохову, Константину Симонову, Борису Полевому, Александру Твардовскому и многим другим. С этим, думается, связан феномен популярности публицистов и военных корреспондентов специальной военной операции – Евгения Поддубного, Александра Сладкова, Александра Коца, Семена Пегова, Захара Прилепина, Александра Проханова, Анны Долгаревой, Игоря Караулова, Германа Садулаева и др., составляющих «армию современной русской литературы, сражающуюся на фронтах СВО» [11, с. 44]. Одно из самых заметных мест в этом ряду занимает и военный корреспондент «Комсомольской правды» Дмитрий Стешин.

Список литературы

1. *Амиров В. М.* Сниженная лексика и эффект достоверности в современном военном репортаже // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – Т. 138. – № 2. – С. 14–18.
2. *Барезжев В. А.* Некоторые особенности сленга в медиадискурсе (на примере текстов военкоров «Комсомольской правды») // Военная журналистика в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции, Луганск, 12 апреля 2023 г. – СПб.: Медианапир, 2023. – С. 203–207.
3. Дмитрий Стешин // 24 СМІ. – Режим доступа: <https://24smi.org/celebrity/421250-dmitrii-steshin.html>. – (Дата обращения: 10.11.2025).
4. *Ерофеева И. В., Михалева Л. И.* Аксиологический потенциал эмоционального интеллекта военного журналиста в медиадискурсе // Гуманитарный вектор. – 2024. – Т. 19. – № 4. – С. 132–140.
5. Интервью Александра Мащенко с Дмитрием Стешиным // ВКонтакте. – Режим доступа: https://vkvideo.ru/video-148505134_456240173?ref_domain=yastatic.net&t=1m38s. – (Дата обращения: 10.11.2025).
6. *Коц А., Стешин Д.* За Русь с бандеровцем сдружусь! // Комсомольская правда. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26189.7/3077222/>. – (Дата обращения: 10.11.2025).
7. *Коц А., Стешин Д.* «Комсомолка» нашла в тайге три бесхозные ядерные бомбы // Комсомольская правда. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/23792/58685/>. – (Дата обращения: 10.11.2025).
8. *Куянцева Е. А., Каторгина Д. Ю.* Специфика работы военных корреспондентов во время Великой Отечественной войны и в зоне СВО: сравнительный аспект // Вестник Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского. Серия общественных наук. – 2024. – № 2. – С. 96–104.
9. *Ляшкова Н. О., Шиверских Е. А.* Донести правду: деятельность военкоров в зоне специальной военной операции // Байкальская Сибирь: историческая память и вызовы современности: Мат-лы Всероссийской студенческой научно-практ. конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и 95-летию Байкальского государственного университета. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2025. – С. 94–102.
10. *Мащенко А. П.* Крым в жизни и творчестве Константина Симонова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9. – № 3. – С. 88–103.

11. *Мащенко А. П.* Специальная военная операция на Украине как вызов для русской литературы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10 (76). – № 3. – С. 49–61.
12. *Новиков Д. А., Шулежкова С. Г.* Сверхсловные неологизмы с компонентом «направление», рожденные в ходе специальной военной операции // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2023. – Т. 7. – № 1. – С. 31–39.
13. Новый проект Мардан и Стешин. Разговор без цензуры // Одноклассники. – Режим доступа: <https://ok.ru/video/6038610774761>. – (Дата обращения: 10.11.2025).
14. *Орехов В. В.* Военная журналистика в эпоху СВО: от фиксации фактов к обобщениям // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10 (76). – № 3. – С. 49–61.
15. *Орехов В. В.* Военный очерк периода СВО и традиция литературной циклизации // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: Мат-лы IX Междунар. междисциплинарной науч. конференции, Симферополь, 28–29 ноября 2024 г. – Симферополь: Ариал, 2025. – С. 18–25.
16. *Орехов В. В., Егорова Л. Г.* Наука и жизнь (вместо предисловия) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2025. – Т. 11. – № 3. – С. 3–11.
17. *Первых Д. К.* Александр Коц: военный корреспондент и писатель // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2024. – Т. 10 (76). – № 4. – С. 33–45.
18. *Рожков А. А.* Особенности репортажа военного корреспондента «Комсомольской правды» Дмитрия Стешина из зоны СВО // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов, Воронеж, 27 октября 2023 г. Ч. II. – Воронеж: ВГУ, 2023. – С. 77–78.
19. «Русский тарантас» военкора Стешина // Cherinfo. Официальный сайт Череповца. 12.04.2022. – Режим доступа: <https://cherinfo.ru/news/120595-russkij-tarantas-voenkora-stesina> (Дата обращения: 10.11.2025).
20. *Соломкина Т. А.* Материалы военкоров на телевизионном экране // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения: Сб. материалов. В 2-х т. Т. 1. – СПб.: ООО Медиапир, 2023. – С. 219–220.
21. *Стешин Д.* Выбор ценою в жизнь // Комсомольская правда. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27684/5073843>. – (Дата обращения: 10.11.2025).
22. *Стешин Д.* Два летчика из 204 бригады ВСУ // Русский тарантас. – Режим доступа: <https://t.me/DmitrySteshin/13154>. – (Дата обращения: 10.11.2025).
23. *Стешин Д. А.* Коротко и жутко. Военкор Стешин. – СПб.: Питер, 2018. – 180 с.
24. *Стешин Д. А.* Священная военная операция: от Мариуполя до Соледара. – М.: ИД «Комсомольская правда», 2025. – 448 с.
25. Стешин Дмитрий Анатольевич // Рувики. – https://ru.ruwiki.ru/wiki/Стешин_Дмитрий_Анатольевич. – (Дата обращения: 10.11.2025).
26. *Федорова Е. А.* Военная публицистика А. А. Суркова и современных авторов в контексте духовной традиции России // Русский язык в поликультурном мире. IX Международный симпозиум (08–12 июня 2025 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. II. – Симферополь: ИД КФУ, 2025. – С. 258–262.

References

1. Amirov V. M. *Snizhennaya leksika i ehffekt dostovernosti v sovremennom voennom reportazhe* [Reduced vocabulary and the effect of credibility in modern war reporting]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 2015, vol. 138, no. 2, pp. 14–18.
2. Barezhev V. A. *Nekotorye osobennosti slenga v mediadiskurse (na primere tekstov voenkorov «Komsomol'skoj pravdy»)* [Some features of slang in media discourse (based on the texts of Komsomolskaya Pravda war correspondents)]. *Voennaya zhurnalistika v sovremennom mire: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, Lugansk, 12 aprelya 2023 g.* SPb., Mediapapir Publ., 2023, pp. 203–207.

3. Dmitriy Steshin [Dmitry Steshin]. 24 Media. Available from: <https://24smi.org/celebrity/421250-dmitrii-steshin.html> (accessed 10 November 2025).
4. Erofeeva I. V., Mikhaleva L. I. *Aksiologicheskij potentsial emotsional'nogo intellekta voennogo zhurnalista v mediadiskurse* [Axiological potential of the emotional intelligence of a military journalist in media discourse]. *Gumanitarnyj vector*, 2024, vol. 19, no. 4, pp. 132–140.
5. Interv'yu Aleksandra Mashchenko s Dmitriem Steshinym [Interview with Dmitry Steshin by Alexander Mashchenko]. *Vkontakte*. Available from: https://vkvideo.ru/video-148505134_456240173?ref_domain=yastatic.net&t=1m38s (accessed 10 November 2025).
6. Kots Alexander, Steshin Dmitry *Za Rus' s banderovcem sdruzhus'!* [I will make friends with a Banderite for the sake of Russia!]. *Komsomol'skaya pravda*. Available from: <https://www.kp.ru/daily/26189.7/3077222/> (accessed 10 November 2025).
7. Kots Alexander, Steshin Dmitry «*Komsomolka*» *nashla v tajge tri beskhoznye yadernye bomby* ["Komsomolka" found three unclaimed nuclear bombs in the taiga]. *Komsomol'skaya pravda*. Available from: <https://www.kp.ru/daily/23792/58685/> (accessed 10 November 2025).
8. Kuyantseva E. A., Katorgina D. Yu. *Spetsifika raboty voennykh korrespondentov vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny i v zone SVO: sravnitel'nyj aspekt* [Specifics of the work of war correspondents during the Great Patriotic War and in the ATO zone: a comparative aspect]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologij i upravleniya imeni K. G. Razumovskogo. Seriya obshchestvennykh nauk*, 2024, no. 2, pp. 96–104.
9. Lyashkova N. O., Shiverskikh E. A. *Donesti pravdu: deyatel'nost' voenkorov v zone spetsial'noj voennoj operatsii* [To convey the truth: the activities of war correspondents in the zone of a special military operation]. *Bajkal'skaya Sibir': istoricheskaya pamyat' i vyzovy sovremennosti: Mat-ly Vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakt. konferentsii, posvyashhennoj 80-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. i 95-letiyu Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet Publ., 2025, pp. 94–102.
10. Mashchenko A. P. *Krym v zhizni i tvorchestve Konstantina Simonova* [Crimea in the Life and Work of Konstantin Simonov]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal*, 2023, vol. 9 (75), no. 3, pp. 88–103.
11. Mashchenko A. P. *Special'naya voennaya operatsiya na Ukraine kak vyzov dlya russkoj literatury* [Special Military Operation in Ukraine as a Challenge for Russian Literature] *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal*, 2024, vol. 10 (76), no. 3, pp. 49–61.
12. Novikov D. A., Shulezhkova S. G. *Sverkhslownye neologizmy s komponentom «napravlenie», rozhdennye v khode spetsial'noj voennoj operatsii* [Super-word neologisms with the component “direction” born during a special military operation]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 31–39.
13. *Novij proekt Mardan i Steshin. Razgovor bez cenzury* [The new project by Mardan and Steshin. Uncensored conversation]. *Odnoklassniki*. Available from: <https://ok.ru/video/6038610774761> (accessed 10 November 2025).
14. Orekhov V. V. *Voennaya zhurnalistika v epohu SVO: ot fiksatsii faktov k obobshcheniyam* [Military Journalism in the Era of the Special Military Operation: From Fact-Finding to Generalizations]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal*, 2024, vol. 10 (76), no. 3, pp. 49–61.
15. Orekhov V. V. *Voennyj ocherk perioda SVO i traditsiya literaturnoj ciklizatsii* [Military essay of the period of the Special military operation and the tradition of literary cyclization]. *Konvergentnye tehnologii XXI: variativnost', kombinatorika, kommunikatsiya: Mat-ly IX Mezhdunar. mezhdisciplinarnoj nauch. konferentsii, Simferopol', 28–29 nojabrja 2024 g.* Simferopol, Arial Publ., 2025, pp. 18–25.
16. Orekhov V. V., Egorova L. G. *Nauka i zhizn' (vmesto predisloviya)* [Science and Life (instead of a preface)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2025, vol. 11, no. 3, pp. 3–11.
17. Pervyh D. K. *Aleksandr Koc: voennyj korrespondent i pisatel'* [Alexander Kotz: War Correspondent and Writer]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal*, 2024, vol. 10 (76), no. 4, pp. 33–45.
18. Rozhkov A. A. *Osobennosti reportazha voennogo korrespondenta «komsomol'skoj pravdy» Dmitriya Steshina iz zony SVO* [Features of the report of the military correspondent of “Komsomolskaya Pravda”

- Dmitry Steshin from the zone of a special military operation]. *Problemy massovoj kommunikatsii: novye podkhody: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii aspirantov i studentov, Voronezh, 27 oktyabrya 2023 g. Ch. II.* Voronezh: VGU Publ., 2023, pp. 77–78.
19. «Russkij tarantas» voenkora Steshina [“Russian tarantas” by war correspondent Steshin]. *Sherinfo. Ofitsial'nyj sayt Cherepovtsa*. 12.04.2022. Available from: <https://cherinfo.ru/news/120595-russkij-tarantas-voenkora-stesina> (accessed 10.11.2025).
 20. Solomkina T. A. *Materialy voenkorov na televizionnom ehkrane* [Materials of war correspondents on television screens]. *Media v sovremennom mire*. 62-e Peterburgskie chteniya: Sb. materialov. V 2-kh t. T. 1. St. Petersburg, OOO Mediapapir Publ., 2023, pp. 219–220.
 21. Steshin D. *Vybor cenoyu v zhizn'* [Choosing a Life at the Price of]. *Komsomol'skaya pravda*. Available from: <https://www.kp.ru/daily/27684/5073843/> (accessed 10 November 2025).
 22. Steshin D. *Dva letchika iz 204 brigady VSU* [Two pilots from the 204th Brigade of the UAF]. *Russkij tarantas*. Available from: <https://t.me/DmitriySteshin/13154> (accessed 10 November 2025).
 23. Steshin D. A. *Korotko i zhutko. Voenor Steshin* [Short and Eerie. Military Correspondent Steshin]. St. Petersburg, Peter Publ., 2018. 180 p.
 24. Steshin D. A. *Svjashhennaja voennaja operacija: ot Mariupolja do Soledara* [Sacred military operation: from Mariupol to Soledar]. Moscow, Komsomol'skaja pravda Publ., 2023. 448 p.
 25. *Steshin Dmitrij Anatol'evich* [Dmitry Anatolyevich Steshin]. *Ruviki*. Available from: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Стешин,_Дмитрий_Анатольевич (accessed 10 November 2025).
 26. Fedorova E. A. *Voennaja publicistika A. A. Surkova i sovremennyh avtorov v kontekste duhovnoj tradicii Rossii* [Military journalism of A. A. Surkov and contemporary authors in the context of the spiritual tradition of Russia]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: Sb. nauch. statej IX Mezhdunar. simpoziuma, 08–12 ijunya 2025 g. T. 2.* Simferopol, KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2025, pp. 258–262.

MILITARY CORRESPONDENT DMITRY STESHIN: FROM THE GREAT PATRIOTIC WAR TO THE “HOLY MILITARY OPERATION”

Pervykh D. K.

The article attempts to trace the creative path of Dmitry Steshin, one of the most famous war correspondents in modern Russia, a reporter for Komsomolskaya Pravda, whose works have already become part of the history of Russian journalism. By systematizing the facts of D. A. Steshin's creative biography and analyzing his publications, the article reveals the specific professional attitudes developed by the war correspondent. Steshin's work demonstrates a tendency towards mastering larger genres such as essays and essay series. In addition, D. A. Steshin's work is largely based on the literary tradition of the publicists of the Great Patriotic War. This is evident in his high level of civic engagement and patriotic motivation, as well as in the opportunities for professional initiative, the expansion of the thematic palette, and the development of new creative solutions. The comparison of facts presented in the article allows us to identify logically explainable patterns, such as why Steshin often uses allusions to the Great Patriotic War in his works on the special military operation, why he refers to the special military operation as the "Holy Military Operation," and why, despite not being an eyewitness to the Great Patriotic War, he continues to address the events of 80 years ago in his work. The conclusion that emerges from the analysis of Dmitry Steshin's materials is the formulation of the main journalistic ideology that every Russian war correspondent should follow today: during a war waged by their country, a journalist has no moral right to "stand above the fray." The only way to win the information war against the West is to reject the standards of quasi-objective journalism imposed by the Anglo-Saxon school for information colonies.

Keywords: Dmitry Steshin, Komsomolskaya Pravda, war correspondent, history of Russian military journalism, journalism of the Special Military Operation.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОГРАММ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ)

Сурган М. А.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: surik_m@rambler.ru*

Распространение социальных сетей привело к трансформации форм коммуникации между гражданами и органами власти. Социальные медиа становятся не только каналами информирования, но и инструментами стимулирования гражданского участия. В статье рассматриваются особенности использования социальных сетей в целях информационного сопровождения и популяризации программы инициативного бюджетирования в Республике Крым. Анализ базируется на данных о публикационной активности официальных сообществ программы во ВКонтакте, Одноклассниках и Телеграм в период с февраля по июнь 2025 г. Учтены показатели вовлеченности аудитории (лайки, репосты, комментарии, просмотры), типы публикаций, динамика активности, особенности подачи контента. Выявлено, что на всех платформах преобладают информационные и отчетные публикации, однако объем мотивационного контента варьируется. Полученные результаты позволяют также обозначить отличия в коммуникационных стратегиях на разных платформах. Выявлена тенденция использования социальных сетей преимущественно как инструментов односторонней публичной коммуникации. Статья подчеркивает необходимость разработки дифференцированных контент-стратегий для повышения эффективности вовлечения населения в выдвижение гражданских инициатив.

Ключевые слова: социальные медиа, гражданские инициативы, инициативное бюджетирование, коммуникационная стратегия, Республика Крым

ВВЕДЕНИЕ

Цифровые коммуникации кардинально трансформируют формы и методы взаимодействия граждан с органами власти и общественными институтами. Социальные сети становятся важным каналом коммуникации, позволяющим не только оперативно информировать население, но и стимулировать гражданское участие в управлении территориальными ресурсами. Социальные медиа выполняют функцию площадки для публичных коммуникаций и взаимодействия «органов власти и стейкхолдеров при обсуждении общественно значимых проблем» [9, с. 57–58], обеспечивая открытость и доступность для широкой аудитории [8]. Согласно позиции И. Мергель, в деятельности государственных институтов использование социальных сетей нацелено на обеспечение прозрачности, поддержание сотрудничества и стимулирование общественного участия [13]. На значимость использования социальных медиа как каналов публичного взаимодействия для повышения информированности общества указывает и Е. Н. Дмитриева [6].

Социальные сети расширяют возможности «удовлетворения растущих потребностей участия активных граждан в делах общества путем интенсификации взаимодействия при одновременном повышении их прозрачности» [12, с. 32]. Особую значимость данная тенденция приобретает в рамках программ, ориентированных на повышение гражданской активности и поддержку гражданских инициатив, таких как инициативное бюджетирование. Инициативное бюджетирование (ИБ) – это механизм, который дает жителям муниципалитетов возможность непосредственно влиять на распределение части бюджетных средств путем выдвижения инициативных проектов, направленных на решения проблем местного сообщества [3].

Вовлечение граждан в процессы инициативного бюджетирования предполагает не только наличие институциональных механизмов участия, но и организацию целенаправленной информационной кампании, обеспечивающей осведомленность населения, мотивацию к гражданской активности и формирование готовности принимать участие в решении вопросов местного значения [2, 7].

Стратегия информационной кампании по продвижению программы инициативного бюджетирования в социальных сетях, должна выстраиваться не только с учетом особенностей реализуемой программы ИБ, территории, вовлеченных муниципальных образований, социальных и культурных особенностей региона [11], но и особенностей площадок коммуникации. Социальные медиа на современном этапе рассматриваются как эффективный коммуникативный инструмент формирования репутации органов власти [1, 4] и соответственно реализуемых ими социально ориентированных программ, и механизм повышения доверия к ним. В. В. Зотов и А. В. Губанов среди ключевых условий формирования такого доверия называют открытость и доступность информации и наличие постоянной двусторонней коммуникации с гражданами, а наиболее значимыми эффектами считают повышение социальной активности и стимулирование сотрудничества между гражданами и органами власти [8].

При оценке эффективности использования социальных медиа в государственном секторе необходимо учитывать особенности контента, который транслируется официальными сообществами и «может быть интересен далеко не всем категориям пользователей». В связи с чем исследователи предлагают уделить особое внимание проблеме анализа социальной капитализации таких аккаунтов, проявляющейся в социальных инициативах, социальном участии и социальном доверии [5]. Важными параметрами при этом остаются число подписчиков сообществ и степень их активности, отражающая лояльность аудитории [10] и уровень доверия, одним из индикаторов которого является выражение аудиторией отношения к публикациям посредством лайков, репостов, комментариев [5].

Целью настоящей работы является анализ особенностей использования социальных сетей как инструмента информирования и стимулирования гражданской активности в рамках программы инициативного бюджетирования Республики Крым. Материалом исследования послужили показатели, характеризующие медиаактивность официальных сообществ, посвященных программе инициативного бюджетирования в Республике Крым в социальных сетях ВКонтакте, Одноклассники, мессенджере Телеграм, оценивавшиеся с помощью аналитической платформы Popsters, а также публикации, размещенные в указанных сообществах в период с февраля 2025 по июнь 2025 г. Общий объем выборки составил 270 публикаций.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Сравнительный анализ активности сообществ программы инициативного бюджетирования в социальных медиа позволяет выявить специфические особенности их функционирования на каждой из платформ. Наибольшее число подписчиков наблюдается у сообщества «Центр гражданских инициатив – ИБ» во ВКонтакте (582 подписчиков под данным на июнь 2025 г.), незначительно опережающего аналогичное «Центр гражданских инициатив» в Одноклассниках (557 подписчиков), в группе Телеграм «ИБ Крым новости» отмечен более узкий охват (213 подписчиков). Отметим, что если сообщества во ВКонтакте и Одноклассниках были созданы в 2021 г., Телеграм-

канал появился только в октябре 2024 г. Вместе с тем именно Телеграм-канал демонстрирует наиболее высокий уровень видимости публикаций – в среднем одна публикация просматривается более чем 398 раз, а коэффициент видимости на пост (VR Post) достигает 187,26. Для сравнения, аналогичный показатель в ВКонтакте составляет 73,54. Такая диспропорция позволяет говорить о высокой степени эффективности дистрибуции контента в Телеграм несмотря на относительно небольшую аудиторию. Это может быть связано с характером самой платформы: push-уведомления, кросспостинг в чаты способствуют увеличению охвата. Телеграм-канал удовлетворяет потребность аудитории в быстром получении информации. Для социальной сети Одноклассники соответствующие показатели в статистических данных сообщества не представлены, что затрудняет анализ роли платформы в генерации охвата.

**Таблица 1. Показатели вовлеченности аудитории сообществ
в социальных сетях**

Показатель	Платформа		
	ВКонтакте	Одноклассники	Телеграм
Среднее число лайков на пост	10,03	2,27	5,72
Среднее число репостов на пост	1,71	0,30	3,42
Среднее число комментариев на пост	0,29	0,01	0
Средний коэффициент вовлеченности за сутки (ER Day)	0,81 %	0,30 %	1,83 %
Средний коэффициент вовлеченности по постам (ER Post)	2,07 %	0,46 %	4,29 %
Средний коэффициент привлекательности (LR)	1,72%	0,41%	2,68%
Обсуждаемость (TR)	0,05%	0,003%	0%

Анализ представленных в таблице 1 данных, позволяет отметить значительные отличия в показателях вовлеченности: наиболее высокий средний коэффициент вовлеченности по постам наблюдается в Телеграм – 4,29%, во ВКонтакте средний коэффициент вовлеченности по постам составляет 2,07 %, Одноклассники демонстрируют наиболее низкий коэффициент – 0,46 %. Аналогичная тенденция проявляется и при анализе среднего коэффициента вовлеченности за сутки: Телеграм – 1,83%, ВКонтакте – 0,81%, Одноклассники 0,30%.

Телеграм также лидирует по коэффициенту привлекательности (LR) – 2,68%. В социальной сети ВКонтакте коэффициент привлекательности составляет 1,72%, наиболее низкие значения наблюдаются в социальной сети Одноклассники – 0,41%. При этом в сообществе во ВКонтакте отмечается наиболее высокий уровень обсуждаемости (TR) – 0,05, тогда как в Одноклассниках и Телеграм комментарии практически отсутствуют.

Таким образом, сообщество во ВКонтакте можно охарактеризовать как площадку умеренной вовлеченности с элементами диалоговой коммуникации, тогда как Telegram выполняет в большей степени трансляционную функцию, обеспечивая высокий уровень потребления контента, но не способствуя его обсуждению. Сообщество в Одноклассниках, несмотря на количественно сопоставимую с ВКонтакте аудиторию, демонстрирует крайне низкую реакцию и вовлеченность, что может свидетельствовать о пассивной потребительской модели поведения пользователей данной платформы.

Важным показателем оценки эффективности коммуникации в социальных медиа являются репосты. Наиболее высокий показатель среднего числа репостов на пост (3,42)

ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОГРАММ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ...

отмечается в Телеграм-канале, что говорит о целенаправленном распространении информации по горизонтальным каналам коммуникации среди заинтересованных пользователей. В сообществе во ВКонтакте данный параметр значительно ниже (1,71), в то время как в Одноклассниках репостная активность минимальна (0,3).

Публикации в анализируемых сообществах охватывают широкий спектр тем, отражающих ключевые этапы и направления реализации программы инициативного бюджетирования в Республике Крым. При этом наблюдается увеличение публикационной активности в период конкурсных этапов, что позволяет сделать вывод о том, что контент синхронизирован с календарем программы, выполняя функцию сопровождения граждан в процессе участия в конкурсе проектов.

Анализ содержания и форматов публикаций показал, что на всех трех платформах преобладает информационный и отчетный тип публикаций (см. Таб. 2), вместе с тем в контент-стратегиях наблюдаются некоторые отличия.

Таблица 2. Содержательная типология публикаций в сообществах

Тип публикаций	Характеристики	Доля публикаций, %		
		ВКонтакте	Одноклассники	Телеграм
Информационные	Анонсы этапов программы, напоминания о сроках, объявления	30 %	32 %	38 %
Отчетные	Публикации о мероприятиях, посвященных ИБ, в том числе семинарах и конференциях, встречах с инициативными жителями, ходе подготовке и реализации проектов	22 %	24 %	27 %
Мотивационные	Истории инициатив граждан, благодарности, призывы участвовать	14 %	16 %	16 %
Кейсы	Успешные практики, описания конкретных проектов	15 %	14 %	13 %
Образовательные	Методические материалы, разъяснения по процедурам подготовки инициативных проектов	10 %	9 %	4 %
Освещение программы ИБ в СМИ	Сюжеты телеканалов, публикации в печатных СМИ, ссылки на радиоэфир	9 %	5 %	2 %

Таким образом, информационные публикации, включающие анонсы этапов программы, напоминания о сроках и технические объявления, информацию о заседаниях конкурсной комиссии и пр. являются наиболее частотным типом контента во всех социальных сетях, но наибольшая доля таких сообщений зафиксирована в Телеграм-канале – 38 % всех публикаций. Мы связываем это со спецификой платформы, ориентированной на краткое информирование. В сообществе в Одноклассниках доля информационного контента составляет 32 %, а во ВКонтакте – 30 %.

Отчетные публикации, представляющие собой визуальные или текстовые отчеты об открытии объектов, подведении итогов реализации проектов, также занимают значительное место в структуре контента. Наибольшая доля материалов этого типа зафиксирована в Телеграм (27 %). В Одноклассниках отчетные посты составляют 24 %, во ВКонтакте доля данного типа контента составляет 22 %. Информационные и отчетные публикации позволяют транслировать ключевые идеи программы инициативного бюджетирования в Республике Крым и демонстрировать прозрачность ее работы, что способствует формированию позитивного имиджа.

Мотивационные публикации, направленные на формирование позитивного отношения к участию в программе, включают благодарности участникам, обращения к жителям, рассказы о социальных эффектах проектов. Этот тип контента распределён довольно равномерно: по 16 % в Одноклассниках и Телеграм и 14 % во ВКонтакте. Кейсы, демонстрирующие успешные практики и конкретные реализованные инициативы, встречаются на всех площадках: 15 % во ВКонтакте, 14 % в Одноклассниках, 13 % в Телеграм. Это истории с «человеческим лицом» – рассказ о проекте, его инициаторах и локальной значимости. Мотивационные публикации и кейсы реализованных проектов демонстрируют результаты, что способствует повышению доверия к институту ИБ у целевой аудитории и заинтересованности в программе.

Образовательные публикации, включающие методические рекомендации, инструкции по подготовке заявок, разъяснения критериев оценки проектов в рамках конкурса и пр., встречаются реже. Наибольшая их доля зафиксирована во ВКонтакте (10 %). В Одноклассниках этот показатель составил 9 %, а в Telegram – лишь 4 %, что может быть связано с ограничениями формата и преобладанием кратких сообщений.

Упоминания программы в СМИ (сюжеты телеканалов, статьи в прессе, ссылки на радиоэфир) представлены во всех сетях, но в различной степени. Наибольший объем таких публикаций зафиксирован во ВКонтакте (9 %), где активно репостятся ссылки на видеосюжеты и публикации из внешних источников. В Одноклассниках доля таких публикаций составляет 4,8 %, а в Telegram – только 2,3 %, что обусловлено спецификой канала как автономного, оперативного ресурса с минимальным объемом внешних интеграций.

В сообществе «Центр гражданских инициатив – ИБ» во ВКонтакте преимущество используется текстовый формат публикаций, который дополняется иллюстрациями (информационные карточки, фотоотчеты с мероприятий, фотографии объектов, реализованных по программе инициативного бюджетирования), что способствует визуализации результатов, повышая доверие к программе. Также для визуального структурирования текста и привлечения внимания используются эмодзи. Видео контент преимущественно представлен репостами телевизионных сюжетов.

В сообществе «Центр гражданских инициатив» в Одноклассниках также преобладают текстовые публикации с иллюстрациями. Отметим, что значительную часть

публикаций составляют репосты из сообществ муниципальных образований, посвященные подготовке и реализации инициативных проектов. Контент в большей степени ориентирован на зрелую аудиторию, восприимчивую к структурированной текстовой и визуальной информации без лишней графики, эмодзи практически не используются.

Telegram-канал «ИБ Крым Новости» демонстрирует гибкое использование форматов, ориентированных на быструю и эффективную подачу информации, что проявляется в использовании коротких текстов, фотографий и инфографики, а также видеоформатов. Часто используются эмодзи для акцентирования внимания и структурирования текста. Для Telegram-канала характерно использование краткого стиля подачи информации, свидетельствующего об ориентации на потребление с мобильных устройств и распространении через репосты.

Таким образом, сообщества выполняют ряд значимых для продвижения программы инициативного бюджетирования функций:

- информационную (сопровождение всех этапов программы);
- визуализирующую (демонстрация изменений, происходящих благодаря реализации проектов с фокусом на социальных результатах);
- мотивационную (побуждение к участию), реализуемую посредством демонстрации успешно реализованных проектов с акцентом на вкладе участников, а размещения методических материалов, призванных в короткой и доступной форме объяснить механизм работы программы, в целом вовлечение строится на эмоциональном подкреплении, персонализации успеха и акценте на простоте участия.

Контент-стратегия позиционирования программы ИБ основывается на прагматичной и прозрачной подаче информации, с акцентом на результативность и открытость.

Результаты анализа подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к использованию социальных медиа для продвижения инициативного бюджетирования. Проведенный сравнительный анализ контента официальных сообществ, освещающих реализацию программы инициативного бюджетирования в Республике Крым в трех социальных медиа (ВКонтакте, Одноклассники, Telegram), позволил выявить как общие закономерности коммуникационной стратегии, так и особенности, влияющие на форму и эффективность взаимодействия с аудиторией.

Во всех трех сообществах прослеживается четкая синхронизация контентной активности с ключевыми этапами реализации программы: подготовка инициатив, конкурсные процедуры, реализация проектов и открытие объектов. Доминирующим является информационно-отчетный тип контента, что отражает институциональный характер программы, степень представленности мотивационного и кейс-ориентированного контента варьируется в зависимости от социальной платформы.

Сообщество во ВКонтакте демонстрирует сбалансированную контент-стратегию, сочетающую информационные публикации, визуальные отчеты о проектах, эмоционально окрашенные мотивирующие посты и истории успешных кейсов. Платформа предоставляет больше возможностей для гибкого форматирования, активных ссылок, встроенных видеоматериалов и получения обратной связи от пользователей. Присутствие комментариев и умеренный уровень репостов указывают на наличие элементов двусторонней коммуникации, хотя вовлеченность аудитории остается ограниченной.

В сообществе в Одноклассниках преобладают сухие информационные сообщения и публикации с результатами реализации проектов. Стиль подачи сдержан, ориентирован на зрелую аудиторию, часто используются репосты публикаций из других источников. Интерактивные элементы практически отсутствуют, а количественные показатели реакций пользователей крайне низки. Коммуникация выстроена по модели «вещания», где приоритет отдан односторонней передаче информации, а не стимулированию диалога.

В отличие от первых двух платформ Телеграм-канал функционирует как оперативный информационный ресурс. Контент краткий, насыщенный визуальными элементами, адаптирован к мобильному потреблению. При отсутствии интерактивных функций (комментариев, опросов) Телеграм демонстрирует высокие относительные показатели вовлеченности, что может свидетельствовать о прикладной ценности контента и его распространении в смежных группах и чатах. Репосты здесь выполняют функцию тиражирования значимой информации, особенно в период проведения конкурсов инициативных проектов.

ВЫВОДЫ

Сравнительный анализ позволяет утверждать, что платформа ВКонтакте является наиболее универсальной для продвижения программы инициативного бюджетирования, так как сочетает широкие визуальные и текстовые возможности, доступ к обратной связи и умеренный охват. Телеграм, несмотря на ограниченность в диалоговых функциях, оказывается эффективным инструментом быстрого оповещения и мобилизации действий, особенно в активные периоды реализации программы. Одноклассники, выполняют функцию репутационного сопровождения и визуального подведения итогов, ориентированного на лояльную и менее активную аудиторию.

Эффективность информационного сопровождения программы инициативного бюджетирования в социальных медиа зависит от точной настройки контент-стратегии под характеристики каждой платформы. Полученные в ходе исследования данные позволяют сделать вывод, что социальные сети в настоящее время используются преимущественно как каналы односторонней публичной коммуникации, направленной на информирование и визуализацию результатов программы. Их потенциал как пространства формирования сообществ, обратной связи и коллективного действия реализуется фрагментарно и требует развития более сложных коммуникационных стратегий. Комплексное использование различных каналов с учетом их особенностей может позволить обеспечить как активное информирование, так и адресное вовлечение различных сегментов населения в процессы гражданского участия.

Список литературы

1. Баранов Р. Г. Социальные сети как механизм создания репутации органов государственной власти РФ // Экономика и предпринимательство. – 2017. – Т. 11. № 12-2 (89). – С. 1159–1161.
2. Вагин В. В., Шаповалова Н. А. Информационное сопровождение инициативного бюджетирования: содержание и принципы успешной реализации // Власть. – 2016. – № 12. – С. 63–69.
3. Вагин В. В., Гаврилова Н. В., Шаповалова Н. А. Инициативное бюджетирование в России: лучшие практики и направления развития // Финансовый журнал. – 2015. – № 4. – С. 94–103.
4. Груднов Д. В. О важности эффективного выстраивания деятельности в социальных сетях государственных и муниципальных органов власти // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 12 (151). – С. 500–501.

5. Губанов А. В. Оценка капитализации официальных аккаунтов органов регионального управления в социальных медиа // Коммуникология. – 2019. – Т. 7. – № 4. – С. 71–81.
6. Дмитриева Н. Е. Для связи в сети: результаты мониторинга открытости федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2015. – № 2. – С. 123–146.
7. Егорова Л. Г. Роль региональных СМИ в становлении гражданского общества (на примере информационного сопровождения проектов инициативного бюджетирования) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 2. – С. 185–194.
8. Зотов В. В., Губанов А. В. Социальные медиа как диалоговые площадки граждан и органов власти субъектов Центрального федерального округа // Цифровая социология. – 2021. – Т. 4. – № 4. – С. 28–39.
9. Зотов В. В., Губанов А. В. Формирование пространства публичных коммуникаций субъекта РФ в условиях превалирования социальных медиа // Общество: социология, психология, педагогика. – 2019. – № 3 (59). – С. 57–61.
10. Стариков И. Г. Социальный капитал в сетях городских некоммерческих проектов: сетевой анализ аудиторий групп городских проектов в социальной сети ВКонтакте // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2017. – № 11. – С. 24–32.
11. Шаповалова Н. А. Информационное сопровождение процесса развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2017. – № 3. – С. 31–47.
12. Шарков Ф. И. Социальные сети как основа формирования пространства публичных коммуникаций // Коммуникология. – 2019. – Т. 7. – № 4. – С. 32–40.
13. Mergel I. A framework for interpreting social media interactions in the public sector // Government Information Quarterly. – 2013 – Vol. 30. – No 4. – P. 327–334.

References

1. Baranov R. G. *Social'nye seti kak mehanizm sozdaniya reputacii organov gosudarstvennoj vlasti RF* [Social networks as a mechanism for creating the reputation of public authorities of the Russian Federation]. *Jekonomika i predprinimatel'stvo*, 2017, vol. 11, no 12-2 (89), pp. 1159–1161.
2. Vagin V. V., Shapovalova N. A. *Informacionnoe soprovozhdenie iniciativnogo bjudzhetrovanija: sodержanie i principy uspeshnoj realizacii* [Information support for participatory budgeting: content and principles of successful implementation]. *Vlast'*, 2016, no 12, pp. 63–69.
3. Vagin V. V., Gavrilova N. V., Shapovalova N. A. *Iniciativnoe bjudzhetrovanie v Rossii: luchshie praktiki i napravlenija razvitija* [Participatory Budgeting in Russia: Best Practices and Current Trends in Development]. *Finansovyy zhurnal*, 2015, no 4, pp. 94–103.
4. Grudnov D. V. *O vazhnosti jeffektivnogo vystraivaniya dejatel'nosti v social'nyh setjah gosudarstvennyh i municipal'nyh organov vlasti* [On the importance of effectively building activities in social networks of state and municipal authorities]. *Evrasijskij juridicheskij zhurnal*, 2020, no 12 (151), pp. 500–501.
5. Gubanov A. V. *Ocenka kapitalizacii oficial'nyh akkauntov organov regional'nogo upravlenija v social'nyh media* [Assessment of Capitalization of Regional Authorities Official Accounts in Social Media]. *Kommunikologija*, 2019, vol. 7, no 4, pp. 71–81.
6. Dmitrieva N. E. *Dlja svjazi v seti: rezul'taty monitoringa otkrytosti federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti v social'nyh setjah* [Communications in social networks: results of the monitoring of openness of federal bodies of the executive power] *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*, 2015, no 2, pp. 123–146.
7. Egorova L. G. *Rol' regional'nyh SMI v stanovlenii grazhdanskogo obshhestva (na primere informacionnogo soprovozhdenija projektov iniciativnogo bjudzhetrovanija)* [Regional Media Role in Civil Society Formation (on the Example of the Participatory Budgeting Projects Information Support)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no 2, pp. 185–194.

8. Zotov V. V., Gubanov A. V. *Social'nye media kak dialogovye ploshhadki grazhdan i organov vlasti sub#ektov Central'nogo federal'nogo okruga* [Social media as dialogue platforms for citizens and authorities of the Central Federal District's entities]. *Cifrovaja sociologija*, 2021, vol. 4, no 4, pp. 28–39.
9. Zotov V. V., Gubanov A. V. *Formirovanie prostranstva publichnyh kommunikacij sub'ekta RF v uslovijah prevalirovaniya social'nyh media* [The Development of Public Communication Space of yhe Constituent Entity of the Russian Federation in terms of Social Media Prevalence] *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika*, 2019, no 3 (59), pp. 57–61.
10. Starikov I. G. *Social'nyj kapital v setjah gorodskih nekommercheskih proektov: setevoy analiz auditorij grupp gorodskih proektov v social'noj seti VKontakte* [The Social Capital in Networks of City Non-Commercial Projects: the Network Analysis of Audiences of Groups of City Projects in Vkontakte Social Network]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya jekonomiki*, 2017, no 11, pp. 24–32.
11. Shapovalova N. A. *Informacionnoe soprovozhdenie processa razvitiya iniciativnogo bjudzhetirovaniya v Rossijskoj Federacii* [Information support for the process of developing participatory budgeting in the Russian Federation]. *Menedzhment i biznes-administrirovaniye*, 2017, no 3, pp. 31–47.
12. Sharkov F. I. *Social'nye seti kak osnova formirovaniya prostranstva publichnyh kommunikacij* [Social Networks as the Basis for the Formation of Public Communication Space]. *Kommunikologija*, 2019, vol. 7, no 4, pp. 32–40.
13. Mergel I. *A framework for interpreting social media interactions in the public sector. Government Information Quarterly*, 2013, vol. 30, no 4, pp. 327–334.

**INFORMATION SUPPORT FOR CIVIC PARTICIPATION PROGRAMS
IN SOCIAL MEDIA (ON THE EXAMPLE OF PARTICIPATORY BUDGETING
PROGRAMM IN THE REPUBLIC OF CRIMEA)**

Surgan M. A.

Modern society is undergoing a transformation in the forms of communication between citizens and public authorities, driven by the development of digital technologies and the proliferation of social media. Social media platforms have become not only channels for disseminating information but also tools for fostering civic engagement. This article explores the use of social media for informational support and promotion of the participatory budgeting program in the Republic of Crimea. The analysis is based on data related to the publication activity of the program's official communities on VKontakte, Odnoklassniki, and Telegram from February to June 2025. The study considers audience engagement metrics (likes, reposts, comments, views), types of publications, activity dynamics, and content presentation formats. Informational and reporting publications prevail across all platforms, although the volume of motivational content varies. The findings also reveal differences in communication strategies across social media platforms. A clear tendency has been identified: social media are used primarily as tools of one-way public communication. The article emphasizes the importance of developing differentiated content strategies to increase the effectiveness of citizen engagement in civic initiatives.

Keywords: social media, civic initiatives, participatory budgeting, communication strategy, Republic of Crimea.

УДК 070

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-202-210

СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ОБЩИНЫ В ЛОКАЛЬНОЙ АВСТРАЛИЙСКОЙ ПРЕССЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Шахбазян М. А., Смолина В. В.

*Кубанский государственный университет,
Краснодар, Российская Федерация
E-mail: kafhic@mail.ru*

Статья посвящена проблеме репрезентации в зарубежных СМИ православной проблематики, в частности – деятельности по формированию православной общины в среде русской эмиграции в Австралии, в штате Квинсленд, в начале XX в. Охарактеризованы посвященные православию публикации в газетах, издающихся в административном центре штата Квинсленд Брисбене, где проживала значительная русская община. Материал исследования за 1910–1916 гг. подтверждает, что тема православия регулярно присутствовала на страницах квинслендской прессы, отражая наиболее значимые события в жизни русской православной общины. Косвенное отражение получили взаимоотношения с Англиканской церковью и участие в православных богослужениях других этнических групп. Тональность публикаций позитивная. В целом публикации убедительно свидетельствуют, что в рассмотренный период и русская община была готова к формированию православного прихода, и общественное мнение Брисбена было также к этому готово, и только стечение обстоятельств не дало этому состояться.

Ключевые слова: русская иммиграция, Русская Церковь, православная община, локальная пресса, Брисбен, Квинсленд.

ВВЕДЕНИЕ

История русской иммиграции в Австралии достаточно хорошо описана: это охватывающие все ее периоды исследования Г. И. Каневской; темой ранней иммиграции, которая находится в фокусе нашего рассмотрения, занимается Е. В. Говор; история православия в Австралии получила описание в труде протоиерея М. А. Протопопова и др. [1; 2; 3; 12]. Также следует отметить деятельность редакционной коллегии русскоязычного литературно-исторического иллюстрированного ежеквартального журнала «Австралиада – русская летопись» (ред. Н. А. Мельникова-Грачёва), которая на базе публикаций журнала издала четырехтомную «Историю русских в Австралии» и при поддержке Правительственной комиссии МИД РФ по делам соотечественников за рубежом выпустила исторический справочник «Русские в Австралии» [6]. Значительно менее исследовано отражение истории русской иммиграции, и тем более православия, в австралийских СМИ, хотя в Национальной библиотеке Австралии есть оцифрованные архивы практически всех значимых газет.

Актуальность исследования обусловлена тем, что медиаобраз страны складывается из множества составляющих, в том числе это религиозный аспект. В связи с этим крайне интересен феномен русского православия в эмиграции, освещение которого поддерживало положительное отношение к России и русскому народу в XX в. Изучение этого опыта представляется особенно актуальным сегодня, когда в западной прессе господствует «культура отмены» всего русского.

Цель статьи – выявить реакцию австралийских локальных средств массовой информации на первые попытки создания православной общины в Квинсленде. Материалом исследования стали тексты выходивших в административном центре штата Квинсленд Брисбене газет The Queenslander, The Telegraph, The Brisbane Courier, The Catholic Advocate, The Daily Standard.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В конце XIX – начале XX века усиливается российская эмиграция в Австралию. В это время на рынке перевозчиков появилась японская компания «Nippon Yusen Kaisha» (NYK), корабли которой начали регулярное сообщение с континентом. Первыми портами в Австралии, куда заходили её суда, были о. Четверга (Северная территория), а также Таунсвилл и Брисбен – столица Квинсленда, где на берег сходило большинство пассажиров, в том числе русских, часть из которых оседала в Брисбене, а многие рассеялись по штату.

В это время в Квинсленде самой мощной была Англиканская церковь Австралии, которая на правах Поместной входила в Англиканское содружество. Из христианских также были представлены католическая и протестантские общины. Что до вероисповедания эмигрантов из России, то в 1901 г. российских эмигрантов в Австралии насчитывалось около 3 400 человек [9, с. 54], а последний дореволюционный консул Российской империи А. Н. Абаза в 1914 г. сообщал об 11 000 соотечественников, из которых 5 000 проживали в Квинсленде [3, с. 26]. Согласно переписи населения 1911 г., когда впервые учитывалось не только место рождения, но и вероисповедание респондентов, на континенте проживало 4 456 подданных Российской империи. Из них 1 586 указали, что они являются протестантами, 1 802 – иудеями, 345 – католиками и ещё 300 – православными [4]. Несмотря на не слишком большое количество православных, а также с учетом ежегодного прибытия новых переселенцев, они не остались без внимания прессы, когда русская община начала предпринимать шаги по закреплению своей религиозной идентичности.

Православная община не может существовать без рукоположенного священника. Официальных православных структур, находящихся в юрисдикции Российской Церкви, на тот момент в Австралии не было, в Сиднее и Мельбурне православные греки, арабы, русские находились под окормлением Иерусалимского Патриархата. И когда в Брисбене появился первый русский православный священник, это тут же попало в новости местной газеты «The Telegraph» от 14 ноября 1910 г.:

«Greek Orthodox Mihister.

There is at present on a visit to Brisbane Rev. Nicholas Manovitch, a priest of the Greek Orthodox Church, and at the invitation of Archbishop Donaldson, he conducted divine service (in Greek, Russian, and Arabic), at St. John's Cathedral yesterday morning at 8.45 o'clock, Mr. Manovitch lately arrived from Dunedin (New Zealand), where a new church of the denomination was opened. He is on a mission tour in Australia, and leaves on Tuesday for Lismore and other places in the northern rivers district of New South Wales. It is estimated there are about 500 members of the Greek Orthodox Church in Queensland, including a large number of Russians and Syrians. Besides Mr. Manovitch, there are only two Greek Orthodox priests in Australasia, at Sydney and Melbourne respectively» [9].

«Священник Греческой православной церкви.

Вчера в 8:45 утра в соборе Св. Иоанна, находящийся в Брисбене с визитом и по приглашению Архиепископа Дональдсона преп. Николай Манович, священник Греческой православной церкви, провёл богослужение (на греческом, русском и арабском). Манович недавно приехал из Данидина (Новая Зеландия), где была открыта новая церковь этой конгрегации. Он находится в миссионерской поездке по Австралии, а во вторник отправляется в Лисмор и другие места в округе Нортен-Риверс в Новом Южном Уэльсе. Известно, что в Квинсленде [проживают] около 500 человек прихожан Греческой православной церкви, включая большое число русских и сирийцев. Кроме г-на Мановича, в Австралии есть только два греческих православных священника – в Сиднее и Мельбурне соответственно».

Эта заметка дает нам сразу значительный объем новой информации. Во-первых, то, что в православную общину Брисбена входили также и сирийцы, около двухсот человек, если мы будем опираться на приведенные выше результаты переписи. Во-вторых, что отношение англиканского архиепископа к нуждам православной общины было более чем лояльное: православный священник получил официальное приглашение, а для православного богослужения был предоставлен кафедральный собор. В-третьих, что в Данидине (Новая Зеландия) уже в 1910 г. проводились православные богослужения, хотя храм был освящен лишь в 1911 г. [5, с. 66]

Надо сказать, что первое упоминание о Мановиче мы встречаем несколько раньше в газете «The Queenslander» за 13 августа 1910 г.: его письмо процитировано в обзоре о судьбах русских эмигрантов «Queensland through Russian Spectacles». В письме Манович прощупывает возможность переселиться группе русских эмигрантов из Канады в Брисбен и задает вопрос:

«Please inform me whether many Russians have already settled down in Queensland. Are they simply single men, or did they come with their families? Are there among them some who take an interest in the Greek Orthodox Church?» [13].

«Сообщите, пожалуйста, много ли русских уже обосновалось в Квинсленде. Это просто одинокие мужчины или они приехали со своими семьями? Есть ли среди них те, кто проявляет интерес к Греческой Православной Церкви?»

История Мановича, который оказался самозванцем, достаточно исследована [1; 2; 5; 12], и мы не будем останавливаться на всех перипетиях этого сюжета, поскольку они не связаны с газетными публикациями. С другой стороны, та же Елена Говор в «Австралиаде» упоминает не все газетные публикации, упоминающие этого авантюриста. В представленных публикациях о Мановиче для нас важно, что газетами Брисбена религиозные проблемы русской общины принимаются во внимание уже на раннем этапе ее формирования. Так, первая публикация, по сути, подготовила приезд Мановича, а вкупе со второй легитимизировала его статус.

Расширение влияния этого псевдосвященника также зафиксировано в СМИ, на этот раз в «The Brisbane Courier» за 28 декабря 1911. Эта публикация снимает сомнения, которые можно увидеть в осторожной формулировке Е. В. Рудниковой с последующей ссылкой на М. А. Протопопова: «Считается, что именно он провёл первую русскую православную службу в Австралии, которая состоялась в Брисбене на православное Рождество в 1911 г.» [5, с. 69]. Приведем отрывок из довольно большой публикации:

«Russians in Queensland. Celebration of National Festival. Nationalists' Liberation Society Formed.

<...> In the usual course the Russian national festival falls a week later than Christmas, but the members of the new society decided to rearrange their calendar so as to make their celebrations coincide with those of the British. The rejoicings began on Monday with a Eucharist held in St. Luke's Church, when over 100 members of the Orthodox Greek Church attended, The Rev. Papias Nanovitch conducted the service, which lasted three hours, and which was carried out in English, Syriac, and two Russian dialects. The Gospels were sung in the correct traditional tones. The vestments of the papias were magnificent. In connection with the holding of this service in St. Luke's it is interesting to note that the Orthodox Greek Church and the Anglican Church are in communion, Only lately the Greek Archimandrite went to England, and

from the altar of St. Paul's Cathedral pronounced the blessing over the congregation, while the energetic Bishop of London, who, by the way, will visit Australia in two years' time, had previously been to the cathedral in St. Petersburg where he blessed the congregation after high Eucharist <...>» [15].

«Русские в Квинсленде. Празднование национального фестиваля. Образовано «Националистическое общество освобождения».

По обыкновению русский национальный праздник выпадает на неделю позже Рождества, но члены нового общества решили перестроить свой календарь так, чтобы их празднования совпадали с британскими. Торжества начались в понедельник с Евхаристии в храме Святого Луки, на котором присутствовало более 100 членов Православной Греческой Церкви, а священник папиас Нанович провел богослужение, которое длилось три часа и проходило на английском, сирийском и двух русских диалектах. Евангелия пели в правильных традиционных тонах. Облачения папиасов были великолепны. В связи с проведением этого богослужения в соборе св. Луки интересно отметить, что Православная Греческая Церковь и Англиканская Церковь находятся в общении. Только недавно греческий архимандрит отправился в Англию и из алтаря собора Святого Павла произнес благословение над прихожанами, в то время как энергичный епископ Лондона, который, кстати, через два года посетит Австралию, ранее бывал в кафедральном соборе в Санкт-Петербурге, где благословил прихожан после высокой Евхаристии».

В опущенном нами начале публикации речь идет об образовании «Националистического общества освобождения», где имя Мановича не упоминается. Он появляется во второй части, посвященной Рождественской литургии. Сразу отметим ошибку в написании фамилии – *Nanovitch* вместо *Manovitch*, а также весьма экзотическую передачу русского «поп» как «*papias*». Под «двумя русскими диалектами» с максимальной степенью вероятности скрываются церковнославянский и русский. Интересно, что во время богослужения Манович использовал сирийский, имея ввиду значительную часть прихожан, а также английский, что естественно, учитывая страну пребывания. Стоит отметить перенос даты богослужения с юлианского календаря, принятого в православии, на близкую к Рождеству по григорианскому календарю дату, что объясняется в публикации с вполне светских позиций, хотя, будь Манович настоящим представителем Российской Церкви, такой перенос был бы невозможен. Еще одна ошибка автора публикации – между православным и католическим Рождеством не одна, а две недели. Таким образом, богослужение действительно было, но совершено не на православное Рождество (7 января), а 25 декабря (в газете упомянут понедельник, который в тот год пришелся именно на 25 декабря). Автор публикации делает акцент на том, что Англиканская церковь и Греческая православная церковь находятся в общении, не задумываясь, что речь идет всё же о русском священнике и о русской, а не греческой православной общине. То же указание на «греческого священника» по отношению к Мановичу мы видели и в предыдущей публикации. В общем, это понятно, так как православие в Австралию в середине XIX в. привезли греки и православные сирийцы, бежавшие из Османской империи, и в австралийских газетах сформировалось клише при описании деятельности православных приходов. Кроме того, среди самоназваний Русской Церкви до XX в. встречались и такие, как «Греко-Российская Церковь» и «Православная католическая греко-российская церковь», что тоже сбивало с толку австралийцев. Между тем в заключительной части материала, где рассказывается о рождественском праздничном

фестивале-концерте, именно русские национальные особенности исполнителей привлекают внимание журналиста, хотя тоже не без, порой, забавных, несоответствий (автор впервые увидел балалайку и описывает ее как «Russian national instruments which are somewhat like the mandolin but have a peculiar triangular-shaped body» – «русские национальные инструменты, которые чем-то похожи на мандолину, но имеют своеобразный корпус треугольной формы»; все русские лица имеют монголоидные черты: «practically all could be seen traces of the Mongolian cast» – «практически на всех видны следы монгольского слепка» [15]).

Манович упоминается и в газете «The Catholic» Advocate от 10 августа 1912 г.:

“Russian Wedding. Celebrated on the Isis.

The Church of England, Cordalba, was crowded with spectators on Monday last week to witness a wedding ceremony possessing many features out of the ordinary. The contracting parties were Mr. Peter Khalatz and Miss Julia Noeshita, both of Russian nationality, who were joined in wedlock by the Rev. Manovitch (Brisbane), assisted by the Rev. J. Inglis. <...> It so happened that the bride's veil accidentally caught fire, but as extinguished before any damage ensued. The Rev. Mr. Inglis read portion of the ritual in English, but the remainder of the ceremony was conducted in the Russian language, and occupied about three-quarters of an hour. At one stage the Rev. Manovitch placed a crown of flowers on the heads of the contracting parties, which was removed prior to the conclusion of the service <...>” [14].

«Русская свадьба. Празднование в Изис.

В понедельник на прошлой неделе англиканская церковь в Кордальбе была полна большим количеством людей, которые стали свидетелями необычной свадебной церемонии. М-р Пётр Халац и мисс Юлия Ницета, оба из России, были обвенчаны преподобным Мановичем (Брисбен) в сослужении преп. Дж. Инглиса <...> Вуаль невесты случайно загорелась, но была потушена до того, как был нанесён какой-либо ущерб. Преп. м-р Инглис прочитал часть службы на английском, остальная часть была проведена на русском и продолжалось около 45 минут. Преп. Манович возложил на головы брачующихся короны из цветов, которые были сняты в конце церемонии».

События происходят в Изис – сельском регионе на севере Квинсленда, в городке Кордальба, расположенном в 327 км от Брисбена, то есть священника приглашают совершать церковные таинства по всему штату, даже в его отдаленные уголки, что свидетельствует о приверженности русских эмигрантов вере и традициям. Венчание совершают два священника – англиканский и все тот же Манович, хотя в Русской Церкви сослужение с инославными запрещено. Мы опустили описания, свойственные светской хронике, оставив историю с вуалью: загоревшаяся фата считается в народе дурным предзнаменованием, и оно сбылось парадоксальным образом: для этих и всех остальных брачующихся, видимо, нелегко было впоследствии узнать, что совершенные самозванцем таинства недействительны. С другой стороны, возможно, присутствие англиканского священника делало брак юридически легитимным в Австралии.

Первым настоящим русским священником в Брисбене стал опытный миссионер (и будущий священномученик) Яков Кузьмич Корчинский, и ему пришлось устранять последствия бурной деятельности Мановича. Вот первая брисбенская публикация в газете «The Telegraph» от 26 апреля 1916 г., в которой он упоминается:

“St. John's Cathedral. Gallipoli Flag Presented

The observance of ANZAC Day at the Anglican Cathedral, St. John's, took the form of a solemn celebration of the Holy Communion. The handsome church has never been, more crowded, many of the congregation being unable to obtain seats. <...> A notable figure in the chancel was the Very Rev. Father Korchinsky, archpriest of the Russian Orthodox Church. <...>” [17].

«Собор Св. Иоанна. Представлен Галлиполийский флаг.

Празднование Дня АНЗАК в англиканском соборе Св. Иоанна проходило в виде Святого Причастия. Красивая церковь ещё никогда не была так переполнена, многие прихожане не смогли занять места. <...> Заметной фигурой в алтаре был преп. о. Корчинский, протоиерей Русской православной церкви».

ANZAC – это аббревиатура от Australian and New Zealand Army Corps, сформированный во время Первой мировой войны. В него входили представители всех национальных общин, в том числе русские, которые занимали четвертое по численности место. День АНЗАК приходится на 25 апреля в честь высадки австралийского десанта на остров Галлиполи в 1915 г. и чтится в Австралии до сих пор, став государственным праздником, Днем памяти. В газете описывается празднование первой годовщины этого события. Обязательным элементом праздника является богослужение, и упоминание русского православного священника говорит как о вовлеченности русской общины в жизнь австралийского сообщества, так и об уважении к русским воинам-членам АНЗАКа. Дата публикации позволяет подтвердить прибытие священника в Австралию не в мае, как указано на сайте патриарших приходов Русской Православной Церкви в Канаде [7], а в марте 1916 г., как об этом говорится на американской православном сайте «Orthodox History» [10].

На следующий день «The Telegraph» посвящает новому священнику отдельный материал:

“Russo-Greek Church. Established in Queensland.

It is now two weeks since the Very Rev. J. Korchinsky, arch-priest of the Russian Orthodox Church, and dean for the Australian mission, arrived in Brisbane. He explains that his mission here is to establish the Russo-Greek Catholic Orthodox Church. Services have been, and will continue to be held in St. Luke's Church, Charlotte Street. The reverend gentleman realizes that he has a big field to work, As it is, he uses three languages in the conduct of his services-Russian Greek, and English. He intends to learn Sirian. He is looking forward to the time when he will be able to have a mission hall of his own, and afterwards a church. He considers that the mission hall ought to come before the church, as in the hall arrangements can be made to have service. He is the first representative in Australia of the Russian Orthodox Church. Until now many Russians in the community have not been able to benefit by spiritual instruction. He trusts that his efforts will bring local Russians and others together” [16].

«Русско-греческая церковь. Основана в Квинсленде.

Прошло уже две недели с тех пор, как преп. Я. Корчинский, протоиерей Русской православной церкви и настоятель Австралийской православной миссии прибыл в Брисбен. Он объясняет, что его цель состоит в том, чтобы основать Русско-грекокатолическую православную церковь. Богослужения проводились и будут проводиться в церкви Св. Луки на Шарлотт-стрит. Преподобный джентльмен понимает, что у него большое поле для работы. На данный момент он использует в службах три языка: русский, греческий и английский, и намерен выучить сирийский. Он с нетерпением ждёт

того времени, когда у него будет собственный миссионерский зал, а затем и церковь. Он является первым представителем Русской православной церкви в Австралии и считает, что зал должен быть построен раньше церкви, так как в нём уже можно будет проводить богослужения. До сих пор духовные нужды русской общины не удовлетворялись. Он верит, что его усилия объединят местных русских и других людей».

Автор ошибся в описании церкви – “Russo-Greek Catholic Orthodox” «русско-греко-католическая православная», на исток ошибки мы указывали выше, однако присоединение «католической» в сочетании с «греко-» создает впечатление, что речь идет об униатской церкви, действовавшей на Украине. Меньше всего этого хотел бы священник Иаков Корчинский, официально представлявший Российскую православную церковь. Еще одна традиционная ошибка австралийских газет – указание русского языка в качестве языка богослужения вместо церковнославянского. Но в целом тон газеты доброжелательный, как и в случае с Мановичем.

К сожалению, планам Корчинского по созданию православной миссии в Австралии не суждено было сбыться: он заболел малярией и вынужден был вернуться в Россию. О его отъезде тоже есть сообщение в газете, на этот раз в «The Daily Standard», от 22 августа 1916 г.

“Rev. Father Korchinsky, the Russian orthodox minister, will leave Brisbane to-morrow by the N.Y.K. steamer Nikko Maru, for "Vladivostok, via Mojl. He is proceeding to Russia in order to make arrangements for the establishment of a Russian Orthodox Church in Brisbane. Father Korchinsky will be pleased to interview any Russian subjects at Linton; Cordelia-street, South Brisbane, this evening” [11].

«Завтра утром преп. о. Корчинский, священник Русской православной церкви, на пароходе компании «НУК» «Nikko Maru» отправляется из Брисбена во Владивосток через Моджи. О. Корчинский едет в Россию для организации открытия русской православной церкви в Брисбене. Сегодня вечером он будет рад побеседовать с любыми российскими подданными в Линтоне, Корделла-стрит, Южный Брисбен».

Вскоре в России разразилась революция, и отправка православного священника в Австралию стала попросту невозможной. Таким образом, первая волна эмиграции не создала религиозной общины – фактора, который мог бы её сплотить, хотя, по свидетельству квинслендской прессы, к тому были все предпосылки.

ВЫВОДЫ

Исследовав пять газет, выходивших в административном центре штата Квинсленд городе Брисбене, мы смогли увидеть, что пресса относилась к попыткам сформировать православную общину благожелательно, отражая позицию не только административных властей, но и крупнейшей в Австралии Англиканской церкви. Общественность Брисбена не слишком вникала в этноконфессиональные особенности, но интересовалась ими, особенно если речь шла о знакомых типах богослужения (Рождественская литургия, венчание), праздниках и общественных мероприятиях, которые объединяли все общины Австралии, например, мероприятия АНЗАКа. Лишь ряд личных случайностей и глобальных исторических событий отодвинул строительство первого православного храма всё в том же Брисбене. В целом же на этом примере мы убедились, что локальная пресса заполняет лакуны и позволяет уточнить факты, на которые указывают историки на основе архивных данных и свидетельств очевидцев.

Список литературы

1. Говор Е. В. По следам Николая Мановича // Австралиада. – Сидней, 1997. – № 13. – С. 1–3. – Режим доступа: https://elena.id.au/files/1997_Govor_Manowitch.pdf. – (Дата обращения: 15.04.2025).
2. Говор Е. В. Священник-социалист или самозванец-доносчик: к биографии Николая Мановича // Австралиада. – Сидней, 1998. – № 16. – С. 6–7. – Режим доступа: https://elena.id.au/files/1998_Govor_Manowitch.pdf. – (Дата обращения: 15.04.2025).
3. Каневская Г. И. История русской иммиграции в Австралии: конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.: Автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02. – Владивосток, 2008. – 50 с.
4. Кравцов А. Н. Русская Австралия. – Москва: Вече, 2011. – 303 с.
5. Рудникова Е. В. Русская православная церковь в истории русской диаспоры в Новой Зеландии // Россия и АТР. – 2014. – № 2 (84). – С. 64–79.
6. Русские в Австралии / [составители и авторы разделов: Аполлонова И. Л. и др.]. – Сидней, 2008. – 230 с.
7. Священномученик-миссионер протоиерей Иаков Корчинский // Russian Orthodox Church in Canada. – Режим доступа: <https://www.orthodox-canada.com/ru/russkiy-svyashhennomuchenik-missioner-protoierey-iakov-korchinskiy>. – (Дата обращения: 12.07.2025).
8. Govor Elena. Russian Prerevolutionary Emigration to Australia: Socioethnic Background and Preconceptions // Россияне в Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: материалы Первой международной научно-практической конференции, Владивосток, 24–26 сентября 1997 г. Кн. 2. – Владивосток: изд-во Дальневосточного университета, 1999. – С. 54–62. 33
9. Greek Orthodox Minister // The Telegraph. – 14 November 1910. – С. 11. – Режим доступа: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/177760025/19193410>. – (Дата обращения: 16.04.2025).
10. Namee Matthew. Fr. Jacob Korchinsky: Missionary and Martyr // Orthodox History. – Режим доступа: <https://www.orthodoxhistory.org/2010/01/06/fr-jacob-korchinsky-missionary-and-martyr>. – (Дата обращения: 13.07.2025).
11. Personal // The Daily Standard. – 22 August 1916. – С. 6. – Режим доступа: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/181548052/20817186>. – (Дата обращения: 18.07.2025).
12. Protopopov Michael Alex. The Russian Orthodox Presence in Australia: The History of a Church told from recently opened archives and previously unpublished sources. – Fitzroy: Australian Catholic University, 2005. – 443 p.
13. Queensland through Russian Spectacles // The Queenslander. – 13 August 1910. – С. 8. – Режим доступа: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/21882350/2536335#>. – (Дата обращения: 22.04.25).
14. Russian Wedding. Celebrated on the Isis // The Catholic Advocate. – 10 August 1912. – С. 39. – Режим доступа: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/page/28722750>. – (Дата обращения: 22.04.25).
15. Russians in Queensland. Celebration of National Festival. Nationalists' Liberation Society Formed // The Brisbane Courier. – 28 December 1911. – С. 5. – Режим доступа: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/19721514/1572548>. – (Дата обращения: 18.04.25).
16. Russo-Greek Church. Established in Queensland // The Telegraph. – April 27, 1916. – С. 3. – Режим доступа: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/177997224/19870582>. – (Дата обращения: 12.07.2025).
17. St. John's Cathedral. Gallipoli Flag Presented // The Telegraph. – April 26, 1916. – С. 2. – Режим доступа: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/177996081/19870557>. – (Дата обращения: 18.07.2025).

References

1. Govor E. V. *Po sledam Nikolaya Manovicha* [In the footsteps of Nikolai Manovich]. *Avstraliada*, 1997, no. 13, pp. 1–3. Available from: https://elena.id.au/files/1997_Govor_Manowitch.pdf (accessed: 15 April 2025).
2. Govor E. V. *Svyashchennik-sotsialist ili samozvanets-donoschik: k biografii Nikolaya Manovicha* [Socialist Priest or Impostor-Informer: On the Biography of Nikolai Manovich]. *Avstraliada*, 1998, no. 16, pp. 6–7. Available from: https://elena.id.au/files/1998_Govor_Manowitch.pdf (accessed: 15 April 2025).
3. Kanevskaya G. I. *Istoriya russkoi immigratsii v Avstralii: konets XIX v. – vtoraya polovina 80-kh gg. XX v.: Avtoref. diss. ... dokt. istor. nauk* [The history of Russian immigration in Australia: the end of the 19th century – the second half of the 80s of the 20th century. Abstract of thesis]. Vladivostok, 2008. 50 p.
4. Kravtsov A. N. *Russkaya Avstraliya* [Russian Australia]. Moskva, Vech Publ., 2011. 303 p.
5. Rudnikova E. V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v istorii russkoi diaspori v Novoi Zelandii* [The Russian Orthodox Church in the History of the Russian Diaspora in New Zealand]. *Rossiia i ATR*, 2014, no. 2 (84), pp. 64–79.

6. *Russkie v Avstralii* [Russians in Australia]. Compiled and authored by Apollonova I. L. et al. Sydney, 2008. 230 p.
7. *Svyashchennomuchenik-missioner protoierei Iakov Korchinskii. Russian Orthodox Church in Canada*. Available from: <https://www.orthodox-canada.com/ru/russkiy-svyashchennomuchenik-missioner-protoiery-iakov-korchinskiy> (accessed: 12 July 2025).
8. Govor Elena. *Russian Prerevolutionary Emigration to Australia: Socioethnic Background and Preconceptions. Rossiyanе v Tikhookeanskom regione. Sotrudnichestvo na rubezhe vekov: materialy Pervoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Vladivostok, 24–26 sentyabrya 1997 g. Vol. 2.* Vladivostok, Dal'nevostochnyi universitet Publ., 1999, pp. 54–62.
9. *Greek Orthodox Minister. The Telegraph*, 14 November 1910, p. 11. Available from: <https://trove0.nla.gov.au/newspaper/article/177760025/19193410> (accessed: 16 April 2025).
10. Namee Matthew. *Fr. Jacob Korchinsky: Missionary and Martyr. Orthodox History*. Available from: <https://www.orthodoxhistory.org/2010/01/06/fr-jacob-korchinsky-missionary-and-martyr> (accessed: 13 July 2025).
11. *Personal. Daily Standard*, 22 August 1916, p. 6. Available from: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/181548052/20817186> (accessed: 18 June 2025).
12. Protopopov Michael Alex. *The Russian Orthodox Presence in Australia: The History of a Church told from recently opened archives and previously unpublished sources*. Fitzroy, Australian Catholic University, 2005. 443 p.
13. *Queensland through Russian Spectacles. Queenslander*, 13 August 1910, p. 8. Available from: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/21882350/2536335#> (accessed: 22 April 2025).
14. *Russian Wedding. Celebrated on the Isis. The Catholic Advocate*, 10 August 1912, p. 39. Accessed from: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/page/28722750> (accessed: 22 April 25).
15. *Russians in Queensland. Celebration of National Festival. Nationalists' Liberation Society Formed. Brisbane Courier*, 28 December 1911, p. 5. Available from: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/19721514/1572548> (accessed: 18 April 2025).
16. *Russo-Greek Church. Established in Queensland. The Telegraph*, April 27, 1916, p. 3. Available from: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/177997224/19870582> (accessed: July 12, 2025).
17. *St. John's Cathedral. Gallipoli Flag Presented. The Telegraph*, April 26, 1916, p. 2. Available from: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/177996081/19870557> (accessed July 18, 2025).

SPECIFIC FEATURES OF COVERING THE FORMATION OF THE ORTHODOX COMMUNITY IN THE EARLY 20TH-CENTURY LOCAL AUSTRALIAN PRESS

Shakhbazian M. A., Smolina V. V.

The article is devoted to the problem of representation of Orthodox issues in foreign media, in particular, activities aimed at forming an Orthodox community among Russian emigrants in Queensland, Australia, in the early 20th century. The analysis characterizes publications devoted to Orthodox Christianity in newspapers published in Brisbane, the administrative center of Queensland, where a significant Russian community resided. The study identifies the topics of publications, the main persons mentioned, and the nature of the description of activities aimed at forming an Orthodox community on a national basis. Research material from 1910–1916 confirms that the topic of Orthodox Christianity was regularly featured in the Queensland press, reflecting the most significant events in the life of the Russian Orthodox community, such as the arrival of priests, solemn services, public events involving the clergy, as well as private events such as weddings. Relations with the Anglican Church and the participation of other ethnic groups in Orthodox services were indirectly reflected. The tone of the publications is positive. Overall, the publications convincingly demonstrate that during this period, the Russian community was ready to form an Orthodox parish, and public opinion in Brisbane was also ready for this, but a combination of circumstances prevented this from happening during the specified period. Thus, the local press of any country is a valuable historical source, not only compensating for the insufficiency of other sources, but also helping to understand the socio-cultural background and logic of events, which is especially important in historical research.

Keywords: Russian immigration, Russian Church, Orthodox community, local press, Brisbane, Queensland.

УДК 070+82-1

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-211-221

**ЖАНРОВО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА «#ЯПАТРИОТПАНЫ»
(МАССМЕДИАСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Шилина А. Г., Субботина О. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: angela_shilina@bk.ru; subbotiny08@mail.ru*

В статье обсуждается жанровая идентификация телеграм-канала «#япатриотпапы», репрезентируется его жанровая модель, рассматривается прикладной статус этого жанра в системе коммуникации современной высшей школы. С точки зрения экстремассмедийного подхода телеграм-канал «#япатриотпапы» появился в координатах двух точек бифуркации в социально-политической системе Российской Федерации: Года семьи (2024) и Года защитника Отечества (2025). Массмедийный подход позволил определить телеграм-канал «#япатриотпапы» как когнитивно-коммуникативный жанр, регламентирующий научно-учебный, методический и воспитательный диалог между преподавателями и студентами Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Описание жанровых характеристик телеграм-канала «#япатриотпапы» проводится в соответствии с моделью, структура которой формируется с помощью таких жанрообразующих критериев: потребность адресата, обусловившая появление жанра; функции жанра, способствующие реализации потребностей адресата; тема жанра; коммуникативная цель жанра; концепции адресанта/ адресата; событийное содержание; факторы коммуникативного прошлого/будущего; языковое воплощение и паралингвистическое оформление. Когнитивно-коммуникативный жанр «Телеграм-канал “#япатриотпапы”», реагируя на бифуркационный сценарий в социально-политической системе России, обеспечивает синергетический эффект в системе российской высшей школы: взаимодействие науки, учёбы, воспитания и массмедиа.

Ключевые слова: телеграм-канал «#япатриотпапы», когнитивно-коммуникативный жанр, жанровая модель, преподаватель, студент, вуз, массмедиа, точка бифуркации, синергетика.

ВВЕДЕНИЕ

Экстремассмедийная постановка проблемы сформирована в координатах двух точек бифуркации в социально-политической системе России: первая точка бифуркации – это государственное ранжирование 2024 года как Года семьи «с целью популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей» [12], вторая точка бифуркации – государственное регламентирование 2025 года как Года защитника Отечества «в целях сохранения исторической памяти, в ознаменовании 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, в благодарность ветеранам и признавая подвиг участников специальной военной операции» [13].

Информационная повестка вузов России коррелирует с бифуркационным сценарием 2024–2025 гг.

Массмедийная постановка проблемы

В период с 2020 г. (международная точка бифуркации – пандемия COVID-19) по 2022–2025 гг. (российская и международная точка бифуркации – специальная военная операция на Украине) контентно-качественная цифровизация научно-образовательного процесса в высшей школе предопределяет создание тематических онлайн-сообществ на интернет-платформах.

Одной из таких базовых площадок, возможности которой используются для репрезентации просветительской, воспитательной, научной и учебно-методической деятельности российских вузов, является медиаплатформа «Телеграм».

В Институте медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна (далее – ИММиД) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (далее – КФУ им. В. И. Вернадского) информационная повестка эксплицируется на таких базовых онлайн-платформах, как «ВКонтакте» (https://vk.com/immid_cfu) и «Телеграм» (<https://t.me/IMMiDcfu>).

В феврале этого года мы создали телеграм-канал «#япатриотпапы» (<https://t.me/ypatriotpapy>) для научного, учебного и методического сопровождения профессиональной деятельности в ИММиД КФУ им. В. И. Вернадского.

Методология исследования

В тот же период с 2020 г. по 2025 г. в фокус исследовательского интереса массмедиакоммуникативистов попадают когнитивно-информационные тактики и стратегии обучающихся корпоративных телеграм-каналов, а именно:

- изучение образовательного блогинга и тематико-видовых характеристик просветительского контента в мессенджере «Телеграм» (Т. А. Глебович [4]);
- анализ импортирующих, разговорных, узкоспециализированных телеграм-каналов в образовательной среде (Д. С. Красуля [6]);
- обзор медиакоммуникационных возможностей «Телеграм» и контента телеграм-канала преподавателя университета для формирования и развития имиджа вуза (А. Г. Афанасьева [1]; А. П. Беседина [3]);
- оценка потенциала телеграм-сообществ с целью информационной поддержки медиапродукта в образовательной среде (Д. О. Лаврентьев, А. А. Салдаева, В. Ю. Белаш [9]);
- рассмотрение специфики использования онлайн-инструментов в педагогической практике (И. В. Кудинов, Э. О. Минахметова [7]);
- мониторинг образовательных коммуникаций, стратегий и тактик телеграм-каналов (Б. А. Низомутдинов, А. Б. Углова, И. М. Богдановская [10]);
- осмысление информационного, образовательного, развлекательного, экспертного и авторского медиаконтента «Телеграм» в кластере «культура, искусство, образование» высшей школы (Е. А. Карцева [5]);
- обсуждение функций и сервисов телеграм-каналов в информационно-образовательном пространстве России (Е. В. Терентьева, Г. О. Аргунов [11]);
- описание методологических подходов в исследовании особенностей когнитивно-коммуникативного жанра «Телеграм-канал «#япатриотпапы»» (А. Г. Шилина [15]).

В этой связи продолжение вектора исследований, посвященных научно-учебному информированию на онлайн-платформе «Телеграм», представляется **актуальным**.

Цель статьи – проанализировать жанрообразующие критерии телеграм-канала «#япатриотпапы» на материале тематических постов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В нашем изыскании категоризация телеграм-канала «#япатриотпапы» как когнитивно-коммуникативного жанра обусловлена теорией речевых жанров М. М. Бахтина. Тематическое содержание, стиль и композиционное построение нашего телеграм-канала «неразрывно связаны в целом высказывании и одинаково определяются спецификой данной сферы общения», в которой вырабатываются свои устойчивые типы таких высказываний [2, с. 250].

Жанроцентричность рассматриваемого телеграм-канала устанавливается в соответствии с моделью речевого жанра Т. В. Шмелевой [16] и дополнительными жанровыми критериями А. Г. Шилиной [14, с. 89–120].

Модель жанра «Телеграм-канал «#япатриотпапы»»

I. Преамбула модели.

II. Структура модели.

2.1. Потребность адресата, обусловившая появление жанра.

2.2. Функции жанра, способствующие реализации потребности адресата.

2.3. Параметры, закрепляющие потребности адресата и функции жанра.

2.3.1. Тема жанра.

2.3.2. Коммуникативная цель жанра.

2.3.3. Концепция адресанта.

2.3.4. Концепция адресата.

2.3.5. Событийное (диктумное) содержание.

2.3.6. Фактор коммуникативного прошлого.

2.3.7. Фактор коммуникативного будущего.

2.3.8. Языковое воплощение.

2.3.9. Паралингвистическое оформление.

Рассмотрим жанрообразующие критерии телеграм-канала «#япатриотпапы» на материале 300 текстов постов, опубликованных в период с 15 февраля 2025 г. по 20 октября 2025 г.

I. Обоснование преамбулы жанровой модели связано с эксплицитным и имплицитным присутствием социального (гендерного, возрастного, этнического, профессионального) компонента в каждом жанрообразующем параметре. Целевую аудиторию телеграм-канала составляют 175 человек (данные от 20.10.2025): преподаватели, сотрудничающие с ними коллеги и студенты ИММиД КФУ им. В. И. Вернадского. Возраст подписчиков – от 17 до 82 лет; их образование – среднее и высшее. Это мужчины и женщины, представляющие разные этносы.

К основным тематическим блокам, содержащим тексты постов телеграм-канала «#япатриотпапы», относятся:

- учебные, воспитательные и научные мероприятия ИММиД КФУ им. В. И. Вернадского;
- научные публикации и профессиональная деятельность преподавателей;
- сборники материалов и программы конференций ИММиД КФУ им. В. И. Вернадского;
- государственные праздники России;
- специальная военная операция на Украине;
- профессиональные праздники России;
- дни рождения/юбилеи выдающихся представителей науки и литературы России и мира;
- праздники, события локальной солидарности и памятные даты, связанные с государственностью, историей и культурой России и Республики Крым;
- календарь событий, имеющих международное значение;
- развлекательно-просветительский блок.

II. Для дальнейшего анализа жанрообразующих критериев телеграм-канала «#япатриотпапы» рассмотрим структуру его модели.

2.1. Удовлетворение потребностей адресата реализуется в следующих примерах постов.

2.1.1. Потребность в принадлежности к ИММиД КФУ им. В. И. Вернадского – более двадцати постов информирующего и развлекательно-познавательного характера о фактах, связанных с Межрегиональной научно-практической конференцией с международным участием «Информация и общество», которая проводится в КФУ им. В. И. Вернадского на протяжении пяти лет (с начала образования структурного подразделения ИММиД).

2.1.2. Потребность в уважении – признание достижений преподавателей иллюстрируется в примере медиаматериала: *«11 апреля Ольга Николаевна Володченко, доцент кафедры журналистики, была удостоена высокой награды от Союза журналистов России – медалью “За заслуги”!»* (15.04.2025).

2.1.3. Познавательная потребность – тексты постов и опубликованные работы всех тематических блоков телеграм-канала ориентированы на получение знаний, полезной информации: *«В нашем университете учатся студенты из других стран, многие из них уже усовершенствовали свои знания в области русского языка. В этот знаменательный день для них немного истории праздника»* (Ко Дню Защитника Отечества, 23.02.2025); *«В этот день Анастасия Владимировна рассказала о защитниках Алушты во время Великой Отечественной войны. Спасибо, герои, за мирный и солнечный День города!»* (К празднованию Дня города Алушты, 31.05.2025).

2.1.4. Эстетическая потребность – наиболее показательными для удовлетворения этого вида потребности являются примеры студенческих медиаматериалов: справочник по уходу за цветами (к Международному женскому дню, 08.03.2025); проект в рамках творческой мастерской «Формирование образа Сергея Есенина в современном информационном пространстве: от медиаконцепции к медиастратегии (к 130-летию со дня рождения поэта)» (24.04.2025); видео с исполнением песни «Прекрасное далеко» на английском языке в переводе студентки Елизаветы Скоковой (23.05.2025).

2.1.5. Потребность в самоактуализации воспроизводится в постах преподавателей и студентов о героях их семей – обратная связь в ответ на предложение авторов телеграм-канала (ко Дню Победы, 05.05.2025–10.05.2025); флешмоб фотовоспоминаний «Пушкин и я» от преподавателей ИММиД (к Пушкинскому дню России, 06.06.2025–09.06.2025).

2.2. Информационная, воздействующая, воспитательная, просветительская и гедонистическая функции опубликованного медиаконтента содействуют реализации потребностей подписчиков.

2.3. К параметрам, фиксирующим потребности аудитории и функции жанра телеграм-канала «#япатриотпапы», относятся:

2.3.1. Концептуальная доминанта «патриотизм» в научных и учебно-методических текстах и медиаматериалах постов: *«Патриотизм – это забота о духовном и нравственном становлении детей, а детские книги помогают в этом: воспитывают вкус и формируют ценности»* (к Международному дню детской книги, 02.04.2025); *«Патриотизм – это знание и соблюдение законов своей страны. Вот почему такое направление журналистики, как криминальная журналистика, является важным*

и востребованным сегментом научно-социального знания в современном массмедийном пространстве» (пост об ужесточении наказания для криминальных авторитетов, 01.04.2025).

2.3.2. Телеграм-канал «#япатриотпапы» является удобным и эффективным форматом для обсуждения и презентации исследовательских, обучающих и методических проектов преподавателей и студентов ИММиД.

2.3.3. Примеры таких текстов постов: **«Если вы хотите рассказать о ваших родственниках – участниках Великой Отечественной войны, присылайте фотографию, краткие сведения о родственнике и краткую информацию о себе»** (к Дню Победы, 02.05.2025); **«А вы готовы поддержать флешмоб «Пушкин и я?»**» (к Пушкинскому дню России, 06.06.2025) – демонстрируют концепцию адресанта, которая мотивирует телеграм-реакции целевой аудитории.

2.3.4. Публикация готовых учебных проектов студентов, научных и публицистических статей преподавателей ИММиД детерминирует концепцию адресата: получить сведения из медиаконтента телеграм-канала и ответить на мотивирующие предложения адресанта.

2.3.5. Анализ событийного содержания телеграм-канала «#япатриотпапы» осуществляется в соответствии с тематическими блоками, включающими тексты постов и периоды их публикации:

- учебные, воспитательные и научные мероприятия ИММиД КФУ им. В. И. Вернадского: мероприятие кафедры рекламы, связей с общественностью и издательского дела, приуроченное к 23 февраля в рамках Года защитника Отечества; мероприятие кафедры журналистики – заседание круглого стола «Военная журналистика: от истоков до сегодня» (24.02.2025–25.02.2025); встреча курсанта 3 курса Крымского филиала Краснодарского университета МВД России Андрея Криворучко со студентами 1 курса направлений подготовки «Издательское дело», «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью» (24.03.2025; 02.04.2025); V Межрегиональная научно-практическая конференция с международным участием молодых учёных, аспирантов, магистрантов и студентов «Информация и общество» (15.04.2025–16.04.2025; 21.04.2025–23.04.2025); творческая мастерская «Формирование образа Сергея Есенина в современном информационном пространстве: от медиаконцепции к медиастратегии (к 130-летию со дня рождения поэта)» (18.04.2025; 24.04.2025); защиты курсовых работ студентов ИММиД (30.04.2025);
- научные публикации и профессиональная деятельность преподавателей: научная статья А. Г. Шилиной, О. А. Субботиной «Мастер-класс «Харассмент как инструмент информационной войны: идентификация, методология, прогноз» в системе вузовской подготовки бакалавров журналистики» (27.02.2025); онлайн-доклад О. А. Субботиной, А. Г. Шилиной «Образ отца в современном медиапространстве России» на научно-философском семинаре «Семья в современном обществе» (Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 20.03.2025); научная статья О. Н. Володченко «Методы и приемы манипуляции в медиатекстах в условиях информационного противостояния (на примере телеграм-каналов)» (11.04.2025); награда доцента кафедры журналистики О. В. Володченко «За заслуги» от Союза журналистов

России (15.04.2025) и публицистическая статья «За что враги убивают наших военкоров» (12.05.2025);

- сборники материалов конференций ИММиД КФУ им. В. И. Вернадского: «Информация и общество» – тезисы докладов участников межрегиональной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов 2021–2025 гг. (26.02.2025; 13.03.2025; 22.03.2025; 28.03.2025; 04.04.2025; 07.06.2025 г.); программа конференции «Информация и общество» в 2025 г. (09.04.2025; 15.04.2025).

Далее тематические блоки содержат релевантные материалы, подготовленные преподавателями и студентами ИММиД КФУ им. В. И. Вернадского, повествующие о мужчинах и женщинах – героях и героинях семей, а именно:

- государственные праздники России: День Защитника Отечества (17.02.2025 – 03.03.2025); Международный женский день (03.03.2025 – 06.03.2025; 08.03.2025); День воссоединения Крыма с Россией (17.03.2025 – 18.03.2025); Праздник весны и труда (01.05.2025); День Победы (02.05.2025–10.05.2025);

- специальная военная операция на Украине: об отцах и членах семей – участниках СВО и правоохранителях (10.03.2025; 24.03.2025; 07.04.2025); гибель выпускника кафедры журналистики, военного корреспондента Александра Федорчака в зоне СВО и посты-посвящения военным корреспондентам Отечества (25.03.2025–27.03.2025; 31.03.2025); портрет военкора Александра Федорчака в Зале Славы крымской журналистики (25.04.2025).

Тематические блоки, представленные ниже, включают сопровождающие медиаматериалы студентов:

- профессиональные праздники России: День войск противовоздушной обороны (13.04.2025); День работника скорой медицинской помощи (28.04.2025); День Черноморского флота (13.05.2025); Общероссийский день библиотек (27.05.2025); День пограничника (28.05.2025);

- дни рождения/юбилеи выдающихся представителей науки и литературы России и мира: В. И. Вернадского (12.03.2025); А. Эйнштейна (14.03.2025); Н. В. Гоголя (01.04.2025); А. Маслоу (01.04.2025); Д. И. Фонвизина (14.04.2025); А. К. Дойля (22.05.2025); 130 лет со дня рождения С. А. Есенина (21.09.2025–20.10.2025);

- праздники, события локальной солидарности и памятные даты, связанные с государственностью, историей и культурой России и Республики Крым, КФУ им. В. И. Вернадского: День защитника Республики Крым (26.02.2025); основание иллюстрированного журнала «Советское фото» (08.04.2025); День Конституции Республики Крым (11.04.2025); День космонавтики (12.04.2025); годовщина открытия панорамы Севастополя (14.05.2025); День города Алушты и медиапроект о защитниках Алушты во время Великой Отечественной войны (31.05.2025); годовщина выхода песни «Группа крови» (рок-группы «Кино») (03.06.2025); дата основания Государственной Третьяковской галереи (04.06.2025); День образования российской полиции (05.05.2025); Пушкинский день России (06.06.2025); День рождения КФУ им. В. И. Вернадского (14.10.2025); День рождения ИММиД (20.10.2025);

- календарь событий, имеющих международное значение: Международный день женщин-судей (10.03.2025); коронавирусная инфекция COVID-19, фейки о

коронавирусе (11.03.2025; 03.04.2025); экологические катастрофы (12.03.2025); важные научные открытия человечества (13.03.2025; 24.03.2025); Международный женский день, который впервые отметили в Австрии, Германии, Швейцарии и Дании (19.03.2025); День весеннего равноденствия и связанные с ним праздники в разных культурах (20.03.2025); Международный день борьбы за ликвидацию расовой дискриминации (21.03.2025); Международный день таксиста и материал о женском такси (22.03.2025); Международный день детской книги (02.04.2025); Международный день танца (29.04.2025); Международный день семей (15.05.2025); Международный день музеев (18.05.2025);

- развлекательно-просвещающий блок: о кошках в истории человечества (07.03.2025); рекомендации к просмотру кинофильмов, релевантных тематике постов (28.02.2025); серия викторин для медиасопровождения конференции «Информация и общество» и факты из ее истории в 2025 г. (13.03.2025; 20.03.2025; 09.04.2025; 10.04.2025); слоган «Душа патриота папы обязана трудиться и в субботу, и в воскресенье» в сопровождении иллюстраций и видео, созданных ИИ (каждая пятница указанного периода); пост ко дню рождения кубика Рубика – создание студентом ИММиД телеграм-канала о спидкубинге и спидкуберах (в рамках учебной дисциплины «Управление системой внутренних и внешних коммуникаций организации») (19.05.2025); викторина о значении слова «джинса» в сфере рекламы и медиакоммуникаций (20.05.2025–21.05.2025); перевод песни «Прекрасное далеко» (композитора Е. Крылатова на стихи Ю. Энтина) на английский язык студенткой института и видео с ее исполнением (23.05.2025); викторина к Общероссийскому дню библиотек (26.05.2025); творческий медиапроект студентки кафедры рекламы, связей с общественностью и издательского дела ко «Дню гадания на ромашках» (29.05.2025); пост ко Дню здорового питания о создании студенткой ИММиД телеграм-канала «Твой вкусный день» (в рамках учебной дисциплины «Управление системой внутренних и внешних коммуникаций организации») (02.06.2025).

2.3.6. К факторам коммуникативного прошлого относятся выступление А. Г. Шилиной, О. А. Субботиной с научным докладом «Образ отца в современном массмедийном пространстве: от прототипа к личности» на IV Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием молодых учёных, аспирантов, магистрантов и студентов «Информация и общество»; проведение творческой мастерской «Формирование образа отца в современном информационном пространстве: от медиаконцепции к медиастратегии» для студентов ИММиД в рамках указанной конференции и выпуск видеоролика на странице ИММиД во «ВКонтакте» ко Дню отца в 2024 г., Году семьи. Идейным триггером для их реализации стал медиатекст «Я – патриот своего папы» (<https://www.youtube.com/watch?v=YC0E-D2pPC0>).

2.3.7. Как отмечалось, объявление 2025 года Годом защитника Отечества стало обоснованием для создания научного и учебно-методического телеграм-канала «#япатриотпапы» и явилось фактором коммуникативного будущего его функционирования.

2.3.8. Специфика языкового воплощения жанра связана с достижением цели межличностного общения, основанного на взаимном доверии адресанта и адресата. В текстах постов реализуется такая коммуникативная тактика, как интимизация –

использование языковых и речевых средства, с помощью которых «создается стилистический эффект доверительного непосредственного общения, неизменно формирующего ощущение сопричастности, вовлеченности, принадлежности» [8]: *«Папочка, будь всегда рядом, а я не подведу!»* **Анжела Григорьевна Шилина, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и издательского дела, рассказала об отце – Григории Яковлевиче Шилине, подполковнике в отставке» (30.05.2025).**

Научные, учебные и творческие проекты содержат как авторские рисунки, фотографии, видео и аудио, так и контент, сгенерированный с помощью ИИ, что идентифицируется как паралингвистическое оформление телеграм-канала *«#япатриотпапы»*.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы:**

- 1) телеграм-канал *«#япатриотпапы»* демонстрирует полную реализацию, целостность и связность его жанрообразующих критериев;
- 2) телеграм-канал *«#япатриотпапы»* эксплицирует когнитивно-информационный потенциал работы для репрезентации качественных научных, учебных и методических материалов;
- 3) телеграм-канал *«#япатриотпапы»* убеждает в необходимости развития корпоративных онлайн-площадок обучающего характера в системе высшей школы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Telegram-канал *«#япатриотпапы»* является когнитивно-коммуникативным жанром, который, во-первых, выстраивает диалог между преподавателями и студентами; во-вторых, реагирует на бифуркационный сценарий в социально-политической системе России и, в-третьих, обеспечивает синергетический эффект в системе российской высшей школы: взаимодействие науки, учёбы, воспитания и массмедиа.

Изучение динамики перехода канала *«#япатриотпапы»* из мессенджера *Telegram* в мессенджер *MAX* представляет перспективу дальнейшего исследования его жанровой специфики.

Список литературы

1. *Афанасьева А. Г.* Потенциал телеграм-канала преподавателя университета для развития имиджа вуза // Филология: научные исследования. – 2024. – №10. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-telegram-kanala-prepodavatelya-universiteta-dlya-razvitiya-imidzha-vuza>. – (Дата обращения: 06.10.2025).
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
3. *Беседина А. П.* Развитие Telegram-канала университета как эффективный метод формирования имиджа вуза // Коммуникация в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей массовой коммуникации. Посвящается 60-летию журналистского образования в Воронеже, Воронеж, 20–22 мая 2021 г. / Под ред. профессора В. В. Тулупова. Ч. I. – Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2021. – С. 71–73.
4. *Глебович Т. А.* Образовательный блогинг в Telegram-каналах: концепции и формы репрезентации контента // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2020. – Т. 26, № 3(199). – С. 57–70.
5. *Карцева Е. А.* Telegram и его влияние: новые тренды в образовательных art-практиках // Новые тенденции в системе современного культурологического образования как основы

- мировоззренческой подготовки: материалы Международной научно-практической конференции (XVIII Колосницинские чтения), 17–18 ноября 2023 г. / под ред. Н. Б. Кирилловой, И. Я. Мурзиной. – Екатеринбург: УрГПУ, 2024. – С. 200–207.
6. Красуля Д. С. Использование ботов в образовательной среде // XXIV Вишняковские чтения «Вузовская наука: условия эффективности социально-экономического и культурного развития региона»: Материалы международной научной конференции, Бокситогорск, 16 апреля 2021 г. / Отв. редактор Е. Г. Седлецкая. – Санкт-Петербург-Бокситогорск: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. – С. 260–262.
 7. Кудинов И. В., Минахметова Э. О. Технологическое сопровождение дисциплины направления педагогического образования в цифровой среде // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2023. – Т. 2. – №. S1 (67). – С. 180–185.
 8. Кузнецова А. А. О соотношении понятий «интимизация речи» и «диалогизация речи» (лингвопрагматический аспект) // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – №. 5 (41). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-intimizatsiya-rechi-i-dialogizatsiya-rechi-lingvopragmaticheskiy-aspekt>. – (Дата обращения: 13.10.2025).
 9. Лаврентьев Д. О., Салдаева А. А., Белаи В. Ю. Использование групп в социальных сетях и мессенджерах для информационной поддержки разработки программных продуктов в сфере образования // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – №. 79-2. – С. 227–230.
 10. Низомутдинов Б. А., Углова А. Б., Богдановская И. М. Автоматизированный кластерный анализ коммуникативных стратегий образовательных Telegram-каналов // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 142–149.
 11. Терентьева Е. В., Аргунов Г. О. Функции и сервисы телеграм-канала как инструмента развития российской информационно-образовательной среды // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 2 (111). – С. 87–89.
 12. Указ о проведении в Российской Федерации Года семьи: [№ 875 от 22 ноября 2023 г.]. – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ol7h1jN3jzDnvgTCwVT2XTokT6lI4Org.pdf>. – (Дата обращения: 19.10.2025).
 13. Указ о проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества: [№ 28 от 16 января 2025 г.]. – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/z9403QR1nV9rYrxdxbVeFl6VLlva7z8.pdf>. – (Дата обращения: 19.10.2025).
 14. Шилина А. Г. Жанрово-коммуникативные характеристики гендерно ориентированных журналов в лингвосинергетическом аспекте (на материале женских русскоязычных журналов Украины): Дис. ... докт. филол. наук: 10.02.02. – Киев, 2013. – 456 с.
 15. Шилина А. Г. Телеграм-канал «#япатриотпапы» как прикладной когнитивно-коммуникативный жанр в системе научно-учебной деятельности преподавателя вуза // Медиалингвистика. Вып. 12. Язык в координатах массмедиа: мат-лы IX Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 25–28 июня 2025 г.) / науч. ред. Л. П. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. – СПб.: Медиапир, 2025. – С. 713–718.
 16. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 88–98.

References

1. Afanas'eva A. G. *Potentsial telegram-kanala prepodavatelya universiteta dlya razvitiya imidzha vuza* [The potential of a university professor's Telegram channel for developing the university's image]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*, 2024, no.10. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-telegram-kanala-prepodavatelya-universiteta-dlya-razvitiya-imidzha-vuza> (accessed: 6 October 2025).
2. Bakhtin M. M. *Ehstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p.
3. Besedina A. P. *Razvitie Telegram-kanala universiteta kak ehffektivnyi metod formirovaniya imidzha vuza* [The development of the university's Telegram channel as an effective method of forming the university's image]. *Kommunikatsiya v sovremennom mire: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii issledovatelei i prepodavatelei massovoi kommunikatsii*. vol. I. Voronezh, 2021, pp. 71–73.

4. Glebovich T. A. *Obrazovatel'nyi blogging v Telegram-kanalakh: kontseptsii i formy reprezentatsii kontenta* [Educational blogging in Telegram channels: concepts and forms of content representation]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 2020, vol. 26, no. 3 (199), pp. 57–70.
5. Kartseva E. A. *Telegram i ego vliyanie: novye trendy v obrazovatel'nykh art-praktikakh* [Telegram and its influence: new trends in educational art practices]. *Novye tendentsii v sisteme sovremennogo kul'turologicheskogo obrazovaniya kak osnovy mirovozzrencheskoi podgotovki: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (XVIII Kolosnitsynskie chteniya)*, 17–18 noyabrya 2023 g. Yekaterinburg, 2024, pp. 200–207.
6. Krasulya D. S. *Ispol'zovanie botov v obrazovatel'noi srede* [Using bots in the educational environment]. *XXIV Vishnyakovskie chteniya «Vuzovskaya nauka: usloviya ehffektivnosti sotsial'no-ehkonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya regionA»: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Boksitogorsk, 16 aprelya 2021 g.* St. Petersburg, 2021, pp. 260–262.
7. Kudinov I. V., Minakhmetova E. H. O. Tekhnologicheskoe soprovozhdenie distsipliny napravleniya pedagogicheskogo obrazovaniya v tsifrovoi srede [Technological support of the discipline of pedagogical education in the digital environment]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully*, 2023, Vol. 2, no. S1 (67), pp. 180–185.
8. Kuznetsova A. A. O sootnoshenii ponyatii «intimizatsiya rechi» i «dialogizatsiya rechi» (lingvopragmaticheskii aspekt) [On the relationship between the concepts of “intimization of speech” and “dialogization of speech” (linguistic and pragmatic aspect)]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no. 5 (41). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-intimizatsiya-rechi-i-dialogizatsiya-rechi-lingvopragmaticheskii-aspekt> (accessed: 13 October 2025).
9. Lavrent'ev D. O., Saldaeva A. A., Belash V. YU. *Ispol'zovanie grupp v sotsial'nykh setyakh i messendzherakh dlya informatsionnoi podderzhki razrabotki programmykh produktov v sfere obrazovaniya* [The use of groups in social networks and messengers for information support of software development in the field of education]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2023, no. 79-2, pp. 227-230.
10. Nizomutdinov B. A., Uglova A. B., Bogdanovskaya I. M. *Avtomatizirovannyi klasternyi analiz kommunikativnykh strategii obrazovatel'nykh Telegram-kanalov* [Automated cluster analysis of communication strategies of educational Telegram channels]. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki*, 2023. Vol. 23, no.1, pp. 142–149.
11. Terent'eva E. V., Argunov G. O. *Funktsii i servisy telegram-kanala kak instrumenta razvitiya rossiiskoi informatsionno-obrazovatel'noi sredy* [Functions and services of the Telegram channel as a tool for the development of the Russian information and educational environment]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2025, no. 2 (111), pp. 87–89.
12. *Ukaz o provedenii v Rossiiskoi Federatsii Goda sem'i*: [№ 875 ot 22 noyabrya 2023 g.] [Decree on holding the Year of the Family in the Russian Federation: [no. 875 dated November 22, 2023]. Available from: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ol7h1jN3jzDnvgTCwVT2XTokT6II4Org.pdf> (accessed: 19 October 2025).
13. *Ukaz o provedenii v Rossii Goda zashchitnika Otechestva*: [№ 28 ot 16 yanvarya 2025 g.] [Decree on holding the Year of the Defender of the Fatherland in Russia: [no. 28 dated January 16, 2025]. Available from: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/z9403QR1nV9rYrxdxbVeFl6VLlIva7z8.pdf> (accessed: 19 October 2025).
14. Shilina A. G. *Zhanrovo-kommunikativnye kharakteristiki genderno orientirovannykh zhurnalov v lingvosinergeticheskom aspekte (na materiale zhenskikh russkoyazychnykh zhurnalov Ukrainy)*: Dis. ... dokt. filol. nauk [Genre and communicative characteristics of gender oriented magazines in a linguosynergetic aspect (on the material of women's Russian language magazines of Ukraine). Thesis]. Kiev, 2013. 456 p.
15. Shilina A. G. *Telegram-kanal «#yapatriotpapy» kak prikladnoi kognitivno-kommunikativnyi zhanr v sisteme nauchno-uchebnoi deyatel'nosti prepodavatelya vuza* [Telegram channel “#yapatriotpapy” as an applied cognitive and communicative genre in the system of scientific and educational activities of the university lecturer]. *Medialingvistika. Vyp. 12. Yazyk v koordinatakh massmedia: mat-ly IX Mezhdunar. nauchn. konferentsii (Sankt-Peterburg, 25–28 iyunya 2025 g.)*. St. Petersburg, 2025, p. 713–718.
16. Shmeleva T. V. *Model' rechevogo zhanra* [The speech genre model]. *Zhanry rechi*, 1997, no.1, pp. 88–98.

**GENRE AND COMMUNICATIVE CHARACTERISTICS
OF “#YAPATRIOTPAPY” TELEGRAM CHANNEL
(MASS MEDIA AND SYNERGETIC ASPECT)**

Shilina A. G., Subbotina O. A.

The genre identification of “#yapatriotpapy” Telegram channel is discussed; its genre model is represented in the article and the applied status of this genre in the communication system of modern higher education is examined. From the point of view of the extra mass media approach, “#yapatriotpapy” Telegram channel appeared in the coordinates of two bifurcation points in the social and political system of the Russian Federation: The Year of the Family (2024) and the Year of the Defender of the Fatherland (2025). The mass media approach made it possible to define “#yapatriotpapy” Telegram channel as a cognitive and communicative genre regulating scientific, educational, methodological and educational dialogue between professors and students of the Institute for Media Communications, Media Technologies and Design, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. The description of the genre characteristics of “#yapatriotpapy” Telegram channel is carried out in accordance with a model structured by using the following genre forming criteria: the addressee’s needs, led to the genre emergence; the functions of the genre contributed to the realization of the addressee’s needs; the theme of the genre; the communicative purpose of the genre; the concepts of the addresser / addressee; event content; factors of the communicative past / future; linguistic embodiment and paralinguistic design. The cognitive and communicative genre of “#yapatriotpapy” Telegram channel, responding to the bifurcation scenario in the social and political system of Russia, provides the synergetic effect in the system of Russian higher education: the interaction of science, study, education and the mass media.

Key words: “#yapatriotpapy” Telegram channel, cognitive and communicative genre, genre model, professor, student, university, mass media, bifurcation point, synergetics.

УДК 070

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-222-241

**АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОЛДОБИН (1882–1927) –
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
КРЫМРОСТА И ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ КРЫМ»**

Яблоновская Н. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: yablon@rambler.ru*

В статье изучается деятельность журналиста, музыканта, киноведа, общественного деятеля Анатолия Владимировича Голдобина (1882–1927) на посту ответственного руководителя КрымРОСТА (декабрь 1920 – ноябрь 1923) и ответственного редактора газеты «Красный Крым» (март-август 1923). Изучен вклад А. В. Голдобина в развитие журналистики информационных агентств и печатных СМИ в Крыму, а также в подготовку журналистских кадров в регионе (школа журналистики, курс лекций для рабкоров, библиографический указатель). В научный оборот вводятся корпусы документов из Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Республики Крым, позволившие раскрыть подробности журналистской работы А. В. Голдобина в Симферополе с декабря 1920 г. по ноябрь 1923 г., а также его публикации в газете «Красный Крым» и литературно-художественном сборнике «Помощь», дающие представление об идейно-политических и художественных взглядах автора. Журналистская и общественная деятельность А. В. Голдобина показана на фоне социально-экономических преобразований первых лет советской власти, проходивших в Советской России и в Крыму, в тесной связи с общими закономерностями развития системы партийно-советских СМИ и Российского телеграфного агентства (РОСТА).

Ключевые слова: А. В. Голдобин, КрымРОСТА, РОСТА, «Красный Крым», Крым, история крымской журналистики.

ВВЕДЕНИЕ

История крымской журналистики 1920-х гг. исследована далеко не полностью. Не является исключением и история главной советской газеты полуострова «Красный Крым» (в настоящее время – «Крымская правда»), в которой, несмотря на усилия редакции [21], [42] и исследователей по ее изучению [3], [6–7], [51], [62–63], до сих пор может быть отмечено немало пробелов и неточностей. Одной из неизвестных страниц прошлого указанного издания остается деятельность его ответственного редактора Анатолия Владимировича Голдобина (1882–1927), руководившего также крымским отделением Российского телеграфного агентства (РОСТА) – КрымРОСТА, о котором до недавнего времени практически ничего не было известно.

Настоящая статья ставит целью дать общую информацию об А. В. Голдобине и его деятельности на посту ответственного руководителя КрымРОСТА с декабря 1920 г. по ноябрь 1923 г. и главного редактора газеты «Красный Крым» с марта по август 1923 г., ввести в научный оборот сведения о его вкладе в развитие крымской журналистики.

Эмпирической базой исследования стали фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (фонд Р-391: Российское Телеграфное Агентство (РОСТА) при Совете народных комиссаров РСФСР), Государственного архива Республики Крым (ГАРК) (фонды Р-4093: коллекция документов по истории развития народного хозяйства, культуры, народного образования и здравоохранения Крымской области, П-1: Крымский республиканский комитет Коммунистической партии Украины); бюллетени и вестники КрымРОСТА, номера газеты «Красный Крым» за период с ноября 1920 по ноябрь 1923 г.

Теоретико-методологическую базу нашей статьи составили работы И. В. Кузнецова [45], Г. В. Жиркова [39], О. Д. Минаевой [47], Р. П. Овсепяна [49], в которых раскрывается история отечественной журналистики первых лет советской власти. Первичные сведения о биографии А. В. Голдобина были получены нами из его некролога, написанного советским киноведом Г. М. Болтянским [4], а также из биографических комментариев к книге А. А. Ханжонкова «Первые годы русской кинематографии. Воспоминания» [1] и сборнику «Цензура в России в конце XIX – начале XX века. Сборник воспоминаний» [2].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Краткие сведения к биографии А. В. Голдобина

Характеризуя личность Анатолия Владимировича Голдобина, Г. М. Болтянский писал: «А. В. Голдобин относится к типу немецких дореволюционных работников кино, имевших разносторонние культурные интересы, большой интеллектуальный багаж и четкую общественную физиономию» [4, с. 77]. Журналист, музыкант-теоретик, киновед, общественный деятель, А. В. Голдобин был человеком ренессансного масштаба и широты дарований. Для него было в высшей степени характерно возводить любую свою практическую деятельность на уровень теоретико-методического осмысления, благодаря чему в его творческое наследие вошел ряд книг по музыке и кино, а также по журналистике.

А. В. Голдобин родился в Томске 8 (20) марта 1882 г. [10]. В 1900 г. окончил 6 классов Томского реального училища [10]. Учился в консерватории (диплома не получил) [10], выступал в качестве виолончелиста, капельмейстера и дирижера [48], [4, с. 77]. В 1905 г. занялся также литературной и журналистской деятельностью, сотрудничал в революционных журналах (воспоминания о работе в сатирическом журнале «Забаяка» (1905–1906) были им опубликованы в журнале «Журналист» в 1925 г. [25], [28]). Публиковался под псевдонимами Вампир; Г–н, А. В.; Даль; Cello (виолончель. – Н. Я.); Diogenos [46, с. 133]. В 1907 г. был канцелярским служащим Главного управления по делам печати, далее – письмоводителем при екатеринославском инспекторе по делам печати [2].

С 1910 г. приобщился к киноискусству в качестве журналиста, музыканта и лектора: читал в разных городах курс лекций «Кинематограф и его просветительное значение» [1], издал в соавторстве теоретическую работу «Пианист-иллюстратор кинематографических картин» [29], которая задолго до появления звукового кино привлекала внимание к музыкальному сопровождению кинолент.

В статье «О принципах музыкальной иллюстрации кинематографических картин» он так обосновывал значение своего теоретического труда:

«Иллюстрация кинематографических картин музыкой, применяемая почти без исключения во всех электротейатрах, до самого последнего времени не имела никакой литературы. Многочисленные пианисты-иллюстраторы принуждены были руководиться в своей специальности исключительно личным музыкальным вкусом и полученным ими общим музыкальным образованием. <...> Только осенью настоящего сезона было выпущено в свет первое руководство для пианистов-иллюстраторов кинематографических картин, в котором был подробно разработан библиографический указатель музыкального материала для иллюстрации кинематографии, обнимающий свыше 2.500 систематизированных пьес, взятых из всей мировой музыкальной литературы» [22, с. 29].

АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОЛДОБИН (1882–1927) – ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР...

В 1910–1913 гг. жил Костроме: работал земским статистиком [41], был корреспондентом газет «Костромская жизнь» (под псевдонимом «Г.» (1910, № 16)), «Наша костромская жизнь» (под псевдонимами «Г.» (1911, № 3) и «А. Г-н» (1911, № 37)), «Северная заря» (под псевдонимом «Г-н» (1910, № 2)), давал концерты (газета «Наша костромская жизнь» в номере за 29 января 1912 г. сообщала о музыкальном и семейном вечере, на котором соло на виолончели исполнял А. В. Голдобин) [48], выпускал книги [44], издавал телеграфные бюллетени [59]. Также в 1910–1911 гг. печатался в ежедневной общественно-политической газете «Голос», выходившей в Ярославле в 1909–1917 гг.: популяризировал киноискусство, пытался воспитать у местной публики художественный вкус. «Русская публика инертна, – писал он в программной статье «Кинематограф, публика и пресса» в номере газеты за 21 октября 1910 г. – Для русской публики нужны руководители, нужно, чтобы кто-нибудь сказал: так не должно быть, нужно требовать, чтобы вместо хлеба, за которым вы идёте, вам не давали камня. И вот эту-то задачу должна взять на себя провинциальная пресса <...> Нужно добиться того, чтобы кинематограф сделался полезным, чтобы сама публика предъявляла требования к программе электрических театров» [цит. по: 40, с. 156]. Как журналист А. В. Голдобин не был удобен для власти: до 1917 г. судился «по литературным делам» 14 раз (статьи 1535 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (клевета) (Свод законов, т. XV, изд. 1885 г.) и 129 Уголовного уложения 1903 года (преступная пропаганда)) [11].

С 1914 г. начал работу на кинопроизводстве, заведую научным отделом торгового дома Лавцевич и Ремер [1, с. 139]. В 1915–1916 гг. учился в Археологическом институте в Москве [11]. С 1916 г. по 1917 г. заведовал московской кинематографической фабрикой «Русь» [11], занимался просветительским кинематографом [24]. С начала 1917 г. работал в профсоюзе киноработников, в дальнейшем способствовал образованию профсоюза работников искусства РАБИС (аббревиатура от слов «РАБотники ИСкусства»). С апреля по ноябрь 1917 г. проходил военную службу в Москве в 53 пехотном запасном полку [11].

С 1918 г. – на советской службе: в Наркомземе Московской области (член коллегии, ответственный руководитель), в ВСНХ (Высшем совете народного хозяйства) (полиграфический отдел) [4, с. 77], [11]. 17 ноября 1918 г. вступил в РКП(б) [11].

В июне 1919 г. в составе отряда особого назначения участвовал в боях на Петроградском фронте при ликвидации восстания гарнизона «Красная Горка». В дальнейшем от воинской повинности, в том числе от занятий в отряде особого назначения, был освобожден по болезни (гипертрофия сердца) [11].

В 1919 году начал работу в РОСТА, вскоре став заместителем его ответственного руководителя П. М. Керженцева.

***А. В. Голдобин – ответственный руководитель КрымРОСТА
(декабрь 1920 – ноябрь 1923 гг.)***

В декабре 1920 г. А. В. Голдобин был командирован ЦентрРОСТА и ЦК РКП(б) в Крым в качестве ответственного руководителя крымского отделения РОСТА [11] и Крымиздата [4, с. 77].

Функции РОСТА в годы военного коммунизма далеко выходили за рамки задач, выполняемых современным информационным агентством. В резолюциях, принятых Первым Всероссийским съездом работников РОСТА в мае 1920 г. [54], на областные отделения агентства, помимо информационной деятельности, были возложены обязанности: а) финансирования отделений, расположенных в районе объединения; б) перераспределения сил журналистов и художников, работающих в отделениях; в)

организации районных школ газетных работников и г) созыва совещаний отделений РОСТА по вопросам областной жизни.

Существующие отделы ЦентроРОСТА и его отделений на местах преобразовывались в единый административно-хозяйственный и организационно-литературный аппарат со следующими отделами: а) административно-финансовым, б) информационным; в) инструкторско-иногородним и г) агитационно-художественным. Местным отделениям вменялись в обязанности: 1. Руководство ежедневной провинциальной прессой, чтобы обеспечить печать планомерным и целесообразным распределением финансов, бумаги, полиграфических средств и литературных сил. 2. Печатная агитация по проведению кампаний, т.е. издание плакатов, воззваний, лозунгов и т. п. 3. Нахождение под общим идейно-политическим руководством организаций РКП(б) [54, с. 1]. Таким образом, вся деятельность провинциальной прессы управлялась местными отделениями РОСТА, а они, в свою очередь, четко выполняли указания своего руководства и РКП(б) по формированию идейно-политической повестки дня.

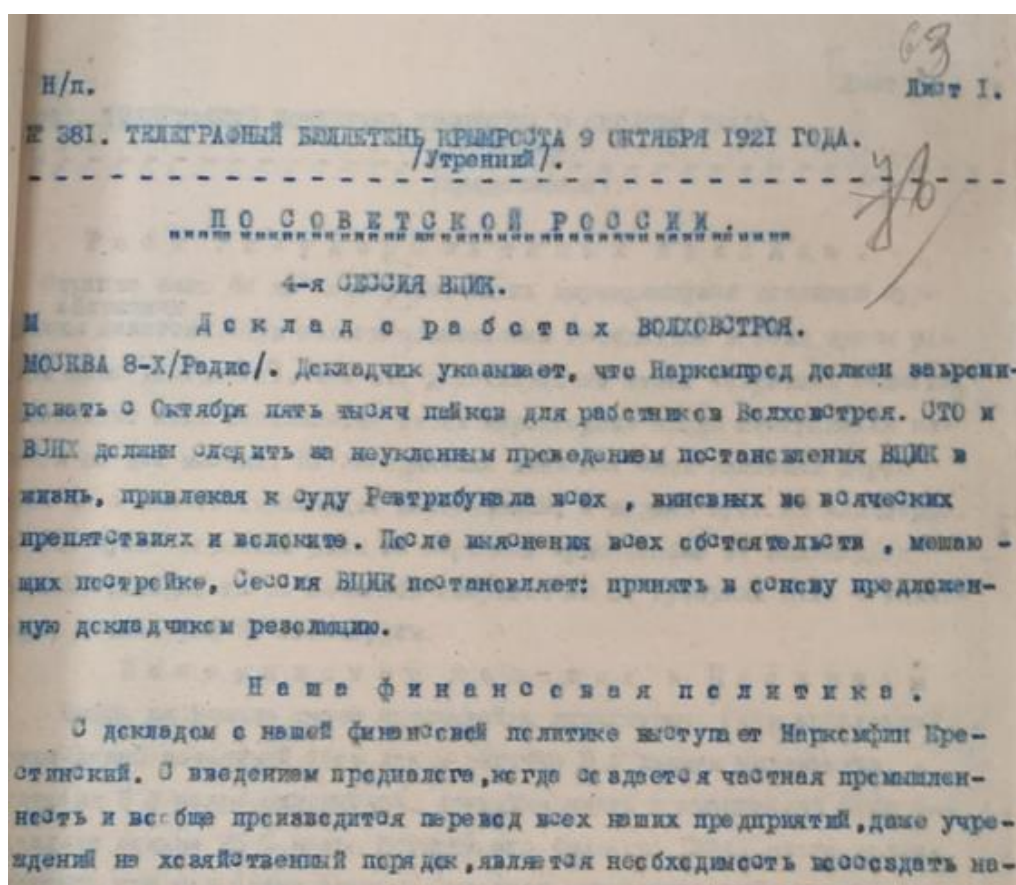

Рис. 1. Телеграфный бюллетень КрымРОСТА (утренний) от 9 октября 1921.

В результате А. В. Голдобин как руководитель КрымРОСТА, помимо организации сбора и распространения информации, занимался также агитационно-пропагандистской работой, инструктированием редакций местных газет и снабжением их бумагой,

редактированием ряда вестников и бюллетеней КрымРОСТА («Инструкторский бюллетень», «Вестник РОСТА», «Радио-Роста», «Телеграфный бюллетень КрымРОСТА», «Крымский бюллетень КрымРОСТА», «Местный бюллетень КрымРОСТА», «Столичный вестник КрымРОСТА» «Крымский вестник КрымРОСТА», «Телефонный вестник», «Крымский вестник КрымРОСТА», «Корреспонденции КрымРОСТА», «Обзор крымской печати», «Бюллетень КрымРОСТА по борьбе с голодом»), поступавших в редакции крымских газет, органы крымской власти и в ЦентроРОСТА, организовывал курсы подготовки журналистов, входил в редколлегии газеты «Красный Крым» и журнала «Известия Крымского областного комитета РКП(б)» (1922–1923).

Сразу по прибытии в Крым он окупнулся в агитационную деятельность. 12 декабря 1920 г. выступил с докладом «Успехи советской власти за 3 года пролетарской революции и ее ближайшее будущее» на митинге-концерте в 4 советском театре Симферополя в честь Дня советской пропаганды (еще в качестве представителя Московской организации РКП(б)) [8]. Затем, уже на посту главы КрымРОСТА, участвовал в организации различных акций: Дней Донбасса, ребенка, Недель и Дней помощи голодающим, Недели Красной Армии и т.п., руководил выпуском стенных, «живых» и световых газет, инсценированных фельетонов, окон сатиры, плакатов, лозунгов [20]. Вместе с ним редактором в КрымРОСТА работала и его супруга, Нина Петровна Голдобина.

Помимо редактирования изданий КрымРОСТА, во время голода в Крыму А. В. Голдобин принял личное участие в литературно-художественном и научно-популярном сборнике ЦК Помгола¹ «Помощь» [23]. Сборник был издан в пользу «Дома ребенка», организованного союзом печатников Симферополя. В очерке «Дары Крыма» Голдобин вопреки голоду, нищете, разрухе описывал редкие сорта крымских фруктов, мечтал о возрождении виноградарства и виноделия. Один из его героев утверждал:

«Есть у нас на русской земле такой рай. Это – южное побережье Крыма. Там растут эти великаны. А вот, не угодно ли, как это вам понравится? Это так называемый „Белый Кальвиль“. Есть ли еще где-нибудь, кроме нашего Крыма, такие удивительные сорта яблок, а посмотрите на персики, сливы. Вкус их необыкновенно нежен, а внешность разве не восхитительна? Ни один европейский художник не имел таких моделей для своих nature mortes. И все это растет в нашем скромном Крыму, на южных склонах гор в районе Алушты <...>. А виноград! Вот шасля, мускат, Александр, чауш, Изабелла – сравните-ка его с ницциким виноградом. Смело скажу: выдержит всякое сравнение» [23, с. 40].

В этом противопоставлении голодного «сегодня» и счастливого «завтра» отразились и гражданская позиция автора, и дух времени: не обращая внимания на трудности, мечтать светлом будущем и усердно работать ради его приближения.

С конца ноября 1920 г. РОСТА входило в состав Главполитпросвета – Главного политико-просветительного комитета Наркомпроса РСФСР, руководившего политической, просветительской и агитационно-пропагандистской работой [5, с. 83]. В связи с этим рабочий кабинет А. В. Голдобина находился в здании Крымского управления политпросвета (КрУПП) (бывшем доме М. Михалиского на углу ул. Пушкинской и Карла Либкнехта (в настоящее время – ул. Пушкина, 5 / Екатерининская, 9)).

¹ Правительственная Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК.

АНКЕТНЫЙ ЛИСТ

1. Имя, Отчество и фамилия Голдобин Анатолий Владимирович Голдобин

2. Адрес: Ул. Пушкинской и др. К. Вильямса в Симферополе. (Мал. ул.)

3. Лет: 40

4. Семейное положение: Женат

5. Где родился: (гор., уезд, дер. и т.д.) г.р. Мелок

6. Где находится родные: на дому чем занимаются _____
кто из них при нем, _____ сколько членов семьи _____

7. Кто находится на Вашем иждивении нет

8. Какое образование: домашнее, среднее, высшее (общ. или специальное) высшее (инженерное и Высшая Коммунальная)

9. Специальность: Инженер, Конструкторский, Инженер-техник

10. Профессия: Инженер

11. Состоит или состоял членом Профсоюза да какого Восстановитель с какого времени с начала 1921 года

12. Родной язык: русский

13. Отбывал ли военную службу Алексей 4-й номер в качестве кого солдат какое получил образование высшее

14. Участвовал ли в боях, где и когда в боях с немцами за Крымский фронт в конце 1918 года при освобождении Крыма

15. Служил ли у добровольцев на гражданской службе нет

16. Служил ли у добровольцев на военной службе нет

17. Добровольно или по мобилизации добровольно

18. Сочувствуете ли Советской Власти полностью

19. Был ли на Советской службе с 1918 года в каком отделе и когда на отделе печати

20. Чем занимался до 1917 г. работал в качестве кого писателя, журналиста

21. К какой партии принадлежит Р. К. П. с какого времени 17 ноября 1918 г.

22. Чем занимался до 1917 г. занимался конструкторской работой

23. Где служил в 1917 г. с отъезда по моб. при на фронт в 1918 г. Наркомат Мелок в 1919 г. Рост

24. Где жил и служил с июня 1919 г. и до настоящего времени до декабря 1920 года в Мелке, Рост, с декабря в Симферополе - Отд. Рухов. Пропаганды

25. Пострадал ли от белых нет

26. Сидел ли за что сидел за дело 14 лет по литератур. делу с 1935 по 1939

27. Состояние здоровья инвалидность сердца

28. Когда прибыл в Крым в декабре 1920 года

29. Откуда прибыл и по какой причине из Мелка по мобилизации

Подпись заполнившего анкету А. Голдобин

12 июль 1922 г. ФОР. К. О. Ч. К. ЗАК. 907.

Рис. 2. Анкетный лист, заполненный А. В. Голдобиным собственноручно [11].

Поскольку именно на областные и краевые отделения РОСТА возлагалось руководство местной печатью, с 25 апреля 1922 г. Голдобин был назначен также заведующим подотдела печати Агитпропа Крымского обкома РКП(б) и по совместительству с того же времени – ответственным секретарем Истпарта¹ [10]

¹ Истпарт – комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), занималась сбором и публикацией материалов на соответствующую тему. В Крыму местным бюро Истпарта издавались сборники «Революция в Крыму» (1922–1932).

АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОЛДОБИН (1882–1927) – ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР...

(в циркуляре, полученном РОСТА по «Радиовестнику» из Москвы 12 июля 1921 года, по данному поводу говорилось:

«В некоторых местах наряду с Губпросветами продолжают существовать подотделы печати или так называемые “подотделы периодической печати”. Сообщаем к сведению руководства, что функции подотделов печати выполняет Губроста, и предлагаем подотделы печати там, где они организованы, ликвидировать, передав функции Губроста» [9]).

Работать приходилось в крайне сложных условиях голода, разрухи, отсутствия нормального транспортного сообщения между крымскими городами, нехватки квалифицированных кадров, в том числе технического персонала, отсутствия нормального рабочего помещения, перебоев с финансированием и выдачей заработной платы, острой нехватки необходимого для работы оборудования (пишущих машинок, множительной техники) и канцелярских принадлежностей. Это была только часть проблем, с которыми А. В. Голдобину пришлось столкнуться в Крыму.

С началом 1922 г. положение КрымРОСТА усугубила новая экономическая политика, предписывающая перевод всех средств массовой информации на самоокупаемость – в условиях неразвитого рынка, голода, дефицита денежной массы. Началось сокращение штатов, приведшее к падению объемов производимых работ. В итоге А. В. Голдобин, констатировавший создание «вполне работоспособного, налаженного аппарата» в 1921 г., применительно к периоду с октября 1921 г. по октябрь 1922 г. был вынужден написать в отчете, переданном в Москву:

«Отчетный год был годом ломки этого аппарата, годом чрезвычайных трудностей для КрымРОСТА, обусловленных стремлением спасти аппарат от полного разрушения, годом напряженной работы всего без исключения состава сотрудников КрымРОСТА, штат которых был неимоверно сокращен без всякого предварительного учета количества оставшейся на обязанности учреждения ответственной производственной работы одним росчерком пера комиссии по сокращению штатов» [12].

Количество штатных единиц КрымРОСТА было сокращено со 191 (1921 г.) до 12 в краевом отделении в Симферополе и 8 (корреспондентов) в других городах (середина 1922 г.) [13]. Но и в этом очень ограниченном составе КрымРОСТА продолжало выполнять требуемую информационную работу, хотя и в меньших объемах, чем ранее.

Для того, чтобы спасти штат от сокращения, А. В. Голдобин вышел в Совнарком Крыма с проектом финансирования КрымРОСТА. Проект был принят на заседании Совнаркома 18 марта 1922 г. и действовал до 1 октября 1922 г. Согласно ему, подписка на «Телеграфный бюллетень» КрымРОСТА была обязательной для ряда крымских учреждений (6 симферопольских, 4 севастопольских, 4 керченских, 3 феодосийских, 3 евпаторийских и 3 ялтинских), плата за нее составляла 100 рублей золотом (по курсу Наркомфина) [14]. Но, несмотря на постановление, многие учреждения уклонились от обязанности подписаться на бюллетень, а часть подписавшихся не вносила своевременно оплату.

Общее положение отделения подрывали также сложности во взаимоотношениях с Наркомпочтелем. Так, в отчете отделения за ноябрь–декабрь 1922 г. говорится, что показатели работы корреспондентов резко упали вследствие «истощения телеграфного аванса на местах и сокращения этого аванса в Симферополе» на 89 000 руб. дензнаками 1922 г. по предписанию ЦентрОСТА [14]. В соответствии с этим в отчет был введен

даже специальный пункт, озаглавленный «Тормозы в работе», в котором подробно излагались проблемы с оплатой услуг связи. В частности, сообщалось, что 22 ноября 1922 г. Симферопольская почтово-телеграфная контора отказала КрымРОСТА в приеме и передаче депеши на том основании, что телеграфный аванс исчерпан. Как выяснилось, из суммы первоначально отпущенного на ноябрь кредита в 178 000 руб. центром была списана половина, т. е. 89 000 руб. В ходатайстве КрымРОСТА о приеме депеш в течение льготных двух недель в долг, согласно циркуляру Наркомпочтеля от 22.10.22 г. за № 23/1216, заведующий Симферопольским телеграфом т. Яворский отказал, мотивируя свой отказ тем, что «двухнедельный льготный случай предусматривает случай несвоевременного открытия Центром кредита на данный месяц», а не тогда, когда этот кредит исчерпан в середине месяца. КрымРОСТА было вынуждено обратиться в Центр с телеграммой о помощи, в ответ на которую ЦентроРоСТА отправило телеграмму т. Яворскому с просьбой продолжать оказывать услуги КрымРОСТА и обещанием немедленно перевести дополнительные кредиты. Но и на эту телеграмму заведующим Симферопольским телеграфом был дан отказ. В итоге КрымРОСТА оплачивало телеграммы из своих скудных средств, однако оказалось совершенно невозможным даже из них перевести авансы на оплату телеграфных услуг окружным корреспондентам, от которых начали поступать жалобы на исчерпанность телеграфного аванса. В результате работа окружных корреспондентов была заблокирована [15].

Взаимоотношения КрымРОСТА с местной сетью Наркомпочтеля усугубились после ликвидации Управления Уполнаркомпочтеля Крыма и подчинения крымских почтель-контор Одессе, связь с которой Крыма была более затруднительной, чем с Москвой. Так, КрымРОСТА просили центр повлиять через Наркомпочтель на действия крымских почтово-телеграфных контор, которые по льготному тарифу оценивали не все телеграммы, направляемые в Москва-РОСТА и Симферополь-РОСТА, а только информационные. Деловые депеши, направляемые по данным адресам, почтовые конторы оценивали по обычному тарифу с начислением депешной платы [16].

Рис. 3. Портрет А. В. Голдобина на групповом фото. Вестник работников искусств, 1925, № 3 (25), с. 16.

Несмотря на все трудности первых лет советской власти, к концу 1922 г. Голдобину удалось стабилизировать работу КрымРОСТА. После падения объемов информационной деятельности в конце весны – начале лета 1922 г. кривая информационных показателей осенью 1922 г. снова поползла вверх, а сотрудники отделения с 1 мая 1922 г. начали регулярно, дважды в месяц, получать зарплату [18]. «С августа аппарат КрымРОСТА начал вновь крепнуть и к настоящему времени вернул свою прежнюю энергию, – говорилось в отчете А. В. Голдобина в ЦентрОСТА. – Цифры статистических таблиц за последние месяцы дают почти ту же картину, а в некоторых отношениях даже выше, которая характеризовала информационную работу КрымРОСТА в самый цветущий период деятельности учреждения (август 1921 – февраль 1922 года)» [19]. Успешно решившего задачу организации работы КрымРОСТА Голдобина ждала еще одна должность – ответственного редактора главной партийной газеты Крыма.

Рис. 4. Б. Г. Голдобин (шарж). Новый зритель, 1924, № 29, с. 6.

***А. В. Голдобин – ответственный редактор газеты «Красный Крым»
(март–август 1923)***

В марте 1923 г. А. В. Голдобин был назначен ответственным редактором газеты «Красный Крым». Совмещая новую должность с руководством КрымРОСТА, он отстаивает интересы агентства и в своей газете: в это время в «Красном Крыме» впервые в истории издания в информационных заметках появляется ссылка на источник – «по материалам КрымРОСТА».

1923 год стал многообещающим для народного хозяйства Крыма и его медиаиндустрии: полуостров начал оправляться от голода, а его пресса – выходить из «кризиса печати», порожденного новой экономической политикой. Перед газетой «Красный Крым» была поставлена задача увеличения тиражей. Для ее решения Голдобиним использовался ряд мер: организация при редакции рабкоровского кружка с последующим привлечением его членов к подписной кампании, проведение читательских конференций, общих собраний городских подписчиков и их анкетирования и т. п.

В апреле 1923 г. при редакции был создан кружок рабочих корреспондентов [56]. Одной из главных обязанностей его членов стала организация подписки на газету в своих трудовых коллективах. Голдобин лично курировал подготовку рабкоров. 8 июля 1923 г.,

когда начался период отпусков и руководитель рубрики «Рабочая жизнь» Пекман, непосредственно руководивший кружком, ушел в отпуск, редактор «Красного Крыма» провел собрание рабкоров, чтобы убедить их «удвоить энергию в период переживаемого затишья». Один из участников встречи так описал происходившее:

«Восьмое июля. День праздничный. Все рабочие корреспонденты свободны от работ, а их 65 в Симферополе. Однако в Малом зале Дворца труда собралось всего 25 чел. <...> Сидим и слушаем о родном детище – страничке “Рабочей Жизни”. Больно критикует нашу работу редактор т. Голдобин и выворачивает ее перед нами. Мы видим, как лето скоробило “Рабочую Жизнь” до неузнаваемости. Маленькая стала. Руководитель т. Пекман уехал, и рабкоры тоже раскисли, мало пишут и мало собираются <...> Но хорошо, есть выход из положения. Поправим страничку. Надо почаще бывать в редакции. Большие писать. Почистить свои ряды. Надо подписку увеличить, а то начала падать. Пишите обращение, мало места в газете. А самое главное: за учебу, рабкоры! <...> сначала послушаем лекции, а затем разберем статейку и напишем немного. Один раз в неделю будет нетрудно прийти» [60].

Итогом собрания стало принятие «Плана работы рабкоров», содержавшего среди прочих пункт о том, что они должны проводить коллективную подписку на газету на предприятиях: «Будучи непосредственно связаны с рабочей массой, рабкоры обязаны у себя на предприятиях проводить подписку на «Красный Крым», следить за своевременной выпиской газеты и за исполнением декрета СНК (Совета народных комиссаров. – Н. Я.) об обязательной подписке по установленной норме» [60]. За этой работой рабкоров должно было следить бюро.

5 мая 1923 г., в День печати, редакцией была проведена первая городская читательская конференция. Благодаря ей, по свидетельству рабкоров издания, число подписчиков существенно увеличилось [53]. 22 июня 1922 г. в партклубе Симферополя состоялось общегородское собрание рабочих подписчиков «Красного Крыма», организованное его редакцией и бюро рабкоров.

«До сих пор таких собраний – постоянных подписчиков рабочих на свою газету – у нас еще не было, да и в других местах о них еще мало слышно, но вопрос о созыве таких собраний время от времени, конечно, назрел везде и всюду. <...> Рабочие читатели должны знать, каково положение их газеты, как она издается, в чем нуждается. В свою очередь редакции газеты необходимо знать мнение и пожелания подписчиков. Только при такой постановке дела, при таких близких и тесных взаимоотношениях между редакцией и подписчиками газета может быть поставлена на должную высоту, будет правильно исполнять свое высокое назначение», – писала газета [50].

Открывая собрание, Голдобин отметил, что его целью является установление тесной связи издания с постоянными подписчиками, совместного обсуждения вопросов распространения газеты и информационных потребностей аудитории. По его словам, эта инициатива являлась новой не только для Крыма, но и для всей Федерации. В докладе Голдобина «Положение “Красного Крыма”» указывалось, что газета не преодолела дефицита бюджета: для того, чтобы стать самоокупаемой, ей нужно выходить тиражом 10 000 экз. Как показывают приведенные цифры, за 3 месяца управления редакцией Голдобину удалось увеличить тираж на 193 %. Если до апреля 1923 г. он составлял 2700

экземпляров, то на 1 мая поднялся до 3800 экз., на 1 июня – до 4900, а в июне газета печаталась тиражом 5000–5200 экз. [55]. Количество подписчиков заметно увеличилось в городах: Симферополе, Керчи, Ялте, Евпатории. Газета рассчитывала, что к числу читателей также примкнут красноармейцы, недавно лишившиеся собственного издания «Красноармеец», тираж которого составлял 1000 экз. Чтобы привлечь эту аудиторию, «Красный Крым» активно развивал рубрику «Листок красноармейца». Планировалось и увеличение сельских подписчиков. На читательской конференции 5 июня было принято решение о коллективной подписке рабочих коллективов на газету. Собрание подписчиков 22 июня подтвердило это решение и лозунг: «Один экземпляр газеты на каждые 5 рабочих или служащих» – и постановило на тех предприятиях, где еще не было проведено решение о подписке, немедленно провести и осуществить его, внеся деньги [55].

На посту ответственного редактора «Красного Крыма» Голдобин получил возможность для реализации своих способностей не только как медиаменеджера, но и как публициста. Он печатал проблемные статьи («Почему дорог сахар?» [38]) и демократично размещал полемические ответы на них задетых за живое героев («Где в самом деле зарыта собака? (По поводу статьи т. Голдобина «Почему дорог сахар?» (№ 149)) [52]), фельетоны («Маленький фельетон» [27], «Мозаика». Уполбыт, Коммунхоз, Политпросвет, Главлит, труппа миниатюр, два рецензента и один редактор (Нечто фельетонное)» [34]), регулярно выступал как театральный и музыкальный критик.

Статьи Голдобина на темы искусства чрезвычайно интересны, поскольку 1) написаны человеком с консерваторским образованием и опытом музыканта-практика и теоретика, хорошо разбирающимся в данной теме; 2) раскрывают мировоззренческие и эстетические приоритеты автора и его эпохи; 3) показывают культурную жизнь Крыма начала 1920-х гг. В статье «О крымской государственной консерватории (По поводу 1-го камерного вечера)» [37] Голдобин как представитель идеологического крыла крымской власти критикует сам подход к публичному выступлению советского учреждения культуры (консерватории), оставившего за пределами своего интереса крымских трудящихся. Вспоминая детали создания консерватории в Крыму 21 сентября 1922 г., он обращает внимание на то, что одной из ее главных целей было «приобщение к пониманию музыкальной красоты трудящихся». На деле же, как указывает критик, происходит иначе, и на первом публичном выступлении преподавателей консерватории пролетариат «блистал своим отсутствием». Серьезные возражения автора вызывает и подбор репертуара, не соответствующего новому времени:

Рис. 5. В. Ардов. А. В. Голдобин (шарж). Кино-газета, 1924, 29 января, № 4–5, с 2.

«В Симферополе, где за все время советской власти почти никаких музыкальных выступлений (кроме самых редких случаев) не было, где рабочие массы понятия не имеют о том, что такое струнный квартет или фортепьянное камерное трио, объявлен концерт, программа которого составлена из d moll'ного квартета Рубинштейна, насквозь пропитанного самой интеллигентской мендельсоновиной, Рахманиновского “Элегического трио”, посвященного Чайковскому и передающего упадочные настроения этого чуждого народу лирика нытика попеременно с церковно-мистическими темами, несколько случайно выбранных романсов их тех же Рубинштейна, Чайковского и Глиэра, ничем между собой и другими номерами программы не связанных и ничего пролетарскому чувству не говорящих» [37].

Помимо содержания программы, не предназначенного для рабочей аудитории, Голдобин критикует ее оформление, изобилующее итальянскими музыкальными терминами: «Какой рабочий соблазнится пойти на концерт, когда он даже афиши прочесть не может?» Он указывает, что в Москве программы популярных концертов давно сопровождаются объяснениями содержания пьес на «простом русском языке». Но главный недостаток вечера, с точки зрения рецензента, находился в области исполнения: он пишет об отсутствии должной сыгранности музыкантов, неустойчивом ритме, «выпирании» отдельных инструментов из общего звучания, посредственном исполнительском мастерстве. В заключении автор пришел к неутешительному выводу: «При таком преподавательском составе консерватория не может выполнять своего назначения» [37].

В фельетоне «“Мозаика”. Уполбыт, Коммунхоз, Политпросвет, Главлит, труппа миниатюр, два рецензента и один редактор» Голдобин высмеивает необходимость разбираться по долгу службы в тех культурных дискуссиях о гастролях театра «Мозаика», которые заинтересованные лица организовали на страницах «Красного Крыма». Как и в предыдущем материале, он придерживается классового подхода к искусству. Посетив спектакль и убедившись в его идеологической безвредности, автор пишет:

«Ну скажите на милость, – нужна эта пародия на №№ кафе-шантанных кабачков читателю “Красного Крыма” – рабочему, сознательному пролетарию. <...> Конечно, и для рабочего, и для обслуживающей его газеты все это “дребедень”, и, конечно, никакой критикой такого искусства серьезная газета и серьезные люди заниматься не должны» [34].

В то же время неподдельный интерес Голдобина вызвали гастроли в Крыму московской оперной труппы под руководством М. К. Максакова. Спектаклям труппы он посвятил ряд рецензий в рубрике «Театр и музыка»: «Аида» [30], «Травиата» [36], «Пиковая дама» [35], «Евгений Онегин» [32], «Кармен» [33], «Борис Годунов» [31]. Весьма спорной была его реакция на включение в репертуар труппы «Травиаты» Верди: «Кому из гастролирующей оперной труппы пришла в голову несчастная мысль включить в свой репертуар “Травиату”? Отжившая свою былую славу, повсюду сданная в архив, эта пустая в музыкальном смысле опера Верди ставится в наше время только там, где она дает возможность показать исключительно выдающейся красоты колоратурное сопрано (Виолетта) и очень хорошего лирического, обладающего настоящим, редким теперь bel canto тенора (Альфред)» [36]. В постановке «Кармен» Голдобин разглядел блестящий

АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОЛДОБИН (1882–1927) – ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР...

талант 21-летней Марии Петровны Максаковой, которому посвятил восторженные строки: «Бездна темперамента, огня, искры черных глаз, прекрасное пение. Артистка воплотила образ страстной цыганки в таком совершенстве, что его не забыть. <...> Кармен была выше всякой возможной оценки» [33].

В первой декаде августа 1923 г. Голдобин покидает пост ответственного редактора газеты «Красный Крым»: с 9 августа (№ 176 (801)) обязанности редактора исполняет М. Колябская, а 25 августа 1923 г. (№ 189 (814)) ответственным редактором становится Д. Наранович, который в дальнейшем возглавит и КрымРОСТА.

А. В. Голдобин – организатор журналистского образования в Крыму

Как было указано выше, перед местными отделениями РОСТА ставилась задача подготовки журналистских кадров и организации школ газетных работников. К ее осуществлению А. В. Голдобин приступил совместно с главным редактором газеты «Красный Крым» М. Марголиным уже в январе 1921 г. На совместном заседании было принято решение об открытии месячных корреспондентских курсов: занятий 3 раза в неделю, вечером, по 2 часа. Курс распадался на 2 части – теоретическую (газета, производственная пропаганда, задачи корреспондента) и практическую (сбор информации, ее редактирование, распределение материала, верстка, выпуск и др.). Лекторами и ассистентами школы журналистики должен был выступить наличный состав редакций РОСТА и «Красного Крыма». Школа начала работу в Симферополе в начале марта 1921 г. [57].

В июле 1923 г. Голдобин, совмещавший должности ответственного руководителя и редактора КрымРОСТА и ответственного редактора «Красного Крыма», решил вернуться к этому проекту, организовав цикл вечерних лекций «Газета, ее история, содержание и техника» для рабкоров во Дворце труда (ныне – Центральный музей Тавриды, ул. Гоголя, 14) по следующей тематике [43]:

1 лекция (17 июля 1923 г.). История происхождения газеты. Изобретение книгопечатания. Эпоха финансового капитала. Революция. Характеристика мировой прессы.

2 лекция (19 июля). Содержание газеты. Характеристика отделов.

3 лекция (21 июля). Техника редакционной работы. Организация. Верстка.

4 лекция (23 июля). Типографская техника. История печатания. Современная типография.

5 лекция (25 июля). Техника набора и печати.

6 лекция (27 июля). Техника набора и печати (продолжение).

7 лекция (30 июля). Общественные задачи газеты вообще и отдела «Рабочей жизни» в частности.

8 лекция (31 июля). Техническая подготовка сотрудника газеты и рабкора.

На лекциях присутствовали не только рабкоры, но и сотрудники «Красного Крыма». Слушавший лекции рабкор А. Сумароков так описывал происходящее:

«Т. [товарищ. – Н. Я.] Голдобин познакомил нас с историей печати, кончив современными материалами. Мысленно перебросил нас в современную типографию. – Это фабрика! – говорит. Вертит перед нами буквы. Сыплет хитрые названия типографского приклада. – Так набирается гранка... – Этак получается первая корректура. А вот как ее правят. И рука чертит по доске

разные знаки. Долго и подробно объясняет лектор, как подготавливается к печати газета. <...> А в пятницу, 27 июля в 4 с половиной часа дня пожалуйста, товарищи, в типографию “Красного Крыма” для знакомства с выпуском газеты, – говорит председатель собрания. – С удовольствием, отвечают ученики» [58].

Обобщая многолетний опыт изучения источников по вопросам полиграфии, истории печати и ее правового положения, в сентябре 1923 г. Голдобин представил к изданию библиографический указатель, включивший 1200 названий отдельных сочинений и периодических изданий по указанной тематике на русском, французском, английском, немецком и итальянском языках. Сборник состоял из 8 разделов: 1) история письмен, книгопечатания и графических искусств; 2) полиграфическая техника; 3) периодическая печать; 4) газетно-редакционная техника; 5) организация печатно-издательского дела; 6) труд рабочего-печатника и труд журналиста, профессиональные объединения, тарифы; 7) журналы; 8) справочная литература, законы, словари, указатели, каталоги, обзоры выставок. В приложении им было собрано 200 памятных дат из истории печати и журналистики, а также стихотворения и афоризмы о книге и прессе.

А. В. ГОЛДОБИН

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПО ВОПРОСАМ

ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА,
ИСТОРИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ,
ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПЕЧАТИ
И ЕЕ РАБОТНИКОВ.

ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КНИГОПЕЧАТАНИЯ ДО
СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ

СИМФЕРОПОЛЬ
1924

Рис. 6. А. В. Голдобин. Библиографический указатель русской и иностранной литературы по вопросам полиграфического производства, истории периодической печати, правового положения печати и ее работников. Симферополь, 1924.

В предисловии к указателю автор так обосновал необходимость его публикации:

«Потребность в возможно полном указателе литературы русской и иностранной, (т. к. многие иностранные капитальнейшие сочинения, касающиеся

АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОЛДОБИН (1882–1927) – ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР...

полиграфического производства, до сих пор не переведены на русский язык), очевидна. В настоящее время в издании такого пособия нуждаются многие работники в области полиграфического производства, руководители и работники прессы, преподаватели в школах печатного дела и на курсах журналистики, а также учащиеся этих школ и курсов» [26, с. 4–5].

«Библиографический указатель» был опубликован в Симферополе в 1924 г. Это был последний подарок Крыму от А. В. Голдобина, в это время уже поднимавшему советский кинематограф в столице.

В ноябре 1923 г. А. В. Голдобин был отозван в Москву в аппарат Центрального государственного предприятия «Госкино» (член правления, директор производства, руководитель бюро печати, секретарь художественного совета, после ухода Э. С. Кадомцева – председатель правления). При нем как директоре производства были восстановлены кинофабрики и выпущены первые картины [4, с. 77]. Параллельно продолжал публиковать статьи на темы кинематографии в журналах «Искусство трудящихся», «Вестник работников искусств», «Экран», «Советское кино», «Кино-неделя». Выпустил книги «Кино на территории СССР» (1924) и «Как писать сценарии для кино-картин» (1925). Жил в Москве на ул. Б. Дмитровка, 20, кв. 57. Последние полтора года жизни был прикован к постели тяжелой болезнью. Скончался 23 июня 1927 г. в возрасте 45 лет. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

ВЫВОДЫ

За три года деятельности в Крыму Анатолий Владимирович Голдобин внес неоценимый вклад в развитие медиасистемы полуострова. Благодаря организаторским усилиям А. В. Голдобина была налажена работа крымского отделения РОСТА – КрымРОСТА, положено начало движению рабочих корреспондентов в Симферополе, значительно увеличен тираж главной газеты республики – «Красного Крыма», внедрены новые формы работы с читательской аудиторией – собрания подписчиков и читательские конференции. А. В. Голдобина также можно назвать основоположником журналистского образования в Крыму. В результате его инициативы и при его непосредственном участии в Симферополе была открыта первая школа журналистики, для рабкоров «Красного Крыма» им читались лекции по истории и практике газетного дела, было выпущено первое журналистское пособие – «Библиографический указатель русской и иностранной литературы по вопросам полиграфического производства, истории периодической печати, правового положения печати и ее работников».

Список литературы

1. А. В. Голдобин (1882–1927) // Ханжонков А. А. Первые годы русской кинематографии. Воспоминания. – Москва–Ленинград: Искусство, 1937. – С. 139.
2. А. В. Голдобин. «Забияка» [комментарий] // Цензура в России в конце XIX – начале XX века. Сборник воспоминаний / сост. Н. Г. Патрушева. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 339.
3. Акимченков В. В. Газета «Красный Крым» как источник по истории советской науки рубежа 20–30-х годов XX века // Румянцевские чтения – 2022 : Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Москва, 21 апреля 2022 года. Часть 1. – Москва: Издательство «Пашков дом», 2022. – С. 10–15.
4. Болтянский Г. М. А. В. Голдобин (1882–1927) // Бюллетень ГАХН. – 1927/1928. – Вып. 7/8. – С. 77–78.
5. Брыляков Н. А. Российское телеграфное..... – Москва: Мысль, 1976. – 118 с.

6. Гаврилюк М. Н. Архитектура и строительство Симферополя 1930-х годов (по материалам газеты «Красный Крым» и журнала «Экономика и культура Крыма») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 3–25.
7. Гаврилюк М. Н. Газета «Красный Крым» как источник по истории подготовки и проведения художественной выставки, посвященной 10-летию советизации Крыма // Bonum Initium. – 2020. – № 12(20). – С. 40–45.
8. ГАРК [Государственный архив Республики Крым]. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 9.
9. ГАРК. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 127.
10. ГАРК. – Ф. П-1. – Оп. 2. – Д. 1071. – Л. 1.
11. ГАРК. – Ф. П-1. – Оп. 2. – Д. 1071. – Л. 2.
12. ГАРФ [Государственный архив Российской Федерации]. – Ф. Р-391. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 1.
13. ГАРФ. – Ф. Р-391. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 2.
14. ГАРФ. – Ф. Р-391. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 23.
15. ГАРФ. – Ф. Р-391. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 27.
16. ГАРФ. – Ф. Р-391. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 28.
17. ГАРФ. – Ф. Р-391. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 3.
18. ГАРФ. – Ф. Р-391. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 4.
19. ГАРФ. – Ф. Р-391. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 8.
20. ГАРФ. – Ф. Р-391. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 6–7.
21. Главные редакторы // Крымская правда. – 2013. – 6 февраля. – Режим доступа: <https://cpravda.ru/newspapers/2013-02-06/glavnye-redaktory> – (Дата обращения: 25.09.2025).
22. Голдобин А. О принципах музыкальной иллюстрации кинематографических картин // Сине-Фоно. – 1913. – № 9. – С. 29–30.
23. Голдобин А. В. Дары Крыма // Помощь: Художественно-литературные и научно-популярные сборники. – № 1. – Симферополь: Крымск. ЦК Помгол., 1922. – С. 40–44.
24. Голдобин А. В. Просветительный кинематограф в России // Практическое руководство по кинематографии / под ред. М. Н. Алейникова и И. Н. Ермольева. – Москва: Акц. О-во «Московское издательство», 1916. – 406 с.
25. Голдобин А. В. «Забияка» // Цензура в России в конце XIX – начале XX века. Сборник воспоминаний / сост. Н. Г. Патрушева. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 290–295.
26. Голдобин А. В. Библиографический указатель русской и иностранной литературы по вопросам полиграфического производства, истории периодической печати, правового положения печати и ее работников: От возникновения книгопечатания до советской прессы. Симферополь: Крымполиграфтрест, 1924. – 146 с.
27. Голдобин А. В. Маленький фельетон // Красный Крым. – 1923. – 22 марта. – С. 2.
28. Голдобин А. В. «Забияка» // Журналист. – 1925. – № 10. – С. 17–19.
29. Голдобин А. В., Азанчеев Б. М. Пианист – иллюстратор кинематографических картин: рук. и библиогр. указ. муз. материала для иллюстрации кинематографий. – Кострома: А. В. Голдобин и М. С. Трофимов, 1912. – 264 с.
30. Голдобин. «Аида» // Красный Крым – 1923. – 5 июля. – С. 3.
31. Голдобин. «Борис Годунов» // Красный Крым – 1923. – 10 июля. – С. 4.
32. Голдобин. «Евгений Онегин» // Красный Крым – 1923. – 8 июля. – С. 4.
33. Голдобин. «Кармен» // Красный Крым – 1923. – 10 июля. – С. 4.
34. Голдобин. «Мозаика». Уполбыт, Коммунхоз, Политпросвет, Главлит, труппа миниатюр, два рецензента и один редактор (Нечто фельетонное) // Красный Крым – 1923. – 15 июня. – С. 3.
35. Голдобин. «Пиковая дама» // Красный Крым – 1923. – 7 июля. – С. 3.
36. Голдобин. «Травиата» // Красный Крым – 1923. – 6 июля. – С. 3.
37. Голдобин. О крымской государственной консерватории (По поводу 1-го камерного вечера) // Красный Крым. – 1923. – 24 марта. – С. 3.
38. Голдобин. Почему дорог сахар? // Красный Крым. – 1923. – 6 июля. – С. 3.
39. Жирков Г. В. Журналистика периода великого эксперимента: нэп (1921-1927): монография. – Москва: Флинта, 2021. – 820 с.

АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОЛДОБИН (1882–1927) – ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР...

40. Зубатенко И. Б. Становление кинематографа в Ярославле в конце XIX – начале XX вв. (по материалам ярославских газет) // И. Б. Зубатенко // Книжная культура Ярославского края – 2017: сборник статей и материалов / Ярославская областная универсальная научная библиотека имени Н. А. Некрасова. – Ярославль: ЯОУНБ им. Н. А. Некрасова, 2018. – С. 147–161.
41. Костромские псевдонимы XVII–XX вв. Библиографический указатель / Авторы-составители О. В. Горохова, П. П. Резепин. – Режим доступа: <https://proza.ru/2022/06/09/1617> – (Дата обращения: 25.09.2025).
42. «Красному Крыму» – 100 лет // Крымская правда. – 2020. – 14 ноября. – Режим доступа: <https://cpravda.ru/news/2020-11-14/krasnomu-krymu---100-let> – (Дата обращения: 25.09.2025).
43. Красный Крым. – 1923. – 17 июля. – С. 2.
44. Краткий путеводитель по Костромской губернской земской выставке в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых с приложением плана выставки, 1613–1913 / составил А. В. Голдобин. – Кострома: [б. и.], 1913. – 16 с.
45. Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917–2000). – Москва: Флинта: Наука, 2002. – 638 с.
46. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. – Т. 4. – Москва: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1960. – 561 с.
47. Минаева О. Д. История отечественной журналистики. 1917–1945: учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 256 с.
48. Музыкальный семейный вечер. «Наша Костромская жизнь», 1912, 29 января // Губернский дом : журнал. – 2002. – № 1–2 (47–48). – С. 129.
49. Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики: февраль 1917 – начало XXI в. / Под ред. Я. Н. Засурского. – Москва: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. – 349 с.
50. П. П. Сближение рабочего подписчика со своей газетой // Красный Крым. – 1923. – 14 июня. – С. 2.
51. Пирожкова Т. В. Газета «Красный Крым» как источник по истории книжной культуры Крымской АССР 1920-х годов // Реальность медиа в парадигме времени : Доклады Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Михаила Федоровича Ненашева, Москва, 17–18 декабря 2020 года. – Москва: Московский Политех, 2021. – С. 52–60.
52. Правление кооператива «Товарищ». Где в самом деле зарыта собака? (По поводу статьи т. Голдобина «Почему дорог сахар?» (№ 149)) // Красный Крым. – 1923. – 8 июля. – С. 2.
53. Рабкоры Симферополя – рабкорам «Правды» // Красный Крым. – 1923. – 16 июня. – С. 2.
54. Резолюции, принятые Первым Всероссийским съездом работников «Роста» [листовка]. – Москва: б. и., 1920. – 2 с.
55. Смычка редакции «Красного Крыма» с рабочими подписчиками // Красный Крым. – 1923. – 24 июня. – С. 2.
56. Собрание рабочих корреспондентов // Красный Крым. – 1923. – 4 апреля. – С. 3.
57. Сумароков А. Давайте учиться! // Красный Крым. – 1921. – 9 марта. – С. 4.
58. Сумароков. В малом институте журналистики (На лекциях Голдобина рабочим корреспондентам) // Красный Крым. – 1923. – 27 июля. – С. 2.
59. Телеграфные бюллетени / ред.-изд. А. В. Голдобин. – Кострома, 1912.
60. У рабочих корреспондентов (Впечатления) // Красный Крым. – 1923. – 12 июля. – С. 2.
61. Ханжонков А. А. Первые годы русской кинематографии. Воспоминания. – М.–Л.: Искусство, 1937. – 174 с.
62. Яблоновская Н. В. История крымской журналистики. Ч. 1. Крымская пресса (1838–1941): монография. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2025. – 324 с.
63. Яблоновская Н. В., Кутовая К. А. Визуальная пропаганда в газете «Красный Крым» периода Великой Отечественной войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9, № 4. – С. 97–115.

References

1. V. Goldobin (1882–1927). Hanzhonkov A. A. *Pervye gody russkoj kinematografii. Vospominanija* [The First Years of Russian Cinema. Memoirs]. Moscow–Leningrad, Iskusstvo Publ., 1937, p. 139.
2. Goldobin A. V. «*Zabijaka*» [“Bully”] [comment]. *Cenzura v Rossii v konce XIX – nachale XX veka. Sbornik vospominanij*. Comp. N. G. Patrusheva. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2003, p. 339.

3. Akimchenkov V. V. *Gazeta «Krasnyj Krym» kak istochnik po istorii sovetsoj nauki rubezha 20–30-h godov XX veka* [The Newspaper "Red Crimea" as a Source on the History of Soviet Science at the Turn of the 1920s–1930s]. *Rumjancevskie chtenija – 2022 : Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-h chastjah, Moskva, 21 aprelya 2022 goda*. Part. 1. Moscow, Pashkov dom Publ., 2022, pp. 10–15.
4. Boltjanskij G. M. A. V. *Goldobin (1882–1927)*. *Bjulleten' GAHN*, 1927/1928, issue 7/8, pp. 77–78.
5. Bryljakov N. A. *Rossijskoe telegrafnoe...* [Russian Telegraph...]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 118 p.
6. Gavriljuk M. N. *Arhitektura i stroitel'stvo Simferopolja 1930-h godov (po materialam gazety «Krasnyj Krym» i zhurnala «Jekonomika i kul'tura Kryma»)* [Architecture and Construction of Simferopol in the 1930s (Based on Materials from the Newspaper "Red Crimea" and the Journal "Economics and Culture of Crimea")]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 3–25.
7. Gavriljuk M. N. *Gazeta «Krasnyj Krym» kak istochnik po istorii podgotovki i provedenija hudozhestvennoj vystavki, posvjashhennoj 10-letiju sovetizacii Kryma* [The Newspaper "Red Crimea" as a Source on the History of the Preparation and Holding of an Art Exhibition Dedicated to the 10th Anniversary of the Sovietization of Crimea]. *Bonum Initium*, 2020, no. 12(20), pp. 40–45.
8. GARK [State Archive of the Republic of Crimea]. F. P-1. Op. 1. D. 41. L. 9.
9. GARK [State Archive of the Republic of Crimea]. F. P-1. Op. 1. D. 49. L. 127.
10. GARK [State Archive of the Republic of Crimea]. F. P-1. Op. 2. D. 1071. L. 1.
11. GARK [State Archive of the Republic of Crimea]. F. P-1. Op. 2. D. 1071. L. 2.
12. GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-391. Op. 1. D. 25. L. 1.
13. GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-391. Op. 1. D. 25. L. 2.
14. GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-391. Op. 1. D. 25. L. 23.
15. GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-391. Op. 1. D. 25. L. 27.
16. GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-391. Op. 1. D. 25. L. 28.
17. GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-391. Op. 1. D. 25. L. 3.
18. GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-391. Op. 1. D. 25. L. 4.
19. GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-391. Op. 1. D. 25. L. 8.
20. GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-391. Op. 1. D. 25. L. 6–7.
21. *Glavnye redaktory* [Chief Editors]. *Krymskaja pravda*, 2013, 6 February. Available from: <https://c-pravda.ru/newspapers/2013-02-06/glavnye-redaktory> (accessed 25 September 2025).
22. Goldobin A. *O principah muzykal'noj illjustracii kinematograficheskikh kartin* [On the Principles of Musical Illustration of Cinematographic Pictures]. *Sine-Fono*, 1913, no. 9, pp. 29–30.
23. Goldobin A. V. *Dary Kryma* [Gifts of Crimea]. *Pomoshh': Hudozhestvenno-literaturnye i nauchno-populjarnye sborniki*, no 1. Simferopol', Krymsk. CK Pomgol. Publ., 1922, pp. 40–44.
24. Goldobin A. V. *Prosvetitel'nyj kinematograf v Rossii* [Educational Cinematography in Russia]. *Prakticheskoe rukovodstvo po kinematografii* [Practical Guide to Cinematography]. Ed. by M. N. Alejnikova and I. N. Ermol'eva. Moscow, «Moskovskoe izdatel'stvo» Publ., 1916. 406 p.
25. Goldobin A. V. «*Zabijaka*» [“Bully”]. *Cenzura v Rossii v konce XIX – nachale XX veka. Sbornik vospominanij* [Censorship in Russia in the Late 19th - Early 20th Centuries. Collection of Memoirs]. Comp. N. G. Patrusheva. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2003, pp. 290–295.
26. Goldobin A. V. *Bibliograficheskij ukazatel' russkoj i inostrannoj literatury po voprosam poligraficheskogo proizvodstva, istorii periodicheskoi pečati, pravovogo položeniya pečati i ee rabotnikov: Ot vozniknovenija knigopechatanija do sovetsoj pressy* [Bibliographic Index of Russian and Foreign Literature on the Issues of Printing Production, History of Periodical Press, Legal Status of the Press and its Employees: From the Emergence of Printing to the Soviet Press]. Simferopol', Krympoligrafrest Publ., 1924. 146 p.
27. Goldobin A. V. *Malen'kij fel'eton* [Small Feuilleton]. *Krasnyj Krym*, 1923, March 22, p. 2.
28. Goldobin A. V. «*Zabijaka*» [“Bully”]. *Zhurnal*, 1925, no. 10, pp. 17–19.
29. Goldobin A. V., Azancheev B. M. *Pianist – illjustrator kinematograficheskikh kartin: ruk. i bibliogr. ukaz. muz. materiala dlja illjustracii kinematografij* [Pianist – Illustrator of Cinematographic Pictures: A Guide and Bibliographic Index of Musical Material for Illustrating Cinematography]. Kostroma, A.V. Goldobin i M.S. Trofimov Publ., 1912. 264 p.
30. Goldobin. «*Aida*» [“Aida”]. *Krasnyi Krym*, 1923, July 5, p. 3

АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОЛДОБИН (1882–1927) – ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР...

31. Goldobin. «Boris Godunov» ["Boris Godunov"]. *Krasnyj Krym*, 1923, 10 July, p. 4.
32. Goldobin. «Evgenii Onegin» ["Eugene Onegin"]. *Krasnyj Krym*, 1923, July 8, p. 4.
33. Goldobin. «Karmen» ["Carmen"]. *Krasnyj Krym*, 1923, July 10, p. 4.
34. Goldobin. «Mozaika». *Upolbyt, Kommunkhoz, Politprosvet, Glavlit, truppa miniatyur, dva retsenzenta i odin redaktor (Nechto fel'etonnnoe)* [Mosaic. Upolbyt, Communal Services, Political Education, Glavlit, troupe of miniatures, two reviewers and one editor (Something feuilleton)]. *Krasnyj Krym*, June 15, p. 3.
35. Goldobin. «Pikovaya dama» ["Queen of Spades"]. *Krasnyj Krym*, 1923, July 7, p. 3.
36. Goldobin. «Traviata» ["Traviata"]. *Krasnyj Krym*, 1923, July 6, p. 3.
37. Goldobin. *O krymskoj gosudarstvennoj konservatorii (Po povodu 1-go kamernogo vechera)* [About the Crimean State Conservatory (Regarding the 1st Chamber Evening)]. *Krasnyj Krym*, 1923, March 24, p. 3.
38. Goldobin. *Pochemu dorog sakhar?* [Why is sugar expensive?]. *Krasnyj Krym*, 1923, July 6? p. 3.
39. Zhirkov G. V. *Zhurnalistika perioda velikogo jeksperimenta: njep (1921–1927) : monografija* [Journalism of the Great Experiment: NEP (1921–1927): Monograph]. Moscow, Flinta Publ., 2021. 820 p.
40. Zubatenko I. B. *Stanovlenie kinematografa v Jaroslavle v konce XIX – nachale XX vv. (po materialam jaroslavskih gazet)* [The Formation of Cinematography in Yaroslavl in the Late 19th – Early 20th Centuries (Based on Materials from Yaroslavl Newspapers)]. *Knizhnaja kul'tura Jaroslavskogo kraja – 2017: sbornik statej i materialov*. Jaroslavl', JaOUNB im. N. A. Nekrasova Publ., 2018, pp. 147–161.
41. *Kostromskie psevdonimy XVII–XX vv. Bibliograficheskij ukazatel'* [Kostroma Pseudonyms of the 17th–20th Centuries. Bibliographic Index]. Available from: <https://proza.ru/2022/06/09/1617> (accessed 25 September 2025).
42. «Krasnomu Krymu» – 100 let ["Krasnyj Krym" is 100 years old]. *Krymskaja Pravda*, 2020, November 14. Available from: <https://c-pravda.ru/news/2020-11-14/krasnomu-krymu---100-let> (accessed 25 September 2025).
43. *Krasnyj Krym*, 1923, July 17, p. 2.
44. *Kratkij putevoditel' po Kostromskoj gubernskoj zemskoj vystavke v oznamenovanie 300-letija carstvovaniya doma Romanovyh s prilozheniem plana vystavki, 1613–1913* [A Short Guide to the Kostroma Provincial Zemstvo Exhibition Commemorating the 300th Anniversary of the Reign of the Romanov Dynasty with an Application of the Exhibition Plan, 1613–1913]. Comp. A. V. Goldobin. Kostroma, [b. i.] Publ., 1913. 16 p.
45. Kuznecov I. V. *Istorija otechestvennoj zhurnalistiki (1917–2000)* [History of Russian Journalism (1917–2000)]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2002. 638 p.
46. Masanov I. F. *Slovar' psevdonimov russkih pisatelej, uchenyh i obshhestvennyh dejatelej: V 4 t.* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures: In 4 Volumes]. Vol. 4. Moscow, Izdatel'stvo Vsesojuznoj knizhnoj palaty Publ., 1960. 561 p.
47. Minaeva O. D. *Istorija otechestvennoj zhurnalistiki. 1917–1945 : ucheb. posobie* [History of Russian Journalism. 1917–1945: Textbook]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2018. 256 p.
48. *Muzykal'nyj semejnyj vecher*. «Nasha Kostromskaja zhizn'», 1912, 29 janvarja [Musical Family Evening. "Our Kostroma Life", 1912, January 29]. *Gubernskij dom: zhurnal*, 2002, no. 1–2 (47–48), p. 129.
49. Ovsepjan R. P. *Istorija novejshej otechestvennoj zhurnalistiki: fevral' 1917 – nachalo XXI v.* [History of Modern Russian Journalism: February 1917 – Beginning of the 21st Century]. Ed. by Ja. N. Zasurskogo. Moscow, Moscow university Publ., Nauka Publ., 2005. 349 p.
50. P. P. *Sblizhenie rabocheho podpischika so svoej gazetoj* [Bringing the Working Subscriber Closer to His Newspaper]. *Krasnyj Krym*, 1923, June 14, p. 2.
51. Pirozhkova T. V. *Gazeta «Krasnyj Krym» kak istochnik po istorii knizhnoj kul'tury Krymskoj ASSR 1920-h godov* [The Newspaper «Krasnyj Krym» as a Source on the History of Book Culture of the Crimean ASSR in the 1920s]. *Real'nost' media v paradigme vremeni: Doklady Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj pamjati professora Mihaila Fedorovicha Nenasheva, Moskva, 17–18 dekabrja 2020 goda*. Moscow, Moskovskij Politeh Publ., 2021, pp. 52–60.
52. *Pravlenie kooperativa «Tovarishh». Gde v samom dele zaryta sobaka? (Po povodu stat'i t. Goldobina «Pochemu dorog sahar?» (№ 149))* [Where is the dog buried in reality? (Regarding the article by Mr. Goldobin "Why is sugar expensive?" (No. 149))]. *Krasnyj Krym*, 1923, July 8, p. 2.
53. *Rabkory Simferopolja – rabkoram «Pravdy»* [Worker correspondents of Simferopol to worker correspondents of "Pravda"]. *Krasnyj Krym*, 1923, June 16, p. 2.

54. *Rezoljucii, prinjatye Pervym Vserossijskim s'ezdom rabotnikov "Rosta" [listovka]* [Resolutions adopted by the First All-Russian Congress of Employees of Rosta [leaflet]]. Moscow: b. i., 1920, 2 p.
55. *Smychka redakcii «Krasnogo Kryma» s rabochimi podpischikami* [Convergence of the editorial board of "Krasny Krym" with working subscribers]. *Krasnyj Krym*, 1923, June 24, p. 2.
56. *Sobranie rabochih korrespondentov* [Assembly of working correspondents]. *Krasnyj Krym*, 1923, Aprile 4, p. 3.
57. Sumarokov A. *Davajte učit'sja!* [Let's learn!]. *Krasnyj Krym*, 1923, March 9, p. 4.
58. Sumarokov. *V malom institute zhurnalistiki (Na lekcijah Goldobina rabochim korrespondentam)* [At the small institute of journalism (At Goldobin's lectures to working correspondents)]. *Krasnyj Krym*, 1923, July 27, p. 2.
59. *Telegrafnye bjulleteni* [Telegraph bulletins]. ed.-publ. A. V. Goldobin. – Kostroma, 1912.
60. *U rabochih korrespondentov (Vpechatlenija)* [At the workers' correspondents' (Impressions)]. *Krasnyj Krym*, 1923, July 12, p. 2.
61. Hamzhonkov A. A. *Pervye gody russkoj kinematografii. Vospominaniya* [The First Years of Russian Cinema. Memoirs]. Moscow–Leningrad, Iskusstvo Publ., 1937. 174 p.
62. Jablonovskaja N. V. *Istoriya krymskoj zhurnalistiki. Ch. 1. Krymskaja pressa (1838–1941) : monografija* [History of Crimean Journalism. Part 1. Crimean Press (1838–1941): Monograph]. Simferopol', ARIAL Publ., 2025. 324 p.
63. Jablonovskaja N. V., Kutovaja K. A. *Vizual'naja propaganda v gazete «Krasnyj Krym» perioda Velikoj Otechestvennoj vojny* [Visual Propaganda in the Newspaper "Red Crimea" during the Great Patriotic War]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 97–115.

ANATOLY VLADIMIROVICH GOLDOBIN (1882–1927) – EDITOR-IN-CHIEF OF KRYMROSTA AND THE NEWSPAPER “KRASNY KRYM”

Yablonovskaya N. V.

This article describes the work of journalist, musician, film scholar, and public figure Anatoly Vladimirovich Goldobin (1882–1927) as the head of KrymROSTA (December 1920 – November 1923) and editor-in-chief of the Krasny Krym newspaper (March–August 1923). It examines A. V. Goldobin's contribution to the development of news agency and print media journalism in Crimea, as well as to the training of journalists in the region (a journalism school, a lecture course for worker correspondents, and a bibliographic index). This article introduces documents from the State Archives of the Russian Federation and the State Archives of the Republic of Crimea, revealing details of A. V. Goldobin's journalistic work in Simferopol from December 1920 to November 1923, as well as his publications in the newspaper "Krasny Krym" and the literary and artistic collection "Pomoshch," providing insight into the author's ideological, political, and artistic views. Goldobin's journalistic and public activities are presented against the backdrop of the socioeconomic transformations of the first years of Soviet power in Soviet Russia and Crimea, closely linked to the general patterns of development of the party-Soviet media system and the Russian Telegraph Agency (ROSTA).

Keywords: A. V. Goldobin, KrymROSTA, ROSTA, "Krasny Krym," Crimea, history of Crimean journalism.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллабекова Умсалимат Багаутдиновна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия

Беспалова Елена Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета русского языка и литературы ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Дружина Наталья Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», г. Витебск, Беларусь

Егорова Людмила Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия

Ершова Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры Европейских языков Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия

Литвинчук Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи факультета русского языка и литературы ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Машенко Александр Петрович – кандидат филологических наук, доцент, директор Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, заведующий кафедрой медиакоммуникаций ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Первых Диана Константиновна – кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой журналистики Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Петросян Джемма Ваграмовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Европейских языков Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия

Полховская Елена Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Рейнова Анастасия Владимировна – специалист кафедры теории и практики перевода, ассистент кафедры основ российской государственности ФГАУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Смеюха Виктория Вячеславовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики Крымского инженерно-педагогического университета имени Ф. Якубова, г. Симферополь, Россия

Смеюха Меланья Андреевна – обучающаяся Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

Смолина Виктория Вадимовна – специалист по информационному наполнению сайта, МБУК «Яблоновская централизованная клубная система», пгт Яблоновский, Республика Адыгея, Россия

Субботина Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Сурган Марина Александровна – старший научный сотрудник Центра изучения гражданских инициатив ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Ф. Якубова», г. Симферополь, Россия

Токарев Григорий Валериевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия

Турковская Елена Веславовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», г. Витебск, Беларусь

Усова Нина Васильевна – доктор филологических наук, доцент кафедры германской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, Россия

Цыгульская Людмила Дмитриевна – аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, Россия

Шаколо Александр Вячеславович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», г. Витебск, Беларусь

Шахбазян Марина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Шилина Анжела Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и издательского дела Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Яблоновская Наталья Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

**1. К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

<i>Мащенко А. П.</i> КРЫМСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	3
--	---

<i>Смеюха В. В., Смеюха М. А.</i> ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИТЕРАТУРНОГО РАЗДЕЛА ЖУРНАЛА «РАБОТНИЦА» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	28
--	----

**2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ**

<i>Абдуллабекова У. Б.</i> ‘ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ’ КАК МОТИВАЦИОННЫЙ ПРИЗНАК БОТАНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ДИАЛЕКТАХ И ГОВОРАХ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА (ОСМЫСЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭЛЕКТРОННОЙ ОБРАБОТКИ).....	44
--	----

<i>Петросян Д. В., Ершова Е. В.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ ПО ВОПРОСУ УРЕГУЛИРОВАНИЯ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА.....	61
--	----

<i>Цыгульская Л. Д.</i> АНАЛИЗ ПОНИМАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ МЕТОДОМ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ.....	72
---	----

**3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА**

<i>Литвинчук И. Н.</i> ИПОСТАСИ ФЕНОМЕНА «МЕНТАЛИТЕТ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....	84
--	----

<i>Рейнова А. В., Полховская Е. В.</i> ИДИОСТИЛЬ ДРАМАТУРГИИ Д. ХЕЙРА.....	95
---	----

<i>Токарев Г. В.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ БЛЕНДИНГ И ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК СПОСОБЫ ГЕНЕРИРОВАНИЯ НОВЫХ ЗНАНИЙ.....	105
--	-----

4. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Беспалова Е. К.

МОТИВЫ ДИККЕНСА И ДОСТОЕВСКОГО
В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ С. УОТЕРС).....111

Усова Н. В.

ОРФЕЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ.....120

Шаколо А. В., Дружина Н. Л., Турковская Е. В.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ХИТРОСТЬ»
В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ И ЧЕШСКОМ СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК «МАША И МЕДВЕДЬ»,
«МАША I МЯДЗВЕДЗЬ» И «ВОДЯНОЙ»).....133

5. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ
РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ**Егорова Л. Г.**

КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ:
МЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ.....146

Орехов В. В.

МЕЖДУ СТРАХОМ И СМЕХОМ: ТАКТИКА «ИНФОРМАЦИОННЫХ АТАК»
В АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ ЭПОХИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.....153

Первых Д. К.

ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ДМИТРИЙ СТЕШИН:
ОТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ –
К «СВЯЩЕННОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ».....178

Сурган М. А.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОГРАММ
ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ).....193

Шахбазян М. А., Смолина В. В.

СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОСЛАВНОЙ ОБЩИНЫ В ЛОКАЛЬНОЙ АВСТРАЛИЙСКОЙ ПРЕССЕ
НАЧАЛА XX ВЕКА.....202

Шилина А. Г., Субботина О. А.

ЖАНРОВО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА «#ЯПАТРИОТПАПЫ»
(МАССМЕДИАСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....211

Яблоновская Н. В.

АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОЛДОБИН (1882–1927) –
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
КРЫМРОСТА И ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ КРЫМ».....222

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....242